

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Илюхина Ольга Александровна

**Профессора и преподаватели российских университетов и духовных
академий на Всероссийском Церковном Соборе 1917–1918 годов**

Специальность 5.6.1 Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
А.Ю. Андреев

Москва – 2025

Оглавление

Введение	3
Глава I. Интеллектуальная среда подготовки Поместного собора в начале XX века	56
1.1. Церковно-богословские науки в университетах и духовных академиях: исследовательская культура в начале XX века	56
1.2. Социальный статус профессоров университетов и академий	94
1.3. Социокультурный портрет профессоров и преподавателей – участников предсоборных совещаний и Поместного собора	127
Глава II. Профессора и преобразование высшего богословского образования	150
2.1. Учебный процесс в проектируемых духовных академиях	150
2.2. Профессорская корпорация академий в зеркале обсуждения образовательных проектов	172
Глава III. Профессора и организация высшего церковного управления	186
3.1. Концепт «соборность» в дискуссии отдела о высшем церковном управлении	186
3.2. Разработка проектов соборного управления Церковью.....	209
3.3. Закрепление принципа «соборность» в решениях Собора.....	222
Глава IV. Профессора о церковно-государственных отношениях	240
4.1. Юридический статус Церкви: рецепция научных идей церковным сообществом	240
4.2. Состояние церковного хозяйства и имущества в оценке соборян.....	271
4.3. Обсуждения правового и имущественного статуса Церкви на Соборе после отделения Церкви от государства	294
Заключение	321
Список источников и литературы	327
Приложение 1.	340
Приложение 2.	351

Введение

Научная значимость и актуальность темы исследования. История профессоров является частью истории высшего образования в России. В начале XX в. важными научными центрами были государственные университеты, задачей которых являлось развитие гуманитарных и естественных наук, подготовка специалистов для государственной службы, и духовные академии, занимавшиеся богословскими науками и подготовкой церковных кадров. Разница в целях этих высших учебных заведений обусловила их подчинение разным государственным институтам – Министерству народного просвещения и духовному ведомству соответственно.

Следует отметить, что с 1810-х гг. в университетах действовали кафедры, на которых изучались церковно-богословские науки. Общеуниверситетский устав 1835 г. ввел в структуру университета богословскую межфакультетскую кафедру «догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законовещения». В связи с развитием университетской специализации в 1850–1860-х гг. кафедра была разделена новым уставом 1863 г. на три. Кафедра богословия осталась межфакультетской, церковная история была отнесена к историко-филологическому факультету, а церковное право – к юридическому. Таким образом, история Церкви и каноническое право получили новую исследовательскую перспективу в контексте исторических или юридических наук. И вместе с тем в университетах образовалась группа ученых, которые изучали те же науки, интересовались теми же проблемами, что и специалисты из духовных академий. Вполне логичным видится вопрос об общем и различном в социальном происхождении этих профессоров, их карьерных стратегиях, жизненном стиле, мировоззрении, культурной роли в российском обществе начала XX в.

Первым опытом не только открытого обсуждения широкого спектра церковных проблем, но и продолжительного сотрудничества профессоров университетов и духовных академий – специалистов в области церковно-богословских наук стали церковно-государственные богословские форумы,

созванные с целью подготовки проектов решений актуальных церковных проблем, – Предсоборное присутствие 1906 г., Предсоборный совет 1917 г. и, наконец, Всероссийский Церковный Собор 1917–1918 гг. Так как до Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января (5 февраля) 1918 г. духовное ведомство входило в структуру высшей власти Российского государства, история соборных дискуссий и их общественного резонанса является важной частью истории Российского государства в предреволюционный и революционный периоды.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является профессиональное сообщество профессоров российских университетов и духовных академий – специалистов в области церковно-богословских наук. Предметом – деятельность профессоров университетов и духовных академий на Всероссийском Церковном Соборе 1917–1918 гг.

Хронологические рамки исследования – время с 1906 г. по сентябрь 1918 г. Верхняя граница связана с открытием Предсоборного присутствия и началом подготовительных работ к Поместному собору. Центр тяжести исследования август 1917 г. – сентябрь 1918 г., время проведения Всероссийского Церковного Собора.

Территориальные границы исследования определяются интеллектуальным пространством университетов и духовных академий, в которых формировались профессора, и Епархиального дома в Москве, где проходил Поместный собор, как центра коммуникации исследователей.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – реконструировать деятельность профессоров университетов и духовных академий на Всероссийском Церковном Соборе 1917–1918 гг. Для выполнения указанной цели требуется решение следующих исследовательских задач:

– раскрыть интеллектуальную среду подготовки Поместного собора, сравнив исследовательскую культуру в университетах и духовных академиях, социальный статус профессоров обеих школ;

- систематизировать основные идеи и обозначить этапы обсуждения реформы высшего богословского образования на Поместном соборе;
- выявить роль профессоров в развитии концепта «соборность» и его значение для реформы высшего церковного управления;
- реконструировать процесс разработки основных идей о юридическом и имущественном статусе Церкви в отечественной науке и роль профессоров в рецепции их церковным сообществом.

Методологической основой исследования стали принципы историзма, объективности и системности, которые предусматривают изучение церковных и научных институтов как целостных систем в их развитии, с учетом актуального политического и социального контекста.

В работе используется специальный просопографический метод. Анализ биографической информации по единому набору параметров позволяет сопоставить карьерные стратегии и социальный статус профессоров университетов и духовных академий и вписать историю профессоров богословских высших школ в общую социальную историю профессорско-преподавательской корпорации высших школ Российской империи.

В работе также применены методы кембриджской школы интеллектуальной истории. Подход к изучению источников у этой школы – историцистский. Его целью является воссоздание утраченного контекста понятий, позволяющего восстановить их оригинальные смыслы, возможно отличающиеся от сложившихся впоследствии новых значений этих же терминов. Ключевым тезисом для исследователей данного направления является то, что не существует универсальных, и в этом смысле, внеисторических понятий и идей: каждое из них рождается и значимо в определенной «интеллектуальной среде», в контексте конкретного, адекватного определенному историческому времени набору представлений и языковых средств выражения. Например, когда автор обращается в полемических текстах к обществу и хочет быть понятым. При этом исследователями разделяется авторская интенция и восприятие текста адресатами. Данный подход позволяет реконструировать оригинальный смысл

понятий, используемых профессорами в рамках дискуссий о церковной реформе, и избежать их телеологической трактовки.

Степень изученности темы. Исследование роли профессоров и преподавателей университетов и духовных академий на Поместном соборе стоит на пересечении нескольких значимых исследовательских направлений: собственно, истории Собора, университетской истории и исследований высшего духовного образования.

Первые обращения историков к теме Собора – это очерки его же участников, которые с одной стороны в некоторой степени продолжают соборные дискуссии, но одновременно являются и профессиональной попыткой осмыслить события в исторической перспективе. Характерно, что все они оказались написаны людьми, находившимися в силу разных обстоятельств вне юрисдикции Московского Патриархата. Так бывший профессор Петроградской академии, доктор церковной истории, сторонник расширения участия мирян, выступавший против восстановления патриаршества Б.В. Титлинов в 1924 г. опубликовал работу «Церковь во время революции»¹. Автор, анализируя настроения соборян, отметил, что в целом все тяготели «вправо» и в церковном контексте это выражалось в поддержке восстановления патриаршества, как некоей оппозиции новой форме государственного управления. Тогда как «левое» крыло, оказавшееся в меньшинстве, он связал с поддержкой соборности². Он возложил вину на избранного патриарха Тихона и его окружение, которое, как он счел, упустило возможности по взаимодействию с формирующимся Советским правительством, переоценив влияние Собора на церковное сообщество. Титлинов не принял решения Собора и увидел искомую им реализацию канонических принципов в обновленческом движении. Работа вышла как раз между Обновленческим собором 1923 г., низложившим патриарха Тихона, и будущим вторым собором этой церковной группы 1925 г. Таким образом, этот труд оказался близок к полемическим сочинениям, актуальным церковно-

¹ *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг., 1924.

² Там же. С. 95.

политическому курсу Советского государства: лидера обновленцев А.И. Введенского «Церковь патриарха Тихона» 1923 г., директора Центрального антирелигиозного музея в Москве Б.П. Кандидова «Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция: (очерки и материалы)» 1930 г.³ Авторы подчеркивали «контрреволюционную» деятельность Церкви, равно как и особую роль социалистов, давших ей свободу «Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г.

Иначе на это смотрел, находившийся в эмиграции, профессор русского филологического отделения Сорбонны (1922–1939), доктор церковной истории *honoris causa* Свято-Сергиевского православного богословского института (1944) А.В. Карташев. Он участвовал в Соборе как министр исповеданий Временного правительства. И его публикации оказались связанными с идеями о новом соборе православных церквей в этой среде⁴, актуализировавшим опыт состоявшегося Московского. В статье 1933 г. «Временное правительство и Русская Церковь» он приписывал заслугу освобождения Церкви от искажений Синодальной эпохи Временному правительству, считая это лучшим из итогов его работы: «Все другие деяния Временного Правительства погибли и рассеялись как дым. И только одно его дело: внутреннего освобождения Церкви, даже под внешним порабощением большевиков, устояло. Под эгидой Временного Правительства и с его помощью Русская православная церковь вернула себе присущее ей по природе право самоуправления по ее каноническим нормам». Он подчеркнул, что мероприятия Временного правительства, в частности, передача церковно-приходских школ в Ведомство народного просвещения, законодательства о свободе вероисповеданий и гражданском браке, проводились, исходя из идеи внеконфессионального государства, с целью помочь Церкви начать самостоятельную хозяйственную деятельность и перейти на самообеспечение. А собственно, приходская реформа, и выборность в церковном управлении – юридические закрепления границ

³ *Введенский А.И.* Церковь патриарха Тихона. М., 1923; *Кандидов Б.П.* Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция: (очерки и материалы). М., 1930.

⁴ *Карташев А.В.* На путях к вселенскому собору. Paris, 1932.

церковных институций на Соборе – помогли Церкви обрести устойчивость в новых политических реалиях и заложили материальную основу существования в условиях гонений. Карташев отмечал, что мероприятия Временного правительства не находили поддержки даже у «левой» части духовенства и мирян⁵.

В другой статье 1942 г. «Революция и Собор 1917–1918 гг.» Карташев охарактеризовал состав участников собора, разделив их сначала традиционно на епископов, клириков и мирян, а затем охарактеризовал по убеждениям «в церковном и политическом смысле». Большую часть он считал «консерваторами», чьим лидером был митр. Антоний (Храповицкий). Центр связал с именами профессоров князя Евгения Трубецкого и С.Н. Булгакова. Лидерами «левой» и меньшей части, названной им «пресветирианской» - находившейся в оппозиции епископату – он назвал прот. Г. Щавельского и московских священников прот. Н. Добронравова и прот. Н. Цветкова. Именно последних и поддерживала, по его мнению, группа профессоров духовных академий, которых он считал «левой» и в политическом смысле. Вопросом, в котором максимально сталкивались взгляды разных церковных групп, было восстановление патриаршества. Интересно, что при симпатии к светскому государству, согласии с инерцией государственного вмешательства в церковные дела сам Карташев поддерживал и восстановление церковной традиции. Тем самым он демонстрировал, что «прогрессивность» церковной реформы в период после крушения империи могла быть увидена помимо соборности и в возвращении к определяющему принципу досинодальной формы церковной организации – единоначалию, а это выявляет сложность атрибуции человека той или иной церковной группе на основе характеристики убеждений.

Очерк законодательной деятельности собора Карташев завершил январем 1918 г., когда в ответ на захват помещений Александро-Невской лавры было издано знаменитое послание патриарха Тихона от 19 января 1918 г., т.е.

⁵ *Карташев А.В.* Временное правительство и Русская Церковь // *Современные записки.* 1933. № 52. С. 369–388.

ограничивается анализом событий первой сессии, соотносящихся с периодом работы Временного правительства⁶. В этой связи его статьи являются значимым примером исследовательской саморефлексии историка, участника и более того одного из ключевых модераторов процесса. Статьи демонстрируют как, по его мнению, разрабатывалась и реализовывалась на практике идея внеконфессионального государства в это время.

Обращались к истории собора и другие преподаватели Свято-Сергиевского института. Профессор, доктор богословия и преемник Карташева по кафедре протоиерей Николай Афанасьев в книге «Служение мирян в Церкви» (1955 г.) поставил задачу определить норму служения мирян с точки зрения православного вероучения. Управление и учительство он рассматривал как харизматические дары, которыми мог бы обладать и мирянин. В этой связи он находил идею выборного представительства, не отвечающую на вопрос, что является основой последующего управления мирянами Церковью, как в лице представителей одной церковной группы мог быть услышан голос всей Церкви. Этот правовой принцип отец Николай считал не применимым к Церкви. Исходя из этой позиции, он дал характеристику реформам Поместного собора, как проникнутых излишним юридизмом и в этом смысле близким более Синодальному периоду. «Вся церковная жизнь была построена на правовом начале, а сама Церковь стала государственным учреждением. Между епископом и народом, который ему поручен Богом, возникло такое средостение, которое даже при доброй воле отдельных епископов не могло быть преодолено. Московский собор 1917/18 года пытался преодолеть его и возродить активность народа в Церкви. Однако в церковное сознание настолько глубоко вошло право, что сам Московский собор в своих реформах пошел по пути права. В этом отношении он невольно продолжал тот период истории русской церкви, который он думал закончить»⁷. Какой-либо более подробной характеристики состава мирян, исходя из этой позиции, не могло быть дано.

⁶ *Карташев А.В.* Революция и Собор 1917–1918 гг. // Богословская мысль, 1942. С. 75–101.

⁷ *Афанасьев Н., прот.* Служение мирян в Церкви. Paris, 1955. С. 52.

В том же году вышла на эту книгу рецензия выпускника Свято-Сергиевского института, будущего доктора теологии (1958 г.) и декана Свято-Владимирской семинарии протопресвитера Иоанна Мейендорфа «Иерархия и народ в Православной Церкви». Отец Иоанн считал правовые нормы все-таки необходимыми для сохранения «сущности Церкви в преходящих исторических условиях». Недостаток организационный решений Собора он видел в том, что за основу была взята национальная церковь с одной стороны, и приход с широкими правами самоуправления с другой, вместо епархии, как сакраментальной общины христиан, возглавляемой предстоятелем – епископом. «Собор 1917–1918 гг. был положительным ответом церковного сознания на вопиющие антиканонические злоупотребления прошлого – даже если ему не удалось во всем отрешиться от старых категорий мышления. <...> Участие мирян в поместных соборах и даже церковной проповеди не есть норма. Оно есть ересь, если оно предполагает, с нашей стороны, отрицание благодатных даров Первосвященства, Учительства и Управления, данных предстоятелям Церквей. Но оно есть здоровая реакция церковного сознания, если оно выявляет царственное священство всех христиан и их общую ответственность за истину, а также, если оно вызвано временной невозможностью иначе выявить служение “лаиков” в Церкви, или же еще неспособностью предстоятелей к управлению и проповеди»⁸.

С другой стороны подошел к истории Собора богослов и философ Н.М. Зернов. Его книга «Русское религиозное возрождение» посвящена русской интеллигенции, поискам истины обществом и обретению ее в религии. Собор и его решения представлены как часть этого культурного процесса, а соборяне – частью отечественного образованного класса⁹.

В 1960-70 гг. была также подготовлена англоязычная версия труда канадского историка Д.В. Поспеловского «Русская православная церковь в XX веке». В России она была издана в 1995 г. Консультантом в процессе работы был

⁸Мейендорф И., прот. Иерархия и народ в Православной Церкви // Церковь в истории: Статьи по истории Церкви. М., 2018. С. 304–305.

⁹Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века. Paris, 1974.

прот. Иоанн Мейендорф – так автор оказался связан с традицией Свято-Сергиевского института. О Соборе автор говорил в разделе о Церкви и революции. Автор дал позитивную характеристику церковно-государственным отношениям. «Итак, мы видим, что Собор, Церковь не уклонялись от социальной ответственности. Собор вступал открыто в противоборство с наступлением нового государства на Церковь. Церковь не могла быть положительно расположенной к политическому строю с программой уничтожения религии на его знаменах. Противостояние Церкви было упреждающей и защитной реакцией на наступление государства и насилие его над Церковью. Но это не равнозначно априорной враждебности Церкви по отношению к этому новому государству, которую приписывали ей советские авторы. Были отдельные резкие выступления на Соборе, но политика Собора, его решения и постановления фактически всегда сохраняли политический нейтралитет, стремились к обретению модуса вивенди, способа сосуществования с новым строем, позволяя себе только моральные суждения и осуждения отдельных действий. Достаточно пристально посмотреть на все постановления Собора, имевшие какое-либо отношение к политике, чтобы в этом убедиться».

Поспеловский дал краткую характеристику состава соборян, разделив их на традиционные группы епископы – клирики и миряне, а затем выделил в них и «фракции». В результате характеристики и церковные, и светские оказались тесно связаны. «Либеральность» церковных реформаторов, в среде которых он выделил и профессию, он увидел в желании сохранить синодальную систему. Он писал: «Левое крыло, в котором преобладало хорошо образованное, честолюбивое, преимущественно белое духовенство городов, где тон задавала церковная интеллигенция и профессура, в том числе из мирян, стремилось ослабить позиции монашества и епископата, выступая за синодальную — максимально демократическую – систему церковного управления, где простой священник имел

бы такое же право голоса, что и архиерей»¹⁰. В этом, он оказался близок к А.В. Карташеву.

Итак, можно наблюдать как соборные дискуссии развились в исследовательские направления в православной эмигрантской среде, посвященные церковно-государственным отношениям в период революции, роли мирян в Церкви. Помимо изучения вопросов реформирования внутреннего церковного устройства и дисциплины, авторы охарактеризовали взаимоотношения Собора с новыми политическими силами – Временным правительством и позднее с социалистами, а глобально – возможности Церкви, ее часть в формировании новой социально-политической реальности в 1917–1918 гг. Одной из тем, в которой максимально выявляется это напряженное соотнесение внутрицерковного и внешнего социально-политического в задачах Собора, становится изучение состава соборян и оценка их церковных и политических убеждений. Исследователи разделяют соборян традиционно на епископов, клириков и мирян. Характеристика же убеждений дается обобщенной: поддерживавшее восстановление патриаршества консервативное правое крыло, центр и меньшая либеральная часть, выступавшая за коллегиальное управление и, парадоксально, оказавшаяся традиционалистами в том смысле, что они поддерживали сохранение принципов разрушавшегося Синодального строя. Карташев А.В. и Д.В. Пospelовский указывают на группу профессоров духовных академий, оказавшихся среди либеральной части соборян.

Первым специальным монографическим научным исследованием о Поместном соборе стала работа профессора Папского восточного института в Риме Антониуса Вюйтса «Le patriarcat Russe au concile de Moscou de 1917–1918»¹¹. Монография вышла в год начала Великой Отечественной войны. Вюйтс считал, что попытка обновления Церкви на основе канонической традиции потерпела неудачу не только в силу дальнейшей радикализации политической ситуации, но и по причине принципиальной. По мнению исследователя, события 1920-х гг. и

¹⁰Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 51.

¹¹Wuyts A. Le patriarcat Russe au concile de Moscou de 1917-1918. Rom, 1941.

раскол обновленцев доказывают, что церковное управление не может быть построено на основе соборности. Вюйтс – католик и потому оценивает происходящее, исходя из близкой ему экклезиологической концепции. Проблему Русской Церкви он видит «в отделении от источника любой церковной власти: Петр и его преемники, поставленные самим Христом, обладают властью по данному Богом праву, а не по позволению христиан»¹². Собственно, все значение собора, по мнению исследователя, заключается в восстановлении патриаршества. Вюйтс находит его политически обусловленным как акцию противостояния революционным явлениям.

С идеями Вюйтса оказался солидарен и Мефодий Приходько автор монографии «Die Pfarrei in der neueren Gesetzgebungen der Russischen Kirche». Работа была результатом диссертационного историко-канонического исследования 1946 г. на факультете канонического права Папского Григорианского университета. Приходько считал, что помимо восстановления патриаршества еще одним важным мероприятием собора стала приходская реформа. Исследование посвящено приходскому уставу, выработанному на Поместном соборе. Приходько уделил особое внимание общему приходскому собранию, которое наделялось новым уставом высшей распорядительной властью на приходе. С одной стороны, он связал их создание с обращением к исторической практике жизни церковной общины Русской Церкви, которой автор посвятил значительную часть своего исследования, а с другой, констатировал, что реформа носила протестантский характер. Последнее Приходько доказывал, обращаясь к общей характеристике тенденций современности и идее соборности. В приложении к монографии был опубликован перевод приходского устава 1918 г. и дополнения к нему. То, что приходская реформа была реализована лишь частично, Приходько объяснил аналогично Вюйтсу: залогом стабильности жизни

¹² Wuyts A. Le patriarcat Russe au concile de Moscou de 1917-1918. Rom, 1941. P. 223. За перевод с французского автор благодарит В.А Гольшеву.

любой христианской церкви, по его мнению, является признание верховной власти римского понтифика¹³.

Второй Ватиканский собор 1962–1965 г. и связанные с ним дискуссии об обновлении Католической церкви, ее роли в современном мире, участии мирян в церковной жизни сделали особенно актуальным для католиков исследование опыта Поместного собора 1917 г. Российской церкви. В 1971 г. в Вюрцбурге вышла монография Франца Йоквига «Der Weg der Laien auf das Landeskonzil der Russischen Orthodoxen Kirche Moskau 1917/18. Werden und Werwirklichung einer demokratischen Idee in der Russischen Kirche»¹⁴. Целью автора стало представить картину зарождения и реализации идеи участия мирян в церковном управлении в Российской церкви. Несмотря на то, что Поместный собор вынесен в заголовок исследования, большая часть монографии (С. 31–224) посвящена изучению предсоборных дискуссий и заканчивается обращением к материалам Предсоборного присутствия 1906 г. Краткий очерк о принципах организации работы собора и обзор основных положений «Великие дела закона – важнейший результат Собора» вынесен в первую главу (С. 1–30). Проанализировав представленную в уставах и положениях о высшем церковном управлении, епархиях, благочиниях, приходском уставе церковную структуру, порядок избрания предстоятеля церкви, общин, ход решения дел, Йоквиг пришел к выводу, что Русская церковь демократизировалась, сколь это возможно для Церкви вообще, и приняла парламентские формы (собор – парламент, а патриарх – президент), а сравнение с современными демократическими правительствами вполне уместно¹⁵. Следует отметить, что заслугой именно Йоквига стало обращение к новой для католической традиции теме – участию мирян. Однако, важная часть дискуссии, которая развивалась в принципиально иных

¹³ Prichodjko M. Die Pfarrei in der neueren Gesetzgebungen der Russischen Kirche. Brixen, 1947. S. 266.

¹⁴ Jockwig F. Der Weg der Laien auf das Landeskonzil der Russischen Orthodoxen Kirche Moskau 1917/18. Werden und Werwirklichung einer demokratischen Idee in der Russischen Kirche. Wurzburg, 1971.

¹⁵ Ibid. S. 27.

политических условиях – на заседаниях Предсоборного совета и Собора в 1917 г. – оказалась за рамками исследования. Как верно заметил профессор Гюнтер Шульц, Ф. Йоквиг остановился на полпути¹⁶.

Кроме католических исследователей к истории собора обращались и историки и богословы – протестанты. Первое обращение принадлежит известному немецкому слависту Симону Герхарду (р. 1937 г.). Герхард Симон с 1968 г. являлся сотрудником Федерального научного института восточных и международных исследований в Кёльне (Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien). Переименование его несколькими годами ранее из Федерального института исследований марксизма-ленинизма свидетельствовало о расширении спектра изучаемых проблем и отказ от ориентации на идеологию. Институт сосредоточился на изучении политических процессов в Советском Союзе и странах Восточного блока и стал консультационным органом профильного министерства.

В 1969 г. С. Герхард защитил диссертацию, посвященную церковной политике в 1880–1905 гг.¹⁷ Позже продолжил исследование и опубликовал в 1970 г. монографию «Die Kirchen in Russland»¹⁸. В исследовании автор представил серьезный обзор движения за церковную реформу в начале века и краткий очерк деятельности Поместного Собора 1917 г. Герхард, анализируя работу Собора, сосредоточился на политических заявлениях соборян и восстановлении патриаршества. Избрание патриарха он трактовал как «триумф реакции в “Красном октябре”»¹⁹. Таким образом, читателю становится непонятной судьба, итог большой подготовительной работы, равно как и игнорируется общая логика организации управления Церкви на основе соборности.

¹⁶ Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 - ein unbekanntes Reformpotential: Archivbestände und Editionen, Struktur und Arbeitsweise, Einberufung und Verlauf, Verabschiedung der neuen Gemeindeordnung. Göttingen, 1995. S. 107.

¹⁷ Gerhard S. Konstantin Petrowitsch Pobedonoszew und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod 1880–1905. Göttingen, 1969.

¹⁸ Gerhard S. Die Kirchen in Russland. München, 1970.

¹⁹ Ibid. S. 31–36.

Важной научной вехой стала публикация в 1977 г. в Восточной Германии работы историка и богослова, преподавателя протестантского богословского факультета Гумбольдтского университета Ханса-Дитера Дёпманна (1929–2012) «Die Russische Orthodoxe Kirche in Geschichte und Gegenwart»²⁰. В центре внимания автора оказались события XIX–XX вв. и обсуждение церковной реформы в начале столетия, а также Поместный Собор²¹. Работа собора, движение за соборность были вписаны в политический контекст и представлены как часть социалистической революции. Автор разделил работу Собора на два периода: до и после Октября 1917 г. Дёпману удалось показать основные вопросы, по которым возникали разногласия между Собором и Временным правительством: вопросы о церковном образовании и имуществе, свободе вероисповеданий, автокефалии Грузинской Церкви. Он не скрывал противоправный характер действий большевистского государства, в частности, ограничения в правах клира и монашествующих Конституцией РСФСР 1918 г., что ново. Одновременно заметны пропуски в цитатах, иногда у исследователя отсутствуют ссылки на источники. В целом, это создает позитивную картину взаимодействия Собора с революционными правительствами. Очевидно, автор ориентировался на читателя в ГДР и должен был корректировать исследование относительно популяризуемого тогда образа продуктивных взаимоотношений Русской Православной Церкви и Советского правительства.

Как видно из приведенного обзора для исследователей характерно связывать Собор с революционным политическим процессом, что дает исследованиям некоторую политическую актуальность относительно популяризуемой концепции в это время продуктивных взаимоотношений Русской Церкви и Советского государства. Во многом этому способствовала и недостаточность источниковой базы исследований. Это было преодолено после распада Советского союза и «архивной революции». Честь первого знакомства читателя с архивными документами Поместного Собора за рубежом и в России

²⁰ *Döpman H.-D.* Die Russische Orthodoxe Kirche in Geschichte und Gegenwart. Berlin, 1977.

²¹ *Ibid.* S. 214–226.

принадлежит лютеранскому священнику и профессору Гюнтеру Шульцу. Г. Шульц – ученик известной исследовательницы восточного монашества, слависта, профессора истории и богословия Восточных Церквей университета Эрлангена, лютеранского пастора Фэри фон Лилиенфельд (урожденной баронессы Веры Георгиевны фон Розенберг; 1917–2009). Родители Лилиенфельд – выходцы из среды балтийской немецкой знати – эмигрировали из России в 1919 г., дочь – носительница русского языка и культуры стала славистом и исследователем Восточного христианства, одним из главных популяризатором православной культуры в среде немецких протестантов, среди которых тогда доминировал предвзятый образ православия, созданный другим лютеранским богословом – выходцем из Дерпта – Адольфом фон Гарнаком (1851–1930). Исследовательница была убеждена, что для составления полноценной картины истории христианства и христианских культур необходимо изучение традиций Восточных Церквей, в том числе славянских стран. Одновременно, считала, что русским исследователям было бы полезно знакомство с историей Реформации и протестантизма.

Лилиенфельд удалось создать свою научную школу, представители которой работали в ведущих университетах Германии. В этой среде была представлена более сложная картина внутрисоборных взаимодействий и предложены критические замечания к уже опубликованным исследованиям. Так богослов, специалист по восточным церквям Карл Кристиан Фельми (р. 1938 г.) в 1972 г. в рецензии на книгу Йоквига указал, что трактовка соборности как демократического принципа не соответствует тому содержанию, которое в него вкладывали православные богословы, равно и Поместный собор нельзя трактовать как демократический институт²². Й. Ольдемманн при исследовании дискуссии о восстановлении патриаршества на пленарных заседаниях замечает, что и сторонники, и противники патриаршества апеллировали к идее соборности, но «в ее разном содержании»²³.

²² *Felmy K. Chr. Rezension zu Franz Jockwig // Okumenische Rundschau. 1972. S. 440.* К слову, в 2007 г. Фельми перешел в Православие.

²³ *Oeldemann J. Die Auswirkungen der Sobornost'-Lehre auf das Landeskonzil 1917/18 der Russischen Orthodoxen Kirche // Ostkirchliche Studien 41 (1992), S. 286.*

Лилиенфельд стала активной участницей межконфессионального диалога лютеран и православных. В 1987 г. вместе с профессором Н. Кречмаром и своим учеником и приемником К.К. Фельми и К.Ю. Рёпке организовала масштабную конференцию в Тутцинге, посвященную русскому Православию. На конференции присутствовали 140 гостей (богословы, слависты, историки, византилисты) из 18 стран. Здесь впервые при участии представителей Русской Православной Церкви состоялась открытая дискуссия международного уровня о судьбе Русской Церкви в советский период. Конференция имела большой резонанс в среде западногерманских и американских исследователей.

Гюнтер Шульц был участником семинара Лилиенфельд «Теология и история христианского Востока» в Эрлангене в начале 1980-х гг. и, очевидно, воспринял и научную традицию, и миссионерские устремления своего руководителя. В 1990 г. в рамках программы обмена Шульц посетил Ленинградскую духовную академию (сейчас Санкт-Петербургская духовная академия) и получил возможность работать с фондами Центрального государственного исторического архива (сейчас Российский государственный исторический архив). Таким образом Шульц стал одним из первых исследователей, кому удалось познакомиться с архивными документами Поместного Собора, фонд которого частично был только что передан из «спецхрана» в этот архив.

Результатом знакомства с архивом Собора стала подготовленная в 1991 г. монография «Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotential»²⁴. Автор представил подробный обзор историографии, структуры и принципов работы. В обширном приложении к монографии были опубликованы на немецком языке избранные документы. Шульцу принадлежит несколько важных тезисов. Он проанализировал состав собора, большинство которого составили миряне (299 человек из 564), изменение

²⁴ *Schulz G.* Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 - ein unbekanntes Reformpotential: Archivbestände und Editionen, Struktur und Arbeitsweise, Einberufung und Verlauf, Verabschiedung der neuen Gemeindeordnung. Göttingen, 1995.

соотношения участия разных церковных групп на пленарных заседаниях (архиереи оказывались в меньшинстве, иногда это 16 архиереев из 180 участников) процедуру голосования и пришел к выводу, что решающую роль (*die entscheidende Rolle*) на Соборе играли миряне²⁵. При таком раскладе оказывается понятным и следующий вывод исследователя: архиерейский совет играл незначительную роль в общем процессе принятия решений. Шульц отмечает наличие напряженности между архиерейским собранием и пленарными заседаниями и при этом обращает внимание на то, что все время работы соборы архиереи ни разу не воспользовались правом *veto* на решения общего собрания. Это автор объясняет не следованием принципу соборности или согласием конкурирующих, по его мнению, церковных групп, а следствием ведущей роли мирян²⁶.

Одновременно, Шульц первым отметил особое положение среди соборян церковных ученых как некоторой отдельной группы: «Особую роль на соборе играли выдающиеся представители епископата; не менее важной, а может быть даже более, была богословская работа и подготовка точных решений, роль богословов и интеллектуалов»²⁷.

Исследователь попытался найти связь соборных решений и общественных процессов в стране. Так он не согласен с трактовкой восстановления патриаршества как исторического и принципиального решения Собора. «Это согласуется с концепцией иерархической эkkлесиологии, основанной на епархии, а не на приходе как единице церковной организации, и на представлении о реформе сверху»²⁸, – считал он. Источник «неизвестного потенциала реформ» Шульц видел в активизации прихожан. Важно отметить, что реорганизацию

²⁵ Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 - ein unbekanntes Reformpotential: Archivbestände und Editionen, Struktur und Arbeitsweise, Einberufung und Verlauf, Verabschiedung der neuen Gemeindeordnung. Göttingen, 1995. S. 42.

²⁶ Ibid. S. 54.

²⁷ Ibid. S. 45.

²⁸ Ibid. S. 133.

приходов тем не менее считает результатом реформаторского движения и дискуссий, начавшихся в 1860-е гг.²⁹

Монография была опубликована только в 1995 г. при финансовой поддержке фонда Фольксваген. Через несколько лет, в 1997 г. этот же фонд поддержал другой проект Г. Шульца «Большевистская диктатура и Поместный собор 1917 гг.». Исследовательская группа, состоящая из немецких ученых Гизелы Шредер, Тима Рихтера, и их российских коллег Александра Кравецкого и Александра Плетнева, получила возможность для систематической работы при протестантском богословском факультете Института восточных церквей (Ostkirchen-Institut) в Мюнстере.

Этапы работы отражают публикации участников проекта в периодическом Гёттингенском издании «Kirche im Osten». В томе за 1999/2000 была опубликована статья Г. Шульца о роли Поместного Собора в истории Русской Церкви и Церковной истории вообще³⁰. Исследователь выделяет несколько ключевых решений, направлений работы собора в перспективе будущего Церкви в XX в. Во-первых, утверждение соборности как основного принципа бытия Церкви и обеспечение ее реализации на всех уровнях церковного управления. Дальнейшую историю Церкви в XX в. он характеризует как «историю борьбы за утверждение и осуществление ее соборности»³¹.

Во-вторых, Шульц заявляет о том, что активизация мирян и приходская реформа дала возможность Русской Церкви выжить при большевистском режиме. В условиях контроля властью и физического уничтожения иерархии, Церковь могла существовать только в низовой форме организация – в формате приходов:

²⁹ Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 - ein unbekanntes Reformpotential: Archivbestande und Editionen, Struktur und Arbeitsweise, Einberufung und Verlauf, Verabschiedung der neuen Gemeindeordnung. Gottingen, 1995. S. 134.

³⁰ Schulz, G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 und seine Folgen fuer die Russische Geschichte und Kirchengeschichte // Kirche im Osten. Gottingen. 1999/2000. B. 42 /43. S. 11–28.

³¹ Ibid. S. 17.

«Реформаторский порыв Собора и живая паства спасают христианскую веру и Православную церковь в России»³².

Автор выделил наиболее актуальные для него части церковной реформы, которые бы могли послужить сближению конфессий в новых многообещающих реалиях 1990-х гг. «История Православной Церкви в XX в. – история восстановления патриаршества, но этим не ограничивается»³³, – подчеркнул исследователь. Одновременно, история Русской Церкви – это еще и «история экуменической ответственности, родившейся в апокалиптических бедствиях и прошедшей через некоторые кризисы»³⁴. Тут, собственно, исследователь подводит читателей к главному выводу: опыт Собора 1917 г. и прежде всего тот потенциал мирянского участия в жизни Церкви должен быть аккумулирован и использован для активизации экуменического диалога. «Не с собора ли 1917 г. начинается третье тысячелетие Христианства? Реформаторский потенциал собора ставить РПЦ во главе экуменического движения, если он сейчас будет правильно понят и принят»³⁵.

К 2000–2002 г. команда проекта осуществила описание работы трех сессий Собора³⁶. Были проанализированы протоколы пленарных заседаний собора, выявлены взаимосвязи его решений: фактически, был представлен «путеводитель» по соборной истории, который теперь значительно упрощал обращения исследователей к теме. Издание было профинансировано также фондом Фольксваген.

А в 2005 г. в Мюнстере немецкая часть группы опубликовала итог работы проекта – коллективную монографию «Bolschewistische Herrschaft und orthodoxe

³² *Schulz, G.* Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 und seine Folgen fuer die Russische Geschichte und Kirchengeschichte // Kirche im Osten. Gottingen. 1999/2000. В. 42 /43. S. 18.

³³ *Ibid.* S. 20.

³⁴ *Ibid.* S. 23.

³⁵ *Ibid.* S. 28.

³⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918. Обзор деяний, третья сессия. Изд. А. Г. Кравецкий и Г. Шульц. М., 2000; Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918. Обзор деяний, вторая сессия. Изд. А. А. Плетнева и Г. Шульц. М., 2001; Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918. Обзор деяний, первая сессия. Изд. А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, Г.-А. Шредер, Г. Шульц. М., 2002

Kirche in Russland. Das Landeskonzil 1917/1918»³⁷. Авторы предлагают концепцию объясняющую взаимоотношение Церкви и большевистского правительства. Авторы настаивают, что первоначально церковное сообщество поддержало революцию: собственно, выборы членов собора снизу, от прихожан, и временный приходской устав, создававший приходские советы по аналогии с советами рабочих и крестьян, как считают исследователи, можно рассматривать как часть общего революционного процесса в России. Революция имела принципиальное значение для оживления церковной жизни: «Революция так же, как и Собор, оживила жизнь общин, до такой степени, приходы и церковные люди стали настоящими столпами церковной жизни независимо от всех решений собора»³⁸.

Дальнейшая радикализация политической ситуации и приход к власти большевиков к власти в октябре 1917 г. создали новую проблему для Церкви: конфликт Церкви и большевиков исследователи квалифицируют как первый в истории XX в. опыт борьбы крупной церкви с тоталитарной системой, определивший своими решениями весь советский период истории. «Спор между большевиками и собором был о том, сможет ли церковь утвердить себя как независимая единица и завоевать пространство свободы для себя и общества»³⁹. В целом, Собор и Церковь представлены в монографии как политически ориентированные организации, борющиеся за гражданское общество с формирующимся тоталитарным режимом. С такой точки зрения, исследователи подходят к истории образования братств, организации крестных ходов в 1917-1918 гг.

Большое внимание исследователями уделено Декрету об отделении Церкви от государства и последовавшей национализации церковного имущества. В конечном итоге, как отмечено Собор воздержался от политической борьбы против большевиков. «Таким образом, собор, а вместе с ним и Церковь, научились не только отказываться от своих привилегий, но и отказываться от всех гарантий,

³⁷ Schulz G., Schroeder G.-A., Richter T. Bolschewistische Herrschaft und orthodoxe Kirche in Russland. Das Landeskonzil 1917/1918. Quellen und Analysen. Muenster, 2005.

³⁸ Ibid. S. 42.

³⁹ Ibid. S. 3.

предусмотренных государственным церковным законодательством, чтобы оставаться верными своей религиозной собственности и, следовательно, самим себе»⁴⁰.

Таким образом, мы можем наблюдать, что в католической и протестантской науке церковный собор и активность мирян преимущественно характеризовались как актуальные времени политизированные явления, вплоть до прямого сравнения с парламентом. Представление о соборе и его участниках как о преодолевших притяжение политических пристрастий и решающих собственно церковные проблемы Церкви как независимой институции впервые появляется у Г. Шульца и его исследовательской группы. Ведущую роль в соборных решениях он отводил мирянам, особо выделяя профессоров. Общей проблемой исследователей был недостаток источников.

В России к юбилею революции в 1960-е гг. в советской исторической науке наблюдается «археографический взрыв» публикаций о 1917 году. Публикации большого объема источников существенно расширяли и усложняли существовавшую ранее в историографии картину событий 1917–1918 гг., что сделало необходимым создание новых современных исследований. В этом контексте появляются значимые обращения советских историков к проблемам истории Церкви. В 1967 г. была опубликована статья Е.С. Осиповой, посвященная взаимодействию Церкви с Временным правительством в сборнике «Церковь в истории России»⁴¹. Важным для исторической науки стало и празднование церковного события – 1000-летия Крещения Руси, получившее широкий общественный и международный резонанс. В связи с этим в 1989 г. был опубликован сборник статей «Русское православие: вехи истории», авторы которого предприняли попытку разработать подходы к изучению истории Церкви как социально-религиозного института, изменение которого определялись формами социально-экономического устройства страны, ее политических

⁴⁰ *Schulz G., Schroeder G.-A., Richter T. Bolschewistische Herrschaft und orthodoxe Kirche in Russland. Das Landeskonzil 1917/1918. Quellen und Analysen. Muenster, 2005. S. 388.*

⁴¹ *Осипова Е.С. Церковь и Временное правительство // Церковь в истории России. М., 1967. С. 314–325.*

институтов, особенностями культурных эпох. В статье д.и.н., исследователя революционных движений начала XX в. П.В. Зырянова «Церковь в период трех революций» был предложен новый тезис о «левизне» и революционности части церковного сообщества – крестьян, реформистски настроенного духовенства (автор называет их обновленцами в контексте событий подготовки церковной реформы, до выделения собственно «Живой церкви»). Собор кратко охарактеризован как консервативный институт, отражавший «процесс консолидации внутренней контрреволюции»⁴². Так была поставлена проблема соотнесения церковной истории с актуальной исторической наукой и предпринята попытка вписать ее события в развитие революционного процесса в начале столетия. Одновременно в церковном сообществе велась работа по сбору материалов о служении патриарха Тихона и его времени. Значимой для будущих исследователей оказался архив М.Е. Губонина⁴³. Часть его была опубликована в приложении к труду Л. Регельсона «Трагедия Русской Церкви»⁴⁴ в 1977 г. в Париже. Работа с рукописью и архивом выявляет заинтересованность людей в реконструкции объективной картины прошлого, не связанной с идеологией, подлинных церковно-государственных отношений.

Это оказалось возможным сделать уже после распада Советского союза. Первые опыты создания подробных очерков об истории Собора принадлежат историку Церкви и канонисту протоиерею Владиславу Цыпину и профессору Московского университета В.А. Федорову⁴⁵. Для отца Владислава Собор – начало церковной истории XX столетия – истории новомучеников, источник действующих норм церковного права. Вместе с тем, он считал, что многие члены Собора, прежде всего из мирян и профессоров духовных академий были увлечены идеями Февральской революции и видели в «великом деле церковного

⁴² Зырянов П.Н. Церковь в период трех российских революций // Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 380–437.

⁴³ Воробьев В, прот., Щелкачев А. В., Губонина З. П. Жизнь прожить... // ЖМП. 1993. № 11. С. 51–54.

⁴⁴ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. М., 2007.

⁴⁵ Цыпин В., прот. История Русской церкви 1917–1997. М., 1997; Федоров В.А. Русская православная церковь и государство: синодальный период 1700–1917. М, 2003. С. 290–308.

строительства» – «часть коренных преобразований» в стране. Профессор В.А. Федоров в приложении к лекционному курсу по истории Церкви Синодального периода читаемому в Московском университете также опубликовал очерк о Поместном соборе: был проанализирован порядок избрания и состав соборян, его структура, обращения к верующим, основные обсуждаемые вопросы, а также приведена биография святителя Тихона. Собор автор считал событием, которое завершило Синодальную эпоху, но и привело ее к новой, в которую складывались другие отношения между Церковью и атеистическим государством, «поставившим ее под еще более жесткий контроль, нежели она находилась при царском режиме в синодальный период.

В 1992 г. был создан Православный Свято-Тихоновский богословский институт, впоследствии получивший статус университета (ПСТБИ). Университет был посвящен патриарху Тихону и в нем же создан позднее Отдел новейшей истории Русской Православной Церкви. Задачей отдела стала разработка тем, связанных с Поместным Собором и историей новомучеников, публикации источников⁴⁶. Исследователи в ПСТГУ аккумулировали опыт эмигрантской науки, отечественной и создали собственные традиции. Основные направления исследований, связанных с Собором, были представлены на юбилейных конференциях. В ноябре 2007 года университет провел конференцию «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона», собравшую два десятка ведущих специалистов⁴⁷. А в ноябре 2017 г. «Собор и соборность. К столетию начала новой эпохи»⁴⁸. Докладчики обращались к истории института церковных соборов на Востоке и Западе, концепту «соборность» в русской религиозной мысли, осмысляют Поместный собор в

⁴⁶ Воробьев В., *прот.* Изучение новейшей истории Русской Православной Церкви в ПСТГУ: итоги двадцатилетия // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 157–161.

⁴⁷ 1917–й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона: материалы Международной научной конференции (Москва, 19–20 ноября 2007 г.) / отв. ред. К. В. Ковырзин. М., 2008.

⁴⁸ Собор и соборность. К столетию начала новой эпохи. Материалы международной научной конференции 13–16 ноября 2017 г. М., 2018.

различных аспектах как итог Синодальной эпохи и начало нового периода в церковной истории, связанной с преследованиями верующих. Важно отметить, представленный на конференции 2007 г. доклад Н.Ю. Суховой об обсуждении проблем высшего духовного образования на Поместном соборе, в котором был проанализирован проект нового устава духовных академий⁴⁹.

Исследовательские результаты были представлены выпускниками университета также в диссертациях. В 2010 г. под научным руководством профессора СПбГУ С.Л. Фирсова была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук выпускника ПСТГУ К.В. Ковырзина. Работа «Русская Православная церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.)»⁵⁰ содержит и параграф, посвященный разработке модели церковно-государственных отношений на Поместном соборе. Ковырзин отметил особый вклад профессоров в подготовку проектов Собора и особенно П.В. Верховского, предложившего Предсоборному совету проект кооперационной модели взаимодействия государства и Церкви. Этот компромиссный вариант ориентированный на западно-германское и австрийское право отвечал, как указал исследователь, чаяниям большинства клира, мирян и церковной интеллигенции, видевших в нормализации церковно-государственных отношений основное решение для будущего государственного строительства в России.

Важным событием стал запуск в 2001 г. издания серии монографий «Церковные реформы. Поместный собор 1917–1918 и предсоборный период» под редакцией прот. Н. Балашова. Исследования издавались «Круглым столом по религиозному образованию и диаконии» совместно с издательством «Духовная библиотека» при поддержке итальянского фонда «Христианская Россия». В серии

⁴⁹ *Сухова Н.Ю.* Обсуждение проблем высшего богословского образования на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // 1917–й: Церковь и судьбы России. К 90–летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона: материалы Международной научной конференции (Москва, 19–20 ноября 2007 г.) / отв. ред. К.В. Ковырзин. М., 2008. С. 157–169.

⁵⁰ *Ковырзин К.В.* Русская православная церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г. Дисс... к.и.н. М., 2010.

были изданы книги прот. Н. Балашова «На пути к литургическому возрождению», С.Л. Фирсова «Русская Церковь накануне перемен (кон. 1890-х–1918 г.)», Е.В. Беляковой «Церковный суд и проблемы церковной жизни», епископа Саввы (Тутунова) «Епархиальные реформы», А. Кравецкого «Церковная миссия в эпоху перемен» и А.Л. Беглова «Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы»⁵¹. Задачей исследователей стало изучение основных дискуссионных вопросов церковной жизни на рубеже XIX–XX вв. Каждый из них, разумеется обращался в рамках своего исследования к их обсуждению на Поместном соборе, как некоей результирующей.

Еще одним центром изучения истории собора является Новоспасский монастырь в Москве, где с 2011 г. совместно с Государственным архивом Российской Федерации ведется работа над изданием документов Поместного собора: как пленарных заседаний, так и отделов, и комиссий. Каждый из томов открывается вступительной статьей. Историки еще ждут выхода томов с документами отделов о высшем церковном управлении, духовном образовании. Уже опубликован и значим для данного исследования том с документами Отдела о положении Церкви в государстве, который открывает статья К.В. Ковырзина. И давно ожидаемым событием стало издание библиографического сборника данных о членах и делопроизводителях собора, который открывает подробная статья в которой приведен подробный просопографический анализ⁵².

Подводя итог обзору историографии Поместного собора 1917–1918 гг. следует констатировать большой объем проделанной исследователями работы, благодаря которой мы можем отчетливо представить исторический контекст тех

⁵¹ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001; Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (кон. 1890-х — 1918 г.). М., 2002; Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004; Савва (Тутунова), игумен. Епархиальные реформы. М., 2011; Кравецкий А. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2012; Беглов А.Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М., 2019.

⁵² Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 29. Члены и делопроизводители Собора: библиографический словарь / под редакцией свящ. Евгения Агеева, свящ. Ильи Соловьева, прот. Александра Троицкого, С. В. Черткова. – М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2024.

церковно-общественных дискуссий, в которые были включены профессора университетов и духовных академий. Важно отметить, что, начиная с Г. Шульца, исследователи отмечают важную роль богословской ученой элиты в соборных дискуссиях и подготовке решений, хотя дают ей порой и неоднозначную оценку.

Вместе с тем деятельность церковных ученых на рубеже XIX–XX вв. стала предметом изучения специалистов по истории российских университетов и духовных академий. В начале 1990-х появились несколько капитальных работ А.Е. Иванова⁵³, в которых профессорско-преподавательские корпорации и университетов, и академий были изучены вместе, в рамках общих процессов, актуальных для высшего образования в России в конце XIX–начале XX вв. Были исследованы законодательные основы управления школами, их финансирование, дана характеристика профессорско-преподавательской корпорации высших школ: численность, научно-педагогическая подготовка, практики присуждения ученых степеней, правовое и материальное положение, общественно-политический облик. Исследования А.Е. Иванова открыли новые перспективы для изучения профессуры рубежа столетий.

Методологическим сдвигом стала фундаментальная работа немецкой исследовательницы Т. Маурер «Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte»⁵⁴ («Преподаватели высшей школы в царской России. К изучению российской социальной истории и истории образования»). Маурер предложила исследование университета как социального института, что предполагало перенесение фокуса внимания с их законодательного оформления или истории развития наук на корпорацию профессоров и преподавателей. В монографии был представлен социокультурный портрет профессоров XIX в.: общие статистические данные исследовательница удачно иллюстрировала примерами биографий отдельных деятелей науки. Подробно Т. Маурер изучила карьерные стратегии ученых и охарактеризовала этапы

⁵³ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991; *Его же*. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М., 1994.

⁵⁴ Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Wien, 1998.

становления их как профессионального сообщества. Кроме преподавательской и научной деятельности профессоры исследовательница изучает систему ценностей актуальную для них: профессиональная этика, материальные условия, участие в политическом процессе на рубеже XIX–XX вв. Важно, что исследовательница не только вводит историю отечественной профессуры в европейский контекст, но и показывает, как в университете осуществляется приобретение выходцами из разных сословия системы ценностей, актуальной уже для университетского сообщества, что создает некоторый разрыв с прежним социальным статусом. Хотя в основном работа посвящена университетским профессорам, отметим, что историк обращается и к биографиям академических ученых, не исключает высшее богословское образование из общего контекста. Монография до сих пор не переведена на русский язык, но отечественному читателю доступен частичный перевод, который содержится в сборнике статей Т. Маурер, где представлена значительная часть ее выводов⁵⁵.

Работа Т. Маурер оказала большое влияние на отечественных исследователей. В 2009 г. была опубликована монография А.Ю. Андреева «Российские университеты XVIII–первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы»⁵⁶, в которой история отечественных университетов представлена как трансфер европейской «университетской модели» в Россию. Тем интереснее, что модель европейского университета подразумевала наличие богословского факультета, отсутствовавшего в русском. Церковно-богословские науки в университете, взаимодействие профессоров университетов и академических ученых должны были бы стать отдельным сюжетом для исследований. Истории институционального развития кафедр

⁵⁵ Маурер Т. «Барометры» или «Маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.

⁵⁶ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

богословия и церковной истории в университете посвящены отдельные статьи А.Ю. Андреева, Д.А. Цыганкова и Н.Ю. Суховой⁵⁷.

В целом, следует констатировать, что корпорации университетов и духовных академий преимущественно изучают отдельно. В рамках университетской истории накопился солидный опыт изучения профессорско-преподавательской корпорации, а результаты представлены в диссертационных исследованиях и монографиях С.А. Некрылова, Л.А. Сазоновой, Н.Н. Никс⁵⁸, предпринято изучение роли университета в формировании городского пространства⁵⁹, университетской мобильности⁶⁰. В 2018 г. научному сообществу было представлено обобщающее исследование М.В. Грибовского «Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г.»⁶¹. Грибовский рассмотрел вопросы от служебно-правового и материального положения профессоров, количественных характеристик кадрового состава до их практик реализации в социо-культурном пространстве

⁵⁷ Андреева А.Ю., Цыганков Д.А. Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском университете // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Т. 68. № 1. С. 70–97; Андреев А.Ю. Университетская теология в Российской империи: исторический опыт // Теология и образование. 2018. Т. 1. С. 366–377; Сухова Н.Ю. Богословские науки в российских университетах – традиция и перспективы // Вертоград наук духовных. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX в. М., 2007. С. 326–344.

⁵⁸ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; Сазонова Л.А. Повседневность университетского профессора Казани 1863–1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2009; Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX – начала XX вв. Социокультурный аспект. М., 2008; Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2017.

⁵⁹ Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. Казань, 2005; Университет и город в России. Начало XX века / А. Дмитриев, Т. Маурер. М., 2009.

⁶⁰ Андреев А.Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX - начала XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Т. 97. С. 75–98.

⁶¹ Грибовский М.В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г. Дисс. ... д.и.н. Томск, 2018.

города, государственных и общественных учреждениях, формы проявления гражданской активности. Далее исследователи обращаются к более конкретным вопросам, характеризующим отдельные аспекты жизни университетского сообщества: к примеру, развитие диссертационной культуры⁶² или бытованию компактных профессиональных групп⁶³. В целом, работы последнего десятилетия характеризует интерес к постановке вопросов о связи университетских ценностей и научных достижений с процессами общественного развития, культурной истории России.

История богословского образования в России продолжает изучаться преимущественно как история уставов, науки. Обращения исследователей к методам социальной истории высшего образования ощутимо редки. Пожалуй, стоит отметить, что в принципе протестные движения в академиях дискредитировали в некотором смысле историю духовных школ и науки начала XX в. для церковных историков. Характерным обращением к истории профессуры в это время является диссертация 2004 г. священника И. Воробьева «Реформы духовных академий 1905-1911 гг.»⁶⁴, в которой представлена борьба «либеральной» профессуры за академические свободы как потеря некоего представления о духовности и отход от церковных традиций. Впервые развернутую характеристику численному составу, правовому и материальному положению профессоров духовных академий в этот же период привела в монографии 2005 г. «Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий» В.А. Тарасова⁶⁵. Поставила и ответила на вопросы, связанные с подготовкой научных и педагогических кадров

⁶² Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. Опыт и практика подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М., СПб., 2022.

⁶³ Цыганков Д.А. Формирование сообщества профессиональных историков в Московском университете во второй половине XVIII – начале XX века. Дисс. ... д.и.н. Т. 1–3. М., 2023.

⁶⁴ Воробьев И.В. Реформы духовных академий 1905-1911 гг. Дисс. ... к.и.н. М., 2004.

⁶⁵ Тарасова В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. М., 2005.

в духовных академиях в фундаментальных работах Н.Ю. Сухова⁶⁶. Вместе с тем культурная роль академических ученых в российском обществе в начале XX в. остается не исследованной.

Представляется, что обращение к изучению компактной группы профессоров университетов и духовных академий на Поместном соборе 1917-1918 гг. позволит ответить и постановить новые исследовательские вопросы о бытовании этой профессиональной группы в российском обществе и культурном пространстве.

Источниковая база исследования. Работа опирается на широкий круг как опубликованных, так и не опубликованных источников.

Прежде всего следует сказать о законодательных источниках, регулирующих жизнь университетов и духовных академий. В работе часты обращения к общеуниверситетским уставам 1835, 1863 и 1884, а также уставам духовных академий 1869, 1884 и 1910-1911 гг. Кроме того привлекается и «Духовный регламент»⁶⁷.

Важное значение для исследования имеют делопроизводственные источники. Процесс подготовки собора и основных проектов решений был зафиксирован в протоколах отделов и общих собраний Предсоборного присутствия 1906 г.⁶⁸, и Предсоборного совета 1917 г.⁶⁹ Как минимум, протоколы содержат если не полную стенографическую расшифровку выступления участников форумов, то хотя бы мотивировку и позицию докладчика.

Большую группу материалов представляют собой документы, связанные с деятельностью Поместного собора. Заслуга сохранения материалов Поместного

⁶⁶ Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006; *Она же*. Система научно-богословской аттестации в России в XIX — начале XX века. М., 2009; *Она же*. Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012.

⁶⁷ Присуждение ученых степеней в Российской империи: полное собрание правовых актов (1724–1917) / Сост. А.Н. Якушев. Ставрополь, 2006.

⁶⁸ Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. М., 2014. Т. 1–4.

⁶⁹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2012–. Т. 1.

собора принадлежит С.Г. Рункевичу – участнику Собора и сотруднику Главархива, который в здании Епархиального дома (Лихов пер., 6), где проходил собор, имел комнату для жилья. Рункевичу удалось добиться, чтобы после конфискации властью здания, архивы Собора и Высшего церковного управления были оставлены в нем. До своего выселения в конце июня 1921 г. Рункевич занимался разбором и систематизацией документов. После архив был перевезен в Архив Печатного двора, где Рункевич продолжил свою работу – только в конце 1922 или в начале 1923 г. он смог вернуться в Петроград⁷⁰. Сейчас документы собора хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Р-3431.

Архив Поместного собора включает в себя 660 единиц хранения (при этом отсутствуют дела № 191, 315 и наоборот имеются два дела с литерой в номере – 225а, 521а, что выравнивает счет)⁷¹. Общая организация фонда соответствует структуре собора: общее собрание, совещание епископов, соборный совет, отделы и комиссии, канцелярия. Ориентироваться в большом массиве данных помогает детально проработанная опись дел: в названии каждой единицы хранения достаточно подробно описано содержание дела, а его карточка позволяет заранее понять принадлежность документов тому или иному соборному органу и датировку.

Ядро архива – это протоколы и стенограммы заседаний соборных органов, в которых наиболее полно отражены дискуссии и процесс принятия соборных решений. Первые дела № 2 и № 4–170 представляют собой протоколы и стенограммы пленарных заседаний собора, включая описание и богослужбных собраний в день открытия собора 15 августа и избрание патриарха в храме Христа Спасителя. Такой большой объем, который приходится на архив общего собрания, 167 ед. х., получается из-за того, что протокол и стенограмма каждого заседания вместе с приложениями (которые могут иногда представлять собой даже обрывок

⁷⁰ Щеглов Г., Ионов А. Делегация Высшего церковного управления и церковные архивы в первые годы после Октябрьской революции // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 152–159.

⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. «Всероссийский церковный собор (Священный собор). 1917–1918»

листа, на котором была подана, например, корректировка формулировки отдельного положения того или иного документа) были сохранены отдельно: одно заседание – одно дело.

На заключительном заседании собора Л.К. Артамонов представил статистику о его работе. Было подсчитано, что за все 3 сессии собора состоялось 170 пленарных заседаний, длившихся суммарно 850 ч. В среднем длина совещания – 5 ч.⁷² Сохранились 170 протоколов за весь период работы собора 15 августа 1917 г. – 7 (20 сентября) 1918 г. Количество протоколов между сессиями собора распределяется следующим образом: 62 протокола за первую сессию 15(28) августа – 9 (22) декабря 1917 г. (№1-65), 64 за вторую 20 января (3 февраля) – 7 (20) апреля 1918 г. (№ 66-129) и 44 за третью 19 июня (2 июля) – 7 (20) сентября 1918 г. (с протокола частного совещания до №170). Согласно уставу в протокол заносились данные о дате, времени, месте, председателе и составе собрания, фиксировались основные моменты дискуссий и принятые решения. В некотором смысле, протоколы – путеводители к работе всего собора. Итогом его работы стало 53 соборных определения по различным вопросам церковной жизни: от организации высшего управления и восстановления патриаршества до проблем духовного образования, и сбора на содержание собора. Впервые протоколы пленарных заседаний были опубликованы полностью относительно недавно, в 2014 г., издательством Новоспасского монастыря⁷³.

Большее внимание исследователями уделялось стенографическим записям заседаний – деяниям. Стенограммы заседания готовились штатом сотрудников канцелярии Собора, которые записывали скорописью выступления соборян, включая такие подробности, как замечания с места или посещение патриархом и встреча его пением «Многолетия». На последнем совещании Собора Л. К. Артамонов подчеркнул, каким трудоемким и тщательным был процесс

⁷² Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов / Сост. Н. А. Кривошеева М., 2009. С. 47.

⁷³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3. Протоколы Священного Собора / ред. свящ. А. Колчерина и А.И. Мраморнова. М., 2014.

подготовки стенограмм к печати: их следовало расшифровать, согласовать с ораторами, внести исправления, перепечатать на пишущей машинке и согласовать с секретариатом собора и только после этого, отредактированная версия сдавалась в печать⁷⁴. Для соборян, ощущавших историческую значимость события, в котором они участвуют, было очень важно сохранить записи текущих обсуждений для будущей жизни церкви, возможного развития или коррекции реформы.

Два дела, № 192 и № 193, содержат протоколы Совещания епископов – «верхней палаты» собора, в которую вошли все присутствовавшие на соборе архиереи. Здесь утверждались решения пленарных заседаний. Состоялось свыше 150 совещаний епископов, т.е. они собирались примерно столь же часто, как и общее заседание. Важно обратить внимание, что этот орган имел право veto на решения пленарного заседания, однако епископат ни разу им не воспользовался, а значит был согласен с ними. Все совещания возглавлял председатель собора – митрополит Московский, а затем патриарх – Тихон (Белавин).

Другой важный инструмент собора – Соборный совет. Соборный совет согласно уставу был распорядительным органом и состоял из председателя собора, 6 его заместителей, секретаря собора и его помощников, а также из 3 членов по избранию собора: по одному епископ, клирику и мирянину. Задачей этого достаточно компактного совещания стала организация работы собора, установление правил внутреннего распорядка во всех случаях, не предусмотренных уставом. Кроме того, совет имел право отмены решений всех других соборных совещаний, если они противоречили бы церковным правилам, уставу или постановлениям собора. Таким образом, Соборный совет был формально высшей инстанцией собора. Всего было проведено 125 встреч. Документы соборного совета хранятся в делах № 199-204, включая протоколы его заседаний за три сессии (№ 200-203).

⁷⁴ Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов / Сост. Н. А. Кривошеева М., 2009. С. 50–51.

Следующая часть архива – это документы, отражающие деятельность 23 соборных отделов (дела № 217–496). Эта часть имеет некоторую внутреннюю логику: дела сохранены блоками, соответствующими конкретному отделу. В каждом блоке представлены протоколы отдела, а также отдельные папки с документами, отражающими его работу: проекты положений, материалы, использовавшиеся для подготовки решений отдела, доклады участников совещаний, переписка и т. д.

Были организованы I. Уставный отдел, II. Отдел о высшем церковном управлении, III. Отдел об епархиальном управлении, IV. Отдел о церковном суде, V. Отдел о благоустройении прихода, VI. Отдел о правовом положении Церкви в государстве, VII. Отдел о богослужении, проповедничестве и храме, VIII. Отдел о церковной дисциплине, IX. Отдел о внутренней и внешней миссии, X. Отдел о единоверии и старообрядчестве, XI. Отдел о монастырях и монашестве, XII. Отдел о духовных академиях, XIII. Отдел о духовно-учебных заведениях, XIV. Отдел о церковно-приходских школах, XV. Отдел о преподавании Закона Божия, XVI. Отдел о церковном имуществе и хозяйстве, XVII. Отдел о правовом и имущественном положении православного духовенства, XVIII. Отдел об устройении Православной Церкви в Закавказье, XIX. Библейский отдел, XX. Издательский отдел, XXI. Отдел личного состава, XXII. Редакционный отдел, XXIII. Отдел о соединении инославных Церквей.

Задачей отделов была предварительная подготовка церковные решения для обсуждения на пленарном заседании. 23 отдела, широкий спектр вопросов, которым они посвящены на уровне названий дают в целом представление о масштабной и наполненной работе собора. Однако, возникает вопрос, насколько соответствует этот «парадный портрет» соборной работы реальности и, соответственно, равны ли по своему богатству, репрезентативности архивы отделов в фонде ГАРФ, что именно отражают сохранившиеся документы? Какова интенсивность встреч? Так, один из видных участников собора, митрополит Арсений (Стадницкий) в своем дневнике остроумно замечает, что он смотрит на

текущий Собор как на «репетицию к Собору»⁷⁵. Большой объем накопившихся проблем, сжатые сроки, по его мнению, накладывали отпечаток на соборную работу: «Дела идут медленно. И это неудивительно: мы в течение предполагаемых двух месяцев для Собора хотим решить чуть ли не все вопросы за 200-летний период церковной истории. Народ и духовенство, не зная хотя бы технических условий соборной работы, ждут от Собора скорейшего разрешения всех вопросов»⁷⁶.

Согласно п. VII.74 устава Собора предполагалось, что его отделы станут рабочими органами, в заседаниях которых будут участвовать не более 30 человек⁷⁷. Однако, как и любой иной проект, структура собора корректировалась в процессе его работы. В заседании 24 августа было принято изменение п. 1.70-72 устава, в соответствии с которыми запись в отделы становилась возможной после принятия решения собором об открытии отдела и прекращалась объявлением списка записавшихся членов⁷⁸. В начале работы собора было создано 21 отдел, в 2 из них входили по назначению: редакционный и личного состава, а в остальные 19 соборяне записывались. Данные о численности членов отдела, ее изменении сохранились в отчетах отделов в Соборный совет⁷⁹, а также документах о личном составе Собора⁸⁰. Обобщенный итог записи представлен на рисунке 1. Более сотни записавшихся имели отделы: о благоустройении прихода (166 человек), о высшем церковном управлении (157), о богослужении, проповедничестве и храме (143), о правовом и имущественном положении православного духовенства (121), о епархиальном управлении (119) и завершал список отдел о духовно-учебных

⁷⁵ *Арсений (Стадницкий), митр.* Дневник. На поместный собор. 1917–1918. М., 2009. С. 86.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. Кн. 2. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определяющие порядок созыва и проведения Собора / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2012. С. 1194.

⁷⁸ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3. Протоколы Священного Собора / ред. свящ. А. Колчерина и А.И. Мраморнова. М., 2014. С. 26–27.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р–3431. Оп. 1. Д. 175–176. «Сводные данные о работе Общего собрания и отчета отделов»

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р–3431. Оп. 1. Д. 177 «Списки членов Собора (по отделам)»

заведениях (105). Непопулярными отделами можно назвать те, которые имели в составе менее 50 человек: о церковном суде, о духовных академиях, о монастырях и монашестве, об устройении Церкви в Закавказье и издательский. Можно заметить, что проблемы, обсуждавшийся в них, не носят общецерковный характер: это или профессиональный вопрос, или епархиальный. Анализ количественного состава отделов показывает, что запланированное ограничение в 30 человек не было выдержано и они стали более похожи на дополнительные форумы, чем на рабочие структуры.

11 октября 1917 г. на пленарном заседании было внесено предложение уставного отдела открыть дополнительную запись в отделы для тех, кто изъявил желание присоединиться к работе уже после закрытия первой записи⁸¹. Запись продолжалась до 12:00 14 октября. По ее итогам картина распределения соборян по отделам значительно изменилась. Во-первых, во многих отделах соборян стало значительно больше. Можно было бы сгруппировать: самые популярные отделы, в которых записалось более 200 человек – о высшем церковном управлении (260), о епархиальном управлении (210), о благоустройении прихода (210). В этот момент на пленарных заседаниях шло весьма напряженное обсуждение доклада отдела о высшем церковном управлении о формуле, в соответствии с которой восстанавливалось патриаршество – не удивительно, что соборяне максимально примкнули к этому отделу (от 166 до 260 человек, состав увеличился на 106 человек). В то время как вопрос о реформе прихода ушел на второе место, разделив его с епархиальным отделом, статус которого повысился с 5 места. Список отделов-лидеров значительно изменился, что показывает некоторую фокусировку соборян на конкретных задачах церковной реформы.

Во второй группе отделов, в которых было больше 100, но меньше 200 человек оказались: отдел о богослужении, проповедничестве и храме (171), отдел о правовом и имущественном положении православного духовенства (145), отдел

⁸¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2015. С. 437.

о церковной дисциплине (125), отдел о правовом положении церкви в государстве (121), уставный (115), о преподавании Закона Божия (108), о духовно-учебных заведениях (107), о церковном имуществе и хозяйстве (100). Важно обратить внимание, что интересы соборян сосредоточены преимущественно на церковных проблемах. Так вопрос о взаимоотношении с государством занимает по результатам обеих записей в отделы только 7 место (99 и 121 участник).

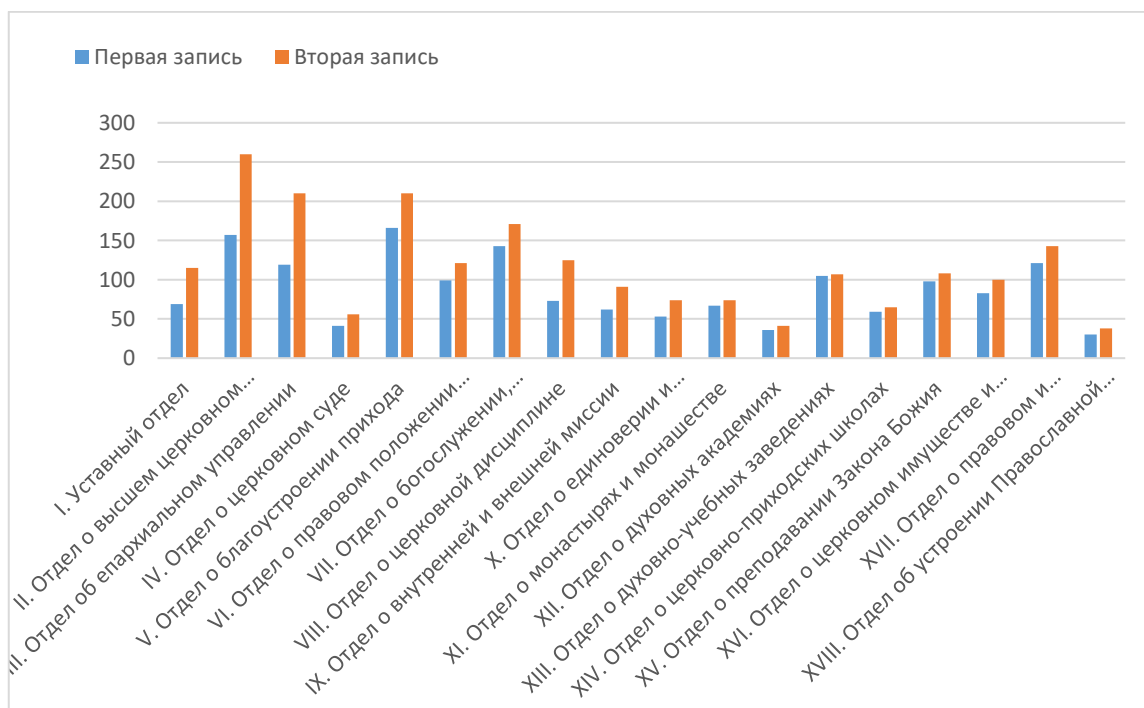


Рис. 1. Популярность отделов среди соборян

Вместе с тем логично задаться вопросом, какие именно церковные группы записывались в тот или иной отдел. Вслед за составителями отчетов в Соборный совет можно выделить 3 группы:

- епископы
- клирики
- миряне и младшие клирики (диаконы, псаломщики).

Результаты распределения их по I-XVIII отделам представлены на рисунке 2. Больше всего епископов записалось в епархиальный отдел – 40 человек, чуть меньше в отдел о высшем церковном управлении – 38, в отдел о богослужении, проповедничестве и храме – 33, в приходской и миссионерский – по 25 человек. При этом в работе собора участвовало более 80 архиереев, а значит максимум

записи в отдел о епархиях – это только половина всех епископов. Тройка лидеров среди клириков показывает их интерес прежде всего к близким им приходским проблемам: отдел о богослужении, проповедничестве и храме – 66 человек, в отдел о епархиальном управлении – 64, о благоустройении прихода – 61. Ни одна из этих групп среди наиболее популярных отделов не имеет полный набор тех трех отделов, количество членов которых по итогам второй записи превысило 200 человек. Это можно наблюдать только у мирян и младших клириков: о высшем церковном управлении – 175 соборян, о благоустройении прихода – 124, о епархиальном управлении – 106. Таким образом, именно миряне обеспечили рост интереса к вопросам о высшем церковном управлении и приходу, а епархиальный вопрос на второе место продвинулся благодаря епископам и священникам. Среди наиболее важных проблем для всех соборян оказались собственно церковные. Вопрос о правовом положении Церкви в государстве – четвертый по важности для мирян – 96 записавшихся в профильный отдел против 8 архиереев и 17 священников, был для всего собора не приоритетным – всего лишь седьмым. Приведенные данные необходимо учитывать при работе с документами соборных отделов для понимания как важности для соборян в целом той или иной церковной проблемы, так и того, интересы какой именно церковной группы оказались определяющими в работе конкретного отдела.



Рис. 2. Личный состав соборных I – XVIII отделов

Другой важный вопрос – какова интенсивность встреч и, соответственно, работоспособность отделов. На совещании председателей отделов 9 сентября 1917 г. было утверждено расписание встреч отделов⁸², из которого следует, что некоторые из них даже планировали проводить несколько совещаний в неделю. При чем это касалось не только больших отделов, но и маленьких по количеству членов: издательский собирался в понедельник и четверг, например. Таким образом в планах была насыщенная занятиями отделов жизнь: соборяне должны были быть заняты работой в них постоянно и даже более того: несмотря на то, что некоторые отделы назначали совещания на разные части дня в разные дни, попасть на все было невозможно – приходилось бы выбирать, а иногда и пропускать.

В результате анализа отчетов соборных отделов, протоколов заседаний⁸³ можно сделать следующий вывод: 23 отдела никогда не работали одновременно (см. табл. 1). Библейский отдел был открыт в марте 1918 г. и стал таким образом XIX, а последний отдел, XXIII. Отдел о соединении инославных Церквей, был открыт по заявлению членов собора практически в конце третьей сессии 31 августа /13 сентября 1918 г. Этот отдел собрался только на 5 встреч, на которых присутствовало от 27 до 5 человек.

Логично, что максимально количество отделов – 21 – работало только в первые месяцы собора, в период первой сессии. На последнем пленарном заседании среди итоговой статистики были приведены подсчеты по количеству рабочих дней собора – их оказалось за 3 сессии 279. Если бы каждый отдел

⁸² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 1. Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного совета и Собора. М., 1918. С. 144.

⁸³ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 175–176. «Сводные данные о работе Общего собрания и отчета отделов»; Д. 220–221 «Протоколы заседаний отдела»; Д. 364 «Протоколы заседаний отдела»; Д. 386 «Протоколы заседаний отдела»; Д. 406–407 «Протоколы заседаний отдела»; Д. 436–439 «Протоколы заседаний отдела»; Д. 440 «Протоколы заседаний (соединенных) отделов о правовом положении духовенства и о церковном имуществе и хозяйстве по вопр.»; Д. 458–459 «Протоколы заседаний отдела и приложения к ним»; Д. 469 «Протоколы заседаний отдела»; Д. 491 «Протоколы заседаний отдела»; Д. 496 «Заявления членов Собора о необходимости образования библейского отдела, списки членов отдела, положения об отделе».

совещался хотя бы раз в неделю, то он мог бы провести не менее 45 заседаний. К этой цифре – 45 совещаний – приблизились или превысили только 10 отделов из всех 23: о высшем церковном управлении – 64 совещания, о благоустройении прихода – 60, о церковном имуществе и хозяйстве – 60, о церковном суде – 59, о внутренней и внешней миссии – 59, редакционный – 58, о духовно-учебных заведениях – 47, о богослужении, проповедничестве и храме – 46, о духовных академиях – 44, о правовом и имущественном положении православного духовенства – 42. В остальных отделах количество встреч колеблется в диапазоне от 12 до 31. Для сравнения – пленарных заседаний было 170, т.е. одно совещание в каждые 2 дня. Следует признать, что запланированный режим занятий не был выдержан.

Помимо неравной загруженности отделов присутствует и приостановление их деятельности. Некоторые ротации были связаны с техническими задачами собора. Так, созданный для проверки полномочий соборян, Отдел личного состава завершил свою работу 26 сентября. Зато, примерно в это же время, в связи с поступлением первых проектов решений собора заработал с 1 октября – Редакционный отдел, в задачи которого входила редакторская правка всех постановлений Собора.

Отделы Поместного собора	Первое заседание	Последнее запротоколированное заседание	Кол-во встреч	Кол-во участников	Продолжительность заседаний
I. Уставный отдел	31 августа 1917	23 февраля /8 марта 1918	21	от 46 до 7	от 1 до 4 ч.
II. Отдел о высшем церковном управлении	2 сентября 1917	25 августа/7 сентября 1918	64	-	-
III. Отдел об епархиальном управлении	1 сентября 1917	26 июля/8 августа 1918	30	от 97 до 9	от 45 мин. до 4,5 ч
IV. Отдел о церковном суде	29 августа 1917	3/16 сентября 1918	59	от 24 до 5	1,15 до 4 ч.
V. Отдел о благоустройении прихода	31 августа 1917	3/16 апреля 1918	60	от 151 до 12	от 3 до 4.15 ч.

VI. Отдел о правовом положении Церкви в государстве	1 сентября 1917	29 января 1918	21	от 67 до 19	В среднем 6 ч.
VII. Отдел о богослужении, проповедничестве и храме	31 августа 1917	6/19 сентября 1918	46	от 100 до 14	от 3 до 4 ч.
VIII. Отдел о церковной дисциплине	1 сентября 1917	4/17 сентября 1918	29	от 52 до 7	от 30 мин. до 4 ч.
IX. Отдел о внутренней и внешней миссии	1 сентября 1917	17/30 августа 1918	59	от 57 до 10	от 2 до 5 ч
X. Отдел о единоверии и старообрядчестве	30 августа 1917	20 августа/2 сентября 1918	37	от 38 до 10	-
XI. Отдел о монастырях и монашестве	31 августа 1917	30 июля / 12 августа 1918	32	от 47 до 6	от 2 до 4,5 ч
XII. Отдел о духовных академиях	31 августа 1917	3/16 сентября 1918	44	от 27 до 6	от 2 до 4 ч
XIII. Отдел о духовно-учебных заведениях	1 сентября 1917	12/25 июля 1918	47	-	-
XIV. Отдел о церковно-приходских школах	31 августа 1917	14/27 августа 1918	16	от 43 до 9	от 45 мин до 3.40 ч
XV. Отдел о преподавании Закона Божия	30 августа 1917	24 августа /5 сентября 1918	29	от 72 до 5	от 2 до 5 ч
XVI. Отдел о церковном имуществе и хозяйстве	1 сентября 1917	7/20 апреля 1918	60	от 40 до 7	-
XVII. Отдел о правовом и имущественном положении православного духовенства	31 августа 1917	23 марта/5 апреля 1918	42	-	-
XVIII. Отдел об устройении Православной Церкви в Закавказье	1 сентября 1917	16/29 августа 1918	12	от 24 до 4 чел	1,20 до 4.30 ч
XIX. Библейский отдел	Март 1918	-	-	-	-
XX. Издательский отдел	31 августа 1917	28 марта 1918	21	-	-
XXI. Отдел личного состава	24 августа 1917	26 сентября 1917	31	-	-
XXII. Редакционный отдел	1 октября 1917	7/20 сентября 1918	58	-	-
XXIII. Отдел о соединении инославных Церквей	11/24 августа 1918	31 августа/13 сентября 1918	5	от 27 до 5	-

Табл. 1. Работа отделов Поместного собора

Работа отделов могла корректироваться постановлением Соборного совета. Митрополит Арсений на пленарном заседании 11 ноября 1917 г., ссылаясь на решение Соборного совета (хотя в дневнике называет его собственным⁸⁴) вносит

⁸⁴ Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. На поместный собор. 1917–1918. М., 2009. С. 134.

предложение о назначении постоянных заседаний трех Отделов, разрабатывавших, как считалось, наиболее важные вопросы: о высшем церковном управлении, о епархиальном управлении и о благоустройении прихода. Одновременно другим отделам предлагалось сократить заседания, чтобы соборяне могли сконцентрироваться на указанных церковных проблемах⁸⁵.

А вот из 21 заседания Уставного отдела во второй сессии состоялась только одна встреча 23 февраля / 8 марта 1918 г. – остальные 20 прошли в период до 10 ноября 1917 г. Уставной отдел – был одним из трех, организованных во исполнение устава собора (п. VII.91; вместе с отделом личного состава и редакционным). Его задачей должно было стать создание положения будущего собора. Однако, в процессе работы членами отдела было решено прекратить его работу, так как схожие вопросы обсуждаются в более массовом Отделе о высшем церковном управлении и возникло дублирование задач.

В начале второй сессии прекратили свою работу несколько отделов: в январе – отдел о правовом положении церкви в государстве, что связано с резким изменением политической ситуации в стране. Весной 1918 г. состоялись последние встречи уже упомянутого Уставного отдела, отделов о благоустройении прихода, о церковном имуществе и хозяйстве, о правовом и имущественном положении православного духовенства, издательского отдела. Прекратили работу 7 отделов.

На интенсивность и масштаб встреч соборных подразделений помимо личной заинтересованности соборянов в них очевидно влияли и все усложняющиеся условия жизни, затруднение передвижения по стране. Так в первую сессию в пленарных заседаниях приняло участие 533 человека, во вторую 330, а в третью, работало 227 человек⁸⁶, т.е. 51,97% от первоначального числа. Логично предположить, что и работа отделов, количество участников их совещаний также

⁸⁵ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2016. С. 49.

⁸⁶ Мраморнов А.И. Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. 57. С. 376.

должно было сокращаться пропорционально сокращению общего количества соборян. Пятый столбец таблицы 2 показывает, что на совещаниях отделов присутствовало меньше соборян, чем записалось в них, и к концу работы отделов количество участников резко сокращается. В своем дневнике протоиерей Г.С. Голубцов, с большим трудом приехавший в феврале 1918 г. на вторую соборную сессию для обсуждения положения русского и абхазского духовенства в связи с грузинской автокефалией, отмечает, как плохо была организована работа XVIII отдела об устройении Православной Церкви в Закавказье. В записи от 28 февраля / 13 марта 1918 г.: “Назначенное в 3 ½ часа заседание нашего кавказского отдела не состоялось, так как единственный заместитель председателя, находящийся в Москве, кн[язь] П.Д. Урусов, не явился. Вообще, наш отдел работает совершенно ненормально: повестки о времени и месте заседания не вывешиваются в указанном месте, как это делается другими отделами; заседание назначается в 3 часа, когда члены отдела не могут придти, ибо после пленарного заседания, которое обычно заканчивается в 2.15-2.20 часа, нужно обедать”⁸⁷. Подготовленный доклад протоиерей Г. Голубцов вынужден был представить не отделу, а позже лично патриарху Тихону.

Таким образом, к концу третьей сессии работало с разной степенью интенсивности чуть более половины всех отделов – 15: один из которых, редакционный, не вырабатывал собственных принципиальных решений, а другой – недавно созданный о соединении Церквей. И в целом, работа отделов не была равномерной. В результате, таким разным оказался и объем архивов отделов.

Интересно, что помимо протоколов и журналов совещаний, проектов положений в архивах отделов хранятся и те источники информации, которые использовались для подготовки решений. Например, не менее чем в 87 делах фонда содержатся письма. Это переписка по текущим хозяйственным вопросам, ответы на запросы собора, а кроме того – различные обращения с мест по

⁸⁷ Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов / Сост. Н. А. Кривошеева М., 2009. С. 239.

вопросам церковной реформы, проблемам жизни общин в 1917–1918 гг. Пожалуй, это могло бы стать темой отдельного небольшого исследования: ожидания церковного сообщества от Собора.

Богатейший материал о хозяйственной жизни Русской церкви в конце Синодальной эпохи и в революционное время дают материалы отделов о церковном имуществе и хозяйстве и о правовом и имущественном положении православного духовенства. В документах отделов содержатся результаты ревизии Хозяйственного Управления при Синоде (№ 434). Дела 528-549 содержат документы о финансовой деятельности собора: данные о выплатах жалования, хозяйственных расходах, ревизиях соборного счетоводства.

Также в фонде отложились документы других церковных организаций, которые использовались для работы соборными: например, здесь хранятся протоколы общего собрания и отделов Предсоборного совета 1917 г. (№ 577-579), протоколы Всероссийского съезда ученого монашества 7 июля–14 июля 1917 г., журналы заседаний, постановления и список членов Всероссийского съезда представителей от монастырей 16–23 июля 1917 г. (№ 372), материалы V Всероссийского миссионерского съезда 25 июля–5 августа 1917 г. (№ 339), отчеты зарубежных миссий (№ 349–351).

Деятельность Собора пришлась на тревожное революционное время. Это та реальность относительно которой соборным приходилось редактировать проекты, пытаться встраивать церковь в новую систему жизни государства. В делах 512–521а сохранились вырезки, сделанные в канцелярии, из центральных и местных газет, в которых отражались события политической и церковной жизни страны. Видимо, в составе собора имелись люди, чьей обязанностью было следить за такими сообщениями.

Но Собор не пассивно наблюдал за происходящим: архив Собора сохранил документы различных комиссий, в которых обсуждались меры противодействия секулярной политике Совета народных комиссаров. Небольшие по количеству членов комиссии (в сравнении с отделами) оказались формой быстрого

реагирования собора на текущие проблемы. Так в делах 551–558 содержатся материалы, доклады Комиссия по разработке проекта Соборного постановления по декрету СНК об отделении церкви от государства. В делах 560–572 сохранились документы Комиссии о гонениях на Православную церковь, а в деле 559 хранятся материалы Комиссии для выработки мероприятий в связи с последними распоряжениями советской власти 22 августа / 4 сентября – 30 августа / 12 сентября 1918 г. Среди документов этих комиссий: протоколы заседаний, отчеты о работе, списки членов комиссий, протесты приходских собраний и личные обращения от духовенства и мирян с протестами против декретов Советской власти по церковным делам (январь – сентябрь 1918), журнал чрезвычайного заседания Братства приходских советов Петроградской епархии (29 июля 1918), постановление Совета объединенных приходов г. Москвы о требовании прекращения гонений на Церковь и пересмотре Декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. (19 июня 1918); выписки из протоколов Собора и его органов, доклады и письма местного духовенства об арестах и расстрелах духовных лиц, конфискации церковного имущества, незаконных действиях местных органов Советской власти, списки арестованных и убитых клириков, ходатайства Собора об освобождении арестованных (ноябрь 1917 – ноябрь 1918).

Важные данные сохранились в деле 575 от Комиссии для наблюдения за фотографированием Кремля. В деле: переписка с Московским революционным комитетом о разрешении на осмотр и фотографирование Кремля, совместный доклад Комиссии и Академии художеств о состоянии Кремля после восстания юнкеров и другие материалы.

Конечно же, соборяне встречались не только на совещаниях. Важной частью его деятельности были богослужения, молебны, крестные ходы. Например, в деле № 2 хранится описание торжеств в связи с открытием Собора, в 37-ом – описание выборов патриарха из трех кандидатов в храме Христа Спасителя. На соборе также была проведена канонизация святых (см., например, № 300-303 «о причислении к лику святых Иркутского епископа Софрония»), начали собирать материалы для увековечивания памяти новых мучеников: № 486

– «Дело по расследованию Собором убийства митрополита Киевского и Галицкого Владимира и увековечиванию памяти», № 487 «Материалы о чествовании памяти священника И.А. Кочурова (некрологи, соболезнования, протокол торжественного заседания и т.п.)». Собор же восстановил и празднование памяти всех русских святых (№ 312-314), для чего были составлены иеромонахом Афанасием (Сахаровым) и профессором Б.А. Тураевым новые тексты служб церковного дня.

Следует признать, что фонд Поместного собора в Государственном архиве Российской Федерации весьма внушителен по объему (600 ед. хранения и хорошо сохранился). В фонде представлены документы всех соборных подразделений, а архивы отделов, комиссий или пленарных совещаний состоят не только из протоколов или отчетных документов, но и из материалов, которые использовались для работы, версий проектов, предложений отдельных членов собора, не вошедшие в итоговые постановления. При работе же с документами Собора в контексте реконструкции его истории следует заранее учитывать, что не следует равнять в информативности и производительности наиболее разные соборные органы. Так наиболее частыми были встречи общего собрания – 170 встреч, примерно с такой же интенсивностью работало совещание епископов – 150 встреч и немного меньше распорядительный орган собора – соборный совет, заседавший 125 раз.

Для разработки проектов решений, которые бы следовало обсуждать в общем совещании, было создано за все 3 сессии 23 отдела. Однако, все 23 отдела не работали одновременно. Максимальное количество отделов – 20 функционировало в первую сессию. Затем в связи со сложностью политической обстановки в стране, потерей интереса части соборян к тем или иным вопросам церковной жизни, изменением в планах собора, сокращается как количество участников совещаний, так и понижается частота встреч. Посчитано, что если бы отделы заседали хотя бы 1 раз в неделю, то за 3 сессии можно было бы провести не менее 45 собраний. К этой цифре приблизились только 10 отделов из 23. К концу третьей сессии с разной степенью интенсивности работало немного

больше, чем половина от созданных отделов – 15. Это объясняет разницу в объеме и информативности сохранившихся документах отделов. Наибольшее количество встреч провели члены отделов о высшем церковном управлении, о благоустройении прихода, о церковном имуществе и хозяйстве, о церковном суде, о внутренней и внешней миссии, редакционный, о духовно-учебных заведениях, о богослужении, проповедничестве и храме, о духовных академиях, о правовом и имущественном положении православного духовенства. Соответственно, именно эти отделы имеют наиболее представительные по объему и информативные архивы.

Обсуждаемые церковные проблемы не были одинаково популярны среди соборян. Отделы оказались не равны по количеству членов. По итогам дополнительной записи наиболее приоритетными для соборян приоритетными для соборян стали отделы о высшем церковном управлении (260 человек), о епархиальном управлении (210), о благоустройении прихода (210). Однако это не означает, что и другие соборные органы были столь же представительны. К группе отделов, в которых оказалось больше 100, но меньше 200 человек можно отнести отдел о богослужении, проповедничестве и храме, отдел о правовом и имущественном положении православного духовенства, отдел о церковной дисциплине, отдел о правовом положении церкви в государстве, уставный, о преподавании Закона Божия, о духовно-учебных заведениях, о церковном имуществе и хозяйстве. Важно обратить внимание, что интересы соборян сосредоточены преимущественно на церковных проблемах. Вопрос о правовом положении Церкви в государстве был лишь седьмым по количеству участников профильного отдела. В отделах складывалось разное соотношение епископов, клириков и мирян и, соответственно, различно и решались те или иные вопросы.

Со второй сессии заметно как снижение общей численности соборян, так и количества участников совещаний отделов. Для оперативного решения возникающих проблем, связанных преимущественно с церковной политикой советской власти, созывались объединенные совещания отделов, а также создавались общесоборные комиссии, которые были, видимо, более подвижны,

чем большие отделы. Были созданы комиссии о мероприятиях церковной власти по поводу декретов народных комиссаров, о «церковном большевизме», о гонениях, о выработке мероприятий в связи с последними распоряжениями советской власти. В архивах отделов, комиссий были сохранены документы, которые не только отражают ход их работы, но и различная информация о жизни церкви накануне собора (например, о хозяйственном и имущественном положении синодальных учреждений, духовенства), обращения верующих к собору, сведения о личном составе, антицерковных действиях светской власти.

Это все делает фонд значимым для изучения не только истории Поместного собора как церковного института, но и дает возможности для реконструкции взглядов его участников на актуальную для них действительность, их характеристики проблем Синодальной эпохи. В частности, для данной работы наиболее важны документы тех соборных подразделений, в которых профессора участвовали наиболее активно: общие заседания, отделы о высшем церковном управлении, о правовом положении Церкви в государстве и о духовных академиях.

Картину дополняют источники личного происхождения воспоминания и письма участников собора. В 2009 г. в издательстве ПСТГУ вышел сборник документов «Дело великого церковного строительства», в который были включены большинство из существующих мемуаров о соборе⁸⁸. Отдельно был издан дневник митрополита Арсения (Стадницкого)⁸⁹, который он вел во время собора. Владыка – внимательный наблюдатель и вместе с тем активный участник многих соборных мероприятий, провел большинство пленарных заседаний, вскрывает многие важные не зафиксированные в официальных протоколах детали, характеризующие процесс принятия решений соборов, мотивации, особенности взаимоотношений между различными церковными группами.

⁸⁸ Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов / Сост. Н. А. Кривошеева М., 2009.

⁸⁹ Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. На поместный собор. 1917–1918. М., 2009.

Большое значение для характеристики личных отношений между профессорами, понимания их оценок атмосферы в духовных академиях незадолго до собора имеет блок переписки из фонда А.А. Дмитриевского, большую часть которого опубликовала Н.Ю. Сухова в изданиях ПСТГУ и Екатеринбургской семинарии. Важные подробности порядке назначений на кафедры, личных выборах содержат письма профессора Киевской академии Д.И. Богдашевского, профессора Казанской академии прот. Н. Виноградова⁹⁰. Особый интерес представляет письмо А.И. Покровского к владыке Арсению (Стадницкому), в котором он сравнивает жилищные условия профессоров Московского университета и Московской академии⁹¹. Важные подробности частной жизни профессоров Московской академии и Санкт-Петербургской также содержатся в «Жизнеописании блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого», составленного архиепископом Никоном (Рклицким)⁹², и воспоминаниях профессора СПбДА А.Л. Катанского⁹³, воспоминания о профессоре Пермского университета Н.Н. Фиолетова оставила его вторая жена Н.Ю. Фиолетова⁹⁴. Некоторые важные сведения были почерпнуты из воспоминаний М.М. Богословского, прот. С. Булгакова, С.А. Волкова, А.В. Карташева, В.О. Ключевского, прот. Н. Любимова, П.Н. Милюкова, диак. С. Трубачева, Е. Н. Трубецкого⁹⁵.

⁹⁰ Люблю академию и всегда буду действовать во имя любви к ней» (письма профессора Киевской духовной академии Д.И. Богдашевского к А.А. Дмитриевскому) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 75–107; «Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу святой Церкви и Духовной науки...» (письма протоиерея Николая Виноградова к А.А. Дмитриевскому) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1 (13). 2016. С. 121–209.

⁹¹ ГАРФ. Ф.550. Оп.1. Д. 398.

⁹² *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1971. Т. 1.

⁹³ *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 год. Нижний Новгород, 2010.

⁹⁴ *Фиолетова Н.Ю.* История одной жизни // Минувшее. Ист. альм. Вып. 9. 1992. С. 7-105.

⁹⁵ Богословский М.М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011; *Булгаков С. прот.* Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998; *Волков С.А.* Возле стен монастырских. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000; *Карташев А.В.* Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии: Сборник / Редкол.: протоиерей В. Чаплин и др.; Предисл. И. Соловьева. М., 1995; *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968;

Отдельный блок источников – периодические издания. Наибольшее количество публикаций профессоров за период 1906–1917 г. было в изданиях духовных академий: Всероссийский церковно-общественный вестник, Христианское чтение, Православный собеседник, Богословский вестник, Известия по Казанской епархии, Труды Киевской духовной академии. В периодической печати публиковались как научные работы профессоров, их публицистические статьи о соборности и церковных реформах⁹⁶. Кроме того в работе используются издания, в которых были опубликованы отклики о работе Поместного собора⁹⁷.

В целом, источниковая база репрезентативна и работа в полной мере обеспечена материалом, позволяющим решить поставленные задачи.

Любимов Н., протопресвитер. Дневник заседаний Святейшего Синода в новом его составе с 26 апреля по 12 июня 1917 г. М., 2022; *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991; *Трубачев С., диак.* Избранное. Статьи и исследования. М., 2005; *Трубецкой Е.* Из прошлого. С 12 портретами и иллюстрациями. Вена, 19--.

⁹⁶ *Боголюбов Н., прот.* Современный индивидуализм и «интеллигентное мещанство» // Вера и разум. 1908. № 19. С. 61–78; *Верховской П.В.* О необходимости изменить Русские Основные Законы в пользу законодательной независимости Православной Русской Церкви. Берлин, 1913; *Верховской П.В.* Проект отдела «о вере» в будущей конституции России // Московский церковный голос. 1917. № 8. С. 1–2; № 9. С. 1–2; Некролог А.А. Спасского // Богословский вестник. 1903. № 10. С. 243; *Писарев Н.Н.* Казанская духовная академия на служении Православной Церкви и русскому народу // Православный собеседник. 1917. № 10/12. С. 426–457; *Покровский И.М.* К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского // Православный собеседник. 1917. № 3–5; С. 1–50; *Попов И.В.* Богословские факультеты [Рец. на: Светлов П. Я., проф. О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России. Киев, 1906] // Богословский вестник 1906. № 2. С. 392–401; Речь студента Н.П. Кудрявцева, произнесенная на могиле А.П. Лебедева // Богословский вестник. 1908. № 7–8. С. 602–604; *Тихомиров П.В.* О духовных академиях // Духовная школа. СПб., 1906. С. 339–345; *Фиолетов Н.Н.* Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования // Юридический вестник. 1917. № 1. С. 52–64; *Андрей (Ухтомский), еп.* Вопль тоскующей души // Известия Всероссийского совета приходских общин. 23 сентября 1917 г. № 4. С. 3–4.

⁹⁷ *Арцыбашев М.* Служители Христа // Свобода. № 33. 8 (21) января 1918. С. 2; *Брянчанинов А.Н.* Три во единой неотложные задачи Собора // Известия Всероссийского совета приходских общин. 23 сентября 1917 г. № 4. С. 1–3; За день // Гроза. № 912. 8 октября 1917. С. 2–3; *Мичурин С.* Черные вороны // Земля и воля. № 44. 12 сентября 1917. С. 2; Петроград. 8 октября 1917 года // Гроза. № 912. 8 октября 1917. С. 1–2; *Смирнов М., прот.* 15 августа 1917 г. Исторический день // Московский церковный голос. 1917. 23 августа. № 28. С. 2; *Коровин.* Конец октября – начало ноября 1917 г. // Фонарь. № 13. 12 (25) февраля 1918. С. 2; Старый писатель. Отцы и пастыри // Наше время. № 9. 11 (24) января 1918. С. 3.

Научная новизна исследования определяется принципиальным изменением подхода к изучению истории профессоров – специалистов в области церковно-богословских наук. Для существующей научной литературы об истории богословского образования в России в XIX – начале XX в. характерен институциональный подход, в результате которого университеты и духовные академии преимущественно изучаются отдельно друг от друга либо духовные академии сравниваются с университетами с точки зрения организации управления, учебного процесса, степени вовлеченности преподавателей и студенчества в протестные движения. В данной работе впервые даны представления о социокультурной истории профессуры – специалистов в области церковно-богословских науках и об их роли в общественной жизни в период крушения Российской империи.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования дополняют представления о социокультурной истории отечественной профессуры, развитии высшего богословского образования в России в начале XX в. и могут быть использованы для дальнейших исследований истории высшего образования, истории Русской Православной Церкви.

Практическая значимость исследования состоит в том, что содержащиеся в нем общие теоретические выводы и фактические данные могут быть использованы для разработки специальных курсов по истории высшего образования в России XIX – начала XX в. и истории Русской Православной Церкви.

Достоверность исследования определяется репрезентативной источниковой базой, системным анализом материалов, актуальностью методологических подходов.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы были представлены на научных конференциях и изложены в 4 научных работах автора общим объемом 5,1 п.л. в

рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура исследования организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Работа над подготовкой церковной реформы дала возможность профессорам университетов и духовных академий, преимущественно мирянам, уже формально не принадлежавшим к духовному сословию, но специализирующимся в области церковно-богословских наук, обрести новую корпоративную идентичность. На Соборе 1917 г. ученые ощутили себя церковной элитой, которая может и должна блюсти основу церковной жизни – «соборность». Это спровоцировало ряд противоречий с традиционной церковной иерархической системой.
2. Проект нормального устава духовных академий, разработанный на Поместном соборе, предполагал максимальную открытость и доступность высшего богословского образования, преимущественно для мирян. Вместе с тем предполагалось прямое подчинение академий высшим церковным институтам, включая будущие Поместные соборы. Это позволило бы закрепить новоприобретенный высокий статус профессоров в церковной организации и российском обществе. Отсутствие собственных финансовых средств помешало реализовать данное намерение.
3. Собор стал наивысшей точкой консолидации части церковных людей в условиях хаоса и разобщенности революционного времени, а «соборность» явилась идейным стержнем и попыткой зафиксировать достигнутое единство для будущего. Профессора и преподаватели университетов и духовных академий стали в данном случае теми, кто вербализировал и обосновывал ожидание церковного сообщества, предложив проекты реализации этого принципа в проектах высшего церковного управления.

4. Проект о регулярном Поместном соборе не был введен в действие не в силу внешних обстоятельств, а по причине внутренних разногласий между разными церковными группами соборян – архиереями, клиром и мирянами.

5. Профессора университетов проявили высокую активность в деле популяризации и продвижении в различных государственных и церковных организациях достижений церковного права и, в частности, модели церковной организации как «корпорации публичного права». Ученые личным участием обеспечили накануне Поместного собора единство проектов Временного правительства, конституционно-демократической партии, Предсоборного совета и церковно-общественных съездов, что задало дискурс для будущего обсуждения церковно-государственных отношений на Поместном соборе.

6. На Соборе профессора приняли активное участие в выработке церковной позиции по отношению к государству и в ревизии церковного хозяйства. Изменение политической ситуации, отделение Церкви от государства и лишение ее имущества сделали, с одной стороны, эту работу неактуальной, а с другой – позволили применить ряд правовых идей на практике. В частности, это касалось реализации идеи о Церкви как юридическом лице публичного права, независимом от государства в своих внутренних решениях.

Глава I. Интеллектуальная среда подготовки Поместного собора в начале XX века

1.1. Церковно-богословские науки в университетах и духовных академиях: исследовательская культура в начале XX века

В начале XX в. в Российской империи насчитывалось 11 университетов (Санкт-Петербургский, Московский, Харьковский, Казанский, Святого Владимира в Киеве, Новороссийский, Юрьевский, Варшавский (Донской с 1915 г.), Томский, Николаевский в Саратове и в октябре 1916 г. было открыто Пермское отделение Петроградского университета – будущий Пермский университет) и 4 духовных академий (Санкт-Петербургская, Московская, Киевская и Казанская) – 15 научных центров, созданные в разное время и с различными задачами. Утилитаризм Петровской эпохи не был преодолен к началу XX в.: по-прежнему университеты были учреждениями, обеспечивающими государство квалифицированными кадрами, в то время как духовные академии оставались сословной школой, нацеленной на решение церковных задач – воспитание будущих священнослужителей и пополнение преподавательского состава духовных школ. Собственно, высшие школы – государственные и церковные – подчинялись разным ведомствам: университеты были подотчетны Министерству народного просвещения, а духовные академии – Святейшему синоду. Тем не менее все научные центры, и университеты, и академии, оказались в течение XIX века погружены в несколько общих процессов.

С 1830-х годов в университетской истории России открывается новый этап, характеризующийся трансфером актуальной образовательной модели – «классического» университета. При основании Берлинского университета В. фон Гумбольдтом был осуществлен качественный переход от понимания университета как средневековой корпорации – объединения преподавателей и студентов (*Universitas magistrorum et scholarum*) к представлению о нем, как о

месте «объединения наук» (*Universitas litterarum*)⁹⁸. Ключевой идеей новой модели стало *Bildung durch Wissenschaft* – образование наукой, противопоставлявшееся утилитарному *Ausbildung* – как получению узконаправленного образования с целью реализации его выпускниками в конкретной профессиональной деятельности⁹⁹. Важнейшими ценностями, без которых не был бы достижим идеал науки, таким образом, становились для профессоров и студентов свобода преподавания (*Lehrfreiheit*) и свобода обучения (*Lernfreiheit*)¹⁰⁰. По мнению А.Ю. Андреева, дискуссии вокруг университетских реформ во второй половине XIX–начале XX в. в России показали, что «классическая» модель остается актуальной для деятелей образования и более того воспринимается, как «действенное средство повысить общественный вклад и национальное значение университетского образования» в империи¹⁰¹.

Вместе с тем в XIX в. изменилось и представление о науке. Основой научного знания в естественных дисциплинах стал эксперимент. В гуманитарных науках же этот подход был переосмыслен как критика источников, что дало новый вектор развития, например, исторической науке. Философ XX в. М. Хайдеггер так характеризует это явление: «Естественнонаучному эксперименту соответствует в историко-гуманитарных науках критика источников. Это название означает теперь весь комплекс разыскания, сопоставления, проверки, оценки, хранения и истолкования источников. Основанное на критике источников историческое объяснение, конечно, не сводит факты к законам и правилам. Однако оно не ограничивается и простым сообщением о фактах. В исторических науках, не меньше чем в естественных, метод имеет целью представить постоянное и сделать его предметом [изучения]»¹⁰². Хайдеггер анализирует исследовательскую ситуацию начала XX столетия, однако ее принципы, движение к позитивному

⁹⁸ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 515.

⁹⁹ Там же. С. 524.

¹⁰⁰ Там же. С. 514.

¹⁰¹ Там же. С. 586.

¹⁰² Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 45–46.

знанию были заложены еще в прошлом – в XIX в. Аналитический подход к источникам неизбежно ставил вопросы о взаимоотношениях человека, общества с окружающей его действительностью, государством в прошлом.

Духовные школы тоже оказались включены в этот процесс трансфера «классического» университета и новых научных практик. Например, по академическому уставу 1869 г. академия была осмыслена в противовес светскому университету как объединение церковных наук, а отделения специализации – богословское, церковно-историческое и церковно-практическое – можно считать квазифакультетами. Также профессора академий получили возможность составлять программы учебных курсов, выбирать необходимые пособия для обучения по своему усмотрению, что Н.Ю. Сухова трактует как реализацию «свободы преподавания» (*Lehrfreiheit*). Был создан институт приват-доцентов – «свободных преподавателей». В то же время, обучающиеся имели право выбора специализации, что было признаком введения некоторой «свободы обучения» (*Lernfreiheit*)¹⁰³. Причины реформы, конечно, имеют корни в собственных нуждах духовной школы, в ее потребности в повышении качества подготовки церковных специалистов, развитии науки, однако те организационные формы, в которых был отлит этот поиск, свидетельствуют о переносе ценностей новой университетской модели в образовательный контекст отечественного церковного образования.

Однако введение этих принципов в богословские науки поставило проблему соотношения свободы исследования и церковной ответственности, истины как результата научного поиска и истины Откровения, обусловленность исторического процесса причинно-следственными связями или провиденциализмом. Если научная истина для светского исследователя предполагает некоторое неограниченное движение к ней, является личным достижением, то совершенно иное представление об истине у человека, укорененного в христианской традиции. Для него Истина оказывается конкретна и персонифицирована, ведь сам Бог говорит о Себе: «Я есмь путь и истина и

¹⁰³ Сухова Н.Ю. «Идея академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ XIX–нач. XX в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2(6). 2013. С. 147.

жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). Таким образом, движение к Истине – к Богу сопряжено с качеством жизни – духовностью, являясь результатом и личного поиска, и Божественного Откровения. При чем истинное знание о мире, о Боге, о Церкви не есть нечто новое, а уже однажды данное Богом Откровением на заре христианской эры в Священном Писании и догматическом учении Церкви. Оно не является чем-то, что доступно только профессиональным исследователям, а скорее свойством святости, особой высоты духовной жизни, доступной любому верующему человеку. Не случайно, ежегодно Церковь накануне Пасхи особым образом чтит память Марии Египетской – святой VI в., которая согласно церковному преданию провела 47 лет в пустыни, где в борьбе с греховными склонностями смогла достигнуть и святости, и Божественного Откровения. Сочетание в таком случае неограниченной научной свободы и поиска истины в Церкви становится сложной проблемой. Неслучайна реакция иеромонаха Филарета (Дроздова) на введение ученых степеней в 1810-е гг.: «...когда в Церкви оскудели учителя, тогда явились доктора, профессора и бакалавры. Дух Евангельский, подобно как спирт, стали измерять градусами»¹⁰⁴.

Наиболее близкие богословию методы гуманитарных наук – критика источников – ставили исследователя перед необходимостью критического анализа Священного Писания, жизни Церкви, соответственно, основ мировоззрения верующих. Первые годы действия устава 1869 г. продемонстрировали широкий интерес студентов к исторической проблематике: именно исторические направления в академиях оказались наиболее многочисленными, они же представляли максимальное количество магистерских и докторских исследований. Что, впрочем, могло быть объяснимо атмосферой Великих реформ, когда радикальный пересмотр всех сторон государственной и церковной жизни побуждал студентов обратиться к прошлому¹⁰⁵. Но «историзм»

¹⁰⁴ Цит. По. *Сухова Н.Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX– начале XXв. М., 2012. С. 77.

¹⁰⁵ *Сухова Н.Ю.* «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // Филаретовский альманах. 2013. № 9. С. 146.

не остался уделом только церковных историков, а стал доминирующим методом и для практически всех областей богословия, которые были осмыслены в 1860-1870-е гг. в историческое перспективе. Отсюда и формулировки в названиях работ по богословию: «историко-догматическое», «историко-экзегетическое», «историко-текстологическое», «историко-каноническое», «историко-литуургическое», «историко-археологическое», «историко-апологетическое» исследование¹⁰⁶. Эта «историко-богословская революция» определила развитие церковной науки в предреволюционное время. Н.Ю. Сухова приходит к выводу: «Историческая критика если не разрушила, то “разобрала на части” “духовную ученость” первой половины XIX в., пообещав, но не успев дать взамен целостное богословие на основании более полной источниковой базы, изученной на более высоком уровне»¹⁰⁷. Собственно, в понимании историчности и ее методов так же не было единства: мнения разнились от уточнения исторических деталей, отказа от конфессиональной априорности до возможности выявления генезиса и развития тех или иных элементов церковной жизни. Тем не менее, именно исторические методы обеспечивали единство богословия, вопреки его усложнявшейся специализации¹⁰⁸.

Был и другой путь развития церковной науки – включение богословских дисциплин в курсы государственных университетов. Вопрос о дополнении корпуса университетских наук богословскими был актуален с XVIII в. Общеуниверситетский устав 1835 г. вводил в структуру университета богословскую межфакультетскую кафедру «догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законовещения»¹⁰⁹. Задачей новой кафедры стала реализация духовного воспитания студентов православного вероисповедания. В связи с развитием университетской специализации в 1850–60

¹⁰⁶ Сухова Н.Ю. «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // Филаретовский альманах. 2013. № 9. С. 162.

¹⁰⁷ Там же. С. 167.

¹⁰⁸ Там же. С. 169.

¹⁰⁹ Университетский устав 1835 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. II. Отд. 1. С. 742–769.

гг. кафедра была разделена новым уставом 1863 г. на три¹¹⁰. Собственно, кафедра богословия оставалась межфакультетской, а церковная история была отнесена к историко-филологическому факультету и церковное право – на юридический. Таким образом, история Церкви и каноническое право получили новую исследовательскую перспективу в контексте исторических или юридических наук. Вместе с тем, была нарушена связь церковной истории и права, и их вместе с богословием. С другой стороны, наличие кафедры в университете предполагало возможность присуждение ученых степеней по ее профилю, в то время как ученые степени по богословию оставались прерогативой Святейшего синода и духовной школы.

В результате дискуссии о методах и требованиях к кандидатам на вакансии профессоров церковной истории и церковного права в университетах Министерство народного просвещения в январе 1873 г. приняло постановление «По вопросу об условиях, при которых преподаватели церковной истории и церковного законоведения в университетах могут достигать профессорского звания»¹¹¹. Кафедру церковной истории предлагалось занимать специалистами с духовным образованием, так как эта наука, по мнению министерства, была более связана с комплексом богословских и других специальных дисциплин, которые преподавались именно в духовной школе: «правильно излагать перемены в судьбах Церкви, возникавшие в свете ее учения, принятие одних и отвержение других, возможно только при значительном запасе сведений из курса богословских наук и привычке обращаться мыслию в этом кругу»¹¹². А церковное право, признавалось, наукой, которую необходимо изучать в контексте юридических наук и вполне допустимо – в университете. На этом основании было принято решение о введении университетских степеней магистра и доктора

¹¹⁰ Общий устав императорских российских университетов 1864 г. Киев, 1872. С. 5–11.

¹¹¹ По вопросу об условиях, при которых преподаватели церковной истории и церковного законоведения в университетах могут достигать профессорского звания // Присуждение ученых степеней в Российской империи: полное собрание правовых актов (1724–1917) / Сост. А.Н. Якушев. Ставрополь, 2006. С. 357–359.

¹¹² Там же.

церковного законовещения. Степень магистра присуждалась университетом тем, кто представил соответствующее сочинение, а также кроме экзамена по праву сдал дополнительно по богословию по специально составленной программе. От этого дополнительного экзамена освобождались лица, имеющие семинарское образование. Сразу же устанавливалась преемственность степеней: доктором церковного законовещения можно было стать после получения университетской степени магистра церковного законовещения, что закрывало возможность свободного остепенения специалистов с богословскими степенями без обучения в университете. В духовных академиях также шел процесс дискуссий о месте церковного права в корпусе богословских наук. В итоге, новым уставом 1884 г. из единой богословской старшей степени была выделена степень доктора церковного права и доктора церковной истории. Очевидно, имелась в виду и польза для университетов – возможность замещения университетских кафедр академическими докторами. Однако церковные степени были доступны лицам, получившим в духовной академии степень магистра богословия – выпускникам академии. Таким образом, дискуссия о методах и задачах церковного права оказалась закреплена в двух параллельных системах ученых степеней – Министерства народного просвещения и Духовного ведомства, доступ к которым был открыт только через обучение в той организации высшего образования, в которой присуждался конкретный тип степени.

Каково было соотношение университетов и академий в развитии церковно-исторической науки? Обращает на себя внимание, что если в первых выделялась только одна кафедра, то в академии существовала целая группа исторических кафедр, что свидетельствовало о более детальном и специальном изучении различных областей науки. Так согласно уставу духовных академий 1869 г. вводилась специализация – «церковно-историческое отделение», на котором студенты должны были изучать следующие предметы: 1) библейская история Ветхого и Нового Заветов; 2) всеобщая церковная история; 3) история Русской Церкви; 4) история и обличение русского раскола; 5) всеобщая светская история; 6) русская история. Как видим, присутствуют 4 кафедры церковной истории, не

считая кафедр на других отделениях, которые так же можно было бы отнести к историческим: патрология, библейская археология, история проповеди в Православной Церкви и на Западе, церковная археология, теоретическое литературоведение и история русской литературы с обзором важнейших произведений зарубежных литератур¹¹³.

Устав 1884 г. хотя и упразднил отделения и выбор специализации, но все же в составе духовных академий сохранялась представительная группа церковно-исторических дисциплин: общеобязательные курсы по Священному Писанию с библейской историей, гомилетика и история проповедничества, история церкви вселенской, до разделения церквей, православно-восточной и русской, патристика, церковная археология и литургика и дисциплины на выбор – история и разбор западных исповеданий, история и обличение русского раскола – 7 исторических кафедр.

Устав 1910 г. предполагал наличие общеобязательных дисциплин: патрология, история древней Церкви, история Русской Церкви, а также дополнительных библейская археология, библейская история, история греко-восточной Церкви со времен отпадения Западной Церкви от Вселенской до настоящего времени, история Славянских Церквей и Румынской, история обличения западных исповеданий и русского сектантства, история и обличение русского раскола старообрядчества – 9 кафедр, не считая тех, которые были образованы в Киевской или Казанской академиях с особой региональной миссионерской целью¹¹⁴. Как видно из анализа уставов, в духовных академиях заметен рост количества церковно-исторических кафедр. Нет сомнения, что при одной кафедре в университете, занимаемой одним профессором, реализовать весь корпус церковно-исторических дисциплин на равном научном уровне было маловероятно. Именно духовные академии продолжали оставаться центрами изучения церковной истории.

¹¹³ Университетский устав 1835 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. II. Отд. 1. С. 742–769.

¹¹⁴ Устав 1910 // Присуждение ученых степеней в Российской империи: полное собрание правовых актов (1724–1917) / Сост. А.Н. Якушев. Ставрополь, 2006. С. 499.

При этом обращает внимание, что гражданская всеобщая и русская история никогда не были общеобязательными дисциплинами для будущих русских пастырей и преподавателей. Обе дисциплины были либо включены в состав «исторического отделения» по уставу 1869 г., либо в группы дисциплин «по выбору». Кроме того, несмотря на то, что п. V.47 устава 1884 г.¹¹⁵ и потом п. V.68 Устава 1910 г.¹¹⁶ оставляли возможность для замещения небогословских кафедр лицам с университетскими профильными степенями, в начале XX в. эти курсы читались в трех из четырех академиях выпускниками духовной школы. В Санкт-Петербургской и Киевской академиях профессорами кафедры русской гражданской истории были ученики профессора и выпускника СПбДА М.О. Кояловича, доктора церковной истории П.Н. Жукович в Санкт-Петербурге и В.З. Завитневич в Киеве. В Казанской академии преподавал протоиерей Николай Писарев, магистр богословия. Некоторым исключением в этот период стал доктор русской истории М.М. Богословский – выпускник Московского университета и ученик В.О. Ключевского. Таким образом, на этапе высшего образования возвращение к изучению истории своей страны было возможно только для части студентов академии. Вместе с тем, следует признать, что складывается особая ситуация, когда гражданскую историю для них читают специалисты по церковной, что предполагает уникальную трактовку исторического процесса и прежде всего в контексте христианского вероучения. Это конечно не могло не отразиться на формировании особого восприятия истории выпускниками духовных школ. Возможностью выстроить обмен исследовательским опытом с университетом воспользовалась только Московская академия.

Близость исторических дисциплин в духовных академиях показывает и практика научного руководства работами студентам, тематически не соотносящихся с непосредственной областью научных интересов профессора. Примечательна история взаимоотношений профессора Киевской академии В.З.

¹¹⁵ Устав 1884 // Присуждение ученых степеней в Российской империи: полное собрание правовых актов (1724–1917) / Сост. А.Н. Якушев. Ставрополь, 2006. С. 390.

¹¹⁶ Устав 1910 // Присуждение ученых степеней в Российской империи: полное собрание правовых актов (1724–1917) / Сост. А.Н. Якушев. Ставрополь, 2006. С. 418.

Завитневича и отца писателя М.А. Булгакова - А.И. Булгакова. В.З. Завитневич получил докторскую степень по церковной истории за работу, посвященную русскому богослову-мирянину и философу А.С. Хомякову¹¹⁷, а занимал кафедру русской гражданской истории в академии. А.И. Булгаков, который был младше Завитневича, всего лишь на 6 лет, стал одним из первых его учеников в Киевской академии, где и подготовил магистерскую работу «Очерки истории методизма», посвященную не самой близкой светской истории России теме. После защиты магистерской Булгаков в 1887 г. стал доцентом кафедры древней гражданской истории, что было совсем далеко от области его специализации. Только в январе 1889 г. он подал прошение и был переведен на близкую его профилю кафедру «истории и разбора западных исповеданий»¹¹⁸. Подобная практика была актуальна и в более поздний период. Например, в Санкт-Петербургской духовной академии во время преподавания на кафедре русской церковной истории А.В. Карташевым (1900–1905 гг.) многие студенты, недовольные, видимо, качеством руководства молодым специалистом, еще не представшим собственное магистерское исследование, писали квалификационные и научные работы под руководством профессора кафедры гражданской русской истории П.Н. Жуковича¹¹⁹.

Одновременно, университеты в условиях отсутствия системы научной аттестации в области истории церкви имели сложности в подготовке собственных научных кадров, удовлетворявших бы представлениям о методах исторической науки профессоров историко-филологических факультетов. Тем более, что как уже было показано выше, подготовить специалиста по церковной истории вне более богатой на направления специальностей в истории, богословской науке духовной академии было невозможно. Были индивидуальные решения: так выпускник Санкт-Петербургского университета 1892 г Б.М. Мелиоранский для углубления своих знаний в области церковной истории поступил

¹¹⁷ *Завитневич В.З.* Алексей Степанов Хомяков. Т. 1. Киев, 1902.

¹¹⁸ *Булгаков А.И.* // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 337–338.

¹¹⁹ *Карпук Д.А.* Кафедра русской церковной истории в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже XIX–XX вв.// Христианское чтение. 2015. № 5. С. 175–218.

вольнослушателем в столичную духовную академию, которую окончил в 1895 г. В 1901 г. он защитил в СПбДА магистерскую диссертацию по эпохе иконоборчества «Георгий Кипрянин и Иоанн Иерусалимлянин: Два малоизвестных борца за православие в VIII в.»¹²⁰. Таким образом, в 1897–1906 г. на кафедре в университет преподавателем был человек с церковной степенью, который на личном уровне смог объединить достижения и исследовательский традиции двух высших школ столицы. Среди учителей Мелиоранского были выдающиеся ученые как в университете В. Г. Васильевский, А. И. Введенский, С. Ф. Платонов, В. К. Ернштедт, П. В. Никитин, И. Е. Троицкий, так в академии - В. В. Болотов, А. Л. Катанский, Н. Н. Глубоковский. Однако, эта традиция оказалась не развитой и не обеспеченной преемником в связи с ранней смертью профессора. На кафедре Мелиоранского сменил в 1907 г. выпускник Московской духовной академии И.Д. Андреев.

В Московском университете сложилось иначе. Вообще, за период 1884–1917 гг. на кафедре сменили друг друга всего лишь 4 профессора: протоиерей А.М. Иванцов-Платонов (1872–1894), А.П. Лебедев (1896–1908), П.В. Гидулянов (1908–1911) и А.И. Алмазов (1912–1917). Для сравнения: в то время на кафедрах всеобщей истории и русской преподавали по 9 человек. Учитывая интересы кафедры истории церкви, Иванцов-Платонов в 1894 г. предложил ее занять выпускнику Московского университета М.С. Корелину – ученику В.И. Герье. Однако он уже к тому времени репутацию человека критически относящегося к церковной повседневности, традициям и едва ли не атеиста. В результате, Министерство просвещения утвердило в должности профессора Московской духовной академии А.П. Лебедева¹²¹. После смерти Лебедева снова встал вопрос о замещении кафедры. Характерно, что чтение курса не было поручено приват-доцентам, совмещающим преподавание в университете с работой в родной

¹²⁰ Мелиоранский Борис Михайлович // Православная энциклопедия. Т. 44. М., 2016. С. 598–599.

¹²¹ Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском университете // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 1 (68). С. 57–58.

академии. Профессора кафедры искали человека с университетской степенью, который бы специализировался в области близкой к церковной. Кандидатами стали С.А. Котляревский – специалист по всеобщей истории, только что подготовивший магистерскую диссертацию по государственному праву и преподаватель Демидовского юридического лицея, доктор церковного права П.В. Гидулянов¹²². Т.е. преподаватели историко-филологического факультета были готовы предпочесть юристов историкам из духовных академий. В итоге, преподавателем церковной истории стал П.В. Гидулянов: перевод в Московский университет из Ярославля, хотя бы и не на профильную кафедру, все же можно было бы рассматривать как повышение. Однако, вскоре он получил кафедру церковного права на юридическом факультета, а в 1911 г. и вовсе стал его деканом. На освободившуюся вакансию в 1912 г. был переведен из Новороссийского университета выпускник Казанской академии А.И. Алмазов – носитель академической научной традиции.

Если для Санкт-Петербургского и Московского университетов было так сложно подобрать кандидатуру, удовлетворявшую бы ожиданиям профессоров историко-филологического факультета, то не проще было и региональным университетам. На кафедрах церковной истории, если они и были открыты, преподавали выпускники духовной академии. Впрочем, среди них были и незаурядные исследователи. Так, в начале XX в. в Новороссийском университете преподавал выдающийся церковный историк А.П. Доброклонский.

Таким образом, нет оснований для того, чтобы утверждать, что в церковно-исторической науке начала XX в. существуют конкретные академические и противостоящие им университетские научные школы. Конечно, ряд университетских преподавателей, выходцев из духовной академии, мог иметь и особые взгляды на методы исследования, не согласовавшиеся с коллегами из духовной школы. Здесь уместно вспомнить об А.П. Лебедеве, который считал, что

¹²² Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском университете // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 1 (68). С. 59–60.

церковная история – наука беспристрастная и должна стоять вне вероисповедных отличий¹²³. Тем не менее, он перешел в университет, будучи маститым исследователем, со сложившимися взглядами в рамках академической жизни. В итоге, дискуссии церковных историков начала XX в. следует признать обсуждением исследовательских проблем внутри академических научных школ с участием специалистов в других предметных областях исторической или юридической науки.

Одновременно интересно рассмотреть отдельно и подробнее взаимоотношения научных сообществ церковных юристов университетов и духовных академий, так как в данном случае существовала возможность получения профильной степени у обеих групп ученых. Проблема оторванности права от богословских наук и церковной истории в университете и, наоборот, отсутствия юридической подготовки в духовных академиях решалась исследователями в XIX в. преимущественно на личном уровне: получение образования и в духовной академии, и в университете; совмещение преподавания в светской и духовной высшей школе, обмен учениками. Профессор ПСТГУ Н.Ю. Сухова, исходя из этого, делает вывод, что научно-интеллектуальное пространство отечественных дореволюционных канонистов университетов и академий следует признать единым¹²⁴. Тем не менее возникает вопрос, при наличии многого общего, были ли существенные различия между университетскими и академическими профессорами, можно ли говорить о сложившихся собственных особых научных школах изучения церковного права в университетах к 1910-м гг.?

За период 1905–1917 г. в университетах и академиях в должности профессора кафедр церковного права работали 21 человек. Из них 8 человек были одновременно или последовательно преподавателями нескольких университетов

¹²³ См. подробнее: *Герасимов О., диакон. История Церкви в системе научных дисциплин в российских университетах XIX в. // XVIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. Т. 1. М., 2008. Т. 1. С. 353–358*

¹²⁴ *Сухова Н.Ю. Церковное право в православных духовных академиях России: проблемы и традиции // Религии мира. История и современность. 2012. Т. 2010. С. 359.*

или университета и академии, 6 человек трудились только в одной академии, а 7 человек – только в одном университете. Вместе с тем за период 1884–1917 гг. степень доктора церковного права в университетах получили 7 человек¹²⁵. При 10 кафедрах и с учетом ротации в 1905–1917 гг., следует признать, что в университетах все же ощущается недостаток собственных кандидатов и остается возможность для замещения их специалистами с академическими степенями и, соответственно, некоторой социальной и академической мобильности специалистов, происходивших из духовного сословия. Из 21 указанных профессоров большая часть, 15 человек, происходили из духовного сословия и только 5 принадлежали к другим группам населения: П.В. Гидулянов и П.В. Верховской – дворяне, В.Н. Бенешевич – сын судебного пристава, М.Е. Красножен из семьи артиллерийского счетчика, а архимандрит Михаил (Семенов) из семьи крещеных евреев. О происхождении П.П. Соколова информации нет. Происхождение определяло дальнейшую карьеру: те, кто родился в семьях духовенства, получали наиболее доступное им образование в духовной школе. Рассмотрим подробнее, как формировались научные школы начала XX в. Под научной школой подразумевается сообщество профессоров и их учеников, в общении которых обеспечивалась преемственность научных методов, системы взглядов.

В столичном Санкт-Петербургском университете развитие церковного права было связано с именем протоиерея М.И. Горчакова (профессор в 1871–1910 гг.), который сначала получил образование в Санкт-Петербургской духовной академии, а затем окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Молодой специалист посещал лекции в университетах Германии и Швейцарии (Тюбингенский, Гейдельбергский университеты, Страсбургская

¹²⁵ Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Ставрополь, 1998. С. 200; О получении докторской степени П.В. Верховским сообщает: Бирюкова Ю.А. Исповедь в застенках ВЧК. К биографии историка и общественного деятеля профессора протоиерея П. В. Верховского// Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 5 (48). С. 88.

академия и др.). Отец Михаил получил две степени: сначала (!) университетскую – доктора государственного права в 1871 г. и только через 12 лет академическую – доктора богословия в 1883 г. (т.е. университетскую до появления степени по церковному праву и академическую до разделения ее уставом 1884 г.).

Для отца Михаила церковное право – юридическая дисциплина, а не богословская. В своей докторской диссертации «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Святейшего Синода (988-1738 гг.). Из опытов исследования в истории русского права» он исследует земельные владения высших иерархов как церковно-имущественный и общественно-государственный или общинно-государственный институт, развивающийся в контексте русского государственного права¹²⁶. По мнению В.О. Ключевского работа носит описательный характер и приведенные документы и факты недостаточно проанализированы. Последнее, по мнению рецензента, является результатом неверного выбора предмета исследования, который представляет собой только часть церковного землевладения, не самую большую, зато за весьма продолжительный период¹²⁷.

Кроме активной научной и преподавательской деятельности отец Михаил был энергичным публицистом – печатался в «Вестнике Юго-Западной и Западной России», заведовал славянским отделом газеты «Голос». По мнению священника, «основой и силой деятельного человека в частной, гражданской, общественной и государственной жизни, приводимой правом в определенный порядок» является религия, так как именно потребности духовной природы человека определяют развитие права¹²⁸. Активная церковно-гражданская позиция привела отца Михаила в ряд форумов, где обсуждались церковные и государственные

¹²⁶ Горчаков М., *свящ.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Святейшего Синода (988-1738 гг.). Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. С. 38–39.

¹²⁷ Ключевский В.О. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988–1738 гг.) Свящ. М. Горчакова СПб. 1871 г. // Православие в России. М., 2000. С. 501.

¹²⁸ Горчаков М., *прот.* Об отношении Церкви к праву и государству: Слово в Неделю о расслабленном и в день рождения Имп. Александра II, произнесенное в Исаакиевском соборе) // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. № 21/22. С. 32.

проблемы: он стал участником группы «32-ух священников», высказавшихся за созыв Поместного собора и церковную реформу, был приглашен в Предсоборное присутствие 1906 г. и выбран представителем от белого духовенства в Государственный совет.

Так сын диакона Костромской губернии стал уважаемым протоиереем и маститым ученым. Интересно, что отец Михаил не оставлял преподавание в Санкт-Петербургском университете даже в преклонном возрасте и был ценим корпорацией (например, в 1882–1883 г. он исполнял обязанности декана юридического факультета, был членом испытательной комиссии), был преподавателем Мариинского института, занимался благотворительной деятельностью, но не вернулся преподавать в alma-mater – Санкт-Петербургскую духовную академию. Более того, докторская степень по богословию была получена не в столичной академии, где он учился, а в Киевской. Очевидно, в своей научной и общественной позиции исследователь разошелся с корпорацией духовной школы.

На кафедре церковного права Горчакову наследовал его ученик В.Н. Бенешевич (преподавал церковное право с 1909 г., с 1911 – профессор). Бенешевич – пример другой карьерной стратегии. Он был сыном судебного пристава и внуком священника. Повышение материального и общественного статуса семьи позволило ему минуя духовное образование сразу поступить в гимназию и затем в Санкт-Петербургский университет, который окончил в 1897 г. Здесь же получил магистерскую степень по церковному праву в 1905 г. за работу «Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви». Продолжительная пауза между выпуском из университета и получением магистерской степени объясняется тем, что несколько лет в качестве профессорского стипендиата Бенешевич провел в заграничных стажировках: он изучал историю права в Лейпциге, Берлине и Гейдельберге. Таким образом, ученик продолжил научные традиции своего учителя и углубил исследовательское направление.

В 1907 г. Бенешевич был приглашен на кафедру церковного права в Санкт-Петербургскую духовную академию. Предыдущий преподаватель – архимандрит Михаил (Семенов) несколько ранее вступил в партию национал-социалистов и публично признал себя «христианским социалистом», что повлекло за собой увольнение из духовной школы. Но и Бенешевич проработал в академии недолго: в 1909 г. был уволен по результатам ревизии. Как заметил Д.А. Карпук, он остался для духовной школы «чужаком»¹²⁹. Увольнение Бенешевича спровоцировало кадровый кризис в академии: на предложение о вакансии было получено 6 (!) отказов. От престижной столичной кафедры отказались «не уточняя деталей», например, Н.Д. Кузнецов, А.И. Алмазов и даже профессорский стипендиат 1901–1902 гг. Г.А. Романов¹³⁰ ... Очевидно, специалисты по церковному праву проявили корпоративную солидарность с уволенным коллегой. Кафедру занял талантливый ученик профессора русской истории П.Н. Жуковича, кандидат богословия (выпуск 1906 г.) В.Г. Соломин. Соломин в 1906-1908 г. посещал лекции на историко-филологическом и юридическом факультете столичного университета, но сложное материальное положение, отсутствие поддержки семьи (был сиротой) и необходимость заниматься частными уроками не позволили ему завершить университетское образование. От преподавания в академии он никак не мог отказаться. В результате, с января 1910 г. на кафедре в СПбДА работал не остепененный выпускник академии, чьи предыдущие изыскания были более связаны с историей духовного образования, чем с церковным правом, что, конечно, свидетельствует о понижении уровня кафедры.

Бенешевичу ближе была научная традиция Московского университета. Именно туда он в 1914 г. представил к рассмотрению докторскую диссертацию на соискание степени доктора церковного права: «Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников

¹²⁹ Карпук Д.А. Научно-исследовательская и преподавательская деятельность доцента Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре церковного права В. Г. Соломина (1881–1918) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 1 (4). С. 146.

¹³⁰ Там же. С. 147–148.

права греко-восточной церкви»¹³¹. Выбор университета для защиты не случаен. Актуальная московская школа церковного права восходила к столичной: профессора, магистра богословия А.С. Павлова на кафедре сменил Н.С. Суворов (профессор 1888–1908) – выпускник Санкт-Петербургского университета и ученик прот. М. Горчакова. В свое время правовед закончил семинарию, но отказался от зачисления в столичную академию и проработав год, чтобы скопить необходимые средства, поступил в университет. Суворов предпочел связать свою карьеру с университетом. Он был обладателем только университетских степеней магистра и доктора церковного права, присужденных в Санкт-Петербурге и Москве соответственно.

Подход профессора к изучению права был связан с представлением о Церкви как об обществе, из этого следовало, что помимо отношений индивида с Богом существуют и взаимоотношения людей внутри церковного сообщества, взаимодействие Церкви и других сообществ, что и составляет предмет права. Нормы церковного права, таким образом, являются как высшими установлениями, данными в Божественном откровении, так и сформулированными Церковью, как применение первых к конкретным историческим обстоятельствам¹³². Изменение в представлениях о происхождении права – разделение государства и общества, взаимоотношения в котором и формируют государственное право, по мнению Суворова, подтверждает возможность существования другого права – церковного и особого, отдельного от государства, положения Церкви¹³³. Более того, иная природа церковного права и другой, отличный от государственного инструментарий применения норм к жизни (церковь учит, а не принуждает) требует отдельного от государства состояния для нормальной жизни сообщества¹³⁴. Докторская Суворова была посвящена теме актуальной не только в научной, но и общественной перспективе

¹³¹ Бенешевич В.Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1914.

¹³² Суворов Н.С. Вступительная лекция по церковному праву. Ярославль, 1877. С. 5–6.

¹³³ Там же. С. 18–19.

¹³⁴ Там же. С. 27–28.

– соотношению государственной и церковной юрисдикций в судебном процессе по церковным вопросам: «Объём дисциплинарного суда и юрисдикция церкви в период вселенских соборов»¹³⁵. А.А. Дорская отмечает, что деятельность исследователя вышла далеко за рамки церковного права: его наследие включает работы по гражданскому, семейному, уголовному, процессуальному праву. Его теоретические разработки косвенно влияли на законодательную политику Российской империи в начале XX в.¹³⁶

Ученик Суворова и его приемник по кафедре П.В. Гидулянов так охарактеризовал значение своего учителя для науки: «Современная русская наука церковного права создана трудами двух ученых А.С. Павлова и Н.С. Суворова. Они в истинном смысле отцы и основатели этой отрасли научного знания у нас в России. Если Павлов, расчистив дорогу и исследовав источники, обтесал камни, подготовил материал, то Суворов велик тем, что он своим творческим гением создал из них прочный, непоколебимый Фундамент и наметил план для дальнейших работников, дав церковному праву научную конструкцию и систему»¹³⁷.

Гидулянов – как и Бенешевич в Петрограде – не был связан происхождением с духовной школой. Гидулянов, потомственный дворянин, закончил Московский университет в 1898 г., стажировался в университетах Берлина и Мюнхена. Обе степени – магистр и доктор церковного права – были получены в alma-mater. Если Суворов стремился соотнести церковное право с зарубежными правовыми теориями, изучал влияние западного, католического и протестантского права на русское, то Гидулянов наоборот пытался исследовать его в контексте развития православной экклезиологии. В этом видится некоторая закономерность: исследователи с богословским образованием стремятся

¹³⁵ Суворов Н.С. *Объём дисциплинарного суда и юрисдикция церкви в период вселенских соборов*. Ярославль, 1884.

¹³⁶ Дорская А.А. *Юридическое наследие Николая Семеновича Суворова // История государства и права*. 2009. № 13. С. 17.

¹³⁷ Гидулянов П. *Памяти Николая Семеновича Суворова // Византийский Временник*. 1908. Том XV. Выпуск 2–3. С. 462.

улучшить юридическую аргументацию, а исследователи с юридической – соотнести свое знание с актуальным вероучением. Однако, этот поиск не привел Гидулянова к поступлению в духовную академию.

В своих исследованиях он особое внимание уделил природе власти в церкви. Докторская Гидулянова посвящена изучению участия императора в церковных делах и изменению в связи с этим статуса высших митрополитов в IV–V вв., которые из привилегированных епископов вскоре стали патриархами¹³⁸. Гидулянов доказывает, что церковная власть иноприродна по отношению к государственной, но аргументирует иначе, чем Суворов. Во-первых, так, как глава церковной общины – Христос, то этим само собой исключается любая иная правовая власть над собранием. Во-вторых, собрание участвует в признании церковных норм: «в каждом отдельном случае можно наблюдать 1) выражение через учительствующего воли Божией и 2) признание его за таковую, восприятие таковой, всем разумением и сердцем, со стороны еkkлeсии или, говоря словами профессора Суворова, рецепция его общинным собранием». Из этого следует, что «власть не воля, но сила, вытекающая из чувства взаимной зависимости, или, имея в виду Церковь, власть, это сила, вытекающая из чувства зависимости верующих от главенствующего и руководящего церковью св. Духа»¹³⁹.

Идеи Гидулянова будет далее развивать Н.Н. Фиолетов, оставленный им при кафедре церковного права для подготовки к профессорскому званию. Фиолетов был сыном священника Камышинского уезда Саратовской губернии, но карьера в духовной школе оказалась для него закрыта. Свое образование он начал традиционно для представителей духовного сословия: училище, семинария, однако в 1907 г. ушел из Саратовской семинарии по собственному желанию в знак солидарности с протестующими семинаристами, что обернулось, фактически, исключением из духовной школы. Далее, отец, по всей видимости, довольно состоятельный священник, старший сын которого к тому времени тоже закончил

¹³⁸ Гидулянов П.В. Восточные патриархи в период четырёх первых Вселенских Соборов. Ярославль, 1908.

¹³⁹ Гидулянов П.В. Сущность и юридическая природа церковного властвования. Петроград, 1916. С. 13–15.

университет – определил Николая в Царицынскую гимназию, после окончания которой он смог поступить в Московский университет¹⁴⁰.

Не имея возможности получить богословское образование, Фиолетов будет черпать вдохновение в московских религиозно-философских кружках. Через все студенчество он пронес восхищение религиозной философией Е.Н. Трубецкого, которая была ему ближе, чем строгая юриспруденция или богословская наука в духовной школе. Собственно, и при подготовке магистерской работы он больше работал с князем, который к тому моменту уже оставил университет, чем со своим прямым научным руководителем – Гидуляновым. К концу 1916 г., согласно воспоминаниям жены Фиолетова, магистерская диссертация была подготовлена¹⁴¹. К сожалению, не найден ни ее текст, ни сведения о защите. О взглядах исследователя можно судить по публичной лекции, текст которой был опубликован в «Юридическом вестнике». Фиолетов из тезиса о том, что Церковь имеет социальную природу, укорененную в догматическом определении ее как «Тела Христова», выводит определение источника церковного права: рецепция решений епископов всей полнотой Церкви – церковным социумом – является, по его мнению, источником церковного правообразования. Создание патриаршества, роль императора или его представителей на соборах определялись, с точки зрения автора, задачами организации рецепции¹⁴². Все это станет актуально при подготовке реформы высшего церковного управления на Поместном соборе 1917-1918 г., участником которого станет и Фиолетов.

Недолго проработав приват-доцентом Московского университета Фиолетов была направлен в июле 1917 г. исполняющим дела экстраординарного профессора Пермского университета. Обращает внимание, как несмотря на то, что корпорация новооткрытого университета формировалась из преподавателей Петроградского университета, в нее был приглашен специалист и из Московского университета. Собственно, в период работы Гидулянова на кафедре (профессор с 1909 г.)

¹⁴⁰ *Фиолетова Н.Ю.* История одной жизни // Минувшее. Ист. альм. Вып. 9. 1992. С. 20–24.

¹⁴¹ *Фиолетова Н.Ю.* История одной жизни // Минувшее. Ист. альм. Вып. 9. 1992. С. 20–24.

¹⁴² *Фиолетов Н.Н.* Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования // Юридический вестник. 1917. № 1. С. 52.

Бенешевич получил докторскую степень в Московском университете (1914 г.). Можно предположить, что их личное знакомство обеспечило продвижение в карьере Фиолетова. Важно обратить внимание, что традиция изучения церковного права передается от университета к университету.

Гидулянов и Фиолетов не стремились работать в Московской духовной академии. А вот примеры, когда члены академической корпорации добавились вакансии в Московском университете, есть. С 1 ноября 1916 г. приват-доцентом при кафедре церковного права был принят Илья Михайлович Громогласов – выпускник и бывший преподаватель Московской духовной академии. В 1917 г. он стал сверхштатным профессором университета. Громогласов был учеником Н.А. Заозерского и закончил академию в 1893 г. В том же 1893 г. поступил вольнослушателем в Московский университет и слушал курс А.С. Павлова. Закончить университетское образование он смог годы спустя, в 1914 г., к чему его побудили обстоятельства. После ухода в 1911 г. Заозерского из академии в связи с выслугой лет в корпорации возникла дискуссия о его приемнике. Заозерский предложил кандидатуру своего ученика Громогласова, который уже несколько лет ждал этой должности, а ректор академии епископ Федор (Поздеевский) выдвинул другую – выпускника Демидовского лицея и Санкт-Петербургской духовной академии Н.Д. Кузнецова. Среди претензий к Громогласову были, как и обвинение в политической неблагонадежности, так и в недостаточном профессионализме. Таким образом, академическое руководство предпочло человека со светской юридической подготовкой своему выпускнику. Скандал вышел за рамки академии: «Громогласовское дело» обсуждалось и в Синоде, и в печати. Кафедру (но должность доцента, а не профессора) по распоряжению Синода получил Н.Д. Кузнецов, а Громогласов вынужден был оставить преподавание в академии и заняться юридической практикой. Параллельно он экстерном закончил юридический факультет Московского университета и далее стал его преподавателем. Важно отметить, что ранее Гидулянов в рецензии работы Громогласова, представленной для получения степени магистра богословия, выразил весьма энергичное недовольство уровнем его диссертации.

Магистерской, посвященной определению брака в Кормчей, Гидулянов отказывает в научной новизне работы и более того обвиняет автора в прямых заимствованиях или пространном описании уже известного¹⁴³. Несмотря на это, он и корпорация университета поддержали Громогласова после его увольнения из академии, а после повышения уровня юридической подготовки приняли в преподавательский состав.

Аналогичная ситуация сложилась и с другим ученым – магистром богословия А.И. Покровским. Выпускник академии он начал преподавание в Московском университете в должности приват-доцента в 1904 г. и только через 2 года был приглашен доцентом в академию. Когда Покровский был уволен из академии по обвинению в либерализме в 1909 г., то смог продолжить работу в университете, откуда был переведен с повышением в 1916 г. на должность исполняющего дела экстраординарного профессора Новороссийского университета¹⁴⁴. Московский университет снова оказал поддержку ученому, который не смог встроиться в академическую корпорацию.

Таким образом, в Москве была не только воспринята и развита научная традиция Санкт-Петербургского университета, но и он сам стал особым научным центром, где проходили защиты ученых, которые не могли по тем или иным причинам защищаться в других высших школах и откуда набирали преподавателей на вакантные кафедры церковного права в другие университеты. Так, например, 5 из 7 докторов церковного права получили степень в Московском университете: Суворов Н.С. 1884 г., Гидулянов П.В. 1907 г., Соколов В.К. 1913 г., Бенешевич В.Н. 1914, Верховской П.В. 1917 г. А Красножен М.Е., Покровский А.И. и Фиолетов Н.Н. получили должности на кафедрах Юрьевского, Новороссийского и Пермского университетов после работы на младших преподавательских должностях в Москве.

¹⁴³ Подробнее см. *Гидулянов П.В.* Рецензия на: И. Громогласов. Определения брака в кормчей и значение их при исследовании вопроса о форме христианского брака // Византийский Временник. 1908. Том XV. Выпуск 1. С. 153-166.

¹⁴⁴ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1916 год. М., 1917. С. 95.

Представители школы прот. М. Горчакова трудились не только в Санкт-Петербурге и Москве. Его ученики были приглашены и в другие университеты: доктор церковного права П.П. Соколов стал профессором (с 1901 г.) Киевского университета святого Владимира, а позже, в 1914 г. даже был избран деканом юридического факультета. В Варшавском (с 1915 г. Донской университет) церковное право преподавал потомственный дворянин П.В. Верховской (профессор с 1909 г.). К слову, докторскую диссертацию на актуальную и в контексте церковно-общественных дискуссий тему «Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: к вопросу об отношении Церкви и государства в России» в 1917 г. Верховской представил вниманию коллег из Московского университета¹⁴⁵. Прием учеников Горчакова в высшие школы империи объясняется тем, что Министерство народного просвещения часто обращалось к нему за консультацией при замещении кафедр церковного права¹⁴⁶.

Тем временем в Московской духовной академии Н.Д. Кузнецов проработал недолго – уволен в 1913 г. в связи с неимением возможности совмещать юридическую практику с преподаванием. Кафедру принял доктор церковного права, выпускник Казанской духовной академии, бывший профессор Новороссийского университета А.И. Алмазов. Покровский и Громогласов были восстановлены в числе преподавателей академии только в августе 1917 г.¹⁴⁷, когда вопрос замещения кафедр по новым правилам был отнесен к ведению корпорации.

Ситуацию некоторого кризиса церковного права в духовных академиях рисует и статистика докторских зашит. За 1884-1918 гг. было получено 8 церковных степеней по праву (сравним с университетскими – 7), из которых 5 в Московской духовной академии и 3 в Казанской, а Санкт-Петербурге и Киеве –

¹⁴⁵ Бирюкова Ю.А. Исповедь в застенках ВЧК. К биографии историка и общественного деятеля профессора протоиерея П. В. Верховского // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 5 (48). С. 88.

¹⁴⁶ Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв. Дисс... д.ю.н. М., 2008. С. 296.

¹⁴⁷ Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1916–1917 учебном году // Богословский вестник. 1917. Т. 2. № 10–12. С. 30.

ни одной¹⁴⁸. При чем обращает внимание, что, если университетские доктора преимущественно защищаются в 1900-е гг. (6 из 7; все доктора кроме Н.С. Суворова), то большинство академических степеней, 6 из 8, было получено при действии устава 1884 г. и, соответственно, принадлежат старшему поколению исследователей. Защиты при действии Устава 1910 г. прошли только у П.А. Прокошева (Казань, 1914), который не мог представить исследование в силу большой загруженности на кафедре раньше, и у А.И. Покровского (Сергиев Посад, 1916), ставшая скандально известной после отказа Синода утвердить присуждение советом академии степени.

Таким образом, жесткий административный контроль за развитием науки в академии привел в тому, что на кафедре быстро сменялись профессора, поэтому сложно говорить о каком-либо планомерном выстраивании научной работы в области церковного права как в МДА после ухода профессора Заозерского, так и в Санкт-Петербурге. Некоторая стагнация заметна и в Киевской духовной академии, где 19 лет, в 1900-1919 гг., преподавал Ф.И. Мищенко. Мищенко учился здесь же в академии и получил степень магистра богословия в 1907 г. за историко-экзегетическое сочинение «Речи св. Апостола Петра в книге Деяний Апостольских»¹⁴⁹. Еще одна академическая кафедра церковного права оказалась занята исследователем, не специализировавшимся в области канонов.

Развитая школа церковного права помимо столичных университетов была только в Казани, связанная с научно-педагогической деятельностью выдающегося правоведа Ильи Степановича Бердникова. Бердников родился в Вятской губернии в семье причетника и получил наиболее доступное для него духовное образование – в 1864 г. он закончил Казанскую академию, где и остался после перехода из нее своего учителя А.С. Павлова преподавателем кафедры церковного права. Собственно, именно Казанская школа и была преемницей Павлова: на кафедрах

¹⁴⁸ Приложение 12. Количество докторских степеней по разрядам (1884–1918) // Сухова Н.Ю. Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.) М., 2013. С. 228.

¹⁴⁹ *Мищенко Ф.И.* Речи св. Апостола Петра в книге Деяний Апостольских. Киев, 1907.

Новороссийского и Московского университета ему не удалось воспитать преемников-учеников.

В 1881 г. Бердников в совете академии защитил докторскую диссертацию на соискание степени доктора богословия «Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. I: До Константина Великого»¹⁵⁰. Исследователь доказал, что конфессиональное право было частью государственного только в языческой Римской империи, а христианское церковное право не могло считаться таковым в силу своего происхождения и отсутствия аппарата принуждения, свойственного государственному праву. Церковь, по мысли Бердникова, самостоятельное сообщество, которое добивается высшей цели без поддержки государства, необходимость во взаимодействии с последним возникает только во внешних церковных вопросах¹⁵¹. Исследовательская концепция Бердникова позволяла встроить каноническое право в университетский курс юридических наук, поэтому он был приглашен на профильную кафедру юридического факультета Казанского университета. Научный авторитет Бердникова был признан всеми четырьмя академиями, в которых он был избран почетным членом корпорации. А его учебник «Краткий курс церковного права Православной Греко-Российской Церкви с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права», изданный в 1888 г. принес автору международную известность.

Бердников был не только выдающимся ученым, но и талантливым преподавателем. В университете и академии он смог подготовить целую плеяду церковных канонистов, которые были востребованы как в духовных школах, так и в университетах. Кафедру в Казанской академии он передал своему младшему ученику магистру богословия П.Д. Лапину. Магистерскую диссертацию Лапин посвятил изучению эволюции органа высшего управления церковью – собора¹⁵².

¹⁵⁰ *Бердников И.С.* Государственное положение религии в римско–византийской империи. Т. I: До Константина Великого. Казань, 1881.

¹⁵¹ Там же. С. 565

¹⁵² *Лапин П.Д.* Собор как высший орган церковной власти (историко–канонический очерк). Казань, 1909.

Из работы следовало, что свойство церкви «соборность» может быть выражено в разных формах: как в виде поместного или вселенского собора, так и в качестве синода. В этой перспективе намечалось интересное решение проблемы каноничности синодального устройства Русской церкви.

Но все-таки о развитии школы Бердникова было бы правильнее судить по зрелым работам его учеников – докторским диссертациям. П.А. Прокошев был приглашен преподавать в Томский университет сразу после открытия там юридического факультета. Объем работы, связанной как с преподаванием, так и с административными задачами (он также был в 1913–1915 гг. деканом факультета), не позволили ему защитить докторскую в непродолжительный срок после подготовки магистерской работы. Докторская была представлена к защите в Казанскую академию только в 1914 г. «*Didascalia apostolorum* и первые шесть книг апостольских постановлений: Историко-критическое исследование из области источников церковного права».

Если Прокошев посвятил свои исследования классическим церковным темам, то его коллега В.К. Соколов, который после окончания академии получил и университетское образование в Казанском университете, был вдохновлен более широкой и актуальной с точки зрения общественных дискуссий, внешнеполитических событий темой. Докторская диссертация была посвящена взаимоотношениям церкви и государства в Германии «Католическая церковь и государство в Германии во второй половине XIX столетия: Историко-критический очерк немецкого культуркампфа»¹⁵³. Важно отметить, что к 1914 г. Соколов был уже 12 лет профессором кафедры церковного права в Казанском университете, однако диссертация для защиты была представлена ни по месту работы, ни в *alma-mater*, а в Московский университет, где он и получил искомую степень доктора церковного права.

Казанская школа оказалась связана с Харьковским университетом. Здесь с мая 1887 г. профессором служил М.А. Остроумов. Остроумов был выпускником

¹⁵³ Соколов В.К. Католическая церковь и государство в Германии во второй половине XIX столетия: Историко-критический очерк немецкого культуркампфа. Казань, 1912.

Московской духовной академии (1873 г.) и даже недолго преподавал там как исполняющий дела доцента. Однако, большая часть жизни оказалась связана с университетом, где ему было в 1905 г. присвоено звание заслуженного профессора по 30-летней выслуге. Остроумову принадлежит особый, не похожий на других исследователей-канонистов, подход к изучению права. Он не считает право публичное только государственным и выводит вообще отдельную систему права, не подотчетную никакой другой инстанции. Внутри церковного права он выделяет 1) публичное право, т.е. церковные нормы, которые регулируют жизнь всего церковного сообщества как единого целого; 2) частное церковное право – нормы регулирующие личную жизнь членов церкви (например, вступление в брак, частная молитва; 3) общее церковное право – права различных институций внутри церкви, возникших самостоятельно, но затем принимаемых в состав церкви (монастырские общины, различные попечительства и братства и т.д.)¹⁵⁴.

Остроумову также принадлежит и общая периодизация развития истории права, которая в общих чертах остается актуальной и сейчас. Профессор выделил в истории права три этапа: 1) 1777–1814 – критико-экзегетический, дошкольный; 2) 1814–1869 – богословский, когда право было включено в корпус богословских наук и 3) современный исследователю этап, начавшийся в 1869 г., Остроумов характеризует как процесс юридизации права, стремление придать ему юридическую конструкцию¹⁵⁵.

Однако, талантливый исследователь, систематизатор, к сожалению, не смог передать кафедру своему ученику, поэтому сложно говорить о бытовании Харьковской школы церковного права. На кафедре Остроумова сменил ученик Бердникова, выпускник Казанской духовной академии Е.Н. Темниковский. В академии он защитил магистерскую диссертацию «Государственное положение религии во Франции с конца XVIII столетия в связи с общим учением об отношении нового государства к религии»¹⁵⁶. Темниковский оказался

¹⁵⁴Остроумов М.А. Введение в православное церковное право. Харьков, 1893. Т.1. С.43–44.

¹⁵⁵Там же. С. 89-93.

¹⁵⁶Темниковский Е.Н. Государственное положение религии во Франции с конца XVIII столетия в связи с общим учением об отношении нового государства к религии. Казань, 1898.

сторонником внеконфессионального государства и свободной от него церкви. Среди его опубликованных сочинений важное место занимает работа «Положение Императора Всероссийского в Русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти. Историко-догматический очерк»¹⁵⁷, опубликованная в 1909 г. Там он замечает, что «Начало соединения в лице государя страны государственной и церковной власти должно исчезнуть раз в правосознании общества проникнет убеждение, что религия составляет абсолютно запретную область для государственного властвования. Правовое, конституционное государство должно дать свой чекан церковному строю. В правовом государстве должна быть правовая церковь»¹⁵⁸.

Близок Казанской школе права оказался Юрьевский (Дерптский) университет, где церковное право с 1893 г. преподавал ученик А.С. Павлова и выпускник Московского университета М.Е. Красножен. Докторскую диссертацию Красножен представил в 1901 г. не в родной университет, а в Казанский, где профессором тогда был Бердников, который, как указано выше, тоже являлся учеником Павлова. Работа носила некоторую региональную актуальность – «Иноверцы на Руси». В предисловии ко второму изданию, Красножен – монархист и традиционалист по убеждениям, категорично заявлял, что «большой веротерпимости к иноверцам чем та, которой пользуются они у нас, не может быть»¹⁵⁹, таким образом игнорируя дискутируемый вопрос о свободе совести и ограниченном положении в империи других христианских деноминаций.

Консультациями И.С. Бердникова пользовался также профессор Новороссийского университета А.И. Алмазов. В 1896 г. он защитил диссертацию в Казанской академии и получил степень доктора церковного права за диссертацию «Тайная исповедь в православной Восточной Церкви: Опыт

¹⁵⁷ Темниковский Е.Н. Положение Императора Всероссийского в русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти. Историко-догматический очерк. Ярославль, 1909.

¹⁵⁸ Там же. С. 71.

¹⁵⁹ Красножен М.Е. Иноверцы на Руси. Т. 1. Положение неправославных христиан в России. 2 изд. Юрьев, 1903. С. 10.

внешней истории»¹⁶⁰. Алмазов был учеником профессора Казанской академии и Новороссийского университета, специалиста по литургике Н.Ф. Красносельцева, однако получил степень по церковному праву и предпочел занять непрофильную кафедру в Новороссийском университете. Как и некоторые другие канонисты, он также занимал высокие административные должности в университете, что свидетельствует о признании специалиста корпорацией как важного и значимого для нее человека: кроме преподавания был деканом с 1902 и с 1910 – проректором университета. В 1912 г. он был переведен на кафедру церковной истории в Московский университет и логично, что в следующем году, после увольнения Н.Д. Кузнецова, его пригласили и на должность профессора права в Московскую академию.

Подводя итоги, можно утверждать, что в начале XX в. следует говорить о трех развитых научных школах церковного права: Санкт-Петербургского университета – прот. М.И. Горчакова, связанной с ней школе Московского университета – Н.С. Суворова и Казанской – И.С. Бердникова. При чем только последнюю можно охарактеризовать как сохранившую тесную связь академии и университета, что является личной заслугой И.С. Бердникова, долго преподававшего право в обеих высших школах.

Университеты были нацелены на замещение кафедр церковного права своими выпускниками. В Петербурге и Москве это удалось сделать в начале XX в.: кафедры были заняты представителями не из духовного сословия, получившими образование только в университете, В.Н. Бенешевичем и П.В. Гидуляновым. Важно отметить, что их происхождение определило дальнейшую стратегию и особенности научного взгляда. Только они смогли стажироваться в зарубежных университетах, при этом не пытались получить дополнительно богословское образование. Синтез с вероучением и церковными традициями стал личным внешкольным поиском и более нацеленным на актуальные течения в

¹⁶⁰ Алмазов А.И. Тайная исповедь в православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории. Одесса, 1894.

религиозной философии, чем на богословскую науку (П.В. Гидулянов и Н.Н. Фиолетов).

При примерном равенстве профильных докторских степеней, полученных в период 1884–1917 гг., 7 университетских и 8 академических, следует отметить, что в 1900-ые прошло максимальное число защит – 5 именно в университетах (прежде всего в Московском), что свидетельствует о том, что в этот момент доминирующими научными традициями стали университетские. Однако, открытие новые кафедр, новых университетов в регионах оставляло возможность для продвижения на старшие вакансии носителей младшей степени – магистров и выходцев из духовного сословия: Темниковский Е.Н. в Харьковском университете, Покровский А.И. в Новороссийском, Прокошев П.А. в Томском и Фиолетов Н.Н. в Пермском. Таким образом, обмен между корпорациями университетов и академий происходил, но был ограничен: либо предложенная вакансия была слишком непопулярной в университетской среде (дальние университеты – Томск, Пермь), либо выпускник духовной школы должен был поднять уровень юридической подготовки и получить дополнительно университетское образование (Соколов В.К., Громогласов И.М.) или просто было некоторой общественно-политической солидарностью Московского университета к коллегам, уволенным из духовной школы за «либерализм» (Громогласов И.М., Покровский А.И.).

В целом, следует отметить, что включение церковного права в корпус юридических наук существенно расширило проблематику исследований: кроме собственно изучения истории или толкования канонов стали изучать церковно-государственные взаимоотношения, проблемы свободы совести, соотношение церковного суда и государственной юрисдикции, гражданское, семейное право и т.д. При чем исследованиям именно университетских ученых свойственен гражданский пафос, а некоторые из их выводов становились законодательными инициативами.

Апологетическая задача духовных академий охранялась священноначалием. Устав 1884 г. подтвердил практическую цель духовных

академий «доставлять высшее богословское образование, в духе Православия, для просвещенного служения Церкви на пастырском, духовно-учебном и других поприщах деятельности»¹⁶¹, однако умолчал о задаче развития науки. Право утверждения в степени магистра и доктора принадлежало Святейшему синоду, который таким образом выступал высшим цензором диссертаций вне зависимости от научной компетентности своего состава¹⁶². Тем же уставом отменялась публичность магистерских диспутов, а присуждение докторской степени теперь осуществлялось на основании отзывов рецензентов без защиты. Устав 1910 г. подтверждал тот же порядок присуждения степени: магистерский коллоквиум и отсутствие публичной защиты для будущих докторов богословских наук¹⁶³.

Небеспристрастность Синода церковным ученым приходилось ощущать порой весьма остро и накануне Революции. Так, будущий обновленец профессор СПбДА Б.В. Титлинов смог получить искомую докторскую степень по церковной истории только с третьего раза. В 1909 г. он представил в Совет академии докторскую «Духовная школа в России в XIX столетии». Эта работа была защищена в 1911 г., однако Святейший синод отказался присудить докторскую степень. Титлинов – человек невероятной работоспособности и упорства – в 1916 г. подготовил новое исследование объемом в 1197 страниц «Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский» и только тогда стал доктором церковной истории¹⁶⁴. Резонансным стало дело о присуждении степени доктора церковного права А.И. Покровскому за исследование «Соборы древней церкви эпохи первых трёх веков», которую он представил к защите в 1916 г., но смог получить степень только в 1917 г., когда в связи с временными правилами вопрос окончательно перешел в ведение Совета академии¹⁶⁵. Таким образом, к началу XX

¹⁶¹ Устав 1884 г. // Присуждение ученых степеней в Российской империи: полное собрание правовых актов (1724–1917) / Сост. А.Н. Якушев. Ставрополь, 2006. С. 389.

¹⁶² Устав 1884 г. // Присуждение ученых степеней в Российской империи: полное собрание правовых актов (1724–1917) / Сост. А.Н. Якушев. Ставрополь, 2006. Там же. С. 391.

¹⁶³ ПСЗРИ. Т. 30. С. 429.

¹⁶⁴ Подробнее см. *Карпук Д.А.* Кафедра русской церковной истории в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже XIX–XX вв. // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 175–218.

¹⁶⁵ Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1916–1917 учебном году // Богословский вестник. 1917. Т. 2. № 10–12. С. 30. С. 1–46.

в. баланс между научной свободой и апологетической задачей богословия найден не был, а для многих исследователей оказался глубоко личной проблемой. Это все раскололо академическую корпорацию на сторонников академических свобод – «либеральную профессуру», «кадетов» и «церковников», как они называли друг друга. Конечно, это разделение маркировало наличие более глубоких и сложных противоречий в корпорации духовной школы. Активизация общественно-политической жизни в Российской империи накануне и после революции 1905 г. привнесла дополнительные политические амбиции в стены духовной школы.

Неудовлетворенность качеством академической науки побуждала каждую из сторон искать решения, что привело к обсуждению реформы церковного образования в 1905–1906 и 1909–1911 гг. Причины, как и рецепты решения проблемы весьма различались. Позицию священноначалия и ученого монашества ярко показывает записка о реформе духовной школы бывшего ректора Московской и Казанской духовных академий архиепископа Антония (Храповицкого), который винит в нестроениях профессоров-мирян и предлагает в 1905 г. повысить «церковность» духовной школы за счет увеличения процента духовенства среди преподавательского состава, более строгий контроль Святейшим синодом за научной работой и сокращением обучающихся в пользу тех, кто стремится именно к пастырскому служению: «Дайте этим мученикам христианства *свободу вероисповедания*, соедините их в одну академию прежде, чем их или развратила, или притупила и ожесточила среда буйных товарищей и профессоров-скептиков. Пусть будет хоть одна духовная академия, достойная своего имени. А прочие три? Пусть они влачат свое сомнительное существование до новых абитуриентов из преобразованных семинарий; но, взамен автономии, избавьте Церковь Божию и бедных студентов от неответственных профессоров, которые раз в жизни спишут курс с немецкой книги и читают его 40 лет. Если они любят толковать, вместо Библии, об ответственных министрах, то да будут они ответственными профессорами. Пусть Св. Синод непременно раз в три года посылает кого-либо из архиереев на ревизию академического преподавания, пусть посылает ассистентами на экзамены почетных членов преобразованного Духовно-

учебного Совета (Комитета) из отставных профессоров. Пусть покрепче вникают члены Св. Синода в пересмотр академических диссертаций не только со стороны православия, но и со стороны научности. Не так это мудрено, как стараются представить профессора-автономисты. Самое избрание профессоров должно происходить при более живом участии митрополитов, ибо кумовство, интриги и зависть стоят на пути талантов к ученой кафедре. Затем необходимо восстановить добрый обычай дореформенной эпохи, когда митрополиты и Св. Синод сам предлагал корпорациям разработку исторических источников, а также богословских систем, и когда (до времени Петербургского митр. Исидора) сочувственно поощряли производительность академической мысли. Вот главные идеи о средствах избавить академии от их глубокого падения, а частнейшая их разработка подлежит рассмотрению в комиссии. Ректоры их должны быть епископы, инспектора — архимандриты, профессора — по возможности в священном сане»¹⁶⁶.

Разделение было характерно не только для столичной корпорации, где жизнь была более насыщенной и напряженной, но и для региональных духовных школ, находившихся, как казалось, вдали от основных центров политических процессов. Вопреки мнению преосвященного не все профессора-миряне были сторонниками академических свобод: выборности ректора, увеличение роли совета академии, сокращения влияния епархиального архиерея и Синода на присуждение степеней и утверждение преподавателей в должности. В этой связи показательна переписка известного литургиста А.А. Дмитриевского с коллегами. Особенно сложной ситуация была в Киевской академии, где он преподавал ранее. Взаимная неприязнь, споры и борьба за назначение на кафедры представителей своей «партии», «кадетов» или «церковников», были и в Киевской духовной академии в тот же период. Профессор Д.И. Богдасhevский описывает А.А. Дмитриевскому, ситуацию после переезда последнего в столицу 1908 г.: «Прежде всего, должен Вам сказать, что ныне в Академии идет великая борьба из-за Вашей

¹⁶⁶ Отзывы епархиальных архиереев. М., 2014. Т. 1. С. 743–744.

кафедры. Кадеты стоят за Кекелидзе, как грузина-сепаратиста, который для их целей может быть очень пригодным, а мы - за В. Д. Прилуцкого, - человека церковнейшего, трудолюбивейшего и прекрасного по своему характеру. Наши кадеты — это «муэни-убийцы». Они не стесняются распространять всякую клевету, если это требуется для их целей»¹⁶⁷. «Борцов за академическую истину и правду мало, а между тем интенсивность академической науки и в связи с этим церковности, должна быть всячески повышена»¹⁶⁸, - сокрушается он. Не лучше было и в Казанской академии. Так прот. Николай Виноградов, профессор Казанской духовной академии, жалуется своему другу Дмитриевскому в 1914 г.: «В Академии нашей похвалиться нечем. Между ректором и инспектором – открытая вражда, между студентами светскими и монахами – тоже, между профессорами дружбы и согласия нет; все живут теперь врозь и знакомства ведут по 2 и 3 семейства. Прежняя “семейная” жизнь уходит в область преданий. В делах официальных – постоянные споры и ссоры, недоверие друг к другу, подозрения – на каждом шагу»¹⁶⁹.

Помимо реформы духовной школы в том или ином ключе было предложение и о перенесении задачи научной разработки богословия в университеты. Одним из ярких идеологов этого решения был профессор богословия Киевского университета протоиерей П. Светлов, который представил свой проект создания богословского факультета в Совет университета в декабре 1905 г.¹⁷⁰ Дополнение университетского корпуса наук (*universitas litterarum*) является по мысли автора насущной потребностью и Церкви, и государства, и общества. С одной стороны, научная разработка богословия может быть осуществлена только в университетах, где был доступен иной уровень научной

¹⁶⁷ «Люблю академию и всегда буду действовать во имя любви к ней» (письма профессора Киевской духовной академии Д.И. Богдасhevского к А.А. Дмитриевскому) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 84.

¹⁶⁸ Там же. С. 83.

¹⁶⁹ «Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу святой Церкви и Духовной науки...» (письма протоиерея Николая Виноградова к А.А. Дмитриевскому) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1 (13). 2016. С. 193.

¹⁷⁰ Светлов П.Я., прот. О необходимости богословских факультетов в университетах. Киев, 1906.

свободы, а с другой, богословское образование, доступное мирянам, должно было служить средством преодоления отчуждения церкви и интеллигенции, служить пользе государства. В качестве примера положительного сосуществования наук, церковных и «светских», он приводит университеты Европы и прежде всего Германии.

Менее категоричным было предложение профессора Московской духовной академии и приват-доцента Московского университета, сторонника автономии духовных академий И.В. Попова, который написал рецензию на опубликованный в Киеве проект Светлова¹⁷¹. Попов в 1901-1902 г. стажировался в Берлинском и Мюнхенском университетах и имел личный опыт знакомства с немецкими богословскими факультетами, недоступный Светлову. Попов соглашается со Светловым в том, что для церковных ученых необходимо расширение знаний в области наук, преподаваемых в университетах: «При настоящем состоянии знаний и при господствующих методах, которыми по справедливости может гордиться современная наука, нет никакой возможности разрабатывать богословие научно, не пользуясь выводами других наук, имеющих то или иное отношение к нему. Нельзя изучать каноническое право, не зная элементов юриспруденции. Церковная история и история церковной литературы требуют от исследователя глубоких познаний в восточных языках, в классической философии, в истории греко-римской культуры и в истории древней литературы. Для экзегета необходимо классическое образование. Христианский апологет должен быть хорошо знаком с математикой и естествоведением, чтобы не вызывать упреков в наивной аргументации со стороны тех, кого он хочет привлечь к христианству»¹⁷². Преподавателю, принадлежащему к обеим корпорациям, университета и академии, особенно ярко виден потенциал их взаимодействия. Включение богословского факультета в университетскую структуру позволило бы ему быть независимой наукой и подняло бы его общественное значение:

¹⁷¹ Попов И. В. Богословские факультеты [Рец. на: Светлов П. Я., проф. О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России. Киев, 1906] // Богословский вестник 1906. № 2. С. 392–401.

¹⁷² Там же.

«Богословская наука, войдя в программу автономных университетов, и став свободной, без сомнения, приобретет авторитет, которым в настоящее время она не может похвалиться. Причиною последнего прискорбного явления служит не столько отсталость нашего богословия и его устарелые методы, сколько его зависимость. В настоящее время большинство убеждено в том, что богословы пишут не то, что думают, а или по собственному побуждению искажают научную истину в интересах традиции, или же вынуждаются к тому служебной и литературной цензурой. Это создает предубеждение против всякой богословской книги, если она выходит из-под пера богослова по профессии. Да и в самом деле, возможно ли убедить кого-либо в своей искренности, если в силу всевозможных правил и циркуляров действительно не можешь быть искренним? Только апологетические сочинения, выходящие из независимой среды, могут иметь влияние на умы. К сожалению, благодетельное значение *свободной науки* (курсив И.В. Попова - ОИ) для церкви в кругу тех, от которых в значительной степени зависит будущее, не сознается и даже отрицается».

Тем не мене, по мнению Попова, не стоит романтизировать зарубежный опыт: если в Германии к богословским факультетам отношение неоднозначное, то едва ли и в России этот проект может быть реализован¹⁷³. Ввиду того, что введение богословского факультета маловероятно, он предлагает укрепить эти связи, перенеся Московскую академию из Сергиева Посада в Москву, разрешить студентам бесплатное посещение учебных курсов в той и другой школе¹⁷⁴.

В заключение данного раздела, следует еще раз подчеркнуть, что университеты и духовные академии в XIX – начале XX века оказались включены в общий процесс трансфера модели «классического университета» в Россию. Дискуссии начала XX века по реформе церковной школы наглядно показывают, что и в начале XX в. опыт немецких университетов, идеалы науки, ненацеленной на узкословные или практические задачи (*Bildung*), «свободы преподавания»

¹⁷³ Попов И. В. Богословские факультеты [Рец. на: Светлов П. Я., проф. О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России. Киев, 1906] // Богословский вестник 1906. № 2. С. 392–401.

¹⁷⁴ Там же.

(Lehrfreiheit) и «свободы обучения» (Lernfreiheit), характерные для «классического» университета, остаются актуальными и воспринимаются как одно из средств решения проблем богословского образования в России частью профессор-мирян и белого духовенства.

Борьба «автономистов» и «церковников», сложные отношения в корпорациях духовных школ в начале XX в. никак нельзя трактовать только как результат увлечения той или иной политической идеологией, либерализмом. Скорее этот маркирует сложные и противоречивые взаимоотношения различных течений внутри молодой богословской науки. Новые критерии научности требовали переосмысления методологической базы богословия в духовной школе, которое в итоге приводило к необходимости решения проблемы соотношения объективного для церковного ученого знания данного в Божественном Откровении и относительной научной истины, свободы научного поиска и церковной ответственности. Усложнение богословской специализации и многообразие подходов, концепций при отсутствии стройной единой богословской системы свидетельствует о переживаемом отечественной школой этапе «молодости» науки. Доминирующий метод – исторический – стал в некотором смысле объединяющим фактором для церковных ученых на уровне методологии исследований, что представляется весьма важным для развития научного диалога.

1905–1906, 1909–1911 гг. стали временем, когда неудовлетворенность церковной наукой побудила представителей различных групп ученых к обсуждению способов реформирования духовной школы. Качественным отличием нового этапа обсуждения стало наличие опыта бытования богословских наук в российских университетах и академической мобильности между «светской» и церковной школами. Если разработка богословия и церковной истории по-прежнему оставалась прерогативой академий, то наличие параллельной системы ученых степеней по церковному праву – университетской дало возможность выстроить подготовку собственных кадров в университетах. В 1905–1917 гг. Можно выделить три научные школы церковного права: Санкт-Петербургского

университета – прот. М.И. Горчакова, Московского университета – Н.С. Суворова и Казанскую – И.С. Бердникова. При этом только последняя может быть охарактеризована, как сохранившая тесную связь университета и академии. Две первые были достаточно автономны. Вместе с тем диспропорция количества защит университетских и академических докторов наук по церковному праву (6 из 7 университетских степеней были получены в 1900-х гг. и при этом только 2 в академиях при действии устава 1910 г.) показывает, что именно университетская наука была ведущей в этот период. А главное, опыт развитого церковного права на практике показал перспективы включения церковных наук в корпус университетских, что таким образом, значительно обогащало опыт при построении стратегий реформы духовной школы у деятелей высшего образования.

1.2. Социальный статус профессоров университетов и академий

Прежде чем изучать церковно-общественную деятельность профессоров университетов и академий следует проанализировать социальный статус каждой из этих групп ученых и сравнить их значение друг с другом. В данном исследовании под социальным статусом понимается положение, которое каждая из изучаемых групп занимала в обществе.

В первую очередь, было бы важно сориентироваться в географии расположения в городах духовных академий и университетов, сравнить их место в городской инфраструктуре и значение для общественной жизни. Трансфер европейской университетской модели высшего образования пришелся на XVIII в., поэтому Россия не знала такого явления как средневековый университет, который мог быть важным фактором городской жизни, определяющим его экономическое положение. Показательны впечатления М.М. Стасюлевича от поездки в Йену в 1858 г. Стасюлевич писал ректору Петербургского университета П.А. Плетневым о посещении города: «Первый вопрос, который мы задали, - где находится университет? На нас смотрели с неподдельным удивлением и отвечали: “Здесь!” Спрашивали в книжном магазине. Поскольку мы сначала приписали подробный

ответ недоразумению, то мы поинтересовались вновь о том, где находится здание университета. На что нам ответили – никакого здания не существует, но есть старый дом, в котором собирается сенат (это – актовый зал). Лекции читаются либо на квартирах профессоров, либо в залах, которые снимаются в частных домах. Для нас это было абсолютной новостью. Поэтому аудитории здесь обозначаются не номерами, а именем владельца дома: имеются лекционный зал Коха, Шильская аудитория в доме русского доктора Шиле... и многие другие. Вот он настоящий средневековый университет. О начале лекций оповещает колокол городской церкви – одним словом: все здесь в городе служит университету и существует для него...»¹⁷⁵

В России открытие высших школ осуществлялось при поддержке правительства, поэтому это были государственные проекты, с серьезной финансовой и хозяйственной поддержкой при отсутствии широкого общественного интереса к ним на первоначальном этапе работы. Важным мероприятием при открытии университета были подготовка соответствующих помещений для него.

Петербургский университет находился на Васильевском острове. Главный корпус располагался в историческом центре власти – здании Двенадцати коллегий. К началу XX в. здесь был настоящий университетский квартал. В состав университетского комплекса входили ректорский корпус, здания ботанической аудитории и ботанические кабинеты, физические кабинеты, музеи, студенческое общежитие (1882 г.), химическая лаборатория (1899), жилой флигель (1900), студенческая столовая (1902). Кроме этого университет использовал или имел в собственности здания в различных частях Васильевского острова, включая здания на 16-ой линии (дом 29, построенный как студенческое общежитие, но затем использовался как одно из зданий физико-математического факультета)¹⁷⁶. Совсем рядом находились крупнейшие музеи столицы (Кунсткамера,

¹⁷⁵ Цит. по: *Маурер Т.* Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов // Университет и город в России (начало XXв.). М., 2009. С.16.

¹⁷⁶ *Ростовцев Е.* Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XXв.). М., 2009. С. 212.

Зоологический музей, Музей почвоведения, Военно-морской музей), Академия наук, Академия художеств, совсем рядом находились и другие учебные учреждения: Николаевская морская академия, Горный институт, Патриотический и Елизаветинский институты, Бестужевский курсы, Археологический институт, Санкт-Петербургские мореходные классы, гимназии. Здесь же располагались многие научные общества.

Логично, что люди, связанные работой или учебой с университетом, составили значительную часть жителей Васильевского острова. Профессора могли жить как на казенных квартирах в университетских корпусах (в ректорском корпусе или в факультетских зданиях), так и снимать жилье поблизости. В начале XX в. последних уже было больше. Все это создавало особую атмосферу университетского пространства. Вместе с тем за университетом, в западной части острова находились кварталы с дурной репутацией. Таким образом, университет стал некоторым микромиром и одновременно оказался на границе между парадным центром столицы и ее наиболее «демократическими» районами¹⁷⁷.

Санкт-Петербургская духовная академия находилась на весьма удаленном расстоянии от образовательных учреждений Васильевского острова и центра города, у Обводного канала, но зато близко к значимому духовному центру – Александро-Невской лавре. Академия располагалась за стенами монастыря в отдельном трехэтажном корпусе, который был специально построен для нужд духовной школы в 1817-1821 г. На третьем этаже академии находились комнаты для занятий, этажом ниже спальни, аудитории, актовый зал, церковно-археологический музей, комната для чтения, где хранились периодические издания. На первом этаже располагалась столовая, гостиная, административные помещения. Богослужбная жизнь духовной академии была отделена от монастырской: в 1819 г. здесь был освящен домовый храм Двенадцати апостолов, который находился также на втором этаже академии. Отдельно в саду было выстроено здание академической библиотеки, где находились еще квартиры

¹⁷⁷ *Ростовцев Е.* Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XXв.). М., 2009. С. 215.

ректора, инспектора и секретаря совета академии¹⁷⁸. Академических помещений, конечно не хватало, чтобы обеспечить жильем всех профессоров, поэтому они уже в 1860-е гг. вынуждены были снимать квартиры в различных уголках Санкт-Петербурга¹⁷⁹. Таким образом, жизнь духовной академии была достаточно автономна от лавры и удалена от центра города, ведущие столичные высшие школы, светская и православная духовная, находились в разных, весьма удаленных друг от друга и неравнозначных по их социальному значению частях столицы.

Иначе развивалась в городском ландшафте жизнь высших школ Москвы. Активное сотрудничество Московского университета с городской администрацией позволило привлечь серьезные финансовые средства к университетскому строительству, которое было наиболее интенсивным на рубеже XIX–XX в. К началу XX столетия территория вокруг главного корпуса на Моховой улице – напротив Кремля превратилась в масштабный университетский квартал, который занимал обширную площадь от Воздвиженки до Тверской улицы. В распоряжении университета были учебные корпуса, медицинские клиники, Зоологический и Ботанический, Геологический музеи, анатомический театр, химическая лаборатория, ректорский корпус и др.¹⁸⁰ Профессора университета жили как в казенных помещениях, так и снимали комфортабельные квартиры в доходных домах¹⁸¹.

Если Московский университет оказался в центре старой столицы, то до Московской духовной академии, которая находилась в другом городе - Сергиевом Посаде необходимо было добираться по железной дороге. Атмосфера посадской жизни была совершенно иной. Академия располагалась в стенах Троице-

¹⁷⁸ *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорский православных духовных академий. М., 2005. С. 270.

¹⁷⁹ *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора с 1847 по 1913 гг. Н. Новгород, 2010. С. 97.

¹⁸⁰ *Цыганков Д.* Московский университет в городском пространстве начала XX в. // Университет и город в России (начало XXв.). М., 2009. С. 373–374.

¹⁸¹ *Ульянова Г.Н.* Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М., 2012. С. 11–12.

Сергиевой лавры. Занятия и студенческое общежитие находились в так называемых «Царских чертогах» – красивое двухэтажное здание, сохранившееся со времен Елизаветы Петровны, и переданное академии после переезда ее из послепожарной Москвы в 1814 г. В этом же здании вместо актового зала довольно поздно, в 1870 г., был обустроен Покровский домовый храм. Кроме того, в распоряжении академии находились профессорский корпус, библиотека, больница, баня, а позже академия приобрела для квартир семейных профессоров деревянный дом за монастырем. С течением времени здания перестраивались, расширялись, ремонтировались.

В Киеве – старейшем центре духовного образования и университет, и академия находились в разных, но обжитых районах. Киевский университет святого Владимира был открыт в 1833 г. по указу Николая I. Для постройки корпусов нового университета был выбран один из районов Киева на окраине старого города – Лыбедский. Большая Владимирская улица, на которой был построен главный корпус (название улицы в начале XX в.) проходила через места, связанные с древнейшей историей Киевской Руси: город Владимира, город Ярослава. В начале XX в. университетский комплекс включал помимо главного здания две библиотеки, две обсерватории, ботанический сад, 9 клиник, 9 лабораторий и учебно-вспомогательных учреждений: музей древностей, нумизматики, минералогии, зоологии, изящных искусств и т.д.¹⁸² За университетом начинался новый город, активно застраивавшийся в конце XIX–нач. XX в. Таким образом, университет оказался в центре города, несколько удален от административных городских учреждений.

Киевская духовная академия была открыта в 1819 г. в Киево-братском монастыре, где ранее располагалась Киево-Могилянская академия, наследницей которой считала себя новая школа. Монастырь находился в Подоле – районе на берегу Днепра. В 1820-гг. в монастыре развернулось масштабное строительство: был реконструирован старый учебный корпус «Мазепин», пострадавший в

¹⁸²Ластовский В.В. Киевский университет святого Владимира // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 33. С. 381–383.

пожаре 1811 г. и заложен новый по проекту столичного архитектора Л.И. Шарлеманя. В 1870-е гг. в связи с потребностью в расширении учебных площадей была проведена новая реконструкция академических корпусов. Кроме того, вне стен монастыря был построено новое 3-этажное здание для размещения семейных преподавателей академии¹⁸³. Жизнь академии оказалась весьма тесно связана с монастырским распорядком и традициями: управление и академией, и монастырем осуществлял один человек.

Иначе ситуация складывалась в новом университетском центре – Казани. Казанский университет был основан в 1804 г. Именно университет и другие высшие и специальные школы определяли ведущую роль Казани в регионе. Роль университета в губернском центре оказалась выражена и в его положении в городском ландшафте¹⁸⁴. В результате интенсивной застройки после пожара 1815 г. центр города сместился к зданиям университета, который оказался таким образом не окраинным учреждением, а на одной оси с респектабельными районами вдоль Воскресенской улицы, идущей от Кремля. Казанский университет вел активное строительство в течение XIX века и особенно на рубеже XIX-XX в. в направлении Арского поля (сейчас – улица Николая Ершова) и в результате образовалось обширное университетское пространство, включающее в себя комплекс зданий разных лет постройки: главный корпус, ректорский, корпуса факультетов, лабораторий, больниц, библиотека, студенческое общежитие, столовая и т.д.¹⁸⁵

В 1842 г. здесь была открыта четвертая – Казанская духовная академия. Первые несколько лет академия находилась в центре города. Корпорация проводила занятия, жила в Преображенском мужском монастыре, в архиерейском доме в кремле и в съемных зданиях Казанского подворья. Совсем скоро в

¹⁸³Бурега В.В. Киевская духовная академия // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 33. С. 96–151.

¹⁸⁴Гилязов И. Город Казань и Казанский университет в начале XXв. // // Университет и город в России (начало XXв.). М., 2009. С. 460. С. 461–581.

¹⁸⁵Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань., 2005. С. 13–82.

1848/1849 г. академия переехала в специально отстроенный для нее по проекту архитектора А. И. Песке обширный комплекс зданий на окраине города – на Арском поле. В распоряжении академии оказались главный корпус в три этажа с двумя флигелями. В главном корпусе была устроена домовая церковь во имя архангела Михаила, находились учебные аудитории, студенческое общежитие, столовая. В одном из флигелей были размещены библиотека и квартира ректора (сейчас ул. Чехова), а в другом – квартиры преподавателей. На территории академии был разбит сад, а также построен деревянный корпус больницы, дома с квартирами служащих. В 1887-1889 г. главный корпус и флигели были значительно расширены: фасад главного корпуса оказался увеличен практически в два раза, в глубь двора были достроены еще два крыла, расширены флигели¹⁸⁶. В результате активного расширения университетского строительства Казанская академия и Казанский университет оказались в непосредственной территориальной близости друг к другу, при этом духовная академия была максимально удалена по сравнению с другими академиями от церковных центров города – епархиального управления и монастырской жизни.

Таким образом, при сравнении расположения положения в городском пространстве университетов и духовных академий в четырех образовательных центрах, в которых находились обе школы приходим к следующим выводам. Все здания высших школ располагались компактно на разной по площади, но единой территории. Университеты располагались преимущественно в непосредственной близости от исторических центров городов, политических символов (Петербург, Москва, Киев). Некоторым исключением стал провинциальный Казанский, который в результате изменения городской планировки стал новым градообразующим центром. Духовные академии же оказывались связаны с более тихой окраинной городской жизнью – Московская академия и вовсе находилась в соседнем с Москвой небольшом Сергиевом-Посаде и была максимально по сравнению с другими академиями удалена от университета. Все академии за

¹⁸⁶ Журавский А.В., Липаков Е.В. Казанская духовная академия // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 29. С. 117–134.

исключением за исключением Казанской были связаны с жизнью и традициями монастыря, рядом или в котором они действовали. При этом духовные школы начала XX в. находились в стороне от центров городской жизни, как это и было сформулировано еще в «Духовном регламенте» 1721 г., где говорилось, что «место академии не в городе, но в стороне на веселом месте удобное, где несть народного шума, ниже частые окказы, которые обычно мешают учения, и находит на очи, что похищает мысли молодых человек и прилежать учением не попускает»¹⁸⁷. В это же время академии становились свидетелями возрастающего значения университетов в городской и общественной жизни. Важно отметить, что степень включенности в монастырскую жизнь не была одинаковой у академий. Максимально связана с жизнью небольшого Киево-братского монастыря – носителем исторической традиции духовного образования и «ученых иноков» оказалась Киевская академия, в стенах Троице-Сергиевой лавры находилась Московская академия, а Санкт-Петербургская была выведена за ограду Александро-Невской лавры, но находилась в непосредственной шаговой доступности. В особой ситуации оказалась Казанская академия, которая была выведена на окраину Казани и не имела поблизости значимых духовных центров, была в этом смысле независима, зато находилась совсем рядом с территорией Казанского университета. Такое соседство университета и академии в Казани было уникальным.

Достаточно распространенным в историографии представлением является то, что университетские профессора имели более высокий оклад и, соответственно, были более обеспечены, чем их коллеги из академии, что влекло взаимную социальную отчужденность¹⁸⁸. Например, В.А. Тарасова указывает на то, что штаты духовных академий, принятые вместе с уставом в 1869 г. просуществовали без кардинальных изменений до 1917 г. в отличие от

¹⁸⁷ Духовный регламент. СПб., 1856. С. 58.

¹⁸⁸ См. например: *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа России в конце XIX–начале XX века: история императорских православных духовных академий. М., 2005. С. 188; *Крылов А.О.* Кафедры богословия в университетах Российской империи. Социокультурный контекст // Грамота. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 54–61.

университетских. Это требует некоторого пояснения. Прежде всего стоит сравнить оклады. Так, лектор академии получал до 600 руб (480 р. – жалование, 120 столовых и казенную квартиру), экстраординарный профессор 2000 р. (1200 р. жалования, 200 р. квартирных и 200 столовых) и, наконец, зарплата ординарного профессора составила 3000 р. (2400 р. – жалование, 300 р. квартирных и 300 р. столовых). В 1911 г. было утверждена 20-типроцентная надбавка к жалованию и, соответственно, зарплата лектора составила 720 р., экстраординарного профессора – 2400 р. и ординарного профессора 3600 р. Преподаватели всех четырех академий получали одинаковую зарплату без поправки на особенности ценообразования в каждом из регионов¹⁸⁹.

Однако, профессора университетов городов, в которых находились академии, получали ровно такие же оклады. Разница доходов зависела от доплат, которые в академиях и университетах формировались по-разному. Профессора академий могли получать дополнительные средства за научную работу и публикации. В каждой из академий могла быть получена Макарьевская премия за лучшую богословскую работу (до 800 р.), премии от 100 р. до 600 р. за лучшую магистерскую диссертацию, за лучшую работу в той или иной области богословских наук¹⁹⁰. Кроме того, преподавателям оплачивались научные публикации в академических журналах: примерно 25 руб. за печатный лист публикации и 12 руб. за лист перевода¹⁹¹. Так опубликовав небольшую статью в 10 листов, можно было бы получить 250 р. прибавки к жалованию. Таким образом, в духовных академиях стимулировалась именно научная работа, публикационная активность.

В то же время в университетах с 1884 г. действовала система гонораров – дополнительная доплата преподавателям за лекции, взимаемая со слушателей. Нередко, гонорар мог составлять большие суммы и превышать оклад. Однако, размер гонорара зависел от обязательности курса (соответственно, это вело к

¹⁸⁹ Тарасова В.А. Высшая духовная школа России в конце XIX – начале XX века: история императорских православных духовных академий. М., 2005. С. 188–189.

¹⁹⁰ Там же. С. 191

¹⁹¹ Там же.

увеличению доходов профессоров и некоторой дискриминации доцентов, чьи курсы не были обязательными) и от количества студентов на факультете. В связи с этим введение гонораров повлекло за собой большую дифференциацию доходов внутри университетской корпорации. Максимальные гонорары получали преподаватели столичных университетов и наиболее популярных факультетов: юридического и медицинского. Например, в Санкт-Петербургском университете в 1910 г. гонорар получили 50 профессоров и приват-доцентов. Наибольшие суммы были получены профессорами юридического факультета: у десяти профессоров размер гонорара варьировался от 3661 руб. (И.И. Кауфман) до 11680 руб. (М.Я. Пергамент)¹⁹². Преподаватели историко-филологического получали немного больше, что их коллеги с факультета восточных языков: там только лектор А.А. Ларонд получил более 200 руб. за год. Доход преподавателей в провинциальном Харьковском университете был еще ниже. Незадолго до революции в 1916 г. здесь на историко-филологическом факультете гонорар получили 17 преподавателей в размере от 10 до 600 руб. (по 298 руб. в среднем), на юридическом – 13 преподавателей – от 1424 до 4078 руб. (в среднем по 2871 руб.), на физико-математическом – 23 преподавателя – от 32 до 3266 руб. (по 1062 руб. в среднем), на медицинском – 25 чел. – от 567 до 5671 руб. (по 1534 руб. в среднем)¹⁹³. Недостатки гонорарной системы часто дискутировались. Как следствие, в качестве материальной помощи тем преподавателям, чье жалование было менее 1000 р., с 1909 г. выплачивалась 20-типроцентная надбавка¹⁹⁴. Очевидно, утверждать, что профессора университетов были лучше финансово обеспечены, чем их коллеги из академии, было бы некоторым обобщением. Разница в уровне жизни внутри университетской корпорации была велика и если все-таки сравнивать уровень доходов преподавателей богословских школ с университетским, то было бы логично сопоставить его с материальной обеспеченностью профессоров гуманитарного историко-филологического

¹⁹² Грибовский М.В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX–начала XX в. // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 144–163.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же.

факультета, а преподавание там, как показано выше, было наименее оплачиваемым в университетах и не отличалось значительно от оплаты в академии.

Отдельный вопрос – соотношение зарплат профессоров с прожиточным минимумом в столице и других четырех провинциальных, таких разных городов: Киев, Казань, Москва и Сергиев Посад.

В Москве зарплата профессора не могла быть, конечно, сопоставлена с доходом рабочих от 190 до 700 р., но все же была ниже зарплаты городского инженера. Заведующий постройкой насосной станции И.М. Бирюков получал в 1900 г. получал 5000 р. жалования и 1200 р. квартирных. Заведующий асфальтовыми работами в городе П.А. Дмитриев в 1912 г. зарабатывал 4200 р.: 3600 р. жалования и 600 квартирных¹⁹⁵. Последние могли позволить себе снять комфортабельную квартиру в одном из новых доходных домов. Например, в 1906 г. в доходном доме Афремова можно было снять недорогую четырех- или пятикомнатную квартиру (144 кв. м.) за сумму от 420 р. до 950 р. за год¹⁹⁶.

Н.Н. Никс в своем исследовании о московской профессуре приводит данные о формировании общего дохода экстраординарного профессора Московского университета М.С. Корелина. Корелин – сын мельника – прошел уникальный путь до профессора университета и привык, по всей видимости, внимательно относиться к денежным вопросам (ниже приведена таблица доходов и расходов, составленная им за 1893-1898 гг. Впервые опубликована Н.Н. Никс).

¹⁹⁵ Ульянова Г.Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М., 2012. С. 12.

¹⁹⁶ Там же. С. 18.

Статьи доходов и расходов	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
Доходы:						
<i>Жалование</i>	1760,50	1963,50	1963,95	1963,95	1963,95	1963,30
<i>Гонорар</i>	106,80	220,45	281,25	297,85	265,55	193
<i>Экзамены</i>	39,75	50,40	23,75	24	900	100
<i>Командировочные</i>	100			100		
Итого	2016,05	2234,45	2268,95	2385,80	3129,50	2256,30
Учительство:						
2-я женская гимназия	682,60	507,60	507,60	682,60	338,40	
Гимназия Перепелкиной	606,25	230,15				
Частные уроки		70,00	16,00			
Публичные чтения		6,00	7,00			
Итого	3304,90	3048,10	2799,55	3068,40	3467,90	2256,30
Публицистика	645,75	318,35	698,10	486,40	392,95	1369,50
Всего	3950,65	3366,45	3497,65	3554,80	3860,85	3750,50
Остаток от прошлого года	381,40	532,05	1286,35	5352,80	6041,65	6304,05
ОБЩИЙ ИТОГ	4332,05	3898,50	4784	8907,60	9902,50	10054,55
Расходы						
<i>Семейный</i>	2810,95	2875,70	2893,85	2723,85	2747,70	2186,45
<i>Личный</i>	898,05	794,15	1081	975,70	850,75	855,45
Остаток на следующий год	623,05	228,65	809,15	5188,30	6304,05	7012,65

Табл. 2. Доходы и расходы М.С. Корелина за 1893-1898 гг., в руб.¹⁹⁷

Так в 1893 г. доход историка составил за год 3950 р. 65 к., что стало результатом напряженного труда в разных структурах. Из этих денег только половина, 2016,05 р., составила оплата труда в университете. Вместе с тем, общая сумма расходов варьировалась от 3041,9 р. до 3974,85 – двухкратного превышения жалования. Расходы Корелина включали как семейные: хозяйство, квартира, дача, квартирный налог, дрова, мебель, учеба дочери, так и личные: поездки и прогулки, извозчик, костюм, еда, подарки, табак, ученые общества, касса, переплет книг, лекарства и лечение, экстренные мелкие, приобретение вещей, на чай. Очевидно, что список трат был связан не столько с удовлетворением некоторого списка базовых потребностей, а с определенным представлением о стиле, элитарном уровне жизни профессора. К концу 1890-х финансовая проблема перестает быть столь актуальной для него: профессору даже удается ежегодно сохранять значительную сумму – практически втрое превышающую его университетское

¹⁹⁷ Впервые опубликована Н.Н. Никс в: Московская профессура во второй половине XIX–начале XX века. Социокультурный аспект. М., 2008. С. 176; Повторно: Цыганков Д.А. Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 3. С. 129.

жалование. Стабильное финансовое положение семьи Корелина стало результатом его труда не только в университете, но и в издательской и частной преподавательской работы.

В начале XXв. большинство московских профессоров были женаты (1902 г. - 73,6%; 1916 - 84,3%). Многие из них имели детей (60% в 1902 г. и 64 % в 1916 г.)¹⁹⁸. Таким образом, семья была значимой частью жизни большинства профессоров. Увеличение членов семьи увеличивало и их потребности. Если семье Корелина из трех человек было достаточно 4000 р. в год для проживания в Москве, то для большей семьи необходимо было не менее 5500-6000 р. По подсчетам, актуальным на 1914 г., структура и размер расходов профессора в Москве и Санкт-Петербурге за год была такой:

- Аренда квартиры 1600-2000
- Еда – не менее 1800
- Одежда – 1020
- Книги – 200-300
- Обучение детей -375
- Работа прислуги – 385¹⁹⁹

С учетом непредвиденных расходов, поездок – общий доход должен был составить 7000-8000 р.

Совсем иной уклад жизни был у профессоров Московской духовной академии, проживавших в небольшом посадском городе, в удалении от бурной жизни Москвы. Профессора академий, как замечает биограф одного из ректоров академии митрополита Антония (Храповицкого), «удаленные от суеты больших городов и прикрепленные своей жизнью к маленькому посаду и к ближайшей академической библиотеке», становились «либо кабинетными учеными, следившими за наукою не только русской, но и иностранной, либо напротив,

¹⁹⁸ Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX– начале XX века. Социокультурный аспект. М., 2008. С. 39.

¹⁹⁹ К вопросу о профессорских штатах Императорских российских университетов. М., 1914. С. 12–13.

усваивали все черты узко провинциального быта и даже в некоторой степени опрашивались»²⁰⁰. Этот быт даже мог романтизироваться и быть представляем как нечто уникальное, единственно необходимое настоящему ученому: «Жизнь ученых и профессоров протекает в тишине и уединении ученого кабинета, среди безмолвных книг, часто далеких от шумной действительности окружающей жизни. Здесь особая сложная содержательная жизнь, которой истинный ученый не променяет ни на какие шумные успехи жизни и действительности»²⁰¹. Тем не менее это не отменяет тех жизненных проблем, с которыми сталкивались преподаватели академии.

В 1863 г. в корпусе, примыкающем к «Царским чертогам» получил одну из квартир для младших преподавателей А.Л. Катанский. В воспоминаниях он оставил описание своего жилища: «Квартира моя состояла из трех комнат и была обставлена в достаточном количестве казенной мебелью. Были диван, кресла, стулья, обитые зеленого цвета клеенкой, столы, письменный и для гостиной, шкаф для книг, железная кровать и даже ширмы для спальни. Все эти предметы, не отличаясь изяществом отделки, были сделаны прочно и способны были долго служить, переходя от одного лица к другому»²⁰². И должность, и казенная квартира были серьезной помощью молодому специалисту 27 лет, который остался в раннем детстве без отца и поэтому мог пользоваться весьма ограниченной поддержкой своей семьи.

А вот его младший коллега А.И. Покровский, получив в 1902 г. тоже одну из таких квартир для младших преподавателей, остался недоволен. В своем письме ректору Московской духовной академии епископу Арсению (Стадницкому) он прямо заявляет: «Сравнивая обстановку квартир и общие условия жизни посадских экстраординарных, да многих и ординарных профессоров с аналогичными сторонами жизни московских преподавателей,

²⁰⁰ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1971. Т. 1. С. 194.

²⁰¹ Некролог А.А. Спасского // Богословский вестник. 1903. № 10. С. 243.

²⁰² *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора с 1847 по 1913 гг. Н. Новгород, 2010. С. 181.

легко заметить полный перевес на стороне последних. Да это и понятно, так как в среднем при очень приличной готовой квартире с отоплением каждый преподаватель зарабатывает здесь не менее 2000»²⁰³. Покровский получил четырехкомнатную квартиру в очень запущенном состоянии, так как предыдущий жилец ею не занимался. Молодому преподавателю предстоял капитальный ремонт: полы, окна, печи²⁰⁴. При этом квартиру он получил в декабре 1902 г., а ремонт, как следует из письма, планировал на лето, соответственно, проблема размещения в Сергиевом Посаде оставалась актуальна. Конечно, за годы эксплуатации зданий (предыдущий жилец прожил в квартире 35 лет) жилье действительно ветшало и, видимо, им администрация академии не занималась – возможности духовной школы не становились больше. Вместе с тем, менялись общие представления о комфортной квартире, а также запросы преподавателей, их представления о достойном их статуса. Покровскому в этот момент было 29 лет. Он был помощником инспектора Московской академии, преподавал в Московской семинарии, и только через два года будет приглашен приват-доцентом Московского университета.

Сохранилось описание жилья отца Павла Флоренского. Отец Павел – выпускник Московского университета поступил в 1904 г. в Московскую академию, в соответствии с требованиями действовавшего устава жил в академическом общежитии. После окончания обучения в 1908 г. он выехал и общежития и снял дом на окраине города на Петропавловской улице: «...тогда я только зажил самостоятельно и поселился в маленьком одиноком домике. Один, не только без мебели, но и без скамьи, чтобы присесть: часы были единственным предметом "обстановки". Сидел на каком-то ящике, на нем и занимался. Холод, пустота и жизнь впроголодь...»²⁰⁵. В то же время в своей записной книжке он нарисовал несколько проектов дома, в котором бы ему хотелось жить. В большем

²⁰³ ГАРФ. Ф. 550. Оп.1. Д. 398. Л. 1.

²⁰⁴ Там же. Л. 2.

²⁰⁵ *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 319–320.

из них центр дома занимала бы большая комната для работы, из которой можно было попасть в спальню, общую столовую, еще одну комнату.

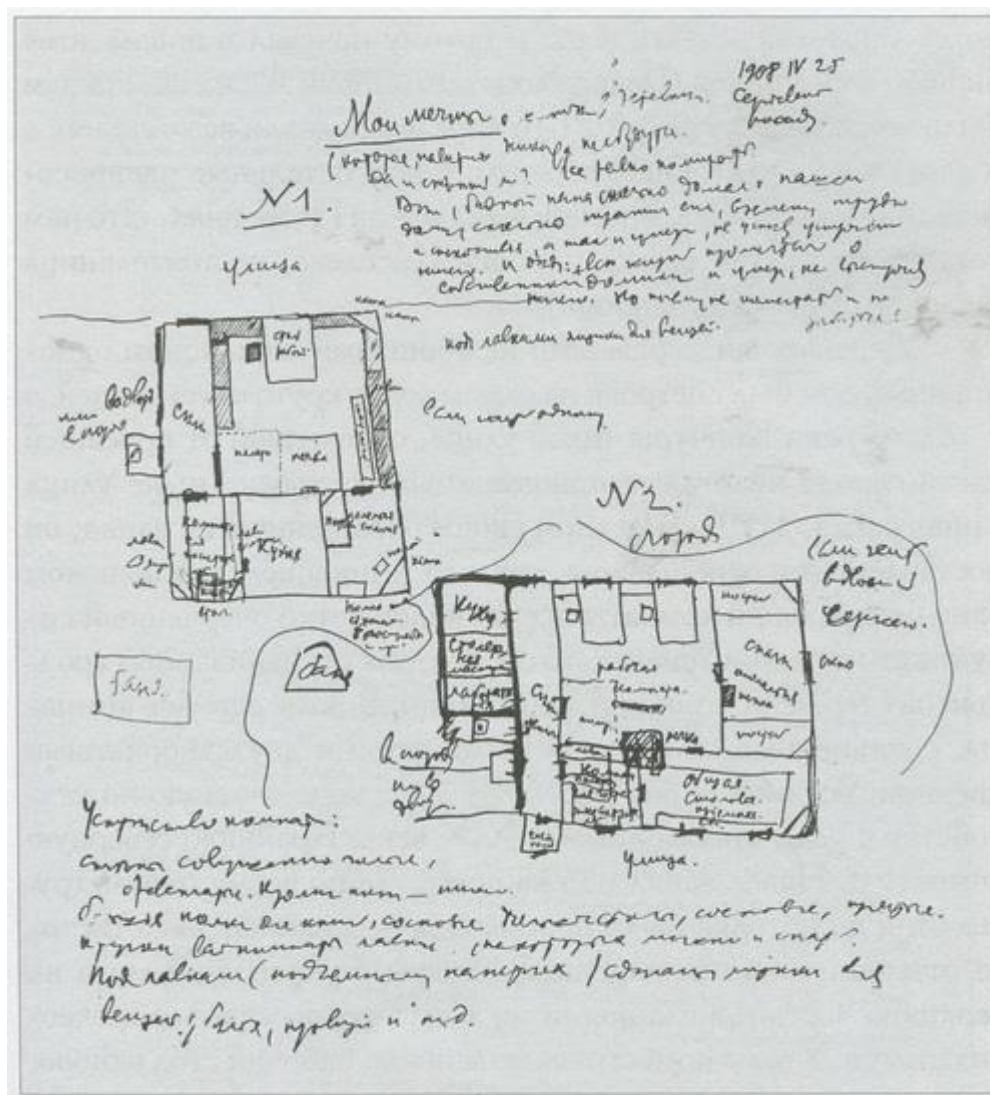


Рис. 3. Из записной книжки П.А. Флоренского (план устройства дома). Автограф. 1908.²⁰⁶

Через коридор можно было бы пройти не только на кухню, но и в столярную и лабораторию, т.е. было запланировано не менее трех помещений, которые бы удовлетворяли универсализму увлечений хозяина. Вне дома должна была быть построена баня. 26-летний Павел Александрович в это время преподавал историю философии в академии и математику в местной женской гимназии – постройка собственного дома по желательному проекту для него были «мечты, которые, наверное, никогда не сбудутся».

²⁰⁶ Трубочев С., диак. Избранное. Статьи и исследования. М., 2005. С. 457.

В 1910 г. Павел Александрович женился на учительнице сельской школы А.М. Гиацинтовой, а в 1911 г. принял священный сан. Изменение семейного статуса привело к необходимости смены жилья и приобретения собственного подходящего дома. В 1912 г. помимо оплаты преподавательской и публикационной работы, отец Павел стал получать жалование редактора «Богословского вестника». И в том же году он был приглашен великой княгиней Елизаветой Федоровной на должность настоятеля больничной церкви Мариинского приюта сестер милосердия Российского общества Красного Креста в Сергиевом-Посаде (сейчас это ул. Митькина, д. 37). Новые должности и, что не менее важно, значимые знакомства сделали возможным покупку собственного дома.

В 1915 г. отец Павел купил небольшой одноэтажный деревянный дом около лавры. Дом был выкрашен в розовый цвет – цвет колокольни Троице-Сергиевой лавры. В доме было три комнаты, расположенные анфиладой: в крайней отец Павел обустроил кабинет, в центральной находилась столовая и далее - детская. Также имелась небольшая комната для бабушки по соседству с кухней, где была большая русская печь, облицованная белыми изразцами с голубой каймой. Зять отца Павла церковный композитор и дирижер диакон Сергей Трубачев оставил описание обстановки дома. Вдоль стен кабинета стояли деревянные, золотистого оттенка шкафы, в которых в верхней части хранились фотографии греческих статуй. У окна стоял письменный стол и шкаф-горка, в котором хранились образцы горных пород, археологические находки, а впоследствии – подарки от детей. В углу стоял шкаф, уставленный дорогими хозяину иконами. Столовую украшали камин, иконы, скульптурное изображение головы Иоанна Крестителя, картины с античными сюжетами. Также в столовой стояло два фортепиано. Отец Павел нередко играл там произведения любимого им В. Моцарта²⁰⁷. Дом, конечно, был маленький и совсем не соответствовал ни ранним мечтам исследователя, ни насущным потребностям увеличивающейся семьи. Ольга Павловна Трубачева,

²⁰⁷Трубачев С., диак. Избранное. Статьи и исследования. М., 2005. С. 456–465.

родившаяся в 1918 г., стала четвертым ребенком отца Павла и Анны Михайловны. С ними еще жила бабушка. Рядом располагались дома и других профессоров академии.

В целом, обстановка жизни о. Павла, его коллег была обусловлена посадской жизнью, гармонировала с этим небольшим городом, но конечно их быт резко контрастировал со стилем жизни преподавателей Московского университета, которые жили в строящейся Москве, в иной транспортной доступности от значимых научных обществ, музеев, театра, имели больше возможностей для дополнительного заработка. Даже если учесть, что представления о лучшем финансовом положении профессоров университета несколько обобщено и преувеличено, вариантов, возможностей решения этих сложностей в Москве было больше. А главное, масштаб развивающегося на рубеже XIX–XX вв. строительства университета, его финансовые возможности были и контраст этого со скромным бытом провинциального городка, бюджетом академии были максимально очевидны именно преподавателям Московской духовной академии.

Дороговизна жизни в Москве и Санкт-Петербурге и возникавшие в связи с ней проблемы не были так актуальны для жителей других провинциальных городов. Профессора Киевской академии жили недалеко от места работы – Киево-братского монастыря. Преимущественно, на съемных квартирах на Андреевском спуске – мощеной улице, которая вела из Верхнего Киева к Подолу. В конце XIX в. улица была застроена двухэтажными каменными домами, в которых селились купцы, ремесленники и... профессора. Здесь жили профессора Ф.И. Титов, П.П. Кудрявцев, профессор университета и академии С.Т. Голубев. А в доме № 13 на втором этаже, в съемной квартире из 7 комнат жила семья отца писателя М.А. Булгакова. Экстраординарный профессор Киевской академии А.И. Булгаков и его семья, жена и семеро детей, переехали сюда в 1906 г. Резная деревянная мебель, фортепиано, конечно, же шкафы с книгами делали квартиру солидной и уютной. Сейчас в квартире открыт музей М.И. Булгакова. Собственный дом имели

немногие профессора академий – например, старший по возрасту В.Ф. Певницкий жил в своем доме.

Киев в 1910-е гг., накануне Первой мировой войны переживал как и Москва «строительную горячку». В связи с ростом промышленности в город также стали переезжать люди из сел в больших количествах. К 1914 г. в Киеве проживало 520,5 тыс. человек. Однако, проблема жилья не была столь же острой, как например в Москве того же времени, где проживало уже 1762,7 тыс. человек²⁰⁸. В Киеве жило в 1914 г. практически в три раза меньше людей, что сказывалось и на объеме доступного жилья и его ценах. В новых домах в центре Киева, на Крещатике и в ближайших улицах, можно было снять, например, четырехкомнатную квартиру в 1911–1913 г. за 960–1200 р. при цене в 20–25 руб. за комнату. Квартиры были с удобствами: кухня, ванная, ватер-клозет, электрическое освещение. На улице Владимирской, где располагался университет, квартиры было значительно дешевле: здесь комната стоила 12–15 руб. Соответственно, за год аренды четырехкомнатной квартиры можно было заплатить около 700 р., а пятикомнатной – около 900 р. В целом, состоятельные люди из среднего класса, включая профессоров, могли позволить себе купить достаточно большую квартиру. В доходном доме на Круглой Университетской 6-комнатные квартиры стоили от 1 250 до 1 550 руб., 5-комнатные – от 1 100 до 1 300 руб., 4-комнатные – 600–1000 руб. Таким образом, новое строительство могло значительно улучшить жилищные условия ученых. При этом, жалование и расходы профессоров в Киеве соответствовали друг другу.

В Казани в 1914 г. проживало 194,2 тыс. горожан²⁰⁹ – почти в 2,7 раза меньше, чем в Киеве, и в 9 раз – чем в Москве. В XIX в. университетские преподаватели селились на склонах бывшей Красной слободы, в непосредственной близости к университету на улицах Старо- и Новогорешечные, Лядская, Первая, Вторая и Третья горы (сейчас это улицы Ульянова, Волкова и Калинина). Профессора академии селились здесь или ближе к Академии (улицы

²⁰⁸ См. Статистический ежегодник России за 1914 г. Пг., 1915.

²⁰⁹ Там же.

Вишневого, Зинина, Достоевского и Шмидта) – этот район сохранился хуже, тем не менее мы можем представить себе атмосферу жизни казанских профессоров в этой малоэтажной застройке, тихих деревянных домах.

На улице Поперечно-Горшечной – Гоголя был дом профессора Казанской академии П.В. Знаменского, который он завещал академии: дом был деревянным, с двумя флигелями²¹⁰. Его ученик и душеприказчик И.М. Покровский в некрологе упоминает, что Знаменский был художником-самоучкой, которому удавались как копии, так и собственные сюжеты, а его квартира представляла собой художественную галерею картин и священных изображений, написанных профессором. Кроме того, в быту было отражено и другое увлечение хозяина – техникой: он собирал самостоятельно различные оптические приборы (стереоскопы, «волшебные фонари», механические панорамы и т.д.)²¹¹. Покровский вспоминал: «Бывало застанешь его за какой-либо послеобеденной работой — вроде устройства грамфонной трубы из картона для мягкости звука или устройства детской панорамы, изображающей в лицах „сказку о рыбаке и рыбке" и т. п. и спросишь, что это Вы делаете П[етр] В[асильевич]? – всегда был ответ: „бездельничаю после обеда"»²¹². Близость к университетской территории позволяла Знаменскому, любившему точность, еженедельно навещать университетскую обсерваторию для сверки часов²¹³. К сожалению, этот дом не сохранился до наших дней.

Зато история пощадила два других дома профессоров Казанской академии. В доме 13 на улице Калинина (бывшая 3-я гора) сохранился двухэтажный деревянный дом, который занимала семья профессора Л.И. Писарева в 1909-1918 гг. Дом был построен в середине XIXв., но существующим видом дом обязан Л.И. Писареву, который в 1915 г. надстроил второй этаж и пристройку к нему. В этом достаточно большом доме жили профессор, его жена и семеро детей. Также во

²¹⁰ Покровский И.М. К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского // Православный собеседник. 1917. № 3–5. С. 26.

²¹¹ Там же. С. 16.

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

дворе находился раньше каменный одноэтажный флигель²¹⁴. В 2021 г. дом был включен в список объектов культурного наследия республики Татарстан. А на улице Шмидта, 6, немного ближе к академии находится другой дом – профессора И.М. Покровского. Так мы можем представить себе стиль жизни и возможности профессора академии в Казани.

В целом, следует отметить, что наиболее заметна разница в уровне жизни и обеспеченности у профессоров Московского университета и Московского академии, обусловленная не размерами окладами, которые были одинаковы, а общими условиями жизни таких разных городов – развивающейся и строящейся Москвы и тихого Сергиева Посада, возможностями дополнительного заработка в большом городе. В других парах университет-академия такой большой разницы не было: одинаково сложна экономически была жизнь профессоров в Санкт-Петербурге, в достатке жили в Киеве и Казани. В том же, что касается, общей суммы зарплат профессоров и университетов, то при сравнении богословских школ с историко-филологическими факультетами следует признать, что нельзя говорить о том, что в духовной школе доходы были ниже. Высокий доход у преподавателей юридических и медицинских факультетов, объясняющийся как большим количеством студентов, так и наличием практики, не является показателем аналогичного уровня обеспеченности других факультетов и не может быть сравним с доходом профессоров-мирян в академиях.

Вопрос о доходах был более важен в контексте взаимоотношений профессоров и руководства академии. Так один из ярких отзывов о профессорах принадлежит архиепископу Антонию (Храповицкому). Причину нестроений в высшей духовной школе владыка Антоний – в прошлом ректор Московской и Киевской духовных академий видел в «либеральной» профессуре – мирянах, которые оказались заиклены на себе и своих нуждах, с его точки зрения. «Если быть откровенным до конца, то, конечно, должно будет признаться, что для

²¹⁴ *Шишкин М.* Дом Пашковского и Писарева на бывшей Третье горке // URL: <https://kazan-journal.ru/news/kazan-i-kazantsyi/dom-pashkovskogo-i-pisareva-na-byvshey-tretey-gore> (дата обращения: 10.09.2023)

либеральных педагогов-писателей даже не воспитательное дело, и конечно, не наука являются предметом попечений: они заботятся не об учениках, не о студентах, но о себе самих, как и вообще все современные либеральные круги. Будучи ренегатами духовного звания, могут ли они находить удовольствие в том, чтобы служить в подчинении у епархиального архиерея, у ректора-монаха или протоиерея? Богословская производительность мысли невозможна без некоторого религиозного энтузиазма, без основательной осведомленности в источниках Божественного Откровения. Лишенные того и другого, наши профессора-публицисты не могут, конечно, и студентов заинтересовать своими лекциями. Философские предметы им еще кое-как удаются, а в богословии кроме рутины, кроме Макарьевской схоластики, они ничего дать не могут, и их аудитории пустуют»²¹⁵.

Важно отметить, что почти все преподаватели духовной академии прошли в образовании естественный путь детей священно- и церковнослужителей того времени: духовное училище (4 года) – семинария (6 лет) – академия (4 года). Все семинаристы и студенты разделялись на «казеннокоштных» и «своекоштных». Если в 1861 г. из 15060 семинаристов на казенном обеспечении находилось 6120 (40,64%) и таким образом выполнялась задача в поддержке «до 6 тыс. воспитанников», то с годами даже эта цифра стала затруднительна для выполнения правительством. В 1913/1914 учебном году из 22734 семинаристов, обучавшихся в 57 семинариях, на полном казенном обеспечении было 4265 человека (18,76%), на половинном — 1575 (6,93%); на полном епархиальном содержании 509 (2,24%) и половинном — 534 (2,35%) человек²¹⁶. Всего так или иначе было поддержано 6883 семинариста (30,28%) из 22734. При этом осталось в духовном ведомстве 54,3 % выпускников того же 1914 г.: 1179 из всех окончивших обучение 2169. При этой совсем весьма недостаточном количестве для удовлетворения церковной потребности в священниках, еще 218 (18,49%) человек из 1179 поступило в духовную академию для продолжения образования,

²¹⁵ Отзывы епархиальных архиереев. М., 2014. Т. 1. С. 728.

²¹⁶ Сушко А.В. Духовные семинарии в России // Вопросы истории. 1996. № 11–12.

оставив служить пастырскому делу 961 выпускника. Для сравнения: в «светские» учреждения высшего образования поступили 576 человек.

Обучение в духовных академиях также было дорогим для казны. В довоенном 1912 г. средняя себестоимость обучения одного человека в духовной академии была в 4,7 раз выше затрат на обучение студента университета: 609 / 130 руб. Дороже государству обходились только студенты открывавшихся в начале XX в. историко-филологических институтов (859 руб. на человека) и учащиеся военных академий (2835 руб. на человека)²¹⁷. Если в семинариях большинство составляли своекоштные студенты, то в академии до устава 1910–1911 гг. наоборот – казеннокоштные: для каждой из академий выделялось 120

Академии	1900			1905			1910			1915		
	Преподаватели	Студенты	Студенты/1 преподаватель	Преподаватели	Студенты	Студенты/1 преподаватель	Преподаватели	Студенты	Студенты/1 преподаватель	Преподаватели	Студенты	Студенты/1 преподаватель
СПбДА	32	269	8,4	32	238	7,4	30	272	9	38	306	8
МДА	28	270	9,64	28	164	5,8	26	181	6,9	33	309	9,36
КиевДА	28	214	7,64	28	205	7,3	30	246	8,2	39	324	8,3
КазДА	36	189	5,25	36	198	5,5	37	189	5,1	42	300	7,14
Итого	126	942		124	805		123	888		152	1239	

Табл. 3. Соотношение количества преподавателей и студентов в духовных академиях в начале XX в.²¹⁸

государственных стипендий. Показательно, соотношение количества преподавателей и студентов в академиях. Как следует из таблицы 3 оно колебалось в разных академиях в 1900–1915 гг. от 5 до 9/10 человек на одного преподавателя. Для сравнения: в столичном университете на одного преподавателя приходилось 160 студентов²¹⁹. Разница в количестве обучающихся не влекла как было указано ранее понижение в окладах профессоров, таким образом они имели конкурентоспособные зарплаты, в ограниченном количестве

²¹⁷ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 198

²¹⁸ Данные из: Тарасова В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX– нач. XX вв. История императорский православных духовных академий. М., 2005. С. 162, 224.

²¹⁹ Ростовцев Е. Университет столичного города (1905–1917 годы) // Университет и город в России (начало XXв.). М., 2009. С.205–370.

могли претендовать на казенное жилье. При этом бюджет духовного ведомства, который включал в себя все церковные нужды, был в три раза меньше бюджета сравнительно узкопрофильного министерства народного просвещения²²⁰. Таким образом, следует признать, что церковное руководство значительно вложило в подготовку выпускников духовных академий и поддерживало их после.

В духовных академиях воспитывали элиту, которая могла бы быть использована для решения церковных задач разного профиля. Кадровая проблема была актуальна для многих церковных учреждений, направления деятельности, но даже если остановиться на тех, которые были с той или иной степенью приоритетности прописаны в академических уставах: пастырское служение, научно-педагогическая деятельность, то вырисовывается объективная невозможность решить их силами академий. В 1914 г. преподавательский состав семинарий включал в себя 1043 человека²²¹. В академиях – около 120 человек. Если предположить, что ежегодная ротация кадров в средней и высшей школе составила бы треть учебного персонала, то необходимо было бы около 400 человек, чтобы ее восполнить. Это значительно больше общего количества выпускников: ежегодно академию заканчивали 170-180 человек²²². Здесь и происходит столкновение прагматичного отношения церковного начальства к высшей школе как специальному утилитарному образованию: духовное ведомство подготовило церковные кадры, которые должны были бы отрабатывать затраченные на них средства для решения имеющихся проблем – и совершенно иное устремление и видение задач богословского образования профессорами академий, а вместе с этим и собственной роли в Церкви. В некотором смысле проекты профессоров превысили финансовые и политические возможности церковной администрации, а посредника между ними и Синодом, обеспечившими бы баланс интересов, не нашлось.

²²⁰ *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (кон. 1890-х – 1918 г.). М., 2002. С. 34.

²²¹ *Сушко А.В.* Духовные семинарии в России // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 107–114.

²²² *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа России в конце XIX–начале XX века: история императорских православных духовных академий. М., 2005. С. 252.

Дар учительства, как важный для церковной жизни и харизматичный, был указан в послании апостола Павла в церковной общине Коринфа: «И вы - тело Христово, а порознь - члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи? Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший» (1Кор. 12: 27-31). Таким образом возможность учить была связана с духовным совершенствованием и соотнесена с другими церковными дарами и служениями: учительство было ниже апостольского и пророческого.

В 1900 духовный сан имели 18 преподавателей из 126²²³ – всего лишь 14,29% профессорско-преподавательской корпорации. А значит, мирян было подавляющее большинство – 85,71%. Несмотря на предпринятые меры, ситуация значительно не изменилась в академиях в последующие годы: в 1905 г. – 24 человека в священном сане, а в 1912 г. – 39²²⁴. При этом общее количество преподавателей, включая сверхштатных, тоже увеличивалось. Устав 1910 г., нацеленный на увеличение, духовенства в академиях, на новом уровне выявил имевшиеся противоречия монашествующих – ректоров академий и епархиальных архиереев – и профессоров мирян.

В 1909 г. профессору Киевской духовной академии Д.И. Богдашевскому было предложено стать дополнительно инспектором академии – к учебной и научной нагрузке добавилась бы и воспитательная работа, а также принять священный сан. В переписке с его научным руководителем бывшим профессором академии А.А. Дмитриевским он делится переживаниями и объясняет свое нежелание быть инспектором и священником: «Не хочется терять профессорской свободы и профессорского спокойствия. Вот-вот, чрез года два-три я буду

²²³ Тарасова В.А. Высшая духовная школа России в конце XIX – начале XX века: история императорских православных духовных академий. М., 2005. С. 176

²²⁴ Там же.

заслуженным ординарным, а это дело не безразличное. Будущего инспектора ожидает множество страданий, и что он будет созидать, то кадеты будут разрушать. И здоровье мое слабо, и нервы мои не крепки. Итак, я не знаю, что мне ответить. Если митрополит Флавиан не свяжет меня скорым монашеством, то, пожалуй, еще соглашусь, ибо тогда с инспекторством, в случае неприятностей, можно во всякое время разделаться. А если *conditio sine qua non* будет монашество, то, кажется, придется отказаться»²²⁵. Позже он снова жалуется: «Ах! Дорогой Алексей Афанасьевич! Жаль мне чистого профессорства! Жаль мне оставлять старость при Религиозно-Пр[осветительском] Обществе. “Утешайте, утешайте людия Моя”. Тяжело служить с явным психопатом Феодосием»²²⁶.

Богдашевский был рукоположен в 1910 г. Новый статус принес ему духовную радость и благодарность церковному руководству, однако, важно, что он не стал связывать себя семейными обязательствами, не принял монашеский постриг, а был рукоположен целибатным священником. Таким образом, была найдена некое компромиссное решение: с увеличением нагрузки в академии, он остался свободен от домашних дел, с одной стороны, и не поступил в братство монастыря, не мог быть непосредственно переведен по службе или рукоположен далее в епископский сан, с другой стороны. «Теперь на меня все взвалено: и ректура, и инспектура, и профессорство, и редакторство, и священнослужительские обязанности. Прежде всего, не могу не поделиться с Вами радостью принятия священства. Благодарю Бога и владыку митрополита! Доволен и прошу у Бога только здоровья. [...] Я искренно желал бы остаться в своем протоиерействе всегда. Моего целибатства и в Академии, и в городе не понимают, а я его хорошо понимаю и вижу, что оно не лишает меня

²²⁵ Сухова Н. Ю. «Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней» (Письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 95.

²²⁶ Там же. С. 98.

профессорства и дает мне еще возможность оставаться “свободным”»²²⁷, - сообщил новость он Дмитриевскому.

Наиболее сложная ситуация складывалась в столичной академии, где в начале века только 3 человека были в священном сане. Так доцент Б.В. Титлинов в ноябре 1911 г. был поставлен прямо перед непростым выбором: утверждение в должности экстраординарного профессора кафедры русской церковной истории было обещано при условии его рукоположения. Титлинов отказался: «Требование нового устава о принятии св. сана кандидатами в экстраординарные профессора для меня представляется совершенно неожиданным. Но если бы даже вообще в будущем я и решился принять на себя высокое звание священства, то принимать это звание в настоящее время я не имею намерения, а делать это под давлением внешней необходимости не позволяет мне нравственное чувство и уважение к самому св. сану, который требует добровольного расположения и особых условий, какие не создаются стечением внешних обстоятельств»²²⁸. Вакансия была предоставлена другому члену корпорации–священнику. Для Титлинова это был не только вопрос признания его научного статуса, но и финансовый – он был женат и имел необходимость обеспечивать семью, детей. По особому ходатайству совета академии Синод летом 1912 г. разрешил перевод на должность Титлинова, но как «исполняющего делами». Это позволило ему получать оклад не 1200, а 2000 р., что, впрочем, тоже было немного²²⁹. Принятие священства могло становиться инструментом интриг и давления на преподавателей.

При это складывалась парадоксальная в некотором смысле ситуация, когда профессора–миряне не только готовят будущих священников, но и судят о соответствии уже рукоположенного студента пастырскому идеалу. Так С.А. Волков зафиксировал в воспоминаниях сцену на экзамене, удивившую его как

²²⁷Сухова Н.Ю. «Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней...» (письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому) (Продолжение) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 6 (55). С. 96.

²²⁸ЖЗС СПбДА за 1911–1912 уч. г. СПб., 1912. С. 116.

²²⁹Карпук Д.А. Кафедра русской церковной истории в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже XIX–XX вв. // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 213.

выпускника гимназии, неуважением профессора к духовному лицу. Профессор Московской духовной академии С.С. Глаголев, не удовлетворенный качеством ответа священника на экзамене, высказался о целесообразности его уже состоявшегося рукоположения: «Какую семинарию вы окончили? Вифанскую? Я не могу понять, как вы могли ее кончить, как вам могли дать сан! Вы не только в священники не годитесь, но вас и псаломщиком нельзя назначить по вашему развитию! Придите на следующий год!»²³⁰

Проблема соотношения научной свободы, объемов занятости и пастырского служения была актуальная и для профессоров университета, занимавшихся церковно-богословскими науками. Показательна в связи с этим записка в ВЧК протоиерея П.В. Верховского - участника Предсоборного совета, автора проекта решений Собора о правовом положении Церкви в государстве. В те годы он был мирянином и профессором Варшавского (позднее Донского) университета, а в 1922 г. священник, допрашиваемый новой властью, протоиерей П. Верховской объяснял, почему он не принял священный сан до революции: «Я отлично помню, что раньше меня удерживало от принятия священства между прочим именно то, что я неизбежно подпал бы архиерейскому самовластию, правительственному гнету, обратился бы в духовного чиновника, обязанного быть проводником определенной политики. Достаточно вспомнить сколько было прежде так называемых табельных и викториальных дней, т. е. царских праздников, в которые для проповеди была всего только одна тема и сколько на них написано было талантливых образцов! От всего этого я был свободен, как профессор, а с революцией все это отпало»²³¹. Таким образом, научная работа, преподавание в академии и пастырское служение были не совместимы, как представлялось профессорам, прежде всего в силу ограниченности времени, физических возможностей: сложно было бы найти энергию для реализации всех задач одновременно. Кроме того, конечно, это влекло бы за собой большую

²³⁰ Волков С.А. Возле стен монастырских. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 141.

²³¹ Записка протоиерея П. В. Верховского в приложение к протоколу допроса // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 5 (48). С. 94

подконтрольность церковному начальству, что также, с их точки зрения, могло вредить научной работе. Вместе с тем, сохранение статуса мирянина в духовной академии неизменно приводило к конфронтации профессоров с монашествующими и духовенством.

Профессорство в начале XX века осмыслялось не только как особое церковное, но и общественное служение. Интересно, что в пылу полемики его часто сравнивали с мученичеством. Так профессор Московской духовной академии, приват-доцент Московского университета П.В. Тихомиров в своей статье прямо заявляет: «<...> Жизнь академий протекает подавленно и противоестественно, Совет и Правление стали безмолвными орудиями в руках начальства, либо тратят силы на бесплодную борьбу с ним; наука академическая в совершенном загоне, для того, чтобы заниматься чистым богословием нужно запастись специально исповедническим или мученическим настроением, Епархиальный архиерей по отношению к академии есть жестокое орудие академического угнетения, страшное пугало для давления на Совет и Правление. Академия по условиям настоящего своего существования есть не что иное, как «Бастилия духа»»²³². Мучеником за науку и общество был для студентов А.П. Лебедев, о котором в речи при погребении в 1908 г. было сказано следующее: «Почивший был прежде всего профессором. А ведь «профессура», не ходя далеко, и сама то в себе не «должность», а «подвиг», своего рода библейское «бремя», которое неудержимо, часто вопреки личному настроению, влекло пророков на путь их общественного служения. Но этого мало. Алексей Петрович был мучеником еще и в другом отношении. Он вписал себя в мартиролог как всякий культурный вождь»²³³.

В чем же заключалось общественное служение профессоров? В публикациях профессоров духовных академий часто подчеркивается особая роль Русской Церкви в государственном строительстве. Профессор кафедры

²³² Тихомиров П.В. О духовных академиях // Духовная школа. СПб., 1906. С. 339–345.

²³³ Речь студента Н.П. Кудрявцева, произнесенная на могиле А.П. Лебедева // Богословский вестник. 1908. № 7–8. С. 602.

гражданской истории Казанской духовной академии прот. Н.Н. Писарев связал с этим и особую роль академий в истории России: «<...> Сказано: “ищите, прежде всего, царствия Божия и правды его, а остальное приложится вам”. В этих словах великая тайна не только религиозного, но и национального дела св. Сергия. Был ли он государственным деятелем? Нет, он искал, прежде всего, царствия Божия, а остальное приложилось ему. Он строил Церковь, и только Церковь, но этим он спас и государство. Именно своим духовным подвигом, своим религиозным делом он дал духовную точку опоры всему тому мирскому строительству Русского государства, которое прислонилося к великому церковному строению»²³⁴. Далее профессор, ссылаясь на опыт Московского университета – «вековую традицию этого учреждения: слияние запросов науки с требованиями жизни, органическое совмещение служения научной истине с служением общественному благу»²³⁵, показывает, что духовная школа решает даже более важную задачу по сравнению с университетами. «Такое соотношение науки и жизни, такое “органическое совмещение служения научной истине с служением общественному благу еще с большим правом можно назвать отличительным признаком, своего рода традицией и высшей духовной школы: это ясно из всего сказанного об особенностях русского исторического процесса и о заслугах Церкви и духовенства для русской культуры»²³⁶, – пишет он. То, что духовная академия готовит духовенство, которое дальше будет работать с обществом, дает возможность по мысли Писарева говорить о ключевой роли духовной школы в истории отечества.

Интересно, что духовная академия оказалась в том же идейном поле, что и университетская профессура, однако фокус задач общественной работы смещен. Это можно объяснить мировоззренческой разницей, обусловленной как происхождением, так и воспитанием в духовной школе. Например, профессора и преподаватели университетов участвовали в работе Государственной думы: в

²³⁴ Писарев Н.Н. Казанская духовная академия на служении Православной Церкви и русскому народу // Православный собеседник. 1917. № 10/12. С. 429–430.

²³⁵ Там же. С. 434.

²³⁶ Там же. С. 434.

работе Думы четырех созывов приняли участие 24 депутата. И еще 13 человек работали в университетах до Государственной думы²³⁷. При этом духовные академии не были представлены там. Известно об участии историка Н.Ф. Каптерева в работе IV Государственной думы, но к тому времени он уже не был в штате Московской академии и находился на пенсии с 1905 г. Если профессора университетов могли участвовать в обсуждении вопросов, как общих реформ в России, так и касавшихся непосредственно высшего образования, то интересы церкви и духовного образования поддержать на высоком научном уровне в Государственной Думе было некому. Примером активной работы с городскими властными структурами, частным капиталом можно назвать Московский университет, профессора которого становились выразителями интересов различных групп промышленников и купцов, учили их детей, участвовали в работе городской думы. Активное взаимодействие университета с городскими и общественными структурами позволило привлекать дополнительные финансовые средства помимо министерских для строительства университетских зданий, развития частных инициатив профессоров (например, создание народного университета А.Л. Шанявского)²³⁸. Проекты профессоров духовных академий были ориентированы на церковные бюджеты, складывавшиеся из средств государственного казначейства, епархиальных средств и частных пожертвований церкви.

Вместе с тем профессора духовных школ были нацелены на церковный круг общения, наиболее им близкий ментально. Интересное впечатление от знакомства с профессурой Московской академии оставил С.А. Волков. Он был выпускником гимназии и поступил в академию в 1917 г., практически, в последние месяцы ее существования. Волков вспоминал, что они в Сергиево-Посадской гимназии, практически ничего не знали об академии. Интерес Волкова к духовной школе

²³⁷ Грибовский М.В. Участие профессоров и приват-доцентов российских университетов в работе Государственной думы в начале XXв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 50.

²³⁸ Цыганков Д. Московский университет в городском пространстве начала XX в. // Университет и город в России (начало XXв.). М., 2009. С. 371–459.

был результатом юношеской дружбы с сыном профессора академии, в результате которой он оказался вхож в этот круг. После поступления в академию молодой человек, воспитанный в светской средней школе, видимо, пытался соотнести собственные увлечения, литературные пристрастия, мысли с мировоззрением преподавателей академии. Волков вспоминал о С.С. Глаголеве: «Я пытался заинтересовать его поэзией Вячеслава Иванова, но Глаголев отнесся к ней холодно. Заинтересовало его только стихотворение «Аттика и Галилея», о котором он тоже выразился, что за одно это стихотворение поэт вполне заслужил степень кандидата богословия». «Писателей “новопутейцев” (Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, В.В. Розанова и др.) он считал интересными, но только теми вопросами, которые они поднимают». Профессор выделял из круга популярных мыслителей начала века В.В. Розанова, считая, что он «самый глубокий ум среди всей “этой братии”, “ум каверзный и опасный”²³⁹. Глаголев – сын священника, воспитанник духовной школы, доктор богословия оценивал современные ему культурные явления, соотнося их с церковным учением, традицией и представлением о пользе для Церкви. Ближе Волкову оказался отец Павел Флоренский – человек, который получил и университетское, и духовной образование. Его универсализм был не только особой характеристикой личности, но и продуктом среды, его сформировавшей. Например, с Андреем Белым отец Павел был знаком еще с университетской скамьи.

Таким образом, к началу XX века в России существовали две социальные группы ученых высокой квалификации: профессора университетов и преподаватели духовных академий. Университетские профессора были вне сословной структуры Российской империи, а университеты автономны по отношению к местной власти. Тем не менее так или иначе университеты оказывали влияние на культурную жизнь городов, в которых находились. На рубеже столетий заметно включение университетских профессоров во властные структуры: Государственная дума, городские учреждения. Наиболее удачным был

²³⁹ Волков С.А. Возле стен монастырских. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 143.

опыт Московского университета, активное взаимодействие профессоров которого с финансовой и политической элитой города позволило привлекать дополнительные средства для своих проектов, влиять на развитие города. Процесс складывания особого типа профессора духовной академии приходится на вторую половину XIX в., когда становится возможным получение высших ученых степеней мирянами. К началу XX в. преподаватели и профессора духовных академий – особая группа мирян, близкая по многим параметрам «светской» ученой элите: род деятельности, уровень дохода, жизненные и исследовательские принципы. Важным отличием, было мировоззрение церковных ученых, для которых действительность осмыслялась через призму богословия, церковной пользы. Характерно, что профессора академий, так же, как и университетские, считали свое дело общественным служением, однако служение обществу было прочно связано с церковным мессианством: приобщением к богословскому знанию, а через него и к Церкви. Однако, профессора академий, формально не относясь к духовному сословию, подчинялись духовному ведомству, были включены в церковную иерархическую структуру. Это привело к столкновению элиты знания с харизматической элитой – духовенством: прежде всего епископатом и ученым монашеством, которые претендовали на ту же роль церковных учителей. И именно епископат являлся распорядителем церковного бюджета, что сужало круг возможностей ученых – мирян. Обсуждение реформы духовной школы в комиссиях 1905–1911 г. показывает, что различные стратегии развития богословского образования в России, сформулированные профессорами, превышали финансовые и дипломатические возможности Святейшего Синода, сословность духовной школы ограничивала методы привлечения дополнительных денежных средств помимо церковного бюджета. Для дальнейшего продвижения проектов было необходимо как богословское обоснование роли ученых Церкви, так и поиск новых источников финансирования церковного образования.

1.3. Социокультурный портрет профессоров и преподавателей – участников предсоборных совещаний и Поместного собора

Новые политические реалии меняющейся России начала XX в. сделали Поместный собор не только желаемым, но и совершенно необходимым мероприятием. Еще до того, как были получены все отзывы епархиальных архиереев о церковной реформе, в столице было принято высочайшее решение о создании особого присутствия для разработки проекта будущего собора, изучения поступивших откликов и подготовки материалов для его заседаний. Именно в рамках этого совещания профессора впервые были приглашены к обсуждению широкого спектра церковных проблем.

Согласно протоколам заседаний Предсоборного присутствия за весь период его работы с 6 марта по 15 декабря 1906 г. в них приняло участие не менее 75 человек²⁴⁰, включая специалистов, приглашенных на ограниченное количество совещаний по профильным темам. Из указанных 75 человек миряне составили большинство: в присутствии работало 12 архиереев, 20 священников и, соответственно, 43 мирянина. Учитывая, что согласно протокольным записям на общих собраниях Присутствия могло находиться более 40 человек, это было уникальное явление в жизни Русской церкви того времени. Впервые за всю Синодальную эпоху церковные проблемы обсуждались на столь широком форуме с привлечением большого количества мирян. Вместе с тем в прессе публиковались статьи о работе Присутствия, материалы по мере их готовности, что дело форум еще и открытым для общественных дискуссий.

В состав Присутствия – форум экспертов – вошли известные общественные деятели, миссионеры, синодские чиновники, государственные деятели, но самую большую группу составили профессора университетов и академий – 25 человек. Среди них практически все ведущие церковные историки, канонисты того времени. Однако следует отметить, что первоначальный состав Присутствия,

²⁴⁰ Подсчеты сделаны по: Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 1– 4.

утвержденный императором, был гораздо скромнее, практически в два раза меньше сложившегося позже – 33 человека²⁴¹. Предполагалось, что в работе примут участие 10 архиереев, 2 чиновника – обер-прокурор и его заместитель, 2 священника, не работавших на тот момент в высшей школе, но известные своей широкой просветительской деятельностью, и 19 профессоров университетов и академий (включая В.О. Ключевского, который не участвовал в заседаниях). Из профессоров в священном сане были только четверо – остальные миряне.

К моменту созыва Предсоборного присутствия идея о необходимости участия клириков и мирян в церковной реформе дискутировалась в печати, в различных собраниях и, как представляется, стала привычной для широкой общественности. Таким образом, приглашение Синодом мирян в комиссию – это некоторая дань общественному мнению. Однако следует обратить внимание, что первоначально все миряне, исключая обер-прокурора и его заместителя, были профессорами и далее они составили самую большую группу среди участников форума. Приглашение Синодом мирян, коль скоро оно стало необходимо, имело тем не менее конкретную прагматичную цель: обеспечение научного сопровождения высококвалифицированными специалистами беспрецедентного для Русской церкви проекта – прежде всего профессорами высшей школы.

Предсоборное присутствие начало работу в атмосфере общественного недоверия – его состав и порядок назначения (по представлению Святейшего Синода) не соответствовало ожиданиям²⁴². Осознавали это и участники форума. Комментируя телеграмму в адрес императора о начале работы Присутствия, профессор Московского университета Е.Н. Трубецкой заметил о себе и коллегах: «Есть здесь представительство иерархии и клира, но мы, миряне, до некоторой степени случайны в составе присутствия, мы не можем быть выразителями голоса

²⁴¹Высочайшие повеления // Церковные ведомости. 1906. № 3. С. 38.

²⁴²*Ореханов Ю.Л.* Исторический контекст подготовки Поместного собора Русской Православной Церкви и генезис церковно-реформаторского движения (1905–1906 гг.). Дисс. к. ист. н. М., 2005. С. 144.

всей Церкви»²⁴³. Трубецкой считал, что церковная реформа, ее обсуждение должно начаться снизу – с епархиальных съездов, открытого обсуждения церковных вопросов в печати, а назначенные властью миряне не могут претендовать на роль представителей Церкви и, соответственно, выполнить поручение императора. Однако здесь же участники собрания получили и ответ на это от митрополита Антония (Вадковского), который напомнил о том, что миряне приглашались к подготовке отзывов епархиальных архиереев, а задача Присутствия – обработка собранных материалов²⁴⁴. Такой формальный подход вскрывает важную проблему: участники форума получили высшую императорскую санкцию на внеинституциональное обсуждение проблем церковных институций. С одной стороны, это является еще одним свидетельством особой роли главы государства в делах Церкви, а с другой – заслуживает внимания ситуация, созданная государством и церковной иерархией: миряне, большая часть из которых профессора, были поставлены в особое положение людей, которым было разрешено то, что невозможно остальному церковному сообществу: официально работать над церковной реформой и надеяться, что их деятельность будет иметь результат.

Работа в Предсоборном присутствии началась с обсуждения принципов устройства, состава будущего собора. Предстояло решить: каким будет собор – чрезвычайным или рядовым; могут ли участвовать клирики и миряне в соборе и если да, то с правом совещательного или решающего голоса; кто должен объявить созыв собора и председательствовать на нем. Очевидно, что все эти вопросы требовали обращения к каноническому наследию, изучению практики Древней Церкви. Ключевой темой для дискуссий стала возможность применения канонов Древней Церкви в современную реальность. Для профессоров проблема буквального соблюдения канонов или наоборот возможность его развития была научной.

²⁴³Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 1. С. 15.

²⁴⁴Там же.

Интересно изучить, как распределяются голоса профессоров по основным наиболее болезненным вопросам. Так все участники первого отдела единогласно проголосовали за приглашение клириков и мирян на будущий собор, но в ходе обсуждений и в отделе, и в общем собрании большинство поддержали особое право епископов принимать решения в церковных вопросах – 12 против 6 высказались за наделение клириков и мирян правом только совещательного голоса²⁴⁵. Таким образом общее соотношение голосов сторонников совещательного голоса для мирян и решающего было 2/1. Важно отметить, что при этом соотношение голосов внутри групп университетских и академических ученых неодинаково: 4/1 среди представителей университетов и 4/3 среди членов академических корпораций. Аналогично распределяются голоса и по вопросу о наделении первого епископа особым статусом – наименованием его патриархом: 13 против 5 высказались «за»²⁴⁶. Однако если из голосовавших университетских ученых за восстановление патриаршества проголосовали все, то среди академических единодушия меньше – 9 «за» и 5 «против». Из этого следует, что все профессора университетов поддержали увеличение власти епископов и именно их коллеги из академии оказались против восстановления патриаршества.

Предсоборное присутствие как форум экспертов, а не властная инстанция не могло принимать решения, а только готовило научное обоснование тех или иных проектов. По вопросу о составе собора в общем собрании пришли к такому заключению: «На соборе присутствуют, согласно церковному делению членов церкви, епископы, клирики и миряне. Что касается участников Собора от перечисленных учреждений и количества участников Собора, то разрешение этих вопросов предоставляется Святейшему Синоду²⁴⁷. Присутствие признало, что клирики и миряне должны быть включены в состав собора, а определение порядка набора оставило Синоду. Тем не менее важно, что в процессе обсуждения перечня церковных групп, от которых могли бы быть приглашены представители,

²⁴⁵Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 1. С. 55–56. Т. 2. С. 313–350, С. 520.

²⁴⁶Там же.

²⁴⁷Там же. Т. 2. С. 350.

появилось представление о том, что на собор необходим отдельный набор экспертов от духовных академий как представителей особой группы верующих²⁴⁸.

В 1906 г. казалось, что собор будет созван в ближайшее время, однако Николай II отложил его в связи с увеличивавшейся политизацией общества и опасением создать повод для дополнительного разделения. Материалы работы Предсоборного присутствия были переданы для обработки и упорядочения Предсоборному совещанию, работавшему с 1912 по 1917 г. Предсоборное совещание имело совсем другой масштаб. Оно состояло из семи человек: архиепископа Сергия (Страгородского), архиепископа Антония (Храповицкого), С.Г. Рункевича – делопроизводителя и трех профессоров: протоиерея Тимофея Буткевича, М.А. Остроумова и И.И. Соколова.

Возможность создания нового большого форума появились после Февральской революции, когда новые политические реалии сделали, во-первых, возможным созыв собора, а, во-вторых, неактуальными многие из решений присутствия и совещания. Постановлением Святейшего Синода от 29 апреля 1917 г. был учрежден Предсоборный совет, задачей которого стала скорейшая подготовка собора. В состав Совета вошли лица, приглашенные персонально (преимущественно профессора духовных академий и университетов и руководители синодских учреждений), избранные различными церковными институциями, организациями: епископы были выбраны епископатам, представители от единоверцев, съезда духовенства и мирян²⁴⁹. Отметим, что из 93 членов Совета и приглашенных участников совещаний только 12 были архиереями, 31 – клириками и большинство, 50 человек, являлись мирянами²⁵⁰. Предсоборный совет не мог претендовать, как и Предсоборное присутствие, на

²⁴⁸Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 1. С. 58.

²⁴⁹*Мраморнов А.И.* Предсоборный совет 1917 года — церковный ответ на вопросы секуляризовавшегося общества революционной России // Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма: Коллективная монография. М.; Орел; Ливны, 2015. С. 287. С. 286–300

²⁵⁰Члены и участники работы Предсоборного совета// Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2012. Т. 1. Кн. 2 С. 1291–1311.

выражение представлений полноты Церкви, однако был тоже компетентным собранием экспертов.

В состав Предсоборного совета вошли 20 профессоров. Важно отметить, что только 4 из них работали ранее в Присутствии. Два форума разделяло десять лет, за которые многое изменилось. Больше половины членов Предсоборного присутствия в 1906 г. были старше 50 лет (14 из 25 человек) – 7 из них уже умерли к 1917 г., другим, очевидно, было затруднительно принимать участие в работе подобных собраний вдали от постоянного места проживания. Меньшая часть, которой было десять лет назад от 39 до 49 лет, находилась теперь в возрасте своих старших коллег, приобрела новые статусы в науке и общественной жизни. Таким образом, можно утверждать, что произошла смена поколений ученых, принимавших участие в разработке реформы. Это можно считать одной из причин, объясняющей разницу между решениями Присутствия 1906 г. и Совета 1917 г.

Ключевым различием подходов Присутствия и Совета является отношение к церковным канонам. Характерным для работы Совета является высказывание профессора Петроградского университета протоиерея А.В. Смирнова на заседании второго отдела, посвященного организации высшего церковного управления: «Раз Предсоборный Совет решил допустить на Собор наравне с Епископами и клириков, и мирян, то тем самым решен вопрос и об участии их в церковном управлении, говорить об исключительных правах Епископов в этой области - излишне»²⁵¹. Не так важно, как докладчик в соответствии с духом времени выступает апологетом равенства клириков и мирян в правах управления с епископами. Более значимо то, что стало возможным считать источником для решения церковной проблемы не только канон, но и современную ситуационную церковно-юридическую практику. Предсоборный совет стал для самого себя юридическим прецедентом.

²⁵¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2012. Т. 1. Кн. 1. С. 320

Предсоборным советом была произведена редакция положения о выборах на собор 1907 г. В процессе его подготовки было решено, как и Предсоборным присутствием, ввести особую квоту для церковных ученых: митрополит Платон (Рождественский) предложил включить в состав собора представителей духовных академий²⁵², а профессор Донского университета П.В. Верховской – от академии наук и университетов, как «очагов русского просвещения»²⁵³. Комиссия из профессора Петроградского университета В.Н. Бенешевича и профессора Киевской духовной академии Ф.И. Мищенко завершила редактирование проекта «Положения о созыве собора»²⁵⁴.

Выборы на Собор проходили с 23 июля по 8 августа 1917 г. У ученых было несколько возможностей быть выбранными делегатами на Собор:

- представителями епархий или отдельных групп верующих (например, единоверцы, представители армии и флота)²⁵⁵ и тогда бы это означало их личную популярность у выборщиков.

- делегатами от научных центров, для которых была выделена квота (по три делегата от каждой их четырех духовной академий и по одному от одиннадцати университетов и академии наук)²⁵⁶. Наличие гарантированных уставом Собора 24 мест для российских ученых свидетельствует о востребованности работы специалистов высокой квалификации для проведения церковной реформе.

- также ученые могли быть включены в состав собора по должности как члены Предсоборного совета²⁵⁷.

Всего в составе Собора (с учетом замен в ходе сессий) оказалось 51 научный сотрудник духовных академий и университетов. Из них только 5 человек не смогли принять участие в работе Собора:

²⁵² Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2012. Т. 1. Кн. 1. С. 229–230.

²⁵³ Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 237.

²⁵⁴ Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 239.

²⁵⁵ Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 1179, 1186.

²⁵⁶ Там же. С. 1186.

²⁵⁷ Там же. Т. 1. Кн. 1 С. 76–77.

1. Андреев Иван Димитриевич (Петроградский университет) – сложил полномочия по состоянию здоровья;
2. Верховской Павел Владимирович (Донской университет) – не прибыл из-за болезни дочери;
3. Скабалланович Михаил Николаевич (КДА) – признан выбывшим за неприбытием;
4. Темниковский Евгений Николаевич (Харьковский университет) – участвовал до 28 августа 1917, признан выбывшим
5. Погодин Александр Львович (Харьковский университет) - участвовал до 28 августа 1917, признан выбывшим

Соответственно в заседаниях Собора участвовало 46 человек: 8 священников²⁵⁸ и 38 мирян. Профессора и преподаватели – миряне составили большинство данной группы. Интересно, что из 46 человек только 18 являлись участниками Предсоборного совета и вошли в состав Собора по должности.

Представители от	Количество персон
Члены Предсоборного совета, по должности	18
От духовных академий	10
От университетов	10
От епархий	5
От единоверцев	1
От военного и морского духовенства	1
От Российской академии наук	1
Всего	46

Табл. 4. Основание полномочий профессоров и преподавателей²⁵⁹

²⁵⁸Боголюбов Николай Михайлович, свящ (Университет св. Владимира), Писарев Николай Николаевич, прот (КазДА), Преображенский Алексей Феофистович, прот (СУ), Прилуцкий Василий Дмитриевич, прот (КДА), Рождественский Александр Петрович, прот (Предсоборный совет, профессор ПДА), Рождественский Дмитрий Васильевич, прот (МДА), Смирнов Александр Васильевич, прот (Предсоборный совет, ПУ), Лепорский Петр Иванович, прот.

²⁵⁹Здесь и далее для подготовки статистики использовались след. издания: Список лиц, служащих по ведомству министерства народного просвещения на 1917 г. Петроград, 1917; Биографические сведения о членах Поместного Собора // Священный Собор Православной Российской Церкви, 1917–1918 гг.: Обзор деяний / Сост. А. Г. Кравецкий. Под общ. ред. Г. Шульца. Кн. 1. Первая сессия. М., 2002; Голубцов С., протодиак. Московская Духовная Академия в начале XX в. Профессура и сотрудники. М., 1999; Волков В., Куликова М., Логинов В. Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006; Профессора и доктора наук Саратовской области. 1909–1999. Т. 1. Саратов, 2000; Сетевой словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). СПб., 2012–2014; Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1.

Кроме них еще 28 человек были избранными представителями от духовных академий, университетов, епархий и других церковных групп (табл. 4). Таким образом, при наличии преемственности состава и представлений между участниками Предсоборного совета и Собором имеется и существенное пополнение группы новыми участниками дискуссии. На новом этапе церковной реформы профессора и преподаватели оказались снова в обновленном составе.

Должности	Количество
Приват-доценты	7
Экстраординарный профессор	15
Ординарный профессор	16
Заслуженные и сверхштатные профессора	6
Профессор богословия	3

Табл. 5. Должности

В связи с расширением состава у младших преподавателей появилась возможность участия в дискуссиях. Если в Присутствии и Совете все ученые являлись профессорами, то на Соборе 39 человек из 46 были профессорами университетов и/или академий – 7 человек были только приват-доцентами (табл. 5).

25 человек из 46 соборян – ученых имели степень доктора наук. Среди них было 7 докторов богословия, 8 докторов церковной истории и 5 церковного права. Кроме того, представители исследуемой группы имели 18 степеней магистров богословия и 1 магистерскую степень по церковной истории. Таким образом большинство ученых степеней магистров и докторов – 39 из 46 – было получено по церковным специальностям.

Сопоставив количество занятых профессорских ставок – 39 – и количество имеющихся докторских степеней у исследуемой группы – 25, видим, что 7 профессоров имели только магистерскую степень. Вероятно, это связано с тем, что в начале XX в. состав преподавательских корпораций существенно

Томск, 1996; Профессора Пермского государственного университета (1916–2001). Пермь, 2001; Биографический словарь выпускников КДА. 1819–1920-е гг. Т. 1. Киев, 2015; *Томсинов В.* Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества. М., 2007.

обновился²⁶⁰: политические чистки в высшей школе, сложности военного времени и эвакуации, открытие новых университетов сделали возможным продвижение на открывшиеся вакансии старших преподавателей – профессоров младших поколений исследователей, еще не подготовивших докторские работы.

Следует отметить, что к 1917 г. в университетах оформляются собственные научные традиции изучения наук, традиционно относившихся к ведению духовной школы. В соответствии с уставом 1863 г. вместо одной кафедры богословия в отечественных университетах были созданы сразу три: богословия (межфакультетская), церковного права (на юридическом факультете, с правом присуждения степени в университетах) и истории Церкви (на историко-филологическом, без права присуждения степени в университете). С момента создания кафедр стала очевидна проблема: нравственно-воспитательная задача преподавания богословия студентам университета мешала развитию собственной научной школы, а каноническое право и церковная история развивались как юридическая и историческая дисциплины, соответственно, на разных факультетах, вне богословского контекста и в отрыве друг от друга²⁶¹. Университетские и академические традиции развивались во взаимодействии: практика совмещения преподавания в духовной школе и в университете, взаимообмен выпускниками на преподавательских вакансиях делали научное сообщество единым интеллектуальным пространством. Одновременно разные подходы к наукам в университетах и духовных академиях вызвали научное противостояние между специалистами и конфликтам на личном уровне²⁶².

²⁶⁰ *Андреев А.Ю.* Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX - начала XX вв // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Т. 97. С. 75-98.

²⁶¹ *Сухова Н.Ю.* Церковная история как богословская дисциплина в контексте исторического образования в Синодальный период // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 4 (47). С. 29-30; *Сухова Н.Ю.* Церковное право в православных духовных академиях России: проблемы и традиции // Религии мира. История и современность. 2012. Т. 2010. С. 359.

²⁶² *Андреев А.Ю.* *Цыганков Д.А.* Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском университете // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 1 (68). С. 55–56.

Из работавших на Соборе 46 ученых 20 человек преподавали в университетах, 23 в духовных академиях и еще 3 человека были совместителями (университет и академия). Представителей академической профессуры больше, но перевес не значителен (табл. 6). На Соборе оказались почти в равной пропорции исследователи, являющиеся представителями конфликтующих научных традиций – университетской и академической. Обращает внимание, что если провинциальные университеты были представлены в лучшем случае одним человеком и зачастую выпускником академии (Казанский, Киевский, Саратовский, Томский, Харьковский, Юрьевский), то сотрудники университетов Петрограда и Москвы присутствовали в количестве 7 и 5 человек. Преподаватели очевидно проявили большую активность и были выбраны на Собор не только корпорациями университетов или вошли по должности как члены Предсоборного совета, но и епархиями или другими столичными учреждениями. Профессора и преподаватели академий представлены в равном соотношении (по 6 человек) за исключением столичной Петроградской, представителей которой больше участвовало в Предсоборном совете – больше вошло по должности в Совете и на Собор. С одной стороны, очевидно, что у членов корпораций университетов и академий Петрограда и Москвы было больше возможностей для избрания на Собор, которыми они и воспользовались. С другой стороны, важно обратить внимание на то, что именно преподаватели Московского университета оказались избранными от епархий в других регионах.

Место работы	Количество соборян	Представители от	Примечание
КазДА	6	3 от КазДА, 1 от Казанской епархии, 2 – члены Предсоборного совета	
КазУ	1	От КазУ	Выпускник КазДА и КазУ
КДА	6	3 от КДА, 3 – члены П. Совета	
КиевУ	1	От университета	Священник и выпускник МДА
МДА	6	2 от МДА, 4 – члены П. Совета	Совместители с университетами: Громогласов И.М. (МУ), Покровский А.И. (НУ), Попов И.В. (МУ)

МУ	5	От Таврической епархии С.Н. Булгаков, от Рижской епархии А.И. Каэлас, от Московской епархии А.Ф. Одарченко, Е.Н. Трубецкой от МУ С.А. Котляревский – члены Предсоборного совета. И.В.	Кроме того: 2 совместителя с МДА: И.М. Громогласов, И.В. Попов А.И. Каэлас - выпускник МДА А.Ф. Одарченко – выпускник СПбУ
Новороссийский	2	От НУ – А.В. Флоровский, Покровский А.В. – член П. Совета	Покровский А.В. – выпускник и совместитель с МДА
ПДА	8	3 от ПДА, 4 – члены Предсоборного совета, 1 от военного и морского духовенства	И.В. Соколов – выпускник КазДА, остальные выпускники СПбДА
Пермский	1	От университета	Н.Н. Фиолетов – выпускник МУ
Петроградский	7	Приселков М.Д. от ПУ – позже его заменит А.М. Позднеев, Н.К. Никольский от РАН, Бенешевич В.Н. прот. А.В. Смирнов, Б.А. Тураев – 3ое члены П. Совета, А.А. Ухтомский от единоверцев	3 выпускника академий: СПбДА, КазДА, МДА
Саратовский	1	От университета	Прот. А.Ф. Преображенский – выпускник КазДА
Томский	1	От университета	П.А. Прокошев - выпускник КазДА
Харьковский	1	От Харьковской епархии (представитель университета признан выбывшим и университет не произвел замену)	М.И. Остроумов – выпускник МДА
Юрьевский	1	От университета	М.Г. Красножен – выпускник МУ

Табл. 6. Место работы

На рисунке 4 представлено распределение ученых по возрасту. Самым младшим из них является профессор Пермского университета Н.Н. Фиолетов (26 лет), а самым старшим – профессор Харьковского университета, участник Предсоборных Присутствия и Соповещания М.А. Остроумов (69 лет). Большинству ученых (35 из 46 человек) от 38 до 54 лет с очевидным преобладанием группы в

возрасте 49–52 года. Если учесть, что средний возраст соборян 46 лет²⁶³, то получается, что не менее половины ученых были старше основной массы соборян. Вместе с тем при разнице в возрасте в 15–20 и более лет – очевидно, в Соборе приняли участие одновременно поколения учеников и учителей, ученики участников подготовительных форумов. Например, трое соборян П.А. Прокошев (защита магистерской диссертации – 1895 г.), В.К. Соколов (1899) и П.Д. Лапин (1904) были учениками И.С. Бердникова, работавшего в Присутствии 1906 г. и умершего в 1915 г.

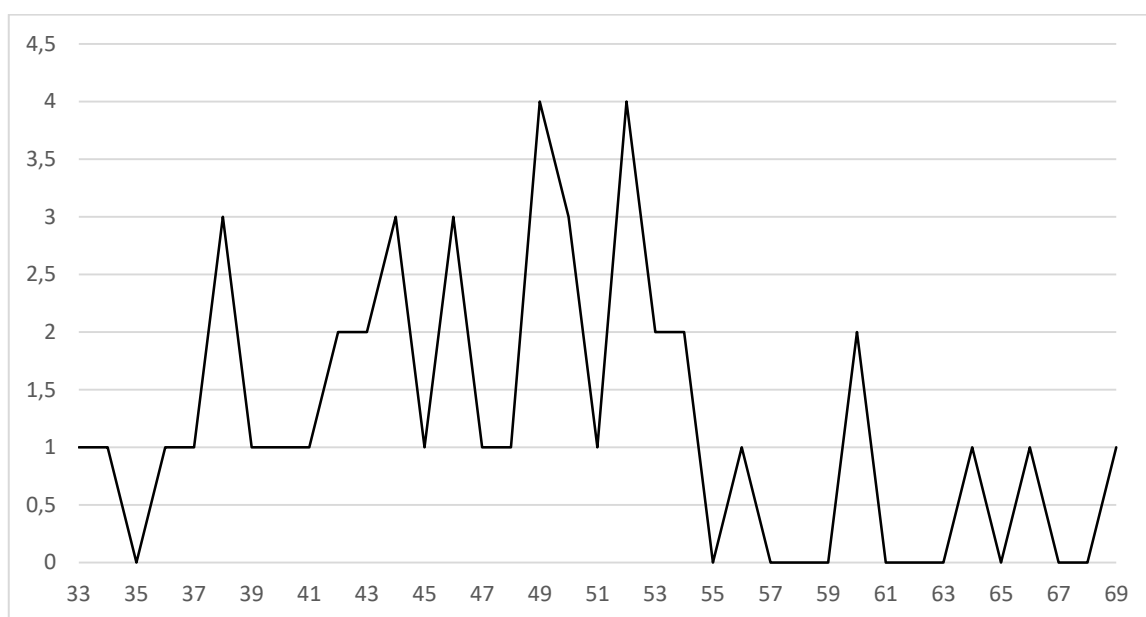


Рис. 4. Возраст профессоров и преподавателей

За всем этим стоит разница в научном и житейском опыте, различные представления о научных методах, отличные социальные статусы, что должно было бы привести при увеличении на Соборе (по сравнению с предсоборными органами) количества участников дискуссии к большому количеству конфликтов. Взаимодействие столь разных людей могло бы стать контрпродуктивным. Однако таких прецедентов не наблюдается в течение всех трех сессии: при всех различиях профессора и преподаватели продолжали совместную работу и принимали важные решения.

²⁶³Мраморнов А.И. Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. 57. С. 376.

Очевидно, следует искать то, что было общим для исследуемой группы. В первую очередь важно изучить социальный состав профессорско-преподавательской группы на Соборе. И здесь наблюдается интересная ситуация: 36 человек из 46 происходили из духовного сословия. При чем из 20 университетских преподавателей 12 были из семей духовенства. 3 преподавателя приняли священный сан: священник Николай Михайлович Боголюбов (Университет св. Владимира), прот. Алексей Феоктистович Преображенский (Саратовский университет), прот. Александр Васильевич Смирнов (Петроградский университет). Еще 3 человека были совместителями (университет и академия), которые прошли обучение в семинарии и духовной академии. Двое из них также были выходцами из духовного сословия.

Лишь небольшая часть героев исследования принадлежала к другим сословиям. Дворянами были А.Ф. Одарченко, князь Е.Н. Трубецкой, Б.А. Тураев, князь А.А. Ухтомский. По одному представителю мы находим из крестьян – А.А. Каэлас (закончил духовную школу), из мещан – Ф.М. Россейкин (также закончил МДА), из семьи преподавателя – А.И. Покровский, из военных – М.Г. Красножен, из семьи судебного пристава – В.Н. Бенешевич. В семье действительного статского советника, члена Судебной палаты родился С.А. Котляревский. Всего 10 человек.

Представляется важным обратить внимание на место рождения изучаемых персон. В столице – Санкт-Петербурге, старой столице и значимом культурном центре – Москве, в относящихся к этим городам губерниях родилось только 6 человек из 46. Остальные были рождены в провинции. Преимущественно в небольших городах и селах в различных уголках империи: 21 человек родились в селах.

Анализ данных об образовании профессоров и преподавателей университетов и академий показывает, что 35 человек из 46 получили высшее образование в духовных академиях (табл. 7). При этом максимум выпускников (11 человек) наблюдается у новообразованной Казанской академии, что собственно соответствует ее образовательной активности на рубеже XIX–XX в. Некоторые из

выпускников академий (4 человека) имели дополнительно и университетское образование, которое сделали для них возможным пребыванием в составе обеих корпораций. Только университетское образование получили 11 человек: по 5 из них закончили Московский и Петроградский университеты и 1 Новороссийский. Таким образом, можно утверждать, что большинство получило наиболее доступное для детей из небогатых семей из духовного сословия, проживающих в селе или небольшом городе – духовное. Духовная академия в данном случае выполнила роль социального лифта для талантливых детей из провинции. Вместе с тем очевидна ведущая роль конкретных научных центров: Петрограда (15 человек), Москвы (12 человек) и Казани (12 человек).

Место обучения	Количество персон	Примечание
КазДА	11	
КазУ	1	до этого закончил КазДА
КДА	5	
МДА	6	
МУ	7	2 из них закончили МДА
СПбДА	9	
СПбУ	6	1 закончил МДА
Новороссийский университет	1	

Табл. 7. Место обучения

Таким образом, можно утверждать, что соборяне – профессора и преподаватели представляли собой достаточно однородную по своему происхождению и образованию группу лиц: университеты были представлены персонами, близкими по социальному статусу и жизненному опыту академическим ученым. В этом видится одна из причин отсутствия конфликтов между членами университетской и академической корпораций.

Другой важной объединяющей идеей стал сам Собор и жизненная необходимость церковной реформы. Статистика участия профессоров и преподавателей в работе пленарных заседаний Собора показывает, что количество участников каждой сессии из профессоров и преподавателей сокращается от первой к третьей так же, как и общее число соборян, в связи с ухудшавшейся политической обстановкой в стране (табл. 8). Почти все они, 45 человек, приняли участие в первой сессии, хотя она совпадает с началом учебного

года – наиболее напряженным временем для педагогических работников. Соответственно, для большинства (не проживающих в Москве постоянно) участие в Соборе было связано с необходимостью отрыва от семей, текущей педагогической и научной работы. Очевидна высокая мотивация героев данного исследования: «дело церковного строительства» оказалось для них важнее всего того, что составляло их жизнь до созыва Собора.

Сессия собора	Сроки сессий	Количество профессоров и преподавателей, принявших участие в работе сессии	Общее количество соборян принявших участие в пленарных заседаниях ²⁶⁴	Средняя посещаемость заседаний ²⁶⁵
Первая	15(28) августа – 9 (22) декабря 1917 г.	45	533	363
Вторая	20 января (3 февраля) – 7 (20) апреля 1918 г.	22	330	245
Третья	19 июня (2 июля) – 7 (20) сентября 1918 г.	20	227	162
Все сессии		16		

Табл. 8. Участие в работе сессий

Работа собора была организована по отделам, в которые могли записаться в начале его работы все желающие. Тремя наиболее популярными среди профессоров и преподавателей стали:

- Отдел о высшем церковном управлении, куда записалось 29 человек (сотрудников университетов из них – 14, примерно равное соотношение интересов представителей университетской и академической корпорации)

- Отдел о духовных академиях – 25 человек (сотрудников университетов из них – 4. В свою очередь из них двое являются совместителями: Попов Иван Васильевич, Громогласов Илья Михайлович. Один был священником – свящ. Николай Михайлович Боголюбов. А Н.К. Никольский родился в семье священника. Данная проблема интересна преимущественно сотрудникам духовных академий.

²⁶⁴ Мраморнов А.И. Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. 57. С. 376.

²⁶⁵ Там же.

- Отдел о правовом положении Церкви в государстве – 23 записавшихся, из которых представителей университетов – 13 человек. Также примерно равное соотношение интересов.

Очевидно, что ученые выбрали то, что соответствовало их жизненному пути, роду занятий. В связи с этим особенно примечательно то, как заявили о своей роли в работе Собора профессора духовных академий. В приветствии Собору от представителей духовных академий, зачитанном мирянином (а не монахом, священником), профессором Киевской духовной академии В. З. Завитневичем выражена главная цель присутствия академических ученых с их точки зрения: квалифицированная защита, разъяснение и применение важнейшего принципа бытия Церкви - соборности. Профессор Завитневич подчеркивает, что «...соборность — это есть душа Православной Церкви, это есть биение пульса церковного организма, его жизненный нерв, от движения которого зависит самая жизнь Церкви; движется этот нерв — и жизнь Церкви поддерживается, замирает это движение — и жизнь Церкви замирает»²⁶⁶. Современное «небывалое нравственное разложение», «страшный аморализм» он связывает с тем, что «остановилась работа центрального винта нашего церковно-общественного механизма»²⁶⁷, т.е. нарушен принцип соборности. Но представители богословской науки имеют особую, отличную от большинства возможность для анализа действительности, церковных проблем: «Все это ясно видят, все это понимают; но это особенно ясно, это особенно понятно для нас — представителей богословской науки, имеющих возможность глубже, всестороннее постигнуть как самое существо начала соборности, так и все следствия его практического осуществления в жизни»²⁶⁸. В заключении приветствия Собору Завитневич выражает готовность церковной ученой элиты отстаивать то, что должно определить будущее церкви и, соответственно, изменить нравственный облик дорогого отечества: «...мы и испытываем

²⁶⁶Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т. 5. М., 2015. С. 43.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же.

нравственную потребность засвидетельствовать пред этим высоким собранием воодушевляющие нас чувства, присоединяя уверенность, что теперь, как и в будущем, по мере нашего разумения, насколько это будет зависеть от нашей доброй воли, мы не перестанем работать как для теоретического уяснения начала соборности, так и для практического осуществления его в жизни»²⁶⁹. Профессор В.З. Завитневич был участником всех двух предсоборных форумов: Присутствия 1906 г. и Совета 1917 г., после которых продолжил работу на Соборе. Таким образом он посвятил церковной реформе более 10 лет своей жизни, что свидетельствует об особой значимости этого дела для него.

Следует отметить, что ученый-мирянин был более свободен, чем священник относительно церковной структуры. В начале XX в. открывается много новых учреждений высшего образования, относящихся как к разным государственным ведомствам, так и являющимися частными школами – таким образом конфликт с руководством академии или университетом не обязательно приводил к завершению ученой карьеры. Так, например, уволенный за вольномыслие из Санкт-Петербургской духовной академии В.Н. Бенешевич продолжил преподавать на Высших женских курсах. В то время как священник был более жестко встроен в церковную структуру и конфликт, несогласие с епархиальным начальством могло привести к утрате самого дорого для него – священного сана. Церковные ученые – миряне, действительно, могли более свободно действовать, делиться своими взглядами.

Интересно отметить некоторые вехи развития самосознания профессоров духовных школ. В.А. Тарасова указывает на то, что они в начале XX в. осознают себя церковной ученой элитой и ощущают внутреннее духовное родство с русской интеллигенцией, стремятся стать более открытыми, причастными всему образованному обществу²⁷⁰. Очевидно, что формируется новая социальная общность ученых духовных академий и близким им людям из университетов,

²⁶⁹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т. 5. М., 2015. С. 44.

²⁷⁰ Тарасова В.А. Высшая духовная школа России в конце XIX – начале XX века: история императорских православных духовных академий. М., 2005. С. 194.

которая стремится найти свою нишу в меняющейся социальной структуре империи.

Как нельзя кстати для этого процесса оказались и действия государства. Приглашение Синодом профессоров к разработке церковной реформы, как ученых экспертов был прагматично: предполагалось функциональное участие в рамках выполнения конкретной поставленной Синодом задачи. Однако государственный и синодский заказ, приглашение профессоров к разработке церковной реформы, способствовали осознанию ими своего особого положения в главном деле Церкви начала XX в. – борьбе за соборность. Следует отметить, что если среди церковных ученых могли быть разногласия о научных методах, принципах работы духовной школы, частных вопросах церковной реформы, то относительно того, что церковная реформа необходима, что именно они могут и должны определить и объяснить, что такое соборность – разногласия не было. Это была та идея, с которой все соглашались по умолчанию. Можно говорить о том, что идея соборности стала той, которая способствовала в начале XX в. обретению академической профессурой коллективной идентичности.

Факт участия в работе Поместного Собора, особый принцип набора делегатов от академий и университетов в таком случае утверждал и закреплял за учеными особое положение в Церкви. Из 88 архиереев – участников Собора (включая тех, кто был рукоположен уже в ходе его проведения) только у троих не было высшего образования – все остальные были выпускниками высших школ империи. Из 85 архиереев с высшим образованием 18 имели магистерскую степень и только двое являлись докторами наук – архиепископ Псковский Арсений (Стадницкий) и митрополит Киевский Владимир (Богоявленский). В то время как на Соборе присутствовало еще не менее 34 докторов наук, 25 из которых являлись сотрудниками университетов и духовных академий. С развитием церковных институций, духовного образования, очевидно, что произошла дифференциация служений – административного и интеллектуального. Если епископы Древней Церкви были и главами общин, и

интеллектуальной элитой своей эпохи, то в Новое время ученое служение оказалось отделено от административного самой логикой жизни.

Рецепцию церковных постановлений в масштабе страны обеспечивает государство. Изменение политической обстановки, утрата церковью поддержки нового революционного правительства привели к тому, что лишь небольшая часть соборных решений была введена в церковную практику. Многие из соборных проектов не могли быть осуществлены при новом политическом режиме.

Самих соборян ожидала нелегкая судьба. Как окончился земной путь М.Г. Красножена, М.А. Остроумова и В.К. Соколова не известно. Об остальных можно сказать следующее.

5 человек перешли в своем желании реформировать Церковь некоторую «точку невозврата» и оказались за ее пределами – в обновленчестве с параллельной церковной организацией и иерархией на канонической территории Московского патриархата. Это В.А. Керенский, А.И. Покровский, В.Д. Попов, прот. Д.В. Рождественский, Б.В. Титлинов.

Еще 4 соборянина уехали в эмиграцию: С.Н. Булгаков (стал священником), А.Ф. Одарченко, прот. А.П. Рождественский, А.В. Флоровский.

Остальные 34 человека остались в новой России. Большая часть, 18 человек, смогла продолжить работу в период установления нового политического режима в стране в качестве научных сотрудников, сотрудников музеев, переводчиков и скончалась в связи с преклонным возрастом или от болезни (опять же это объясняется тем, что большая часть участников собора – профессоров и преподавателей была людьми старше 40 лет и очевидно сложности нового времени переживались ими тяжело). Еще 10 человек подвергались арестам, заключениям в тюрьму и ссылкам. В большинстве случаев – по обвинению за «контрреволюционную деятельность», под чем понималась, надо полагать, верность Церкви.

6 человек были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны: В.Н. Бенешевич, С.С. Глаголев, И.М. Громогласов, И.А. Карабинов, С.А.

Котляревский, И.В. Попов. Илья Громогласов и Иван Попов были прославлены как новомученики Русской Церковью.

Подводя итог параграфу, следует отметить, что начало XX в. – время, когда в дискуссии о церковной реформе включаются ученые – профессора и преподаватели российских университетов и духовных академий. Профессора, приглашенные по высочайшему повелению к работе над проектом будущего собора, обрели новый смысл своей деятельности, еще одну возможность для служения Церкви. Ведущие специалисты в различных областях богословских, исторических наук, права – именно они внесли в дискуссии общественных объединений, церковно-государственных форумов высокий научный уровень аргументации, построения концепций церковного развития. Профессора, преимущественно миряне, являлись более свободными и независимыми людьми, чем духовенство. Это давало им возможность откровеннее многих и при этом квалифицированно свидетельствовать о церковных проблемах и предлагать те или иные нормы для устройства жизни своей Поместной Церкви в меняющейся политической реальности.

За время подготовки собора 1906-1917 гг. сменилось несколько поколений исследователей, вошли в научное сообщество новые люди. В работе Собора 1917 г. приняли участие 46 профессоров и преподавателей российских университетов и духовных академий. Важно отметить, что они обладали высоким научным статусом, выразившимся в большом количестве докторских степеней и занимаемых профессорских ставок. Теоретические научные представления были подкреплены житейским опытом, важность которого тем более значима, что большинство героев исследования прошли большой путь выходцев из, очевидно, небогатых семей провинциального духовенства до вершин ученой карьеры и членов общецерковного форума, на котором принимались актуальные для всей поместной церкви решения. Таким образом, в качестве участников Собора представители изучаемой группы могли продемонстрировать не только теоретические познания, но и понимание существующих условий жизни в разных регионах страны, некоторый реализм.

Не смотря на то, что ученые на Соборе были представителями разных поколений исследователей, научных школ, они имели и некоторые общие черты и устремления. Происхождение (36 человек из 46 родились в семьях, принадлежавших к духовному сословию) и образование (35 из 46 обучались в духовных академиях) делали эту группу единым научным сообществом со схожими ценностями и представлениями. Это объясняет отсутствие ярких конфликтов между профессорами и преподавателями университетов и духовных академий.

Подводя итоги главе, следует еще раз отметить, что университеты и духовные академии в XIX – начале XX века оказались включены в общий процесс трансфера модели «классического университета» в Россию. При этом духовные академии перенимали новый опыт опосредованно, через университеты. Дискуссии начала XX века по реформе церковной высшей школы наглядно показывают, что тогда опыт немецких университетов, идеалы науки, ненацеленной на узкословные или практические задачи (*Bildung*), «свободы преподавания» (*Lehrfreiheit*) и «свободы обучения» (*Lernfreiheit*), характерные для «классического» университета, остаются актуальными и воспринимаются как одно из средств решения не только университетского, но и проблем академического богословского образования в России частью профессоров-мирян и белого духовенства.

К началу XX в. в среде университетской профессуры оформилась группа ученых, занимавшихся церковно-богословскими науками. При этом введение параллельной университетской степени доктора церковного права дало возможность развитию особых университетских научных школ церковного права, более актуальных для общественной жизни, чем академические, что выявляет факт приглашения в различные предсоборные форумы и комиссии именно университетских специалистов по праву. В 1906–1917 гг. существуют три значимых научные школы церковного права: Санкт-Петербургского университета – прот. М.И. Горчакова, Московского университета – Н.С. Суворова и Казанскую

– И.С. Бердникова. Обращает внимание факт, что большинство ученых степеней докторов наук по церковному праву были получены в этот период в университете и конкретно в Московском (6 из 7 университетских степеней были получены в 1900-е г. и при этом только 2 в академиях при действии устава 1910 г.). Этот опыт можно считать показателем перспектив свободного развития церковно-богословских наук в университете.

Вместе с тем следует отметить, что при общности стиля жизни, финансовых и бытовых как привилегий, так и сложностей социальные статусы профессоров университетов и академий были не равны. Если университетская профессура становилась внесловным объединением, уникальным по отношению к общественному строю Российской империи, то профессора духовных академий, имея те же потребности в реализации своих представлений о высоком общественном значении богословских наук, оказывались включены в достаточно жесткую иерархическую структуру церковной организации: уже не являясь формально частью духовного сословия они не стали распорядителями церковного имущества, теми, кто определяет церковные стратегии. Для нормализации своего статуса и снятия противоречий с епископатом, ученым монашеством или клириками им прежде всего необходимо было богословское обоснование своего статуса, мирян-профессоров, внутри церковного сообщества.

Работа над подготовкой церковной реформы, внеинституциональное положение по отношению к церковной организации дали возможность профессорам – специалистам в области церковно-богословских наук, обрести новую корпоративную идентичность: на Соборе 1917 г. ученые ощутили себя церковной элитой, которая может и должна блюсти стержень новой экклесиологии – соборность. В этом смысле, участие их в соборном движении следует рассматривать как завершение социальных процессов, идущих из прошлого XIX столетия.

Глава II. Профессора и преобразование высшего богословского образования

2.1. Учебный процесс в проектируемых духовных академиях

Соборяне разрабатывали проект преобразования духовных академий в совершенно новых политических реалиях, что, несмотря на преемственность с предыдущими уставами и образовательными моделями, должно было бы их отличать от них. Кроме того Собор предпринял беспрецедентную попытку провести одновременно изменения в духовных школах всех уровней: помимо отдела о высшем богословском образовании действовали отделы о церковно-приходских школах, о духовно-учебных заведениях. Соборные подразделения работали самостоятельно и независимо друг от друга, тем не менее были и пересечения по участникам заседаний, обмен результатами работы - прорабатывалась комплексная реформа духовного образования всех уровней. Духовные академии с одной стороны должны были увенчать эту систему, как учебное заведение высшего образования, а с другой, зависели от качества подготовки своих будущих абитуриентов в средней школе. Важно соотнести проект академического образования – устав о духовных академиях с общей системой церковных школ, основные проекты изменений в которых были представлены в докладах собору.

К началу XX в. в России сложились следующие типы церковных образовательных учреждений:

- начальное образование давали сначала в церковно-приходских школах, а затем в духовных училищах, где уже готовили абитуриентов в семинарии.
- среднее образование было представлено женскими епархиальными училищами, где давалось общее образование девушкам из духовного сословия, и семинариями – профессиональной школой, готовившей будущих священнослужителей.
- высшее образование можно было получить только в духовных академиях, при этом допуск в них был ограничен вместимостью общежития, так как до 1910 г. иногородние студенты не могли проживать где бы то ни было кроме него.

Все церковные школы подчинялись духовному ведомству, а не министерству народного просвещения, что в принципе было обычным явлением: в это время многие учебные заведения находились в ведении профильных министерств (внутренних дел, торговли, военного и т.д.).

Важно отметить, что базисом церковного образования должна была стать церковно-приходская школа, которая находилась бы в ведении прихода, обеспечивала и общеобразовательную подготовку уровня школ МНП, и церковное воспитание. Выпускники церковно-приходской школы могли поступать в средние учебные заведения. В докладе Синоду отдела о духовно-учебных заведениях предлагалось духовные училища и первые четыре класса семинарий преобразовать в гимназии – вводился особый тип «православной христиански-гуманитарной школы». Эти гимназии по типу частных должны были реализовывать общеобразовательные программы по стандартам и под контролем Министерства просвещения, но оставались бы в ведении Церкви. Целью школы было всестороннее развитие личности. Школьникам планировалось преподавать предметы трех категорий: гуманитарные с включением философии для подготовки к богословскому образованию, математические и естественнонаучные дисциплины, искусства²⁷¹. Аналогично женские епархиальные училища следовало дополнить недостающими классами и преобразовать в женские 8-миклассные гимназии.

Проблема совмещения в семинарии общеобразовательной задачи (воспитание детей духовенства) и церковной профессиональной – подготовка священнослужителей решалась за счет выделения специальной подготовки в программы отдельного учреждения – богословского института. Цель богословского института была сформулирована максимально широко – «дать богословское образование и подготовить просвещенных пастырей и деятелей Церкви»²⁷². В институт предлагалось принимать духовенство и мирян – лиц православного исповедания с окончанным средним образованием. В особом

²⁷¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 600. Л. 90–91.

²⁷² Там же. Л. 91.

примечании оговаривалось, что к обучению могут быть допущены и женщины, соответствовавшие указанным требованиям к уровню образования²⁷³, таким образом устанавливалась преемственность как с мужскими гимназиями, так и женскими. Обучение рассчитывалось на 3 года.

Идеологом проекта был протоиерей Константин Аггеев – отец десяти детей, профессор Петербургских высших школ, деятель церковного обновления, в 1917 г. – председатель Учебного комитета. Отец Константин имел большой опыт воспитания как собственных детей в семье, так и педагогический стаж, а накануне Собора получил возможность познакомиться с деятельностью профильного ведомства. Предлагаемые изменения оспаривались даже членами отдела о духовно-учебных заведениях. Были группы, желавшие сохранить семинарии в прежнем виде, или вовсе ввести краткие богословские курсы по монастырям и других духовных центрах с целью воспитывать там будущих священников. Характерно, что сторонником «пониженной школы», активно продвигавшим ее проект, стал молодой монах – ректор Таврической семинарии иеромонах Вениамин (Федченков). Вместе с тем сокращение финансовых возможностей Церкви делало невозможным и это преобразование средней школы. Под влиянием внешних обстоятельств, была составлена вторая редакция доклада²⁷⁴, в которую наряду с положениями о духовных семинариях с полным образованием в рамках единой школы и отделенных от общеобразовательных классов был включен разделы и о пастырском училище с неполным богословским образованием²⁷⁵, а также в качестве приложения мнение меньшинства отдела о создании специальной пастырской семинарии в рамках единой школы, воспитывавшей бы будущих священников с детства. «Особое мнение» было подписано десятью членами отдела (первым подписал епископ Андроник (Никольский)²⁷⁶. Отец Вениамин был указан содокладчиком протоиерея Константина Аггеева.

²⁷³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 600. Л. 91.

²⁷⁴ Там же. Д. 390. Л. 14–16 об.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Там же. Л. 17–17 об.

Проекты преобразований в женских епархиальных училищах и семинариях были рассмотрены весной 1918 г. Соборными постановлениями от 7 (20) апреля 1917 г. женские училища следовало «признать желательным сохранить в <...> их теперешнем основном строе»²⁷⁷, а духовные семинарии и училища оставить «в прежнем административном и учебно-воспитательном строе, предоставив Высшему Церковному Управлению произвести в нем необходимые улучшения»²⁷⁸. Очевидно за недостатком времени под давлением обстоятельств собор не решился на более серьезные шаги в реформировании школы, предоставив это ВЦУ. Из всех обсуждавшихся намерений были только утверждено введение пастырских училищ наравне с семинариями без мотиваций и пояснений²⁷⁹.

Тем не менее очевидно желание церковного сообщества выстроить полноценную систему церковного образования, соответствовавшую бы общеобразовательным стандартам учреждений министерства просвещения, но реализовывавших дополнительно богословские программы с воспитательной или практической целью. Главным пафосом реформы, можно считать желание дать богословское образование как можно большему количеству граждан и обеспечить церковное воспитание на всех этапах взросления молодого христианина. Профессора не проявили большого внимания к преобразованию начального и среднего образования: в отдел о церковно-приходских школах не записался ни один профессор, а в отдел о духовно-учебных заведениях - только 5 человек. Однако идеи были знакомы в Отделе о духовных академиях: первая редакция доклада хранится в архиве их работы, после изменения проекта 30 марта (12 апреля) 1918 г. прот. К. Аггеев выступил в академическом отделе с докладом о реформе средней школы²⁸⁰.

²⁷⁷ Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918. М., 1994. С. 115.

²⁷⁸ Там же. С. 114.

²⁷⁹ Там же. С. 115.

²⁸⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 105.

Проекты реформы высшего богословского образования обсуждали на соборе в Отделе о духовных академиях. В отдел записались 41 человек: 6 епископов, 10 клириков и 25 мирян. Практически все они, 38 из 41, были выпускниками академий. 25 членов отдела были профессорами и преподавателями академий и университетов во время работы Собора. Это второе после отдела о высшем церковном управлении соборное подразделение, которое собрало значительное количество профессоров и единственное, где они составили подавляющее большинство. При этом важно отметить, что почти все они работали только в духовной школе, совмещали преподавание в академии с работой в Московском университете двое – И.М. Громогласов и И.В. Попов, еще двое работали только в университете профессор богословия прот. Н. Боголюбов (Киевский университет), доцент Н.К. Никольский (Петроградский университет, кафедра церковной истории). Профессора университета, как впрочем и другие церковные группы, не проявили большого интереса к реформе академий и ее обсуждение стало внутренней дискуссией преподавателей и выпускников церковной высшей школы.

На первом заседании 31 августа 1917 г. были избраны руководители отдела: почетный председатель архиепископ Иаков (Пятницкий) и председатель – профессор-протоиерей А. П. Рождественский (ПДА), а также их заместители И.В. Попов (МУ, МДА) и В.П. Рыбинский (КДА). Архиепископ Иакову в начале работы собора исполнилось 73 года. Владыка сделал головокружительную карьеру: сын сельского псаломщика Калужской губернии прошел все ступени духовной школы и стал епископом в 1891 г. в возрасте 44 лет. Сменив несколько епархий, он возглавил в 1910 г. Казанскую. Таким образом он стал епархиальным архиереем одного из центров университетского и духовного образования. До епископской хиротонии будущий председатель отдела о духовных академиях нес послушания в духовной школе. Однако он был мало связан с высшим образованием непосредственно в статусе преподавателя или администратора академии. В Московской духовной академии он проработал с 1870 г. около двух лет секретарем правления академии, а затем помощником инспектора. На этом

карьера в высшей школе была завершена и далее преимущественно развивалась в средней: в 1872 г. был переведен на должность смотрителя в Мещовское духовное училище, а еще через год преподавателем в Вифанскую академию, ректором которой он стал в 1886 г. Назначение на ректорскую должность и близость к академии побудили, видимо, получить ученую степень магистра богословия в 1887 г., но и научную карьеру архимандрит Иаков не стал развивать²⁸¹. К моменту назначения в Казань в 1910 г. пресвященный имел богатый административный опыт управляющего епархиями, преподавателя и ректора средней школы, но не был включен в научный и образовательный процесс академиях, в полемику о ее реформе: был в некотором смысле компромиссной фигурой для этого города. Тем более, что одним из претендентов на кафедру был известный активный сторонник коренных изменений в духовной академии архиепископ Антоний (Храповицкий). Профессор и инспектор академии прот. Николай Виноградов в письме известному литургисту А.А. Дмитриевскому выразил настроение, с которым встретила епархия нового епископа: «Видимо, всещедрый Господь еще терпит моим грехам, посылая к нам архиепископа Иакова Симбирского, который, по общему здесь признанию, человек умный, книжный, самостоятельный, прямой и беспристрастный. Казань должна быть вполне довольна этим назначением; недовольны разве только одни “антониевцы”», уже ликовавшие было от уверенности в назначении сюда “волынского”»²⁸². Видимо, владыка дистанцировался от дел академии, чем заслужил симпатии преподавателей академий. Спустя 5 лет после его назначения тот же прот. Николай передает свои беспокойства Дмитриевскому в связи со слухами об увольнении епископа на покой – он его устраивал тем, что не вмешивался в дела корпорации, как могли бы делать другие кандидаты: «Но вот опять какая беда. Из Петрограда идут слухи,

²⁸¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 29. Члены и делопроизводители Собора: библиографический словарь / под редакцией свящ. Евгения Агеева, свящ. Ильи Соловьева, прот. Александра Троицкого, С. В. Черткова. М., 2024. С. 200–201.

²⁸² «Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу святой Церкви и Духовной науки...» (письма протоиерея Николая Виноградова к А.А. Дмитриевскому) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1 (13). 2016. С. 121–209.

что нашего маститого святителя Иакова, как якобы уже престарелого, больного и бездеятельного, хотят убрать на покой, – хотя по всей справедливости нужно сказать, на самом деле он еще далеко и не стар, теперь совершенно здоров и бодр и работает ничуть не менее наших молодых архиереев, – и на его место усилено хлопочут два владыки – Владимирский Алексей и Пензенский Владимир; ни тот, ни другой из них не желателен для Казани, особенно 1-й, хорошо известный нашей Академии и духовенству; но ведь Казань спрашивать не будут, а пришлют – и только»²⁸³. Собственно, до своего назначения в Казань, где существовала академия, владыка Иаков был признан почетным членом только одной Киевской академии в 1904 г.: он был викарием Киевской митрополии, состоял в попечительских организациях Киевской академии и Киево-Братского монастыря. Почетным членом Московской и Казанской академий он стал в 1912 г. и позже столичной – в 1914 г. Можно предположить, что академии выразили уважение маститому епископу города – значимого образовательного центра. По всей видимости и избрание архиепископа Иакова почетным председателем отдела о духовных академиях на соборе отвечало именно этой задаче – поиск компромиссной фигуры: необходим был епископ во главе отдела, что соответствовало бы церковной традиции и одновременно такой, кто бы был близок к духовной школе, но при этом не стал бы серьезно вмешиваться в обсуждение. Тем более, что владыка был также избран председателем первого – Уставного отдела – и должен был быть занят еще там. Архиепископ Иаков участвовал только в работе первой сессии собора, поэтому тем более возрастало значение фактического председателя и его заместителей.

Председатель отдела профессор-протоиерей Александр Рождественский родился в 1864 г. (53 года) в семье священнослужителя в с. Черноземье Островского уезда Псковской губернии. В 1890 г. закончил столичную Санкт-Петербургскую духовную академию, с 1894 г. начал преподавать там

²⁸³ «Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу святой Церкви и Духовной науки...» (письма протоиерея Николая Виноградова к А.А. Дмитриевскому) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1 (13). 2016. С. 121–209.

библейстику, а в 1911 г. получил степень доктора богословия. Отец Александр принял активное участие в обсуждении церковных реформ и в подготовке собора. В 1906 г. он стал членом Братства ревнителей церковного обновления, работал в Предсоборном присутствии, в 1917 г. был председателем Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян. Кроме этого профессор служил в храме свт. Николая Чудотворца при Мариинском дворце и преподавал в 1904-1910 гг. Закон Божий дочерям Николая II и, соответственно, был вхож в семью последнего императора. В 1917 г. вошел в состав высшего церковно-государственного органа – Синод²⁸⁴. Таким образом кроме статусов, обеспеченных научной и общественно-церковной работой отец Александр занимал важное место в придворном обществе и имел опыт работы в высшем церковном органе.

Его заместители в работе по отделу были также профессорами и докторами наук. Попов И.В. – сын городского священника в Вязьме, закончил Московскую духовную академию в 1892 г. С 1893 г. стал преподавать в alma-mater. Попов в 1901-1902 гг. стажировался в университетах Берлина и Мюнхена, таким образом был отлично знаком с организацией научного и ученого процесса в немецких университетах. В России кроме преподавания в академии он был доцентом историко-филологического факультета Московского университета с 1907 г. Только в 1917 г. Попов защитил диссертацию на соискание степени доктора церковной истории. Кроме научной и педагогической деятельности Попов представлял интересы академии в Предсоборном присутствии в 1906 г., выступил в печати против увольнения В.О. Ключевского из МДА в 1907 г., возглавил работу Комиссии по реформе духовных академий 1917 г.²⁸⁵

В.П. Рыбинский родился в семье сельского священника Тамбовская губернии, закончил Киевскую академию в 1891 г. Преподавательская карьера

²⁸⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 29. Члены и делопроизводители Собора: библиографический словарь / под редакцией свящ. Евгения Агеева, свящ. Ильи Соловьева, прот. Александра Троицкого, С. В. Черткова. М., 2024. С. 402–403.

²⁸⁵ Там же. С. 384–385.

Рыбинского началась в следующем 1892 г. на кафедре Священного писания Ветхого Завета. В 1913 г. он получил степень доктора богословия²⁸⁶. В отделе Рыбинский оказался вторым после Завитневича В.З. доктором наук среди представителей Киевской академии.

Таким образом в руководстве отдела были представлены все четыре центра духовного образования: архиепископом – город Казань, но не Казанская академия, профессорами – непосредственно академии: Петроградская, Московская и Киевская. При лояльном отношении архиерея к работе отдела основные ее стратегии должны были определять три указанных профессора, которые несомненно обладали высоким научным статусом, были признанными специалистами в области богословия и церковной истории, имели серьезный педагогический опыт, уже получили известность как церковно-общественные деятели и борцы за реформу академий, приняли участие в подготовке проектов, которые были бы взяты в работу отделом. Вместе с тем ни один из них не обладал важным опытом хозяйственной или административной работы в сфере духовного образования. Характерно, что не были избраны в руководители отдела ни один из ректоров академий, действующих или бывших ранее ими: по всей видимости соборяне не хотели связывать себя контролем своего же начальства и, очевидно, такую свободу действия они получили.

На том же заседании отдела 31 августа 1917 г., когда было выбрано его руководство, определили и план работы: профессора решили начать с постатейного чтения тезисов «Объяснительной записки» и затем «Проекта нормального устава духовных академий», подготовленных комиссией делегатов от всех академий в июне 1917 г.²⁸⁷ Источниками для обсуждения также стали действовавшие ранее уставы духовных академий, в которых был зафиксирован

²⁸⁶ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 29. Члены и делопроизводители Собора: библиографический словарь / под редакцией свящ. Евгения Агеева, свящ. Ильи Соловьева, прот. Александра Троицкого, С. В. Черткова. М., 2024. С. 414–415.

²⁸⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 1–1 об.

предыдущий опыт развития богословского образования в России. В результате работы отдела были подготовлены:

- Доклад собору «Об основных началах преобразования духовных академий»²⁸⁸, в которых тезисно, в 8 пунктах были изложены принципы реорганизации высшей школы. Докладчики: прот. А. Рождественский и И.В. Попов.
- Дополнение к докладу об основных началах преобразования духовных академий²⁸⁹, в которых было представлено штатное расписание академии и смета расходов на сопровождение учебного процесса. Докладчик М.Н. Васильевский.
- Проект устава православных духовных академий²⁹⁰.

Состав отдела, в котором присутствие членов университетской корпорации было минимально, предопределил направление обсуждения развития высшего богословского образования в России. Практически с самого начала коллегия дистанцировалась от проблем развития церковно-богословских наук в университете и сосредоточилась на реформе духовной академии. Так в начале работы П.П. Кудрявцев заметил: «В Предсоборном совете были лица в священном сане, которые охотно отправляли нас в университет. Принципиально не возражая против богословского факультета, мы хотели бы оставить академию в Церкви»²⁹¹. А выступление в отделе прот. А. Рождественского показывает, что в университетских ученых видели конкурентов и хотели бы избежать усиления научного противостояния и возможной антицерковности исследователей: «Высшее духовное начальство заботилось о других духовных школах, академии же редко пользовались его попечением, что подтверждается многочисленными примерами. Такое отношение, – если будет продолжаться, то грозит тем, что многие деятели духовной науки уйдут из академии. При общей церковной настроенности при университетах разовьются богословские факультеты. И теперь

²⁸⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д.608. Л. 21–22 об.

²⁸⁹ Там же. Л. 23–23 об.

²⁹⁰ Там же. Д. 382. Л. 33–55 об.

²⁹¹ Там же. Д. 380. Л. 4.

уже в Петроградском университете около проф. Тураева образовалась группа профессоров, которые готовы открыть факультет христианского востока. В новых центрах будет разрабатываться свободная богословская наука, с которой нам придется считаться. Раньше мы боролись с тюрбингенцами, теперь будем бороться со своими»²⁹².

Главная задача отдела – выработать новый устав духовных академий – была выполнена, поэтому у исследователей есть возможность реконструировать модель новой школы. Согласно уставу академия была определена как «высшее учено-учебное учреждение, имеющее своей целью служение православной Церкви разработкой и преподаванием богословской науки в связи с соприкосновенными отраслями знания»²⁹³.

Отдел о духовных академиях принял решение о расширении доступа к богословскому образованию. П.6 устанавливал, что в студенты академии принимаются «лица православного исповедания, удовлетворяющие требованиям данного устава»²⁹⁴, а в п.128 конкретизировалось, что студентами могут быть выпускники церковных и гражданских средних учебных заведений. Кроме того, согласно п.138 сверх студентов могут быть допущены к слушанию лекций без права участия в контрольных мероприятиях вольнослушатели и вольнослушательницы, а в примечании указывалось, что «в особо уважительных случаях вольнослушателями могут быть и лица инославного исповедания и иноверцы»²⁹⁵. Очевидно, что академия становилась просветительским церковным центром, в котором богословское образование мог получить широкий круг лиц, включая женщин и заинтересованных иноверцев.

Насколько было велико желание сделать академии максимально открытыми, показывает дискуссия профессоров о требованиях к подготовке абитуриентов и необходимости вступительных испытаний. Абитуриенты академии, окончившие разные средние учебные заведения, заведомо обладали

²⁹² ГАРФ. Ф. 3431. Оп.1. Д. 380. Л. 8.

²⁹³ Там же. Д. 382. Л. 33.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же. Л. 46 об.

неодинаковым уровнем богословской подготовки: от курса Закона Божьего в светской гимназии до серьезных курсов по богословским дисциплинам в профильном учреждении – семинарии. Соответственно, возникал вопрос как сравнивать их знания и как выстраивать учебный процесс в дальнейшем. Новой сложностью стали декреты Советской власти, в связи с чем отменялось преподавание Закона Божьего в гражданских учебных заведениях, т.е. появились абитуриенты со средним образованием, но без минимальной богословской подготовки. Представления о подходах к его решению были разными – основные обсуждения требований абитуриентам и, соответственно, логики учебного процесс пришлось на вторую сессию.

Требованиях к абитуриентам из светских школ в отделе обсуждали на заседании 27 февраля (12 марта) 1918 г. Вопрос был поставлен радикально: а можно ли вообще принимать в академии людей без богословской подготовки. Профессора имели в виду как раз отсутствие курса Закона Божьего в программе гимназий. Профессором Пермского университета Н.Н. Фиолетовым было предложено ввести подготовительные курсы для таких лиц по образцу действовавших на историко-филологических факультетах университетов²⁹⁶. Однако отдел в целом принял решение в пользу абитуриентов: требовалось знание Закона Божьего в объеме средней церковной школы, а также хорошая языковая подготовка – 2 древних языка и «хотя бы один новый». А для того, чтобы облегчить вхождение в специальные дисциплины таким студентам решили пересмотреть распределение учебного материала уже в составе академических программ²⁹⁷. Это и вошло в первую редакцию устава. Окончивших же полный курс семинарий допускалось принимать сразу на третий курс академии²⁹⁸.

Вопрос о порядке приема в академию обсуждался и на третьей сессии. 7 (20) августа 1918 г. на 38-ом заседании отдела в связи с распоряжением Высшего церковного управления о повышении требований к абитуриентам профессора их

²⁹⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп.1. Д. 380. Л. 71.

²⁹⁷ Там же. Л. 68–75.

²⁹⁸ Там же. Д. 382. Л. 45 об.–46.

пересмотрели. По сути речь шла о сочетании просветительского пафоса нового устава с прикладной задачей развития церковной науки и подготовки высококвалифицированных специалистов. По словам епископа Анатолия (Грисюка), ключевым вопросом длительных дискуссий стал: «Кто будет учиться в академии и кого академии будут выпускать: профессорских стипендиатов или просто людей богословски образованных»²⁹⁹. В итоге вводились вступительные экзамены, но оставался открытым вопрос кому следовало их сдавать³⁰⁰.

Максимально строгая позиция была выражена, например, С.С. Глаголевым: он высказался за сохранение вступительных экзаменов для всех кроме окончивших семинарию по первому разряду. «Академию можно сравнить с московским трамваем: в него трудно попасть, но достаточно зацепиться на подножке, чтобы доехать до желаемого места»³⁰¹. С ним согласился ректор Казанской академии епископ Анатолий (Грисюк): «Удобнее производить отбор лучших слушателей при поступлении в академию, чем в течение академического курса». Однако, он предложил ввести для окончивших семинарию по второму разряду не экзамены, а конкурс аттестатов в известных пределах, для тех же, кто не выдержит конкурса, назначать экзамены³⁰². На другом полюсе оказался П.И. Соколов, который считает систему экзаменов несостоятельной: «Практика Петроградской академии показывает, что фактически система экзаменов является несостоятельной: из 70 поступающих выдерживают экзамены 50, но принимаются все по особым ходатайствам»³⁰³. По его мнению, следовало принимать без экзаменов всех окончивших семинарии по первому и второму разряду. Профессоров не озаботило, что в данном случае фактически нивелируется система рейтинга выпускников средней специальной церковной школы, благодаря которой сформировался их нынешний социальный статус, с одной стороны. А с другой, отказ от привилегий, связанных с присвоением выпускнику

²⁹⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп.1. Д. 380. Л. 160 об.

³⁰⁰ Там же. Л. 139–139 об.

³⁰¹ Там же. Д. 380. Л. 140.

³⁰² Там же. Л. 140 об.

³⁰³ Там же.

семинарии определённого разряда, могло бы спровоцировать кризис мотивации учащихся средней школы, что вводит некоторый логический конфликт готовящихся на соборе проектов о реформе разного уровня школ, между которыми должна была бы быть преемственность.

В итоге, было принято компромиссное решение о том, что выпускники семинарий первого и второго разряда прослушавших полный курс духовной семинарии поступают без экзаменов, а окончившие 4 класса семинарии и выпускники светских общеобразовательных средних учебных учреждений сдают вступительные экзамены. В число вступительных экзаменов входили Священное Писание Нового Завета, догматическое богословие и древняя церковная история³⁰⁴. Этими положениями следовало дополнить уже подготовленный устав. Так церковное руководство придало некоторые рамки достаточно амбициозному проекту переделать академии в просветительский центр по типу народных университетов. Определить количество мест для приема, стипендий предстояло каждой из академий самостоятельно, исходя из ее финансовых и имущественных возможностей³⁰⁵: вопрос о соотношении количества выпускников и потребностей в церковных специалистах не ставился, а значит образование в духовных академиях не мыслилось как утилитарное, направленное на решение конкретных задач и заполнение церковных вакансий.

Расширение круга потенциальных абитуриентов неминуемо ставило проблему понижения уровня высшей школы и требовало радикального пересмотра учебных планов. Необходимо было предусмотреть, что в академиях будут учиться наравне с выпускниками специальных церковных школ люди с минимальной богословской подготовкой. Новый устав предусматривал возврат к образовательной модели 1869 г.: основной идеей стало сочетание базового богословского образования и специализации по группам наук. Первые два года отводились на общую богословскую подготовку, тем более актуальную для тех, кто не изучал эти науки в семинариях. В целом, как уже было отмечено Н.Ю,

³⁰⁴ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 143.

³⁰⁵ Там же. Д. 382. Л. 46.

Суховой, устав представлял собой в области организации учебного процесса и науки гармоничное сочетание лучших черт уставов 1869 г. и 1884 г.³⁰⁶

Несмотря на это, общий срок обучения оставался прежним, не был увеличен: 4 учебный года по 10 месяцев, начинавшихся 15 августа (по нов. стилю – 28 августа, на праздник Успения) и заканчивавшихся 15 июня³⁰⁷.

В первой редакции устава в нее входило 20 предметов³⁰⁸:

- изучение первоисточников богословского знания и церковного предания: Священное Писание Ветхого и Нового Завета, патрология;
- богословский минимум: основное, догматическое и сравнительное богословие, нравственное богословие, которое было названо «христианская этика», литургика;
- исторические дисциплины: история древней церкви, история Греко-Восточной Церкви, история Русской Церкви;
- право: общее учение о праве и государстве, церковное право;
- науки, обеспечивавшие инструментарий богословских исследований: история философии, психология, еврейский, греческий и латинский языки, один из новых языков;
- педагогика, необходимая для будущей педагогической или пастырской работы.

Интересное отметить, что по предложению университетских преподавателей права Н.Н. Фиолетова и И.М. Громогласова в программу был внесен курс по государственному праву, что должно было усилить юридическую подготовку выпускников и заложить основы систематизации правовой науки в академии³⁰⁹. Неоднократно прот. Д. Рождественским подчеркивалась необходимость приглашения университетских специалистов по древним языкам,

³⁰⁶ Сухова Н.Ю. Обсуждение проблем высшего богословского образования на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 4 (25). С. 28–45.

³⁰⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 46.

³⁰⁸ Там же. Л. 43 об. –44.

³⁰⁹ Там же. Д. 380. Л. 77 об.

что должно было в перспективе расширить исследовательские возможности студентов³¹⁰.

А далее студенты должны были выбрать одну из специальностей и оставшиеся два года изучать науки, входившие в ее программу. Вводилось 5 специализаций - групп предметов: библейская, богословско-философская, церковно-историческая с подгруппами по общей церковной истории и истории Русской церкви, богословско-словесная, церковно-практическая³¹¹. Наименее продуманная из всех групп была церковно-практическая, что, возможно, выражало отношение профессоров к утилитарному обучению: здесь были и пастырское богословие, история проповедничества, гомилетика для будущих священников, и история сектантства и раскола, искусство, и каноническое право для будущих церковных специалистов, которые могли бы реализовывать свои знания в служениях разного уровня и профиля. Получается, что будущая академия становилась конфессиональным университетом со своими квази-факультетами, распределение по которым иллюстрировало развитие богословских наук, как отдельной отрасли знания. Богословским из них был «богословско-философский», «богословско-словесный» можно считать аналогом филологического, а библейский и церковно-исторический – историческими направлениями.

Общее представление о наборе предметов было сложно выработать. В конце августа 1918 г. был подготовлен дополнительный доклад об изменениях в уже представленный собору проект устава, в котором помимо уже упоминавшегося устроения требований к поступающим были отредактированы и списки предметов³¹². Характерно, из списка общеобязательных предметов были сокращены общее учение о праве и государстве, а также история церкви в Византии, зато добавлена апологетика. Хотя в объяснительной записке к проекту было заявлено, что список предметов пересмотрен в связи с повышением

³¹⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 80.

³¹¹ Там же. Л. 44–45 об.

³¹² Там же. Л. 75–77 об.

требований к абитуриентам и соответственно лучшим уровнем богословской подготовки, однако эти поправки в общем курсе были скорее сделаны относительно изменения политической ситуации и понижением активности участия в дискуссии тех немногих университетских специалистов, которые там были раньше. В целом, 9 (22) августа 1918 г. отдел постановил считать данный проект минимумом, который необходимо было дополнять Советам академий самостоятельно, чтобы соответствовать условиям жизни³¹³. В этой связи интересно замечание сторонника расширения богословского образования епископа Анатолия (Грисюк): «Минимум не есть что-то нормальное, он ниже нормы. Советы обязаны сами соответственно условиям жизни дополнить курс наук до нормы, сделать то, чего мы здесь для всех академий сами сделать не можем. Например, мы решим, что остается философская наука одна, а совет уже сам решает какая – психология или еще какая-либо»³¹⁴. Творцы реформы признали, что в результате нормальный устав оказался ниже желаемой нормы.

Расширение просветительских задач академий и понижение ее общего уровня усложняло развитие наук. Профессора понимали, доступность результатов научной работы кругу лиц увеличивало бы их требовательность к качеству: «теперь в новых условиях жизни, наша наука подвергнется более строгому суду общества»³¹⁵. В отделе было серьезно пересмотрен институт профессорских стипендиатов, которой становился по сути еще одной образовательной ступенью в высшей школе. Целью стипендиата было «усовершенствование в избранной науке» и «приготовление к занятию преподавательской должности». При этом само преподавание, разработка новых авторских спецкурсов становилось прерогативой восстановленного института приват-доцентов, не входивших при этом в корпорацию духовной школы³¹⁶. Это значительно бы помогло будущему ученому сконцентрироваться на улучшении своей научной квалификации. Итогом работы профессорских стипендиатов, должна была стать магистерская

³¹³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 149 об.

³¹⁴ Там же. Л. 149.

³¹⁵ Там же. Л. 5 об.

³¹⁶ Там же. Д. 382. Л. 41 об.

диссертация. Уставом восстанавливались публичные защиты и магистерской, и докторской диссертаций, упраздненные уставом 1884 г. Кроме того единая магистерская богословская степень была разделена аналогично докторской на три: богословия, церковной истории и церковного права, что должно было бы углубить специализацию на более раннем этапе³¹⁷.

В новом уставе 1918 г. была заложена перспектива выстраивания принципиально новых отношений профессорско-преподавательской корпорации к студентам. 11-я глава нового устава была названа «об обязанностях и правах учащихся». Для сравнения: в уставе 1910 г. аналогичный раздел назывался «О религиозно-нравственной и дисциплинарной стороне академической жизни». Студенты становились субъектом отношений в академии, а не только объектом обучения и воспитания. Это в некотором смысле показывает изменение принципов работы академической корпорации со студентами в сторону большего внимания к личности конкретного обучающегося. Конечно же студентам академии следовало в своем поведении и образе жизни «согласовываться с уставами православной церкви». Вместе с тем они получали много возможностей для устройства внеучебной жизни, которая бы отвечала личным потребностям разных по складу характера студентов: так они могли пользоваться всеми правами гражданских лиц, в том числе участвовать в политической жизни страны и состоять в партиях, в академии они могли бы организовывать студенческие общества (научные, литературные, художественные, экономические и т.д.), устраивать свои библиотеки и читальни. Устав оставлял Совету академии право контроля студенческой активности путем утверждения уставов студенческих обществ³¹⁸.

При этом профессора дистанцировались от непосредственного руководства воспитательной работой с учащимися, так как она казалась несовместимой с преподавательской нагрузкой. Задача особого воспитания будущих священников также не ставилась. Общее мнение по этому вопросу выразил мирянин И.В.

³¹⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 48.

³¹⁸ Там же. Л. 48 об.

Попов: «Подготовкой к пастырству должна служить академическая наука»³¹⁹. Богословская наука, непременно соединенная с духовным совершенствованием, должна была менять в лучшую сторону студента, по мнению авторов устава. Очевидно, проект был составлен с большой верой в мотивацию и ответственность студента.

При изучении соборного проекта, конечно, же заметна оппозиционность уставу 1910 г. и симпатии временным правилам марта 1917 г. Вместе с тем, очевидна и ориентация на проекты университетских реформ 1905–1917 гг. Например, 14 сентября 1906 г. Советом министров университетская инспекция была упразднена и вместо нее вводилась должность проректора, проект устава 1909 г. представленный для рассмотрения Государственной думе предусматривал выборность ректора советом, максимальное делегирование решений по вопросам программ обучения, экзаменов, распределения финансов совету университета – представителям профессорско-преподавательской корпорации³²⁰.

При этом были сомнения в конкурентоспособности академии – конфессионального университета относительно государственного университета, ее замкнутости и оторванности от настоящих потребностей общества. Это мнение было высказано на совещании академического отдела 27 февраля (12 марта) 1918 г. профессором Пермского университета Н.Н. Фиолетовым, который считал, что проектируемая школа будет не востребована в среде духовенства и ссылался на большое количество поступивших священников в текущем 1917–1918 гг. учебном году в Московский университет³²¹. Чуть позже 7 (20 марта) в отделе о правовом и имущественном положении духовенства Фиолетов представил доклад о праве священнослужителей на получение светского высшего образования³²². А на

³¹⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 3 об.

³²⁰ *Морозов А.Г.* Проекты реформ университетов в России в начале XX века // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 30–34.

³²¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 71.

³²² Там же. Д. 437. Л. 20.

следующем заседании 13 (26) марта – «об образовательном цензе духовенства»³²³ – о требованиях к образованию будущих священников.

Фиолетов предлагал ввести совершенно новую практику – открыть возможность для повышения уровня образования уже рукоположенным клирикам в государственных университетах, объясняя это необходимостью приобретения более глубоких знаний о жизни мирян, которые дает именно университет. Это предложение вызывало неоднозначную реакцию. Преосвященный Гавриил Барнаульский едко указал на объективную занятость священников на приходах: «Пастырю доброму слишком много дела: ему нужно изучать души пасомых, когда же тут ковырять трупы»³²⁴. В итоге отделом было принято радикальное для своего времени решение: «Священнослужители, оставаясь в сане, могут поступать во все высшие светские ученые заведения на все их факультеты, кроме тех, прохождение курса которых, по указанию Высшей Церковной Власти, несовместимо с требованиями, предъявляемыми по правилам церковным к лицам священного сана относительно их личной жизни»³²⁵. Особо оговаривалось, что сохранение места на приходе в таком случае возможно по особому разрешению епархиального архиерея. Вместе с тем и выпускник университета мог бы стать кандидатом в священники, пройдя богословскую подготовку в одном из учебных заведений или просто сдав (в числе лиц имеющих общее образование достаточное для получения звания начального учителя) некоторый набор экзаменов по богословским и церковно-практическим дисциплинам епархиальной комиссии³²⁶. С одной стороны, в этом раскрывается университетский снобизм по отношению к церковному образованию – Фиолетов считал университетское образование, дающим больше знаний о народе, чем богословское, а с другой – некоторый реализм. В перспективе потери Церковью возможности реализовывать вполне богословскую подготовку расширение возможностей для потенциальных кандидатов в

³²³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 437. Л. 26–27об.

³²⁴ Там же. Л. 30.

³²⁵ Там же. Л. 42 об.

³²⁶ Там же. Л. 43 об.

священство было решением важным для сохранения приходской жизни, что и показала будущая отечественная история.

Негативно к новому уставу духовных академий отнесли и ученые иноки, стремившиеся сохранить высшее образование в существующем виде, усилив пастырскую перспективу через расширение взаимодействия с монастырскими традициями жизни, считавшейся эталонной для восточных христиан. В отделе о монастырях и монашестве под руководством епископа Федора (Поздеевского) был разработан проект высшей церковно–богословской школы при монастыре. Эта школы была определена как «учено-учебное учреждение, имеющее своей задачей научную разработку православного богословия на строго церковно-святоотеческом принципе с практической целью подготовки и воспитания богословски-просвещенных пастырей и иноков»³²⁷. Этот устав был составлен на основе аналогичного, подготовленного на Съезде ученых иноков. В сопроводительном письме патриарху Тихону практически подчеркивалась относительная дешевизна проекта: экономия могла быть достигнута за счет поручения содержания академии монастырю, при котором она находится, а равно как и за счет сокращения оплаты труда преподавателей–монахов, которые также могут проживать в школе³²⁸.

Проект был передан в июне 1918 г. для рассмотрения в Отдел о духовных академиях, где были высказаны замечания как к программе: профессора не видели необходимости в сохранении академии, которая ориентируется на устав 1910–1911 г. в программе обучения, принципах воспитания и дублирует во многом другие четыре. Против высказались А.И. Бриллиантов, И.П. Соколов³²⁹. С.С. Глаголев обратил внимание, что и заявленная дешевизна содержания школы купируется тем, что не учтены стартовые расходы, предполагавшие оборудование помещений, закупку библиотеки, необходимого учебного оборудования и т.д. По его мнению, предложение нереалистично и невыполнимо в нынешних

³²⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 599. Л. 4.

³²⁸ Там же. Л. 2.

³²⁹ Там же. Л. 14–15.

финансовых возможностях Церкви: «Проект находит роскошью содержание четырех академий, но не находит роскошью требовать средства на содержание пятой»³³⁰. Тем не менее проект обсуждали достаточно долго: постановление отдела было сформулировано только 26 июля (8 августа) и было положительным: «Иноческое Всероссийское братство в своей жизни осуществляет религиозно-просветительскую деятельность также и через учреждение своих школ»³³¹, т. о. отдел дал согласие на утверждение монашеской школы, как актуальной для решения задач особой церковной группы – монахов, в отличие от обсуждаемых академий, где в большей степени учитывались потребности и устремления преподавателей и студентов – мирян. Однако на новом заседании 2 (15) августа и это компромиссное решение было снова пересмотрено. Наконец-то добравшийся до Москвы председатель отдела прот. А. Рождественский считал, что отдел в виду сложного финансового положения Церкви не должен был поддерживать создание новой школы. Тем не менее обмен мнений ни к чему не привел. Присутствовавший на заседании бывший министр исповеданий А.В. Карташев призвал профессоров не бояться конкуренции новой коллегии и сохранять «царственное спокойствие»³³².

Подводя итог разделу, следует отметить, что на соборе была предпринята попытка масштабной реформы всей вертикали духовного образования, от церковно-приходских школ до академий. Академии оказались вписаны в существующие образовательные идеи о начальном и среднем образовании. Для всех уровней было характерно попытка максимально учесть все церковные задачи и, разделив, общее образование и специальное обеспечить Церковь и клириками, и просто церковно воспитанными и образованными молодыми людьми. Создатели академии на своем уровне попытались сохранить церковную перспективу духовного образования – для нужд Церкви, но трактовали их максимально широко. Речь шла и о сохранении утилитарной задачи – подготовка

³³⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 599. Л. 40 об.

³³¹ Там же. Л. 43 об.

³³² Там же. Л. 45 об.

клириков с высшим образованием, но более – о желании дать высшее богословское образование максимально возможному количеству людей. На начальном этапе обсуждения профессора были готовы отказаться от вступительных экзаменов и принимать в академии людей, не получивших ранее профильное богословское среднее образование, но имевших более или менее хорошую языковую подготовку (2 древних языка и 1 новый) и знание Закона Божия в объеме курса средней школы. Изменение государственного законодательства в период обсуждения проекта поставило новую проблему, которой не было ранее: в школах не должен был преподаваться даже Закон Божий, что еще больше понижало уровень церковной подготовки абитуриентов. В третьей сессии по прямому поручению Соборного совета требования к абитуриентам были пересмотрены и устроены, введены вступительные экзамены.

Проблема обучения студентов с разной начальной подготовкой была решена за счет введения общего двухгодичного богословского курса. После этого уже студенты, на третьем курсе могли бы выбрать одну из специализаций. Вводились специализации по 5 группам предметов: библейская, богословско-философская, церковно-историческая с подгруппами по общей церковной истории и истории Русской церкви, богословско-словесная, церковно-практическая.

Богословско-просветительский пафос профессоров не всеми был поддержан. Н.Н. Фиолетов предложил проекты, позволявшие рукополагать в клир лиц с университетским образованием, продемонстрировавшим бы епархиальной комиссии установленный уровень знаний богословских дисциплин, а в отделе о монастырях и монашестве был подготовлен проект академии иноков.

2.2. Профессорская корпорация академий в зеркале обсуждения образовательных проектов

«Духовность» новой внесловной академии осмыслялась как служение наукой Церкви и решение церковных задач. При этом профессора стремились

занять в ней совершенно уникальное положение для академий, подчинив ее не много ни мало верховному церковному институту – собору, т.е. академии были поставлена на один уровень с патриархом, синодом и высшим церковным советом. Профессора были обязаны отчитываться собору за межсоборный период и вместе с тем имели весьма значимое право самостоятельно, без дополнительных согласований «входить в Собор с докладами и ходатайствами»³³³. В связи с тем, что собор собирался периодически, академии предлагалось дополнительно ввести «в непосредственное ведение» всех постоянно действующих высших институтов церковной власти: патриарха, Священного синода, Высшего церковного совета³³⁴. Несмотря на некоторую попытку структурировать взаимоотношения с этими органами, объявив патриарха «верховным покровителем и почетным членом всех академий» в п. 4, далее в п. 5. заявлялось, что все три инстанции занимаются академиями на равных правах: наблюдение за деятельностью, запрос отчетов академий, утверждение решений советов академий, в том числе и по заполнению преподавательских вакансий, дают разрешение на открытие новых кафедр и т.д. Распределение задач между патриархом, синодом и советом, видимо, было воспринято как компетенция другого отдела. В целом, такое сложное подчинение при общем равенстве перед собором, конечно, нельзя считать сколько-нибудь логичным с точки зрения логики управления, но отражает то представление о высоком статусе богословской науки и значимости своей работы, которые были актуальны для профессоров, с одной стороны, и потребность в защите приобретенного на соборе статуса, с другой.

Епархиальный архиерей становился «почетным покровителем» академии и, пожалуй, его статус в церковно-административной структуре был ниже академий³³⁵. Тем не менее он становился еще одной инстанцией, которая могла бы получать информацию об академии из докладов ректора. Возможности архиерея были ограничены: епископ мог участвовать только в открытых заседаниях совета

³³³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 608. Л. 21.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Там же. Л. 21–21 об.

академий и по своему смотрению, вносить замечания и предложения совету непременно в письменном виде, но они не были обязательны для исполнения академией. Однако епископ был обязан заботиться о материальном обеспечении академии: «Ректор академии по представлению Совета и Правления докладывает Епархиальному Преосвященному о случаях особой нужды, требующей нравственной и материальной поддержки как лиц служащих и учащихся в ней, так и находящейся при ней учреждений. Епархиальному Преосвященному как главе епархии, канонически подчинены как служащие академии, так и учащиеся в ней»³³⁶. Уважение к архиерейскому достоинству сочеталась с желанием профессоров при минимизации участия архиерея в управлении академии сохранить возможность материальной поддержки от епархии, вводя дополнительно к этой сложной системе подчинений тезис о взаимных канонических обязательствах.

Конечно, в отделе не мог быть обойдена внимание проблема принципа формирования профессорско-преподавательской корпорации. В самом начале в процессе обсуждения устава 1911 г. был поднят вопрос об обязательности священного сана для преподавателей духовной школы. Докладчик и заместитель председателя И.В. Попов высказался в том духе, что «православная богословская наука может быть поставлена на надлежащую высоту только тогда, когда в ряды академических работников будет открыт широкий доступ талантам. Если в академиях на первом месте будет стоять наука, то предпочтение будет отдаваться таланту, если пастырству – то благочестию»³³⁷. Достаточно резкое противопоставление таланта и благочестия, в некотором роде, соответствовала как общему общественно-политическому фону, нацеленного на широкую демократизацию и отказа от авторитетов, общих норм, так и тому накалу внутренних корпоративных противоречий, накопившихся в академиях. Так по мнению В.Д. Попова, связь научной карьеры с саном могла провоцировать по ряд злоупотреблений и неоднозначных ситуаций: так как если продвижение по

³³⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 608. Л. 22.

³³⁷ Там же. Д. 380. Л. 4 об.

должности зависит от принятия сана, то получается, что происходит «привлечение к священному сану за деньги»³³⁸. Он же считал, что в принципе, целью устава 1911 г. в том числе было «образовать в Совете большинство, послушное воле ректора»³³⁹. С.С. Глаголев возражал коллегам, указывая на то, что обсуждаемые проблемы – результат личной политики руководства академий, а не действительных положений устава³⁴⁰. Были сторонники и сохранения идеи о предпочтительности священного сана для преподавателей – почетный председатель отдела архиепископ Иаков. В целом, позиция профессоров–мирян была понятна: разделить пастырское и научное церковные служения, сохранить дистанцию по отношению к священноначалию. Можно предположить, что в виду отсутствия возможности договориться у людей, выдвигавших максималистичные решения, в данный момент, председатель прот. А. Рождественский предложил отложить этот вопрос до обсуждения «соответствующих параграфов устава».

Такое внимание всех высших церковных учреждений к делам академии, совершенно экстраординарная поддержка духовной школы должна была оправдываться важностью задачи, которую профессора готовы были взять на себя: «обслуживание научно-образовательных потребностей <...> всей Русской Церкви», выполнение ученых поручений патриарха. Очевидно, что профессора стремились закрепить достигнутое ими положение в церкви в процессе подготовки и в ходе работы на текущем поместном соборе и сохранить возможность научно обслуживать задачи и церковные стратегии на уровне высших органов власти.

В чем именно могла бы заключаться деятельность профессоров, кроме преподавания, можно прочесть в другом документе – проекте устава. В 14-ой главе, которую было решено назвать «О содействии Церкви в ее религиозной и просветительской миссии со стороны академии»³⁴¹ были определены задачи

³³⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 22 об.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Там же. Д. 608. Л. 22 об.

³⁴¹ Там же. Л. 16.

академий помимо учебных. Профессора планировали значительно расширить круг своей общественной деятельности:

- распространение в обществе богословского знания через популярные издания и лекции;

- организация кружков студентов академий – просветительских, пастырско-проповеднических, миссионерских, благотворительных и т.д.;

- организация краткосрочных курсов для законоучителей и учителей, постоянных институтов для законоучителей и учителей, постоянных институтов для подготовки к преподавательской деятельности в средней школе³⁴².

Академии предоставлялось право внутреннего самоуправления. Высшим органом самоуправления становился академически совет. При обсуждении проекта возникла дискуссия о соотношении компетенций ректора и совета. Суть ее сводилась к тому, какова форма управления эффективнее: коллегиальная или один центр власти. Профессора высказали более или менее простые опасения: справится ли коллектив профессоров с проблемами академии и сможет ли он сохранить работоспособность. Д.В. Рождественский заметил: «Совет, как орган коллегиальный, не может нести полной ответственности. А это поведет к понижению забот об устройении академии. <...> При новых же порядках каждый член Совета будет надеяться на других»³⁴³. Было и другое, в некоторой степени романтическое представление о совете, высказанное В.П. Рыбинским: «Мы должны исходить из того положения, что профессора будут исполнять свой долг не за страх, а за совесть <...> Сознание нравственной ответственности для большинства людей – главный стимул к их деятельности»³⁴⁴. С ним был согласен и почетный председатель отдела архиепископ Иаков: «Нельзя сказать, что моральная ответственность не тяжела для коллегии. Чувство ответственности создается исторически и бывает очень сильно. Были случаи, когда старцы-профессора составляли единую семью, которая в высшей степени сильно чувствовала

³⁴² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 608. Л. 16.

³⁴³ Там же. Л. 29.

³⁴⁴ Там же.

нравственную ответственность. Такую ответственность надо ценить выше всякой другой»³⁴⁵.

В связи с этим дискутировался и вопрос о составе Совете – возможно ли включение в него доцентов академии. Хотя данный вопрос и обсуждался в процессе подготовки проектов, такого права ни один из уставов не предоставлял им, только временными правилами 1906 г.

Были высказаны мнения как за, так и против включения в совет доцентов. Аргументы за участие доцентов в работе совета:

- доценты и и. д. доцентов – представители кафедр;
- близость студентам и возможность с помощью доцентов учитывать их актуальные интересы;
- многочисленность состава будет гарантией правильного ведения дел;
- совет как форма общей коллективной ответственности педагогической корпорации за дело «чтобы совет производит на студентов внушительное впечатление».

Аргументы против включения доцентов в состав совета:

- жизненная неопытность;
- зависимость молодого преподавателя от научного руководителя – профессора и рецензентов;
- меньшая педагогическая нагрузка, чем у профессоров, а значит не могут иметь представление об интересах всей студенческой корпорации в отличие от старших преподавателей;
- многочисленность совета будет тормозить работу³⁴⁶.

В итоге было единогласно постановлено признать за доцентами право участия в совете³⁴⁷, а значит он становился многочисленным: в него входил ректор, проректор и все преподаватели – профессора и доценты. Авторы проекта реформы надеялись, что, несмотря на многочисленность членов, совет справится

³⁴⁵ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 608. Л. 29.

³⁴⁶ Там же. Л. 22 об.–25.

³⁴⁷ Там же. Л. 20.

с поставленными задачами по управлению академией, так будет сохраняться некоторое духовное единство. Ректор становился исполнительным органом совета³⁴⁸. В целом, данное решение, несмотря на свою непрактичность, демонстрирует желание представить профессорско-преподавательскую корпорацию единым целым. Собственно, именно в данный момент младшие преподаватели были признаны ее членами.

Собору также было представлено штатное расписание проектируемой академии³⁴⁹: все оклады были повышены, но наиболее ощутимым изменение оплаты было для младших преподавателей. Так, зарплата ординарного профессора была увеличена с 3600 до 4500 р., т.е. на 900 р. – четвертую часть прежнего жалованья. Жалованье экстраординарного профессора предполагалось поднять с 2400 до 3000 – на 600 р. – на четверть прежнего оклада. Seriously менялась оплата для доцентов – 2400 р. и преподавателей языков – 1500/1800 р. против прежних 720 р., т.е. более чем в 2 и 3 раза. Оплата труда библиотекарей, секретарей, эконома, врача может была примерно равна жалованью преподавателей языков. Очевидно, штатное расписание было составлено в пользу младших членов корпорации и зафиксировало изменение их статуса в ученой коллегии размером оплаты труда.

Кроме этого была разработана система надбавок: в Московской академии, где сложно было бы найти дополнительную работу для поддержания семьи без отрыва от работы по должности, была предусмотрена надбавка для ректора и проректора академии в 750 р. каждому в том случае, если они люди семейные. Кроме того, им полагалась квартира или доплата вместо нее в 2000 р. – ректору и 1500 р. – проректору. Суммарно, с различными доплатами ректор смог бы получать до 7250 р. Сумма, соответствовавшая обсуждавшемуся ранее уровню зарплат преподавателей высшей школы в столицах. При этом такую зарплату смог бы получать только ректор, немного менее проректор, но никак не профессор.

³⁴⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 608. Л. 26 об.

³⁴⁹ Там же. Л. 21–22 об.

Дифференциация зарплат также была связана с научным статусом: разумеется, это учитывалось при окладе преподавателей автоматически, как соответствие должностным требованиям. А служащим на административных или учебно-вспомогательных должностях полагались доплаты. Например, оклад ректора, имеющего степень доктора богословских наук, составлял 4500 р., а со степенью магистра – 3600 р. Размер зарплаты библиотекаря и секретаря зависел от имеющегося уровня образования: среднего или высшего.

Интересно, что вводилась надбавка за педагогический стаж, который учитывал работу в целом в высших учебных учреждениях, а не только в академии. Так вводились надбавки за выслугу в 5 и 10 лет, что должно было повышать мотивацию к педагогической работе. Также оставалась возможность дополнительного заработка именно для младших членов корпорации: например, работа в Правлении для профессора считалась оплаченной по окладу, а все остальные могли бы получать за нее надбавку 600 р.

Получается, что штатное расписание учитывало по максимуму потребности занимавших управленческие должности, но закрывало для них возможность дополнительного заработка вне академии, т.е. было нацелено на полную занятость в духовной школе, утверждало меньшие зарплаты профессорам, но оставляла возможность им работать вне академии. А также вводились надбавки, которые планировалось выплачивать с учетом параметров, характеризующие прежде всего педагогические и научные достижения, либо подтверждались увеличением занятости в академии. Вместе с тем, следует отметить непрактичность штатного расписания, так как не были учтены существующая и будущая инфляция военного времени и разница ценообразования в городах, в которых находились академии.

Серьезной проблемой было пенсионное обеспечение профессоров, впрочем, как и других церковных служащих. Особенную остроту она приобрела после введения устава 1910 г., предписавшего уволить от службы всех профессоров «по выслуге 30 лет»³⁵⁰. Логичная мера, казалось бы, направленная на расширение

³⁵⁰ Устав 1910 // Присуждение ученых степеней в Российской империи: полное собрание правовых актов (1724-1917) / Сост. А.Н. Якушев. Ставрополь, 2006.

возможностей для молодых специалистов, которые могли бы представить науку на новом уровне, спровоцировала кадровый кризис в духовной школе. Помимо проблем, связанных с необходимостью быстрого замещения большого количества кафедр (например, в провинциальной Казанской было сразу открыто 13 вакансий – серьезная часть педагогического состава) специалистами по ряду дисциплин, которых духовные школы не подготовили в виду ограниченного количества вакансий профессорских стипендиатов, появилась сложность сохранения достойного уровня материального обеспечения профессоров, которых было поручено уволить. Устав не предусматривал оплату преподавания профессоров, в том случае если они остаются преподавать в академии, не учитывалась выслуга лет на административных должностях. Например, в 1910 г. исполнилось 30 лет педагогической работе заслуженного экстраординарного профессора Казанской академии прот. Николая Виноградова. Отец Николай совмещал преподавание со священническим служением, 17 лет проработал инспектором академии, однако размер пенсии зависел не от стажа или общей нагрузки по дополнительным обязанностям в академии, а от должности, с которой преподаватель оставлял службу. Несмотря на ходатайство Совета академии протоиерею Николаю Синод не утвердил повышение пенсии через перевод на краткий срок на должность и.д. ординарного профессора или зачета инспекторской службы за ординатуру. Показательно восприятие отношения начальствующих к собственной службе профессора, пожертвовавшего многим в жизни ради нужд alma-mater: «Получив указ к 1-му августа, я должен был выбираться из Академии. За столь поздним временем какого труда нам стоило найти мало-мальски подходящую квартиру и каких хлопот стоило перебраться со всем скарбом и устраиваться?.. Теперь немного устроились. Но можно ли примириться с настоящим положением? Во-1-х, я нравственно потрясен и чувствую себя совершенно незаслуженно обиженным и оскорбленным за 17-летнюю тяжелейшую инспекторскую службу, на которую я положил все свои силы и здоровье и которой принес в жертву даже свои ученые занятия и «докторскую», дававшую мне столь важные и выгодные преимущества на всю последующую жизнь. Вместо всякой благодарности я получил от Св.

Синода самый грубый и бесчеловечный толчок, даже без всякого другого назначения, как будто бы я был какой-либо тяжкий преступник или никуда не годный инвалид... Я остался без места и без дела»³⁵¹.

В приложении к уставу об академиях также были параграфы, в которых оказался зафиксирован проект реформы пенсионного обеспечения преподавателей и сотрудников академии. Также профессорам предлагалось оставлять кафедру по выслуге 30 лет, однако за ними сохранялась возможность преподавания, которое должно было бы в таком случае оплачиваться сверх пенсии. Размер пенсий зависел от должности и стажа работы: в размере оклада он выплачивался профессорам за выслугу в 30 лет, немного меньше 3000 ординарному и 2000 р. экстраординарному – при выходе на пенсию после 20 лет службы. Также предусматривалось что-то вроде социального страхования: при вынужденной отставке профессора ранее срока по причине расстройства здоровья службой или в следствие неизлечимой болезни ему также полагалась пенсия: прослужившим от 10 до 20 лет одну часть оклада, прослужившие от 20 до 25 лет – две трети оклада, и, собственно, проработавшим дольше – полный оклад. Кроме того, пенсионерам могло быть выплачено единовременное пособие при выходе на пенсию³⁵². Очевидно, проект пенсионного обеспечения профессоров имел целью установление некоторой справедливости и вознаграждения долгой службы в духовной школе.

Основные положения о реформе духовных академий были представлены прот. А. Рождественским в отчете собору о работе отдела в течение первой сессии – 9 декабря 1917 г., последнем заседании осенней сессии³⁵³. Отец Александр сообщил также, что озвученные предложения были переданы в Соборный совет, а в данный момент их печатали в типографии – велась подготовка к обсуждению

³⁵¹ «Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу святой Церкви и Духовной науки...» (письма протоиерея Николая Виноградова к А.А. Дмитриевскому) / сост. Н.Ю. Сухова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1 (13). 2016. С. 182.

³⁵² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382 Л. 54 об.–55.

³⁵³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2016. С. 874–876.

и утверждению общих принципов реформы в начале следующей сессии. Однако, в январе ключевым стал вопрос о сохранении церковного имущества, поэтому обсуждение доклада отдела об академиях было отложено и состоялось только 6 (19) апреля 1918 г. К этому моменту кроме общих принципов реформы было напечатано дополнение к нему с проектом новых штатов академий. В преамбуле расписания окладов были сделаны ссылки на состоявшиеся церковные решения по вопросу ее обеспечения:

- Штатное расписание было принято Священным Синодом и опубликовано в официальном печатном церковном органе «Церковные ведомости» в номере от 2 (15) марта
- Определение Священного Собора от 15 (28) марта о содержании академий из общецерковной казны.

Смысл дополнения к докладу о преобразованиях в церковной высшей школе был в том, что отдел ходатайствовал перед Собором о введении штатов с 1 января 1918 г. Важно отметить, что в номере «Церковных ведомостей» от 2 (15) марта было опубликовано решение Синода почти двухмесячной давности, от 17 января 1918 г. №135, о публикации в издании выписки из журнала осеннего заседания Временного правительства 20 октября 1917 г. о содержании и штатах академий³⁵⁴. Таким образом, с серьезным опозданием, церковные власти сообщили о параллельном с соборным процессе утверждения части еще только обсуждаемых там академических свобод и сумм на содержание школы.

По представлению министерства исповедания Временное правительство постановило³⁵⁵:

- Первым пунктом, «в изменение и дополнение действующих штатов православных духовных академий установить прилагаемое при сем расписание окладов содержания должностным лицам православных духовных академий и расходов на учебную часть сих академий».

³⁵⁴ Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1918. 2 (15) марта. №7–8. С. 29.

³⁵⁵ Выписка из журнала заседания Временного правительства // Там же. С. 38–44.

- Во вторую очередь, внести изменения в высочайше утвержденный устав 2 апреля 1910 г. и изменений к нему от 26 августа 1911 г.:
 - вводилась выборность ректора советом академии
 - инспектор переименовывался в проректора
 - вводился конкурс на преподавательские вакансии
 - отменялся § 65 о том, что не менее половины преподавательского состава академий должны быть в священном сане
 - устанавливалось право профессоров, вышедших на пенсию, получать оплату в случае если они оставались преподавать в академиях
 - расширялся круг абитуриентов академии, куда могли быть приняты как семинаристы, окончившие ее по первому разряду, так и по второму или после светских средних учебных заведений.
 - Совету академии давали право утверждать в степени магистра и доктора богословских наук с предоставлением сведений Синоду
 - отменялся п.188 устава о запрете студентам участвовать в деятельности политических партий.
- В третьей части, вводились в уставы о пенсиях и единовременных пособиях в части, касающейся должностных лиц академий
- Также было постановлено отпускать средства из бюджета Государственного казначейства с 1 октября.

Получается, что параллельно соборному процессу Временное правительство накануне Октябрьской революции внесло задним числом изменения в уставы о духовных академиях и утвердило новое штатное расписание и пенсионное содержание. По понятным причинам правительственной поддержки не последовало, но решение гражданских властей стали аргументом для ходатайства отдела о духовных академиях об их содержании в указанном масштабе. Надо признать, что руководство отдела здесь и проявило понимание системы и опыт взаимодействия с высшими церковными и государственными учреждениями, решения которых были получены оперативно и без оглядки на процесс общесоборной рецепции. Тем не менее, несмотря на то, что был

необходим поиск дополнительных источников средств для реализации планов по поддержанию и преобразованию духовной школы, профессора не предприняли действий в этом направлении. Даже в конце летней сессии, на заседании 2 (15) августа 1918 г., отдел счел, что это не входит в их компетенцию: финансовыми вопросами должен был заниматься отдел о церковном имуществе и хозяйстве³⁵⁶. Объективно, у профессоров не было навыка ведения больших финансовых проектов и привлечения сторонних средств, равно как и внешних лиц, обладающих данными умениями и заинтересованных в поддержке проектов профессоров. Это и предопределило дальнейшие события и закрытие духовных школ.

Таким образом, мы видим, что по мысли авторов проекта, академии должны были быть подчинены высшим органам церковной власти: поместному собору, Синоду и Высшему церковному совету. Также предусматривалась выборность ректора. При чем допускалось к должности не только клирики-монахи, но и белое духовенство, таким образом, могла быть оценена важность административных и научных качеств кандидата. Было серьезно переработано штатное расписание академий. Важно отметить, что увеличение зарплат наиболее ощутимым было для младших должностей: доцентов и преподавателей иностранных языков, чьи оклады становились больше в 2 и 3 раза, соответственно, выше. Как реакция на уставы 1910-1911 г., предполагавшие увольнение за штат, преподавателей по выслуге 30 лет, была изменена система пенсионного обеспечения, которая должна была учитывать общий педагогический стаж, полученный как на внеакадемических преподавательских должностях, так и вводила социальные гарантии – пенсии по расстройству здоровья в связи со службой. В отличие от проекта устава штатное расписание и проект пенсионного обеспечения были утверждены и Временным правительством, и собором, однако, рассчитанные на финансирование из общецерковных сумм (в тот момент государственных средств) не могли быть реализованы.

³⁵⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 137 об.

Подводя итог главе, следует отметить, что изучение обсуждения принципов реформы и объемов финансирования высшей духовной школы выявляет представление о собственной высокой значимости профессоров в церковном сообществе: духовные академии были подчинены напрямую органам высшего церковного управления и патриарху, получили максимум академических свобод. Если рассматривать соборность как корпоративную идею, то собор следует считать некоторым высшим институциональным самовыражением профессоров – его участников. Этот статус был не только в представлении ученых, но и подтвержден собором: хотя вопрос об академиях и не был первоочередным для соборян, но и не встретил принципиальных возражений: за недостатком времени устав был направлен на рассмотрение и утверждение Высшему церковному совету, а штаты и пенсии – утверждены. Церковь и государство были заинтересованы в деятельности академических профессоров, их научной поддержке, а профессора получили подтверждение их готовности предоставить желаемое высокое место в церковной системе и соответствующие свободы и финансирование. Своей главной задачей профессора считали повышение богословской грамотности среди мирян. Следует признать, что, то положение в обществе, которое заняли профессора духовных академий, это – уникальная ситуация в истории Российского образования, которая в некоторой степени характеризует особенность переходной эпохи, когда прежние элитарные социальные группы сменяют новые и это ученые, а не люди, связанные с капиталами или другими экономическими ресурсами. Однако, отсутствие собственных средств и финансовой независимости не позволили закрепить это достижение.

Глава III. Профессора и организация высшего церковного управления

3.1. Концепт «соборность» в дискуссии отдела о высшем церковном управлении

В представлении Синода Собору от 12 августа 1917 г. цель его созыва была сформулирована максимально широко: «необходимость скорого, решительного и авторитетного преобразования и устройства нового церковного строя в новых бытовых и общественных условиях»³⁵⁷. Гораздо компактнее о его задачах высказалось Временное правительство, в постановлении которого от 11 августа 1917 г. Собору предписывалось «выработать и внести на уважение Временного правительства законопроект о новом порядке свободного самоуправления Русской Церкви»³⁵⁸. В чем же заключалась правительственная политика более отчетливо можно проследить, обратившись к повестке заседаний Святейшего Синода весной 1917 г. Позиция государства имела важное значение для расширения состава Собора и допуска на него клириков и мирян. Протопресвитер Успенского собора Николай Боголюбов – присутствовавший в Синоде в апреле – июне 1917 г. в своих дневниках оставил пересказ речи обер-прокурора В.Н. Львова на апрельском заседании Синода, в котором он от имени правительства призывал к созыву собора в расширенном составе, с участием клира и мирян, так как «епископат в Церкви потерял всякий кредит, а между тем он не хочет до сих пор отказаться от мысли, что свобода церковной жизни должна выражаться в полном самовластии только именно одного епископата, не хочет признать, что свободная жизнь Церкви должна слагаться из взаимодействия всех его членов: епископов, клира и мирян»³⁵⁹. Вместе с тем, церковная смета была частью государственного бюджета в этот момент, от государства же зависел и вопрос о

³⁵⁷ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 1. Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного совета и Собора. М., 1918. С. 33.

³⁵⁸ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т. 1. Кн. 2. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определяющие порядок созыва и проведения Собора / отв. ред. А.И. Мраморнов. С. 1212

³⁵⁹ Любимов Н., протопресвитер. Дневник заседаний Святейшего Синода в новом его составе с 26 апреля по 12 июня 1917 г. М., 2022. С. 10–11.

значительном финансовом кредите на созыв собор. Таким образом, правительство было нацелено на демократизацию Церкви, приведение этого института в соответствии с новыми общественно-политическими настроениями, что Синод не мог не учитывать. В итоге, была создана уникальная ситуация, когда вопрос о высшем церковном управлении решался не на епископском форуме или в государственном учреждении, а на соборе с привлечением всех церковных групп и с преобладанием мирян среди них.

На соборе оказалось, что именно вопрос о реорганизации высшего церковного правления вызвал максимальный интерес у всех соборян. По итогам второй записи в нем оказалось задействовано 260 человек, из них 175 человек (67%) составили младшие клирики и миряне. Профессора были представлены в отделе группой в 29 человек, что количественно может быть сравнимо с такими церковными служениями как группа священников – 47 человек и епископов – 38. Это задавало поле напряжения интересов и не могло не затруднить процесс принятия конкретных практических решений. Участие профессоров в перспективе обеспечивало научную поддержку церковной дискуссии.

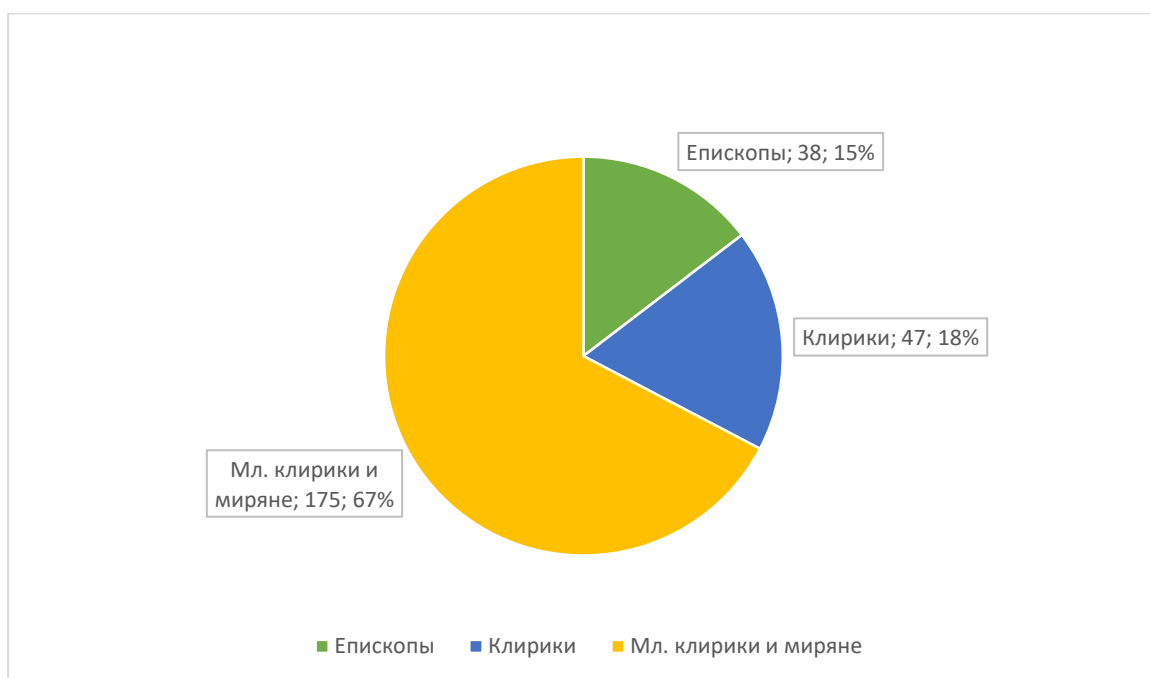


Рис. 5. Распределение членов отдела о ВЦУ по церковным группам

Ключевым понятием для участников собора стало «соборность». Историки, канонисты, богословы разных христианских конфессий неоднократно обращались к проблеме реализации принципа соборности в работе Поместного собора³⁶⁰. Она видится преимущественно исследователям в увеличении роли клириков и мирян на Поместном соборе, где они составили большинство, а также в допуске их к церковному управлению на всех уровнях, что зафиксировано в проектах решений о высшем и центральном управлении, в приходском уставе. Для исследователей характерен институциональный подход: соборность изучается прежде всего, как демократический принцип организации управления церковью. Преимущественно, исследователи обращались к наиболее доступным источникам – протоколам пленарных заседаний собора («деяниям»), в то время как представляется необходимым изучение и архивных материалов, отражающих работу соборных отделов. Обсуждение содержания понятия «соборность» было открыто в Отделе о высшем церковном управлении, в протоколах и журналах которого и оказались зафиксированы основные положения дискуссии. Отдел о высшем церковном управлении начал свою работу 2 сентября 1917 г.³⁶¹ На первых – организационных собраниях отдела было поручено подготовить доклады об итогах работы предсоборных комиссий. Познакомить собрание с мнениями участников Присутствия и Соповещения просили профессора Петроградской духовной академии, доктора церковной истории И. И. Соколова, Совета –

³⁶⁰ *Jockwig F.* Der Weg der Laien auf das Landeskonzil der Russischen Orthodoxen Kirche Moskau 1917/18. Werden und Werwirklichung einer demokratischen Idee in der Russischen Kirche. Wurzburg, 1971. S. 185– 213; *Oeldemann J.* Die Auswirkungen der Sobornost'-Lehre auf das Landeskonzil 1917/18 der Russischen Orthodoxen Kirche // *Ostkirchliche Studien* 41 (1992), S. 273–300; *Schulz G.* Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotential. Göttingen, 1995; *Цытин В.*, прот. Вопрос о епархиальном управлении на Поместном Соборе 1917-1918 годов // *Церковь и время.* 2004. № 1. С.156–167; *Дестивель И., свящ.* Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М., 2008; Савва (Тугунов), игумен. Епархиальные реформы. М., 2011; Беглов А. Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики церкви // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2016. № 1 (34). С. 51–73; Беглов А.Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М., 2021.

³⁶¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю.

профессора Киевской академии, доктора церковной истории В. З. Завитневича³⁶². Доклады были представлены на третьем заседании отдела 11 сентября.

Профессор Соколов – специалист по церковной истории православного Востока: его докторская диссертация «Константинопольская церковь в XIX в.» была посвящена структуре управления этой поместной церкви, роли патриарха в ее жизни. В исследуемый историком период 1797 – 1901 гг. престол занимало 26 патриархов, каждый из которых избирался (иногда и не однократно) в среднем на 3 года. Частую смену патриархов Соколов связывал с интригами Порты, а также возросшей ролью клириков и мирян, которые получив доступ к церковным собраниям «внесли национально-политический элемент в церковную жизнь»: образование постоянного смешанного народного совета он считал «самым крупным недостатком церковной реформы» во второй половине века. Одновременно автор дал блестящую характеристику вселенским патриархам: «Но, несмотря на всю неустойчивость патриаршего престола, вселенские патриархи XIX в. обнаружили изумительную церковно-общественную деятельность. Бесспорно, почти все они были лучшими мужами своего времени и народа, просвещенными, высоконравственными и самоотверженными, - прекрасно понимали задачи и потребности церкви и народа и прилагали всю энергию для прохождения своего исключительного служения. На первом плане у них было точное соблюдение церковных догматов, правил нравственности и канонов»³⁶³. Исследование послужило основой для формирования позиции профессора о церковной реформе в России: Соколов, профессор столичной духовной академии, не выступил против епископской власти, а стал одним из наиболее ярких апологетов патриаршества.

В своем докладе 11 сентября в Отделе о высшем церковном управлении И.И. Соколов не столько пересказывал ход обсуждений в комиссиях или знакомил с проектами решений, сколько рассказывал о понимании соборности и практическом приложении ее к церковной реформе и конкретно в связи с

³⁶² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 10–11.

³⁶³ Соколов И.И. Константинопольская Церковь в XIX в. Т. 1. СПб., 1904. С. 690–691.

вопросом о восстановлении патриаршества. Указывая на принципиальное различие в представлениях о соборности у членов и Присутствия, и Сопровождающих, И.И. Соколов призвал обсудить содержание понятия, считая, что это должно помочь в дальнейшем решению более конкретных вопросов об организации высшего управления Русской церкви³⁶⁴.

С предложением профессора согласились: на следующем заседании 12 сентября было решено открыть обсуждение соборности «во всей широте этого вопроса»³⁶⁵. Подведены итоги дискуссии были 22 сентября³⁶⁶. Таким образом, отдел посвятил этому вопросу 6 встреч с 12 по 22 сентября, в которых принимало участие от 92 до 106 человек. За это время было заслушано не менее 70 выступлений. Обращает на себя внимание, что при большом количестве докладчиков (учитывая краткий срок) участие епископов в обсуждении минимально. Например, 22 сентября из 22 выступлений только 3 принадлежало епископам: архиеп. Антонию (Храповицкому), епископу Гермогену (Долганеву) и председателю отдела епископу Митрофану (Краснопольскому). Дискуссия о соборности велась преимущественно мирянами с небольшим участием клириков и епископов. Важно, что 21 из 70 выступлений в отделе (почти треть) принадлежало 16 преподавателям российских университетов и духовных академий. Выступили 9 профессоров духовных академий: прот. А. Рождественский, Завитневич В.З., Карабинов И.А., Кудрявцев П.П., Лапин П.Д., Мищенко Ф.И., Попов И.В., Рыбинский В.П., Соколов И.И.; 6 профессоров университетов: прот. Н. Боголюбов, прот. А. Смирнов, Котляревский С.А., Остроумов М.А., Покровский А.И., Фиолетов Н.Н. и приват-доцент Московского университета Одарченко А.Ф.

Первым после объявления начала дискуссии выступил профессор Киевского университета святого Владимира, доктор богословия протоиерей Николай Боголюбов. Главной темой его выступления стало согласование

³⁶⁴ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 17, 19–19 об.

³⁶⁵ Там же. Л. 26.

³⁶⁶ Там же. Л. 96 об.

индивидуального и общественного в соборности. Профессор указал на различие христианского и юридического толкования термина. По его мнению, соборность – это особый термин, отражающий принципиально иную, духовную реальность и, поэтому, не может быть передан юридическими терминами: «Нет, соборность – не просто общественность. Это специфическое христианское понятие. Церковь – не просто общество, а своеобразное расчленение целого, имеющее своим краеугольным камнем Христа»³⁶⁷.

Собственное понимание соборности связано с экклесиологией прот. Николая. Он использовал сравнение Церкви с живым организмом: Церковь есть «Тело Христово» и, соответственно, как организм – она может быть устроена только иерархически. Каждая часть организма должна выполнять свою задачу, «чтобы ни один член не присваивал себе функции целого, не отождествлял себя со Христом, а служа целому, содействуя росту всего тела, освобождался от своей условности и исключительности и утверждал Христа, как единственный источник своей жизни». Из этого следует, что иерархическая организация Церкви не противоречит соборности в ее христианском понимании: «Это живое стремление к совлечению с себя “ветхого человека” проникающее Церковь, как Тело Христово, и служит основой соборности». Задача церковной соборности – «освободить человеческую личность от ее ограниченности». Таким образом, соборность оказывается иррациональным средством спасения в церковном единстве, в котором достигается расширение греховной и ограниченной человеческой личности путем ее приближения к идеальной личности Христа. Священник – образ Христа в таком случае оказывается более совершенной личностью, из чего отец Николай вывел и необходимость первоиерарха: «Соборность не противоречит идее патриаршества, а находит в ней свое необходимое восполнение». Докладчик тут же пояснил, что «соборное управление церковью без первоиерарха, все равно – называется ли он

³⁶⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 27.

митрополитом или патриархом – привело бы к обезличиванию пастыря, а отсюда к угашению духа»³⁶⁸.

Если обратиться к публикациям отца Николая, то станет понятно практическое приложение церковного учения к жизни российского общества. Так в начале столетия он в статье «Современный индивидуализм и “интеллигентное мещанство”» отметил, что при всеобщем преклонении перед индивидуализмом, личностью, общей тенденцией является рост массового сознания: «В современной жизни не только не чувствуется роста личности, а напротив все яснее и яснее в ней выступает безличное начало, все более и более широкие размеры принимает в ней толповое сознание»³⁶⁹. Профессор очень чутко отметил одну из главных черт нового столетия – «века масс». Соборное единство – это церковный путь к преодолению кризиса индивидуальности, по его мнению. Интересно, что протоиерей Николай – сын священника и выпускник Московской академии стал профессором богословия Университета святого Владимира в Киеве. Непосредственное знакомство с религиозно-философскими идеями людей университета, не включенных в церковную традицию, по всей видимости, запустило процесс саморефлексии, результатом которой и стало собственное понимание как идеи «соборности», так и его пастырская перспектива.

Здесь же профессор прот. Николай Боголюбов выразил опасение, что дальнейшие обсуждения без уточнения значения термина «соборность» могут привести к негативным последствиям для Церкви: «мы явились сюда с глубоким и искренним стремлением обновить церковную жизнь, возродить ее. Между тем неопределенный проект может повести к тому, что в результате будет не возрождение церковного духа, а вторжение в церковную жизнь духа иного»³⁷⁰.

Отец Николай прежде всего выступил с возражением к прочитанному немного ранее докладу своего коллеги из Киева профессора духовной академии В.З. Завитневича. Он докладывал о работе Предсоборного Совета, а также

³⁶⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 27–29.

³⁶⁹ *Боголюбов Н.* Современный индивидуализм и «интеллигентное мещанство» // *Вера и разум.* 1908. № 19. С. 66.

³⁷⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 26 об.

представил свое видение развития соборности. Важнее обратиться к ответному, более четкому и контрастному выступлению Завитневича. Профессор В.З. Завитневич предложил слушателям анализ истории слов «соборная» и «соборность». Завитневич считал, что слова «соборная Церковь» появляются впервые в переводах «Символа веры» просветителями славян Кириллом и Мефодием как эквивалент греческого термина «кафолическая». Таким образом, Завитневич связал соборность с учением о единстве Церкви и русским содержанием слова в буквальном смысле, как единстве верующих: «Соборная церковь – соборные люди, собравшиеся со всех мест. <...> Соборность в том и заключается, что личность исчезает». Завитневич – исследователь богословия А.С. Хомякова – далее соотносит его учение с церковной традицией и показывает, что они не противоречат друг другу в данном аспекте: «Соборность – это единство человеческих душ, как правильно понимает Хомяков»³⁷¹. Однако, здесь встает вопрос о том, что было источником взглядов Хомякова и что в процессе дискуссии старается привести к некоему общему знаменателю Завитневич.

Исследователь русского внеакадемического богословия мирян - *Laientheologie* – протоиерей Павел Хондзинский, обратившись к наследию А.С. Хомякова, обратил внимание, что несмотря на то, что славянофилам могли быть доступны издания трудов отцов Церкви, публиковавшиеся на страницах академического журнала «Христианское чтение» (1822-1847 гг.) или в серии изданий монастыря «Оптина пустынь» 1845 г., они «не стали для них питающим внутреннюю жизнь “хлебом насущным”»³⁷². Более того, среда из которой вышли эти источники – монастыри, практика жизни, предполагавшая уход из мира и от деятельного служения обществу, находясь в нем, вызывала у них неприятие. Это свидетельствует о разрыве светской среды и святоотеческой традиции, хранящейся в церковном предании. «Исходной посылкой богословия Хомякова становится мысль о “святости счастья”»³⁷³, – резюмирует отец Павел и приводит

³⁷¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 36 об.

³⁷² Хондзинский П., *прот.* «Церковь не есть академия». Русское внеакадемическое богословие XIX в. М., 2016. С. 171.

³⁷³ Там же. С. 172.

отрывок из письма И. С. Аксакова А. О. Смирновой от 22 февраля 1866 г.: «Я вполне разделяю Ваше мнение насчет необходимости для Самарина жениться. Он сильно тоскует своим одиночеством... Я думаю, только женившись, примется он за настоящий плодотворный труд по плечу своему таланту; этот труд разъяснение истинного идеала Православной Церкви, продолжение трудов Хомякова...»³⁷⁴. Брак как обретение целостности, качественное изменение человека, за которым следует его самореализация в пользу общества (а в данном случае и Церкви) – это романтический концепт, получивший выражение, например, в знаковых романах Ф. Шлегеля, Л. Арнима. А, следовательно, богословие славянофилов и конкретно Хомякова серьезно укоренено в целом в немецком романтизме как широком культурном явлении, охватывающем кроме философии и богословской рефлексии сферу искусства и культуру повседневности. Уже установленное обращение Хомякова к работе немецкого богослова – «романтика» Иоанна Адама фон Мёллера «Единство церкви» не могло не резонировать с общекультурным контекстом, в котором он находился, вполне конкретной картиной мира. Интересно, и отец Павел особо выделил, что именно Хомяков переосмыслил понятие «общины» – ограниченного «сообщества» и в богословском словоупотреблении придал ему новый смысл, отождествив его с Церковью, в том числе и в границах неограниченной – вселенской – католической. Образ и основа общины для Хомякова – сельская община. В данном случае, показательна логика, когда не бытовая структура воцерковляется, а наоборот «крестьянский быт дает исходный пункт для представления о Церкви и как бы “одухотворяет” своими формами е историческое бытие и, судя по всему, дает наконец устойчивую земную привязку неуловимой вечной Церкви»³⁷⁵. Пожалуй, следует акцентировать внимание, что в этом не просто угадывается опыт сельского хозяйствования Хомякова – помещика, а явно прослеживается романтическое представление о «народном духе», как некоем хранилище непосредственного

³⁷⁴ Хондзинский П., *прот.* «Церковь не есть академия». Русское внеакадемическое богословие XIX в. М., 2016. С. 172..

³⁷⁵ Там же. С. 189.

опыта, утерянного в образованной среде, и обретение единства с которым ведет к восстановлению исторической целостности мира. И этот романтический посыл становится методологической основой для богословских рассуждений Хомякова. Анализ соотношения терминов «кафоличность» и предложенной Хомяковым «соборности» был проведен Б. Планком, который пришел к выводу, что у него понятие «соборность» заменяет «кафоличность» – «всемирность» Церкви и становится характеристикой «единства в любви и вере» и в перспективе залогом непогрешимости Церкви³⁷⁶.

Возвращаясь к соборной дискуссии и выступлению Завитневича, должно констатировать, что в лице профессора Киевской духовной академии на Соборе оказалась представлено направление богословской мысли, заданное мирянином – А.С. Хомяковым, в свою очередь являвшейся несистемной попыткой осмыслить церковные явления, исходя из романтических концептов.

Характерно, что Завитневич некритично отнесся к ссылкам Хомякова на переводческий опыт Кириллом и Мефодием «Символа веры» и также сослался на их авторитет. Качественный анализ славянских переводов «кафолическая церковь» провел Б. Планк и выявил несостоятельность ссылок А.С. Хомякова. Собственно, в переводах термин «кафолическая церковь» мог быть применим как церкви – зданию, так и Церкви – обществу верующих. В первом случае, под «кафолической церковью» следовало понимать церковь, открытую для посещения верующими без ограничений, в отличие от частной или монашеской. Или место богослужения, исповедующих правую веру. Одновременно определение «кафолическая церковь» в церковных богослужебных книгах как характеристика церкви – верующих остается актуально вплоть до XV в. История славянского перевода «соборная» или «сборная» церковь начинается с XI в. и, видимо его дальнейшая история связана с потребностью в русской замене «кафолическая» в связи с усилением противостояния с католическими государствами с XII в. Но тем не менее, как отмечает Планк, новый термин не воспринимался как подходящая

³⁷⁶ *Plank B. Katholizität und Sobornost'. Würzburg, 1960. S. 48–49.*

замена и не был общепринятым³⁷⁷. История термина не была недоступной соборянам. Например, Завитневичу возразил профессор Петроградской духовной академии, магистр богословия И.А. Карабинов. Карабинов привел другую версию толкования термина, которая бы соответствовала его позиции: «У греков “кафолической” называется не всякая Церковь, а соборная-кафедральная – исключительно епископская» – и следовательно – «соборность здесь понимается в смысле Церкви епископской»³⁷⁸. Так несколько спекулятивно, но через апелляцию к одному из значений термина Карабинов доказывал необходимость поддержки епископской власти.

Не тождественность соборности Хомякова и греческого определения кафоличности как свойств Церкви подчеркнули и далее. Профессор Киевской духовной академии, магистра богословия, канониста Ф.И. Мищенко. Профессор указал на две крайности, сложившиеся в церковной жизни: «клерикализм католиков» и «народовластие протестантов». По его мнению, особой чертой православия является то, что высшая власть принадлежит всей Церкви, то есть найден некоторый баланс: «Церковь выше и больше иерархии, как обнимающая и иерархию, и народ – а в ней миряне – не бесправный элемент. Только вся Церковь – субъект церковной власти. А вся Церковь – во всей ее кафолической, а не соборной только полноте». Понятия «кафолическая» и «соборная» не тождественны: «кафолическость» – характеристика церковной полноты, целостности. Отсюда и практический вывод: собор является выражением церковной полноты, кафоличности. «Собор тем лучше, чем полнее он выражает голос той Православной Церкви, которая никогда не лишала мирян слова». При этом участие мирян не означает поражение в правах епископов: Мищенко обращает внимание на то, что епископы по благодати священства имеют неотъемлемые права³⁷⁹. Тем не менее из поддержки епископата не следует необходимость восстановления патриаршества. Несколько позже Мищенко снова

³⁷⁷ Plank B. *Katholizitat und Sobornost'*. Wurzburg, 1960. S. 23–31.

³⁷⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 41 об.

³⁷⁹ Там же. Л. 43–43 об.

выступит в поддержку соборности и против патриаршества: «нет смысла копировать политический строй Византии». Докладчик считал, что власть каждого епископа в епархии должна быть единоличной, как того, кто рукополагает, но при этом отрицал необходимость и историческую обоснованность такой власти в масштабе Церкви³⁸⁰.

На серьезную богословскую проблему, вытекавшую из некорректной – романтической трактовки соборности, указал профессор Харьковского университета, доктор церковного права М.А. Остроумов, который подчеркнул, что выступавшие часто смешивают эти, по его мнению, разные понятия: «Здесь часто смешивают церковь и соборность. Но Церковь едина. В ней не собираются, а объединяются все со Христом». Действительно, соборность как единство верующих в перспективе осмыслялась как коллективная личность и отдельная от Личности Главы Церкви, что противоречило церковному вероучению. Остроумов в своей попытке богословского осмысления церковных явлений оказался близок протоиерею Николаю Боголюбову, аргументировавшему свою позицию через обращение к Христологии. Профессор обратил внимание, что основой единства Церкви является «единение со Христом – умопостигаемое, мистическое». Такое единство укоренено в таинстве Евхаристии: «Единение в любви – следствие единения в Евхаристии»³⁸¹.

Еще одна трактовка понятия была предложена профессором Казанской духовной академии, магистром богословия П.Д. Лапиным. Лапин – ученик профессора казанских высших школ, известного канониста И.С. Бердникова. Под его руководством в 1909 г. Лапин защитил магистерскую диссертацию на тему «Собор как высший орган церковной власти. Историко-канонический очерк»³⁸². Бердников был участником Предсоборного присутствия 1906 г. и видимо поэтому магистерская ученика оказалась связана с актуальными вопросами церковной

³⁸⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 91–91 об.

³⁸¹ Там же. Л. 55 об.–56.

³⁸² *Лапин П.Д.* Собор как высший орган церковной власти (историко-канонический очерк). Казань, 1909.

реформы и каноническим обоснованием созыва собора³⁸³. Отсюда следуют и его выводы. П.Д. Лапин пришел к заключению, что в идеальной ситуации Церковь должна управляться собором, таким образом соборность – это принцип организации управления Церковью собором. Следует подчеркнуть, что, по его мнению, полноправными членами могли быть лишь епископы, а участие в Российском Синоде клириков с правом решающего голоса профессор квалифицировал как беспрецедентную ситуацию и отклонение от канонической максимумы. Вместе с тем, Лапин замечает, что в современной России епископы уже не избираются общинами и могут быть недостаточно компетентными в местных вопросах, поэтому считает допустимым скорректировать обсуждаемое правило и приглашать на собор клириков и мирян, но только с правом совещательного голоса³⁸⁴. Таким образом, соборность у Лапина присуща Церкви всегда, но находит выражение в исторических изменяемых соборных институтах, может развиваться.

По своему задачу выражения церковного континуитета в соборности решил профессор Новороссийского университета и Московской духовной академии³⁸⁵, доктор богословия А.И. Покровский. Покровский отвечал от лица «поседевших в науке» ораторам, критикующих экспертов. К моменту выступления профессора было уже немало высказано различных точек зрения, поэтому у него есть возможность выражать согласие или несогласие с уже озвученными мнениями. Покровский прежде всего постарался объяснить разницу между представителями «новой» и «старой» каноническими школами. По мнению Покровского, новизна новых канонистов заключается в обращении к старине – первым трем векам христианства. Себя он относит к ним и видит задачу в том, чтобы бороться «с позднейшими искажениями и подделками эпохи Византизма, прельщающей собой канонистов старой школы»³⁸⁶. Характерно, что исследователь опирается

³⁸³ К сожалению, Бердников не дождался Поместного собора: он умер в 1915 г., но его научно-исследовательское направление было представлено его учениками и в частности П.Д. Лапиным.

³⁸⁴ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 34об.–35.

³⁸⁵ Восстановлен в должности в 1917 г.

³⁸⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 64 об.

прежде всего на достижения немецкой церковно-исторической науки: так он считает, что к его работе наиболее близка классическая серия *Conciliengeschichte* католического епископа Карла фон Гефеле. Помимо Гефеле, ориентирами, методологической опорой служат исследования профессора Лейпцигского университета Р. Зома, изучавшего церковное право в его историческом развитии в связи не только с христианскими идеями, но и общественно-политическими обстоятельствами, часто приводившие к искажению изначальных смыслов и, соответственно, организации Церкви. «Отцом новейшей церковно-исторической науки»³⁸⁷ назвал Покровский канониста, профессора Берлинского университета А. Гарнака, который в своих трудах довел до некоторой логической кульминации учение об эволюции Церкви. Учреждение церковной иерархии по Гарнаку является ответом харизматическому монтанизму. При чем сколько-нибудь значительного труда, посвященного соборам, в отечественной науке Покровский не отметил (например, уже упоминавшуюся магистерскую диссертацию А.П. Лапина). Таким образом, заметна ориентация на протестантскую научную традицию, отметившую историческое развитие церковных институтов, канонов, и понятна цель автора: найти баланс и представить исследование, которое бы отвечало уровню европейской науки и не противоречило собственной конфессиональной традиции.

Докторскую диссертацию Покровский представил к защите в Московской духовной академии в 1916 г. и посвятил ее эпохе раннего Христианства, которая была наиболее привлекательной для протестантов: «Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков: историко-каноническое исследование»³⁸⁸. Присуждение степени не было утверждено Святейшим Синодом и только перед собором в 1917 г. А.И. Покровский был восстановлен в штате академии и ему была присвоена степень доктора богословия. На страницах исследования Покровский показал историю развития Церкви и церковного права: по его мнению, своего наивысшего

³⁸⁷ Покровский А.И. Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков: историко-каноническое исследование. С тремя приложениями и двумя картами. С. Посад, 1914. С. XX.

³⁸⁸ Покровский А.И. Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков: историко-каноническое исследование. С тремя приложениями и двумя картами. С. Посад, 1914.

расцвета институт собора получил в эпоху Вселенских соборов, а первые три века христианства он считает их фундаментом, периодом, когда были определены «все основные ступени их последовательного развития и роста, доведенного почти до полной формировки их главных типических видов»³⁸⁹. Апостольский век он называет «эмбриональным периодом», из которого развивается историческая Церковь и соборный институт³⁹⁰. Важно отметить, что церковные соборы он тоже оценивает с точки зрения их общественного потенциала: «наиболее действительное и могучее средство возбуждать к работе коллективный разум церкви и возгревать присно живущий в ней дух соборно-вселенского единства»³⁹¹.

В своем выступлении в Отделе о высшем церковном управлении Покровский предстает человеком, симпатизирующим происходящим политическим изменениям: современные события он называет «великим историческим сдвигом», а себя и единомышленников «демократами в лучшем смысле этого слова»³⁹². Профессор соотнес «соборность» с политическими явлениями: «Несомненно, что настроением всех нас руководит наша симпатия к широкому общественному началу, которое на языке церковном называется соборность, а на социально-политическом – демократичностью»³⁹³. Покровский согласился с М.А. Остроумовым, прот. Н. Боголюбовым в том, что касалось задач соборности – достижение единомыслия и единодушия, духовно-нравственного единения с Богом³⁹⁴. И возразил в обоих случаях в том, что касается уникального статуса епископа в церковной общине. По его мнению, «такое единение непременно требует и общей активной работы всех членов: человеческий организм правильно функционирует тогда, когда всего его члены несут интенсивную работу»³⁹⁵. Одновременно, Покровский говорил о том, что не может

³⁸⁹ Покровский А.И. Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков: историко-каноническое исследование. С тремя приложениями и двумя картами. С. Посад, 1914. С. XV.

³⁹⁰ Там же. С. 13.

³⁹¹ Там же. С. 720.

³⁹² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 65 об.

³⁹³ Там же. Л. 65.

³⁹⁴ Там же. Л. 66 об.

³⁹⁵ Там же.

согласиться, что «непременное условие единения – епископат»³⁹⁶. Как он считал, строй церковного управления всегда приравнивался к гражданскому, соответственно патриаршество результат устройства церковной жизни в Византийской империи³⁹⁷. Ставя в вину Церкви создание патриаршества как некоторую форму подражания монархическому государству, политическую акцию, он тем не менее предложил реформу, соответствующую актуальной политической ситуации в стране, т.е. тоже самое подражание политическому устройству, но другой форме правления. Он высказался против патриаршества и далее стал одним из наиболее ярких противников его восстановления.

Проблема исторической изменчивости Церкви, различия институционального проявления соборности неизбежно провоцировала дискуссию о возможности пересмотра канонов, их отмене и создании новых, соответствовавших актуальному общественно-политическому устройству. Среди профессоров были те, кто оказался солидарен с Покровским. Профессор Петроградского университета, доктор богословия протоиерей Александр Смирнов призывал «стать на жизненно-практическую точку зрения». Он считал, что докладчики, апеллировавшие к церковным канонам, «оставались вне времени и пространства». По его мнению, каноны создавались в конкретное историческое время, а значит в какой-то части могут быть неактуальны для современности. Таким образом, вопрос о роли мирян на соборах, по его мнению, мог быть решен в соответствии с нынешними потребностями Церкви. Однако и отец Александр подчеркнул, что расширение участия мирян в церковных делах не отрицает особого статуса епископа: «...конечно высшие церковные вопросы решаются епископатам, и он же утверждает постановление мирян. Но не надо возлагать всю власть на епископов. Это разрушит церковность»³⁹⁸.

За большее внимание к современным обстоятельствам выступил и выпускник Московского университета, профессор Пермского университета,

³⁹⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 66 об.

³⁹⁷ Там же. Л. 72 об.

³⁹⁸ Там же. Л. 52–52 об.

магистр богословия Н.Н. Фиолетов. Фиолетов, самый молодой член Собора 26 лет, совсем недавно в 1916 г. защитил магистерскую диссертацию «Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования». Исследователь предложил авторскую правовую концепцию: так как Церковь имеет социальную природу, укорененную в догматическом определении ее как «Тела Христова», то можно говорить о том, что церковный социум является источником церковного правообразования. Обращаясь к примерам жизни Церкви в ранний период, Фиолетов делает вывод, что голос мирян на предварительной стадии обсуждения можно назвать совещательным, но после принятия решения епископами – и решающим: принять или не согласиться с итогами собора. Молодой профессор нашел удачной мысль Ф.И. Мищенко и А.И. Покровского о том, что вывод из обозначения в источниках «Соборы епископов» об отсутствии там мирян равносителен тому, если бы сказали, что «епископское богослужение» подразумевает отсутствие на нем клира и мирян³⁹⁹.

Свое выступление на заседании соборного отдела он посвятил этой же проблеме. По его мнению, постановка вопроса о соборности не верна. Необходимо обсуждать порядок «церковного общенародного признания (рецепции)». А ранние прецеденты: создание патриаршества, роль императора или его представителей на соборах – это исторически обусловленные формы ее организации. Отсюда следует, что власть епископа – явление историческое, а соотношение возможностей различных церковных групп на соборе – вопрос, который можно решить по-новому, сообразуясь с актуальной действительностью⁴⁰⁰.

Некоторый конкретный проект такого соотношения сил, почерпнутый из опыта политической истории, предложил старший коллега Фиолетова по Московскому университету профессор, доктор всеобщей истории и доктор государственного права С.А. Котляревский – специалист по истории

³⁹⁹ *Фиолетов Н.Н.* Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования // Юридический вестник. 1917. № 1. С. 52, 60.

⁴⁰⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 54–54 об.

Католической церкви в XIX в. выступил с предложением перейти отделу к выработке конкретных положений о высшем церковном управлении. Справедливо полагая, что непредсказуемость и радикализация политической ситуации могут привести к тому, что собор будет закрыт, он призвал скорее решить вопросы об устройстве церковного управления. В своем выступлении он наметил некоторые контуры возможного решения. Так Котляревский не увидел сложности в сосуществовании патриаршества и соборности: «История показывает, что жизнеспособность учреждений именно требует известного равновесия с элементами противоположными (например, нельзя проводить только монархию без демократии, или одну демократию). Поэтому мне кажется, соборность с некоторой единоличностью – это бы счастливо разрешило поставленный вопрос»⁴⁰¹. Таким образом, Котляревский предложил создать такую систему высшего управления Церковью, которая бы уравнивала индивидуальное и коллективное и скомпенсировала бы возможные недостатки каждой части.

Проблемой данной части дискуссии является то, что становится неочевидным та мера допустимых изменений, при которых Церковь остается тождественна самой себе в разных исторических реалиях. Приват-доцент Московского университета, магистрант политической экономики А.Ф. Одарченко призвал разграничить церковные явления от социально-политических. Анализируя представления об источнике истинного церковного учения в разных христианских конфессиях, он отметил, что у католиков носителем истины является папа, учащий *ex cathedra*, в протестантизме – каждый верующий, а согласно православному учению – церковная община. Вместе с этим Одарченко настаивал на том, что метод решения вопросов характерный для демократических собраний не способствует выявлению церковной истины. «Мы, конечно, должны отвергнуть демократические механические теории о том, что истина в большинстве голосов. <...> В Православной Церкви нет решающего голоса

⁴⁰¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 101, 102.

меньшинства и большинства – в епископах и мирянах». Особая роль в выявлении истины, по мнению Одарченко, принадлежит епископам: «Без иерархии, однако, народ не Церковь. Иерархия столб, вокруг которого вращается вся жизнь Церкви. Иерархия имеет сугубую благодать. Церковь всегда ожидала выявления истины от епископов. Но абсолютной истины не ожидала Церковь от одного только собора епископов». Получается, что выявление истины, согласно Одарченко, функция прежде всего епископа, связанная с благодатными дарами, но в то же время хранительницей абсолютной истины является вся Церковь. Докладчик поддержал и восстановление патриаршества, но «канонически идеального»: патриарх должен быть не главой епископов, чем-то отличающимся от них, а организатором и объединяющим лицом для всех архиереев⁴⁰².

Профессор Московской духовной академии и приват-доцент Московского университета доктор церковной истории И.В. Попов подчеркнул, что в Церкви неизменна только догматическая сторона, а все то, что касается церковной дисциплины, т.е. каноны, могут быть изменены. Главным условием для вводимым изменений является целесообразность и отсутствие угрозы «существованию Церкви». Ссылаясь на свт. Григория Богослова, который писал о том, что не знает соборов, которые бы не принесли вреда Церкви, И.В. Попов, несколько идеалистически, призывал найти тот элемент в них, который следует исправить с целью предотвращения разделений. И рецепт виделся ему в следовании соборности. В этом смысле соборность как единство, с его точки зрения, должна служить опорой епископам и патриарху: «Конечно, решения (на соборах – ОИ) выносят епископы, но они должны одобряться второй курией – клиром и мирянами, и если здесь встречается противодействие, то решение не должно приниматься. И конечно, епископам и патриарху лучше опираться на народ, повинующийся ему за совесть, чем действовать циркулярно»⁴⁰³.

Вообще, мысль о практическом значении участия мирян в соборах достаточно часто звучала на заседаниях отдела. По мнению многих ораторов, это

⁴⁰²ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 44 об.–45 об.

⁴⁰³Там же. Л. 99, 100.

скорее было вызвано потребностями текущего времени и придавало бы соборам общественное значение. Выступления профессоров, очевидно, были аргументационной базой, но вместе с тем, соборяне не вовлеченные в исследовательский процесс и без ученой квалификации, зачастую упрощали дискуссию. Так один из членов отдела мирянин М. Арашкевич считал, что «в Православной Церкви хранителем благочестия, защитником богопочитания <...> является народ. Поместный собор, призванный произвести церковные преобразования, должен восстановить подавленное соборное начало в церковном строе, а для этого поднять церковное самосознание и предоставить русскому народу возможность более близкого участия в делах церковных»⁴⁰⁴. Протоиерей П.Н. Лахостский также обращался к жизненным реалиям: участие мирян, по его мнению, служило бы повышению авторитета епископов, дискредитированных в предыдущий период церковной истории: «Собор – есть голос всей церкви, на всю церковь простирающийся. Это соль земли и свет мира. Жизнь же требует, что для блага самого епископства и блага самой Церкви нужно участие мирян. Очень часто и даже на этом Соборе нам приходится наблюдать, что защитниками Церкви и прав епископства являются миряне. Права епископов не от народа, а от Церкви, от неба, от Христа. И если жизнь потечет правильно, народ сам откажется от прав избирать епископов»⁴⁰⁵. Логично, однако не дает ответа о практической стороне, как то совершенство мирян может быть достигнуто. Тем более ведь речь шла о людях, охваченными идеями революции, анархии. Вообще, как единство и соработничество разных церковных групп может быть соотнесено с церковной аскезой и практикой достижения духовного совершенства через послушание священнослужителям. Традиционное решение прозвучало в выступлении монаха и выпускника духовной академии архим. Вениамина (Федченкова). Он призвал следовать канонами – как некоторому идеальному выражению форм церковного бытия, послушанию епископам в противовес революционной борьбе против всякой власти: «Если будут отрицать, что здесь не борются против власти, то это

⁴⁰⁴ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 59 об.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 160–160 об.

неправда. <...> Эта борьба чувствуется. Мы живем под духом революции, под духом борьбы против власти. Но нам необходимо надо соединить эти два принципа – любовь и власть. Это нам необходимо соединить психологически. У нас есть борьба против власти – это борьба антисоборная. Она есть несомненно у многих, в частности и у меня. Мы относились к канонам антисоборно. А там ведь основа соборности. Каждый из нас мнит себя чуть не вселенским собором. <...> Неужели мы переселились на Марс и потеряли все правила, книги и каноны. Каноны же есть сформированная история в ее лучших идеальных проявлениях. А в канонах там ясно, как велика власть епископская. В ней вся полнота священной власти»⁴⁰⁶.

Однако, собор уже стал юридическим прецедентом участия клириков и мирян в решении церковных проблем: нельзя было отрицать их право участия в церковной работе без отрицания себя и текущего формата собора. Равно как и сложность пути к собору и роль мирян в этом процессе. Профессор Н. Кузнецов со ссылкой в очередной раз на соборность, но апеллируя к актуальному составу собора так и ответил архим. Вениамину, что его высказывание противоречит факту его же участия в соборе: «Соборность не придумали в Предсоборном присутствии – это есть начало выходящее из существа Церкви. Если бы мы это начало не поддержали, вы бы клирики и миряне здесь не были, или только подслушивали у дверей и окон»⁴⁰⁷. Одновременно, это в целом показывает поле напряжения дискуссии, когда докладчикам было необходимо показать, как соотносятся неочевидные церковные трактовки термина «соборность» и демократические ценности, актуальные для политических настроений масс в это время.

На шестом заседании 16 сентября председатель отдела Митрофан, епископ Астраханский, предпринял попытку подвести итоги дискуссии, длившейся уже три встречи. По справедливому замечанию преосвященного председателя никто из ораторов не отрицал соборность – в этом собрании единодушно. Равно как и в

⁴⁰⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 49–49 об.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 50 об

том, что «соборность <...> есть внутренняя основа церковного единства». Архидиакон поддержал увеличение роли клириков и мирян: «... полнота жизни Церкви, как тела, требует проявления всех ее жизненных сил, что в деле церковного строения должны принимать участие все члены этого духовно-таинственного тела, взаимно друг-друга восполняя и друг-другу содействуя». Разногласия же членов отдела он связал с разницей представлений о реализации соборности в церковной истории⁴⁰⁸. Закончил свой доклад епископ Митрофан собственным обоснованием необходимости восстановления патриаршества – почерпнутым из административной практики. Синод, по его мнению, являлся безличным органом, «мало говорящим сердцу народа», «вера в сухой, безжизненный коллектив, где один указывает на другого, и все остаются безответственными, пала окончательно». «Нужен патриарх-исполнитель соборных решений, опирающийся на голос всей верующей Церкви»⁴⁰⁹.

Епископ констатировал важную вещь: общим знаменателем высказанных представлений о соборности были идея, желание единства. Однако, при этом очевидна разница источников формирования позиции докладчиков: от церковной истории, науки до романтической философии. Это соответствуют общему состоянию общественной мысли начала XX в. Как показал Н.Н. Павлюченков в своем исследовании, именно идея всеединства была той точкой соприкосновения русской религиозной философии и богословия⁴¹⁰. На Соборе же оказались представлены разные течения общественной и научной мысли начала века и предпринята попытка добиться некоего консенсуса.

Пожелание единства объясняет, что многие в начале дискуссии в отделе не нашли противоречащими друг другу идеи соборности и восстановления патриаршества. В начале работы отдела, некоторые из соборян достаточно определенно заявили свою позицию: «за» высказались И.И. Соколов, прот. Н. Боголюбов, Ф.И. Мищенко, А.Ф. Одарченко, И.В. Попов, С.А. Котляревский,

⁴⁰⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 73–73 об.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 78–78 об.

⁴¹⁰ Подробнее см.: Павлюченков Н.Н. Богословие всеединства (от Ф. В. Й. Шеллинга к священнику Павлу Флоренскому). М., 2023.

против – В.З. Завитневич, П.Д. Лапин, прот. А. Смирнов, А.И. Покровский. При этом против расширения прав мирян выступили только двое И.И. Соколов и И.А. Карабинов. Общим для всех участников дискуссии стало аргументация особого статуса архиереев и укрепление их авторитета в Церкви. Таким образом, можно утверждать, что профессора – священники и миряне выступили в поддержку епископата, а принцип соборности и участие мирян не нашли противоречащими канонической власти архиереев. Скорее наоборот, церковное единство («соборность») и миряне должны были стать ресурсом для реализации властных полномочий епископата. Одновременно, нельзя считать противников восстановления патриаршества, антиклерикалами: многие из них мотивировали необходимость сохранения коллегиального управления Церковью именно ради сохранения авторитета всех епископов, что ставило бы под угрозу возвышение одного из них.

Однако дискуссия не закончилась и продолжалась еще 3 встречи: выступили те, кто еще не успел высказаться. 22 сентября прения о соборности завершились и отдел перешел к обсуждению формулы перехода к блоку следующих тем: оно длилось три заседания 22, 25 и 26 сентября. Первая из предложенных формул, принадлежащая князю Г.Н. Трубецкому, не отвечала на вопрос, что такое соборность, а предлагала восстановление сана патриарха и описывала общий принцип взаимоотношений патриарха и собора, а также указывала на то, что высшая власть в Церкви принадлежит поместному собору. По итогам голосования (65 «за» и 36 «против» при 1 воздержавшемся) формула была принята (Там же. Л. 119 об.). Она и была озвучена пленарному заседанию 11 октября 1917 г. в докладе епископа Митрофана: «Выслушав общие прения по вопросу о высшем церковном управлении и 1) принимая как исходное положение в дальнейших своих работах восстановление сана Патриарха, присвояемого между равными епископу, возглавляющему управление церковными делами Российской Православной Церкви и 2) вместе с органами этого управления подотчетном церковному Поместному Собору, Отдел переходит к дальнейшему

рассмотрению законопроекта о высшем церковном управлении»⁴¹¹. Поспешное решение епископа Митрофана спровоцировало перенос дискуссии о соборности и патриаршестве в пленарные заседания, при отсутствии утвержденного толкования этого определения свойства Церкви.

3.2. Разработка проектов соборного управления Церковью

Принятое решение о верховенстве власти Поместного собора в Церкви не вызывало нареканий, однако его реализация в конкретных проектах стала предметом сложных дискуссий. После принятия общей формулы о верховенстве власти Поместного собора в отделе о высшем церковном управлении начали обсуждать типы соборов, их периодичность. Дискуссия в отделе разворачивалась одновременно с обсуждением необходимости восстановления патриаршества в пленарном заседании (заседания 24–31). В этой связи разработку конкретных проектов реализации соборного принципа в высшем церковном управлении здесь в отделе можно рассматривать, как некоторое компенсаторное явление относительно общих заседаний. Именно это, возможно, объясняет порядок обсуждения тем: начали обсуждать периодичность соборов и их состав до формулирования их компетенций, так как важно было добиться консенсуса и обеспечить постоянство этого нового органа церковного управления.

Практически сразу были высказаны мнения о том, что в документах текущего собора должно быть зафиксирован принцип, который обеспечит созыв будущих соборов независимо от позиций того или иного церковного института. Это обозначил профессор В.З. Завитневич: «Собор должен быть постоянным в том смысле, что время его созыва зависит не от произвола какого-нибудь лица или учреждения, а в том смысле, что время его собрания должно определяться постоянными, раз навсегда установленными нормами действующего Собора»⁴¹².

⁴¹¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 5. М., 2015. С. 445.

⁴¹² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 134–134 об.

Обсуждались два вида периодических соборов: сокращенные, которые должны созывать раз в 3 года, в полном объеме – раз в 9 лет. Кроме того прозвучала мысль выраженная в том числе и Ф.И. Мищенко создать постоянный собор при патриархе – Синод⁴¹³. В результате дискуссия о типах соборах и сроках их созыва свелась к трем положениям, озвученным преосвященным председателем:

- о нормальном типе Собора, созываемого регулярно;
- об экстренных соборах, созываемых по известным обстоятельствам;
- о соборах чрезвычайных / повышенного типа⁴¹⁴

В результате голосования о сроке созыва «периодически-регулярных соборов нормального типа» постановили: раз в 3 года⁴¹⁵. Кроме того, было принято решение о регулярном созыве «больших чрезвычайных соборов» 9 лет⁴¹⁶.

Уже после установления сроков для этих соборов 3 октября отделу было предложено перейти к обсуждению их состава. В выступлениях мирян-профессоров подчеркивалось, что рецепция решений не зависит напрямую от епископов или только от мирян. Так канонист Ф.И. Мищенко ранее высказал мнение, что исторически «в момент своих действий Собор мыслил себя выражением голоса Церкви. Но последующие Соборы судили предшествовавшие. Авторитет Собора зависел от позднейшего признания его всей Церковью»⁴¹⁷. Таким образом рецепцию обеспечивает подтверждение учения на будущих соборах. Вместе с тем в рамках дискуссии о будущих соборах в Русской церкви он настаивал на единстве состава всех проектируемых соборов: «разделение на большие и малые Соборы не понятно и не оправдывается канонами и даже Синодальным законодательством. Поместные же Соборы – периодические и

⁴¹³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. Л. 135.

⁴¹⁴ Там же. Л. 135 об.

⁴¹⁵ Там же. Л.136.

⁴¹⁶ Там же. Л. 148.

⁴¹⁷ Там же. Л. 43 об.

экстраординарные должны быть по составу одни и те же, а различаются только по обстоятельствам созыва их»⁴¹⁸.

Аналогично Н.Н. Фиолетов, ранее выступавший за юридическую организацию рецепции, указывает на то, что церковная традиция не зафиксировала состав собора, а значит он и не является определяющим правильность его решений. «Рецепция – это решение всей Церкви, а не верующих только известного отряда, ее нельзя увидеть, как некий церковный институт – орган»⁴¹⁹.

Интересно замечание профессора М.А. Остроумова, который указывал на то, что следует разделять рецепцию дисциплинарных решений и догматическую. Во-первых, он представляет собор как церковный институт с максимально широкими функциями: законодательными, учительными, судебными и священным (как собор 2-3 епископов, рукополагавших нового). «Священную власть Собора» он выводит из этих функций и считает, что она принадлежит епископам»⁴²⁰. В таком случае, если собор издает правило, то его можно было принять или отвергнуть, и это есть подчинение ему. Настоящую рецепцию профессор видит в принятии церковью вероучительных истин – догматов, сформулированных на соборе. Рецепция в таком случае является соотношением решения с церковным преданием – некоторой неизменной богословской традицией: «рецепция догматическая – это есть простое совпадение соборной формулы с тем преданием, которое всегда было в церковном сознании. Это совпадение не есть простое принятие или неприятие, а факт не имеющих никаких юридических понятий»⁴²¹.

Более конкретно высказался бывший доцент церковного права Московской духовной академии, но не связанный с церковными институтами должностными обязательствами в этот период юрист Н.Д. Кузнецов. Он выделил три группы соборов в истории: провинциальные во главе с митрополитом, окружные и

⁴¹⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220.. Л. 135.

⁴¹⁹ Там же. Л. 165.

⁴²⁰ Там же. Л. 170.

⁴²¹ Там же. Л. 170 об.–171.

вселенский или иначе великие соборы. Далее он убеждал собрание, что выстраивать типологию соборов, исходя из масштаба, не верно – каждый из них должен быть выражением Церкви. «Все они равночестны. Состав же Собора должен быть представлен всею Церковью» «Если же Церковью будут распоряжаться только епископы, наподобие того, как генералы распоряжаются солдатами – то это не будет церковной жизнью»⁴²². После этого последовал характерный тезис о церковном сообществе: «У нас в России пала статья, что хранителем благочестия является Государь Император. Теперь хранитель благочестия – весь народ»⁴²³.

Следует сделать вывод, что причина достаточно частого упоминания ораторами того, что истина не связана непосредственно с той или иной церковной группой (как мирянами, так и епископами), видится в некоторой оппозиции желанию епископата создать свой епископский собор или ограничить права мирян на будущих соборах в принятии решений. Показательно, как С.А. Котляревский, ранее поддерживавший восстановление патриаршества, уравновешенного собором, оказался несколько разочарован и заявил о том, что он вынужден изменить мнение под впечатлением от перипетий обсуждения. «Единственный путь – это путь согласительных комиссий. Мне говорили, что патриарх – это своего рода прикрытие господства епископов. Теперь и я тоже сомневаюсь в патриархе. Если такое решение было бы принято, мне кажется, это принесло бы большой вред епископату и внутреннему миру церкви. Я бы предполагал, что ради церковного быта и для блага епископов во всех отношениях важно допустить участие клира и мирян с решающим голосом, а епископам утверждать эти решения»⁴²⁴

Расширение участия мирян в церковном правлении епископат воспринимал как ущемление своих прав. Так митрополит Антоний (Храповицкий) был возмущен: «... несколько ораторов сомневаются в нашем праве собираться для

⁴²² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 159 об.

⁴²³ Там же. Л. 160.

⁴²⁴ Там же. Л. 240 об.

наших дел, праве, которое ныне имеют даже кухарки. Мы вам оказали доверие, а вы нам не оказываете»⁴²⁵. Но не все представители епископата были так категоричны как он и руководитель отдела. Показательно выступление епископа Гермогена Тобольского (Долганева), в котором он высказывается за поиск компромисса от лица епископов: «Мы явились сюда не для защиты каких-либо своих прав или своих целей. Мы явились для служения Христу и Евангелию. Мы явились для защиты прав нашего коллективного Апостола – Русской Церкви <...> Мы не должны измышлять новых законов, а защищать лишь законы, преподанные Св. Духом через Апостолов, Св. Отцов и Вселенские Соборы. Мы не должны реформировать церковь, а защищать ее»⁴²⁶. Епископ Гермоген считал, что именно епископат является хранителем единства Церкви, поэтому он считал, что соборы, созываемые раз в три года, должны состоять из епископов, при участии клира и мирян. В расширении прав неепископов он видел угрозу раскола. В целом, он не видел возможности прийти к какому-то общему решению на соборе при использовании текущей процедуры голосований, подразумевавшей решение большинства. «Согласительные комиссии думский, а не церковный прием», - считал он. Т.е. церковное единство, по его мнению, не сводимо к цифрам, простому перевесу большинства. В этом он пытался убедить своих оппонентов и более мягко подвести собрание к принятию решения в пользу больших прав епископата на будущих соборах.

Епископ Гермоген стал автором формулы, которая была принята отделом как итог обсуждения состава собора. Главной чертой этой формулы, видимо и показавшейся привлекательной большинству, была ее широкая формулировка: «Поместные соборы составляют епископы, клир и миряне; при чем, епископы, после совещания с клиром и мирянами, выносят свои определения»⁴²⁷. В ней фиксировался состав собора, обязанность совещания епископов с мирянами, хотя и не разъяснялся принцип его организации.

⁴²⁵ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 169.

⁴²⁶ Там же. Л. 171 об.

⁴²⁷ Там же. Л. 172 об.

Тем не менее даже эта общая формула была тут же оспорена и при повторном голосовании «почти единогласно» приняли еще более краткую формулу Д.А. Несмеянова: «Соборы состоят из епископов, клира и мирян». В ней фиксировался состав, но не соотношение прав. Преосвященный председатель тут же предложил, как некоторую оппозицию, к обсуждению вопрос о том, должны ли быть соборы из одних только епископов. В итоге: 45 человек высказались «против», 39 - «за», 5 – «воздержались». Перевес голосов противников создания соборов епископов незначителен⁴²⁸. Это показывает, что в отделе были сторонники его мнения, к которым можно было продолжать апеллировать. Следующей темой для обсуждения было предложен вопрос о «взаимоотношениях членов Собора». При этом председатель отдела епископ Митрофан постарался вновь вернуться к обсуждению создания епископских соборов. Он считал, что «с отвержением соборов из одних епископов – работы отдела приняли нежелательное, если не антиканоническое направление». Причину он видел в недостаточном обсуждении и взял за это вину на себя. Очевидно, что председатель запустил пересмотр решения, которое епископат не мог принять. Профессор А.И. Покровский обратил внимание на это и попросил внести в протокол работы отдела указание на то, что преосвященный выносит на обсуждение уже решенный отделом вопрос⁴²⁹. В общем-то, при небольшой разнице голосов обращение к процедуре формально. Одновременно показывает, что действительно система не работает: прийти к общему решению не получается путем голосований. Однако, и иных, например, церковных методов решения проблемы через участие в общих богослужениях, не последовало.

В ответ было предложено обсудить еще более жесткую версию формулы: «соборы всегда должны состоять одновременно из епископов, клира и мирян». Вместе с тем очевидно, что в отдел нарастает напряженность и недопонимание. Профессор-протоиерей А.В. Смирнов указал на то, что голосовавшие высказываются не за содержание как такое, а против не артикулированных

⁴²⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 173.

⁴²⁹ Там же. Л. 173 об.

опасений: «Голосовавшие за эту формулы опасались, что будут соборы из одних епископов, которые будут действовать на одинаковых основаниях с большими соборами из епископов, клира и мирян»⁴³⁰. Среди прочего докладчик пояснил, что фильтрация выступающих председателем спровоцировала это недопонимание.

Впрочем, это не означает, что все профессора были одного мнения. 9 октября епископ Митрофан предложил обсудить снова введение епископских соборов. В поддержку его точки зрения выступил с докладом профессор И. И. Соколов. Он последовательно поддерживал епископат, был активным сторонником восстановления патриаршества. Каноничными он считал именно соборы епископов: «О соборах в составе одних только епископов говорят, прежде всего каноны, которыми нам надлежит руководиться»⁴³¹. В целом, он поддерживал и введение поместного собора из епископов.

Тем не менее значительная часть отдела воспринимал соборы епископов как угрозу церковному единству. Протоиерей Н.В. Цветков предупреждал: «как бы дорогая связь клира и мирян с епископов не оборвалась»⁴³². С ним был солидарен профессор И.М. Громогласов: «Трепещет душа, как бы не порвалась связь клира и мирян с епископами»⁴³³. По его мнению, «ради укрепления единения» уже приняты соборы из трех групп, поэтому «лучше не спешить теперь исключительно епископскими соборами. Начало соборности требует укрепления соборов со всеми элементами». А если вводить собор епископов, то установить тот круг дел – законодательный – которого «да не коснется рука скверных мирян»⁴³⁴. Вообще, он видит сложность в том, что нет определения собора: всякий ли съезд епископов можно назвать собором? Выстраивать точность формулировок он считал своей профессиональной обязанностью на соборе: «Я воздерживался всеми мерами, чтобы не входить на эту кафедру и учить

⁴³⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 175.

⁴³¹ Там же. Л. 187–187 об.

⁴³² Там же. Л. 189 об.–190.

⁴³³ Там же. Л. 190 об.

⁴³⁴ Там же.

досточтимых членов собора, но вынужден выйти как профессионал – канонист. Здесь оперировали с терминологией»⁴³⁵.

На этот раз с энергичным словом в защиту епископата выступил архиепископ Антоний (Храповицкий), показательно, что он обращается именно к клирикам и духовной школе – профессорам: именно их он воспринимает как движущую силу на соборе. Он снова предложил отделу утвердить соборы, которые собираются чаще – раз в три года – в составе только из епископов. По его мнению, церковной опорой могли быть только епископы и их власть, а не ненадежные миряне: «Я вам заявляю, о.о. иереи – не мы будем страдать, а вам будет плохо от мирян и еще духовной школе, от которой и миряне отвернутся. Я говорил в 1905 г. держитесь за наши рясы. Так и случилось. У меня на Воляни, по крайней мере наладилось дело, когда с понятами наделал сургучную печать на двери церкви, пока прихожане мирились со священником. Единения у нас нет уже полгода, а есть разделение и уже в 90 % умаление наших прав»⁴³⁶.

Принятый итог – компромиссная формула П.А. Прокошева – давала возможность собирать епископам свои соборы, но они не должны были отменять необходимость созыва соборов постоянных: «Кроме целокупных по своему составу соборов из епископов, клириков и мирян, должны быть соборы из одних епископов, созываемые по мере необходимости по почин самих епископов русской православной церкви, но этими соборами не устраняется необходимость созываемых в установленные периоды и со всею правильностью – в обычном или исключительном составе – соборов из епископов, клириков и мирян»⁴³⁷. Епископат добился признания прав на собор.

После принятия решения председатель епископ Митрофан 10 октября снова предложил отделу вернуться к обсуждению прав различных церковных групп на соборах, но при этом акцент был сделан на особых правах епископата на нем: «И у нас на очереди – вопрос о правах епископов на Соборах, который мы должны

⁴³⁵ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 190.

⁴³⁶ Там же. Л. 192 об.–193.

⁴³⁷ Там же. Л. 193.

рассмотреть во всей широте. Вместе с этим сами собой, конечно, затрагиваются вопросы о правах на Соборах других их членов – клира и мирян, об их решающей или совещательном голосе»⁴³⁸. Очевидно, предыдущий успех побудил председателя искать возможности его развивать далее.

Итогом этого витка дискуссии снова стала общая формула епископа Гермогена, которая могла устроить всех: «Епископы, клир и миряне участвуют на одинаковых правах в обсуждении всех соборных вопросов, но решения выносятся епископами»⁴³⁹. Для сравнения ранее была, например, предложена формула профессора П.Д. Лапина с гораздо большей детализацией процесса принятия решения, в целом она была ближе практике текущего собора: «Все дела решаются собором, но поступают потом на епископское совещание, где эти решения или утверждаются, или на них налагается “veto”. Дела же внутренней церковной природы, как то: вероучение, богослужение, нравоучение и церковная дисциплина – должны быть совершенно изъяты из общих обсуждений, а предоставлены только одним епископам»⁴⁴⁰.

В этом же заседании выяснилось, что принятые решения в Отделе о высшем церковном управлении не совпадают с итогом работы малочисленного Уставного отдела, который подтвердил, что устав текущего собора подходит для будущих соборов⁴⁴¹. В результате, прения продолжились... 17 октября состоялось 19-ое заседание отдела, на котором было принято решение о создании согласительной комиссии⁴⁴². В отделе же взяли паузу и в этот период отдел перешел к обсуждению состава и компетенций Синода и Высшего церковного совета. Дискуссию открыл на следующем 20-ом заседании 2 ноября профессор И.И. Соколов с докладом об органах высшего церковного управления в православных поместных церквях

⁴³⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 199.

⁴³⁹ Там же. Л. 216 об.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 215 об.

⁴⁴¹ Там же. Л. 218.

⁴⁴² Там же. Л. 243.

Востока: Константинопольской, Александрийской, Элладской, Сербской, Румынской⁴⁴³.

Обсуждение продолжилось и на следующий день 3 ноября. Председатель призвал «не затягивать время речами, не повторять старого, а вносить лишь новое, чтобы скорее выполнить срочную работу, данную Собором Отделу»⁴⁴⁴. Интересно, как распределяются мнения профессоров по поводу устройства высшего церковного управления: из 20 выступлений по данному вопросу профессорам принадлежит 10, т.е. половина. Так, в поддержку однопалатной системы, состоявшей бы из епископов, клириков и мирян, высказались из профессоров только трое: Ф.И. Мищенко и будущие обновленцы А.И. Покровский и Б.В. Титлинов. Большинство же поддерживало двухпалатную систему, предполагавшую разделение задач между Синодом и Высшим церковным советом: Н.Н. Фиолетов, Л.И. Писарев, М.А. Остроумов, П.Д. Лапин, И.М. Покровский, И.И. Соколов, П.А. Прокошев⁴⁴⁵. В целом, распределение мнений по этому вопросу среди выступающих сложилось как 7/13. Профессора коллективно выразили позицию большинства членов отдела. Примечательно, что данный принцип усиливал позиции епископата и тем не менее миряне его поддержали.

Важно отметить, что в ходе обсуждения реформы высшего церковного правления практически нет обращений к опыту западных христианских деноминаций и прежде всего к Католической церкви, Соборному движению XIV–нач. XV вв. В этой связи обращает внимание выступление Казанского профессора П.Д. Лапина, выбивающееся из общего ряда. Он связал кооптацию мирян в органы управления Константинопольской церкви с «давлением западного мира», целью которого было ослабление влияния греческой иерархии на народ и через это увеличения некоего «западного влияния». Епископы, которые, несмотря на народные волнения, отказывались подписывать «канонизмы о Синоде и Совете»,

⁴⁴³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 256–266 об.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 270.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 270 об.

в этом контексте становились защитниками национальной и конфессиональной независимости православных греков от Запада. Тут же Лапин пояснил, что с его точки зрения Константинопольский Синод не есть папская курия, «потому что в нем подаются голоса, начиная с младших», а введение постоянных членов синода – геронтов – не является «аристократизмом в Церкви», так как вызвано ее объективными нуждами⁴⁴⁶. Лапин защищает более близкую церковную традицию в ущерб некоей исторической логике, предполагающей усиление власти епископов, если она не уравновешена соборными институциями.

5 ноября 1917 г. состоялось избрание патриарха. Как видно из анализа работы отдела, к этому моменту не были подготовлены проекты документов, закрепляющих верховенство и неотменяемость поместного собора, равно как и положений, регулирующих права и обязанности патриарха, высших церковных учреждений – Синода и Совета. Последние документы начали спешно готовить в отделе после избрания предстоятеля Русской церкви для пленарных заседаний и уже не возвращались к итогам работы комиссий о составе соборов и т.д.

В результате обсуждений в общем совещании собором были приняты следующие документы: «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете»⁴⁴⁷ от 7 декабря 1917 г., «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России»⁴⁴⁸ от 8 декабря и «О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления» также от 8 декабря⁴⁴⁹. 9 октября первая сессия собора была завершена.

Юридический анализ принятых соборных определений был произведен специалистом в области канонического права протоиереем Сергием Звонаревым, который пришел к выводу, что, несмотря на то, что в документах есть отсылка на то, что высшая церковная власть принадлежит собору, «ни в одном соборном

⁴⁴⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 273.

⁴⁴⁷ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 1. Приложение к «Деяниям» второе. С. 7–11.

⁴⁴⁸ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 1. Приложение к «Деяниям» второе. С. 3–6.

⁴⁴⁹ Там же. С. 12–16.

определении мы не найдем указания на предметную сферу компетенций Поместного Собора»⁴⁵⁰. Более того, хотя обсуждение в отделе организации соборов открылось замечанием В.З. Завитневича о том, что следует закрепить принцип, обеспечивавший бы ему постоянство, не зависящее от воли той или иной церковной институции, реализовать это положение не получилось. Право и обязанность созыва соборов было отнесено к зоне ответственности патриарха: в пункте 2б определения «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России» говорилось о том, что именно он «созывает Церковные Соборы, согласно положению о них и председательствует на Соборах»⁴⁵¹.

В конце первой – в продолжение второй сессии отдел о высшем церковном управлении занимался теми вопросами, которые считал срочными: создание митрополичьих округов, введение статуса патриаршего местоблюстителя, раздел епархий, обсуждение статуса церквей на тех частях бывшей Российской империи, где создавались новые государственные образования – в Украине, Польше. Общее настроение выразил лидер этой части дискуссий профессор-библеист протоиерей А. Рождественский: «Нужно воспользоваться переходным временем и сделать все, что требуют интересы православия»⁴⁵². Вернуться к обсуждению устройства соборов и к их юридическому закреплению удалось лишь в августе – в конце третьей сессии, т.е. накануне перерыва в заседаниях, когда появилась необходимость быстро наметить перспективы собора как церковной институции. Отдел подготовил проект положения «О будущих Соборах Российской Православной Церкви и их составе», который был представлен Соборному Совету 29 августа (11 сентября) 1918 г. В Соборном совете было сформулировано предложение Собору «за краткостью остающегося до прекращения занятий Собора времени предложить Собору, не входя в рассмотрение настоящего

⁴⁵⁰ Звонарев С., *прот.* Высшая власть и правление в Русской Православной Церкви в XX – начале XXI века. Сергиев Посад, 2023. С. 282.

⁴⁵¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 1. Приложение к «Деяниям» второе. С. 3.

⁴⁵² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 491 об.

доклада предоставить высшему церковному управлению созвать будущий Собор на началах, установленных в сем докладе для созыва больших Соборов девятилетнего периода»⁴⁵³.

В результате работы пленарного заседания были приняты два определения. Во-первых, «О полномочиях членов Собора 1917–1918 гг.» от 5 (18) сентября 1918 г., который продлевал полномочия членов текущего собора до анонсирования патриаршей грамотой созыва нового собора⁴⁵⁴. Патриарх при необходимости мог созывать собор в этом же составе. И во-вторых, соборное определение «О созыве очередного Собора и о полномочиях членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета» от 7 (20) сентября, обязывавшее патриарха созвать «будущий очередной Собор весною 1921 года на началах, установленных в докладе Отдела о Высшем Церковном Управлении для созыва больших Соборов девятилетнего периода»⁴⁵⁵. В том же заседании было утверждено право Высшему Церковному управлению «вводить выработанные отделами предначертания в жизнь по мере надобности полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях»⁴⁵⁶. Таким образом, стратегия Соборного совета увенчалась успехом: общее заседание передало вопрос о будущем соборного управления Церковью, его созыв, тем органам высшего церковного управления, которые должны были быть ему подотчётными. Более того, при минимальной детализации сентябрьских постановлений, очевидно, что речь шла о созыве только собора через 9 лет – т.е. собор в полном составе, с участием клириков и мирян, аналогичный текущему, оставался явлением чрезвычайным. Об аналогичных соборах, но меньших по масштабу, количеству участников, собираемых раз в три года речи не шло.

Формально, можно согласиться с прот. С. Звонаревым, что в целом «такова была историческая судьба Поместного Собора, преждевременное прекращение

⁴⁵³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 224. Л. 5.

⁴⁵⁴ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 4. Приложение к «Деяниям» второе. С. 9.

⁴⁵⁵ Там же. С. 10.

⁴⁵⁶ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2020. Т. 11. С. 219.

заседаний которого в условиях начавшейся гражданской войны не дало возможности его членам завершить соборную работу над документами, столь необходимыми Церкви для устройства ее высшей власти»⁴⁵⁷. Однако следует разделять реализацию проектов собора и их принятия в процессе работы собора. Реализовать многие из соборных решений в новой политической ситуации после окончания работы Собора действительно было затруднительно, вместе с тем политические пертурбации нельзя считать причиной того, что соборяне за три сессии – практически год работы не смогли утвердить положение о соборах. Более внимательное отношение к дискуссиям в отделе о высшем церковном управлении по вопросам проекта соборного управления церковью, когда соглашение могло быть достигнуто только по самым общим вопросам, выявляет наличие серьезной оппозиции епископата и клириков с мирянами. Для епископата была важна опора на мирян, участие которых в Соборе 1917–1918 гг. осознавалось ими (и не только) как явление чрезвычайное, отвечающее текущему историческому моменту. Однако допустить клириков и мирян к участию в регулярных соборах высшая церковная власть была не готова и сохранила это окончание собора. Тем не менее, удивителен факт, что клирики и миряне, составлявшие большинство, в итоге согласились с этим и передали высшему церковному управлению будущее соборности.

3.3. Закрепление принципа «соборность» в решениях Собора

Для понимания важности для соборян термина «соборность», его эволюции следует проанализировать частотность употребления термина «соборность» на пленарных заседаниях Всероссийского церковного собора 1917-1918 гг. Термин «Соборность» употреблялся на 170 пленарных заседаниях собора 195 раз. Из них абсолютное большинство (92,31%) пришлось на первую сессию (15 (28) августа – 9 (22) декабря 1917 г.) - 180 использований. Оставшиеся 4 раза (2,05%) - на вторую

⁴⁵⁷ Звонарев С., *прот.* Высшая власть и правление в Русской Православной Церкви в XX–начале XXI века. Сергиев Посад, 2023. С. 284.

сессию (20 января (3 февраля) – 7 (20) апреля 1918 г.) и 11 употреблений (5,64%) - на третью сессию (19 июня (2 июля) – 7 (20) сентября 1918 г.).

Частотность употребления термина в первую соборную сессию показывает график, представленный на рисунке 6. Первые использования термина в августе были в приветствиях Собору, в связи с организационными вопросами. Рост употребления термина заметен в период 11–21 октября и совпадает с началом дискуссий о восстановлении патриаршества в Российской Церкви. Пик приходится на 23–28 октября (29–31 заседания), т.е. на те заседания, которые предшествовали решению о восстановлении патриаршества (№№29-30) и собственно на итоговое для этой части работы – 31 заседание 28 октября, на котором было принято это историческое решение. Основной темой дискуссии стала проблема соотношения единоличного управления церковью в лице патриарха и идеи соборности.

Затем наблюдается резкий спад 30 октября–17 ноября. Таким образом после решения о верховенстве власти Поместного Собора в Церкви и восстановлении патриаршества, как института подотчетного Поместному Собору, термин «соборность» практически не употреблялся. А значит порядок выбора патриарха, внутривластные события (итоги обстрела московского кремля 26–27 октября) и вопрос о правовом положении Церкви в государстве не осмыслились в соотношении с соборностью.

Второй пик – 18 ноября (24 упоминания в 7 выступлениях). В этот день на 45 пленарном заседании обсуждался доклад Отдела о высшем церковном управлении «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете». Соборность снова оказалась актуальна в связи с вопросом об организации высшего церковного управления. Прения вызвал первый пункт положения, выработанного отделом «Управление церковными делами принадлежит Всероссийскому Патриарху со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом»⁴⁵⁸. Дискутировалась идея наделения верховной властью патриарха при недостаточной конкретизации

⁴⁵⁸ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2000. Т. 4. С. 143.

характера власти Поместного Собора, Синода и Совета. При таком подходе все три институции становились исполнительными и вполне логичным был вопрос их сосуществования. Характерно, что дальнейшая дискуссия о распределении дел между этими органами, велась уже с минимальным обращением к «соборности».



Рис. 6. График употребления термина «Соборность» в первую сессию

В итоговой редакции этот пункт остался с небольшим изменением: было утверждено «Управление церковными делами принадлежит Всероссийскому Патриарху *совместно* со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом»⁴⁵⁹.

Третье повышение интереса к термину «соборность» – 2–5 декабря (заседания №№ 58–60). В этот раз обсуждалась организация епархиального управления и дискутировалась формула, определявшая взаимоотношение епархиального архиерея и его паствы в вопросах управления. Итоговое положение (пункт 2.15) расширяло полномочия клира и мирян: «Епархиальный Архиерей, по преемству власти от святых Апостолов, есть предстоятель местной Церкви, управляющий епархиєю при соборном содействии клира и мирян»⁴⁶⁰.

⁴⁵⁹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 4. Приложение к «Деяниям» второе. С. 7.

⁴⁶⁰ Там же. С. 17.

Темы обсуждений	Кол-во выступлений всего	Кол-во упоминаний термина всего	Кол-во упоминаний термина всего, %	Кол-во выступлений профессоров	Кол-во упоминаний термина профессорами	Коэффициент активности профессоров
Соборность и патриаршество	34	108	60	10	36	0,42
Организация высшего церковного управления (Синод и Совет)	10	28	15.56	7	14	0,7
Организация епархиального управления	12	21	11.67	4	6	0,5
Приветствия Собору	8	11	6.11	2	5	0,33
Вопросы о выборах в отделы и полномочиях членов Собора	5	6	3.33	1	2	0,25
Приветствие Патриарху	1	2	1.11	0	0	0
Вопрос об участии Церкви в выборах в Учредительное собрание	1	1	0.56	1	1	1
Защита Синода нового состава от обвинений в бездействии и т.д.	1	1	0.56	0	0	0
Коллективное обращение	1	1	0.56			
Телеграмма Председателя Собора	1	1	0.56	0	0	0
Всего:	74	180		25	64	0,51

Табл. 9. Распределение упоминаний о соборности по темам контекста

Тема обсуждения	кол-во выступлений	упоминания	кол-во выступлений за	упоминания, за	кол-во выступлений против	упоминания, против	Кол-во выступлений профессор	упоминания, все	кол-во выступлений, за	упоминания, за	кол-во выступлений против	упоминания против
соборность и патриаршество	34	108	28 (82,35%)	94 (87,04%)	6	14	10 (29,41%)	36 (33,33%)	6	25	4	9

Табл. 10. Использование термина «соборность» в связи с вопросом о восстановлении патриаршества

Таблица 9 подтверждает выводы из анализа графика частотности и позволяет провести количественный анализ распределения использования термина «соборность» по темам обсуждений на пленарных заседаниях. Большинство, 60% упоминаний, было сделано в контексте дискуссии о восстановлении патриаршества. Важно обратить внимание, что 94 из 108 использований термина (87.04%) в этот момент было сделано ораторами, выступавшими за восстановление патриаршества (табл. 10).

Решение о восстановлении патриаршества было принято на 31 заседании 28 октября, на котором присутствовало 346 человек. 346 человек из всех 533⁴⁶¹ присутствовавших на первой сессии составляют 64.92%. В эти дни в Москве увеличилось число беспорядков, происходил обстрел кремля и многие члены Собора не смогли прибыть на заседание. Таким образом, при неполной явке большинство от 64.92%., проголосовавшее за восстановление патриаршества, составляет меньшинство относительно всех участников сессии – 533 человек. Надо полагать, что принятие решения было результатом большей активности меньшинства, выступавшей и разъяснявшей принципы соотношения соборности и единоличной патриаршей власти (табл. 10).

Как уже было отмечено выше, у понятия «соборность» не было установленного определения создавало сложности во взаимопонимании соборян. В таблице 11 представлено количество использований термина в том или ином смысле. Конечно, данное распределение условно, так как вывод о содержании понятия сделан в большинстве случаев из контекста выступления докладчика. Однако, некоторую закономерность все же можно проследить.

Так в представлении Синода Собору от 12 августа термин «соборность» употреблен в значении, актуальном для этого периода церковной жизни – устройению церковной жизни на Соборе. «Соборность» понималась как некоторый лозунг сторонников созыва собора: «В сознании православно-русского мира с давнего уже времени твердо укоренилась мысль, что значительная часть

⁴⁶¹ Мраморнов А.И. Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. 57. С. 376.

недостатков и неустройств в русской церковной жизни зависела от стеснения в ней начал канонической соборности; вместе с тем ко всеми чаемому Собору обращены были всеобщие упования, что он устранить эти недостатки и неустройства»⁴⁶². Такое представление о соборности было актуально для соборян в августе-октябре.

Однако, созыв собора и закрепление соборным определением принципа его верховенства в церковном управлении не завершили дискуссии. Скорее наоборот, появился вопрос о том, что есть соборность тогда, когда собор уже созван и функционирует. Максимально, 90 из 169 объясненных употреблений, было сделано в значении особого церковно-общественное состояния единства. Радость по поводу состоявшегося открытия собора и возможность решения церковных проблем на фоне разраставшихся беспорядков однозначно способствовали распространению именно такого понимания термина среди соборян. Такое употребление термина характерно для августа-начала декабря, с пиком, как было указано выше 23–28 октября и 18 ноября (см. рис. 6), когда обсуждалось восстановление патриаршества и организация высшего управления. 90 упоминаний это 53.25 % от 169. Такой процент коррелирует с процентом проголосовавших за патриаршество. Напомним, что явка соборян 28 октября, когда было принято решение о восстановлении патриаршества, составила 64% от общего числа участников сессии. Таким образом решение о восстановлении патриаршества можно связать с церковно-общественным настроением, желанием единства, выражением и символом которого для многих был патриарх.

Наверное, именно это имел в виду профессор Киевской духовной академии В.З. Завитневич, когда в своем докладе 11 сентября 1917 г. в Отделе о высшем церковном управлении подчеркнул, что восстановления патриаршества есть не столько историческая необходимость, сколько определенное эмоциональное настроение: «Вообще о патриаршестве говорят люди поэтически настроенные,

⁴⁶² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 1. Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного совета и Собора. М., 1918. С. 33.

например, Антоний архиепископ Харьковский. Церковь, говорят, есть организм, где должно быть сердце, откуда радиусами расходятся лучи благодати. Патриарх и есть именно выражение этой общественной любви и есть церковное сердце»⁴⁶³.
Здесь следует отметить, что Завитневич через характеристику чужих переживаний скорее выдает собственные представления – это им восстановление патриаршества переживается как некоторая эмоция.

Содержание понятия	Кол-во использований	Период	Кол-во использований профессорами
Принцип жизни Церкви	5	Август	4
Свободное проявление инициативы и воли соборян	3	Август	2
Особое церковно-общественное настроение, общественное единство	90	август-2 декабря	26 (28,89%)
Организация институции – Собора	27	август-октябрь	10 (37,037%)
Соборность как следование своему - церковному делу и невмешательство в политику	1	сентябрь	1
Принцип организации высшего управления Церкви (без уточнения в чем, он заключается)	13	октябрь	1 (7,69%)
Соборность как демократизм, требования части в управлении не архиереев	5	октябрь	2
Соборность - коллегиальность, общественность	3	октябрь	3
Соборность - выборное начало, в противовес деспотизму	2	октябрь	0
Соборность - лозунг тех, кто хотел бы властвовать в церкви	2	октябрь	0
Соборность - это не революционность	3	Ноябрь	3

⁴⁶³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 20 об.

Соучастие в общей работе всех членов Церкви	15	Декабрь	6 (40%)
Не определено значение	11		
Всего:	180		

Табл. 11. Эволюция содержания понятия «соборность»

В октябре «соборность» также часто употребляется в смысле принципа организации высшего управления Церкви, что связано с обсуждениями распределения полномочий между патриархом, новым синодом и церковным советом. Обращает внимание то, как меняется представление о соборности в декабре. После спада использования термина его снова стали применять в контексте организации епархиального управления. Именно в данный момент появляется трактовка его как обозначения принципа «соучастия в общей работе всего церковного тела». Таким образом, после восстановления патриаршества, радикализации революционной ситуации в Москве происходит изменение от неконкретного переживания и «поэтической» трактовки понятия к, скажем так, более практической – анонсируется нацеленность на соработничество всех церковных групп.

Важно обратить внимание, что при общем спаде количества использования термина отмечается следующая закономерность: если соборность в понимании церковно-общественного настроения использовали в 53.25 % объясненных случаев, то как принцип соработничества в Церкви 8.88 %. Получается, что новая трактовка заявлена небольшим количеством людей, что, впрочем, логично: «поэтические настроения» всегда захватывают большее количество людей, чем более призыв к обеспечению церковных нужд собственным трудом. Поместный Собор, в данном случае, не стал исключением.

При этом примечательно, что использование термина профессорами университетов и духовных академий имеет тенденцию обратную по отношению к

общей соборной логике. Процент использования ими «соборности» повышается от значения «церковно-общественного настроения» – 28,89%, (26 из 90) к «необходимости существования соборов» – 37,037% (10 из 27) и максимум, 40% (6 из 15), составило число от использования термина в значении «соучастие в общей работе всех членов Церкви». В связи с этим возникает вопрос о роли профессоров, как особой социальной группы, в дискуссии. По крайней мере математически характеристика заинтересованности в церковной работе у профессоров выше относительно других соборян.

Социальный статус	Кол-во выступлений	Кол-во человек
Профессоры университетов и духовных академий	25 (33.78%.)	12
Епископы	11 (14.86%)	7
Священники	10 (13.51%)	9
Преподаватели средней школы	6	6
Член Совета Государственного Контроля, председатель общества «Соборная Россия»	6	1
Судьи	3	3
Члены Государственного Совета	2	1
Архимандрит	1	1
Дипломат	1	1
Крестьянин	1	1
Псаломщик	1	1
Торговый приказчик	1	1
Юрисконсульт Священного Синода	1	1
Коллективные обращения (без личного представительства)	4	
Не известен	1	1
Всего:	74	46

Табл. 12. Социальный статус участников дискуссий о соборности

180 раз термин «соборность» был использован 46 ораторами. В таблице 12 приведен их социальный статус. Из анализа этих данных следует, что наиболее активны профессора университетов и духовных академий. Им принадлежит 25 (33.78%.) выступлений из 74. Далее по количеству выступлений следуют епископы – 11 (14.86%) и священники – 10 (13.51%). Получается, что профессора

выступали по вопросу о соборности чуть больше, чем в 2 раза чаще, чем епископы или священники.

Активность меньшинства, как и ранее отмечалось, могла определять решение. Так 6 преподавателей средней школы (гимназии и семинарии) оказались столь же активны, как и один А.В. Васильев, член Совета государственного контроля, председатель общества «Соборная Россия». К слову, один из ярких сторонников восстановления патриаршества. Тем не менее профессоров больше и физически - докладчиков: 12 человек против 9 священников и 7 епископов.

В таблице 9 «Распределение упоминаний о соборности по темам контекста» был приведен коэффициент активности профессоров в обсуждении соборности на каждом из этапов соборной работы. Мы можем видеть, что при коэффициенте общей активности профессоров 0,51, отношение 45 профессоров / 488 участников первой сессии – не профессоров равно 0,092. Таким образом профессора были активнее в 5,54 раза, чем это могло быть, учитывая их совсем небольшую долю в количестве участников первой сессии. (Всего участвовало в работе собора 533 человека).

Одновременно, по данным, представленным здесь же, наблюдаем, что активность профессоров не одинакова в обсуждении соборности в связи разными темами. Так коэффициент активности профессоров в контексте решения вопросов о соотношении института патриаршества и принципа соборности – 0,42, ниже общего – 0,51, а по вопросам о епархиальном управлении – 0,5, т.е. практически равна, и выше в связи с обсуждением организации высшего церковного управления – 0,7. Последнее, по всей видимости, связано с тем, что именно профессора были докладчиками на пленарных заседаниях. Так профессор Петроградской духовной академии И.И. Соколов стал докладчиком Отдела о высшем церковном управлении, а профессор Московской духовной академии А.И. Покровский⁴⁶⁴ выступал в защиту проекта Отдела о епархиальном

⁴⁶⁴ Покровский А.И. в 1916 г. защищал докторскую диссертацию в Московской духовной академии «Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков: историко-каноническое исследование». Присуждение степени не было утверждено Святейшим Синодом. Однако перед

управлении, т.е. их выступления были связаны с разъяснением и защитой предлагаемых отделами положений. Таким образом, статистика подтверждает эмпирический вывод профессора Г. Шульца, первым отметившим особую роль церковных ученых на Поместном соборе 1917 г.: «Особую роль на соборе играли выдающиеся представители епископата; не менее важной, а может быть даже более, была богословская работа и подготовка точных решений, роль богословов и интеллектуалов»⁴⁶⁵.

ФИО	Университет / академия	За/против
Булгаков С.Н.	университет	За
Кудрявцев П.П.	Академия	Против
Лапин П.Д.	Академия	За
Прокошев П.А.	университет	За
Соколов И.И.	Академия	За
Трубецкой Е.Н.	Университет	За
Фиолетов Н.Н.	Университет	За

Табл. 13. Распределение голосов профессоров по вопросу о восстановлении патриаршества

Профессора были заметной группой не только для статистики, но и для участников Собора. Так митрополит Вениамин (Федченков) вспоминал, как много дней было проведено соборянами (им) тогда в борьбе с «либеральной профессурой»⁴⁶⁶. Очевидно «водоразделом» либералов и не либералов служил вопрос о патриаршестве. Однако, из таблицы о распределении мнений ораторов – участников дискуссии о соборности и патриаршестве (табл. 13) следует, что профессора в большинстве случаев высказались за восстановление патриаршества. 4 обнаруженные в этих прениях выступления против восстановления патриаршества принадлежат одному человеку – профессору Киевской духовной академии П.П. Кудрявцеву (см. рис. 6). По-видимому, следует признать, что «либеральным» было для монашествующих не столько само

Собором в 1917 г. А.И. Покровский был восстановлен в штате академии, и ему была присвоена степень доктора богословия.

⁴⁶⁵ Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotential: Archivbestande und Editionen, Struktur und Arbeitsweise, Einberufung und Verlauf, Verabschiedung der neuen Gemeindeordnung. Göttingen, 1995. S. 45.

⁴⁶⁶ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 2000. С. 407–409.

сопротивление восстановлению патриаршества, сколько его интерпретация профессорами в русле соборности, предполагавшее расширение участия в церковной жизни, управлении клириков и мирян.

Изучив процессы, связанные с интерпретацией соборности в первой сессии, возникает вопрос о будущем термина. 15 упоминаний на две оставшиеся сессии побуждают рассмотреть их все отдельно и подробно. За 4 месяца «соборность» прозвучала во вторую сессию 4 раза.

Заседание, №	Дата	Тема обсуждения	Докладчик	Значение	Кол-во упоминаний
67	22 января 1918.	О захвате синодских типографий и изданий церковной периодики. О противодействии политике гонений на Церковь и анафематствовании и гонителей в послании Патриарха	Приветствие Собору от общего собрания пастырей церковноприходских советов и представителей монашествующих г Одессы:		1
70	26 января 1918	Организация епархиального управления	Член IV Государственной думы В. А. Потулов	В общем смысле, упоминание о прежних спорах "о соборности", в которых ученые противоречат друг другу	1
80	19 февраля / 4 марта 1918	Обсуждение приходского устава	Архиепископ Тверской Серафим (Чичагов)	соучастие в общей работе всех членов церковного тела	1

112	23 марта / 5 апреля	Мнение о дальнейшей судьбе проекта о поводах к расторжению церковного брака в Соборном совете: будет забаллотировано в ущерб соборности	Юрисконсульт Священного Синода В.В. Радзимовский	соучастие в общей работе всех членов церковного тела	1
168	5/18 сентябр я	Обсуждение введения митрополичьих округов	Архиепископ Тверской Серафим (Чичагов)	собор епископов	10
168	5/18 сентябр я	Обсуждение введения митрополичьих округов	Генерал от инфантерии Л. К. Артамонов	соучастие в общей работе всех членов церковного тела	1

Табл. 14. Использование понятия «соборность» во вторую и третью сессию Собора
Другие 11 употреблений соборяне услышали в третью сессию в двух выступлениях на 168 заседании 5/18 сентября (см. табл. 14). Людям свойственно говорить и уделять много внимания тому, что им действительно важно и дорого. Такое умолчание свидетельствует о том, что споры о соборности, сам термин уже мало актуален для соборян. Так в выступлении В.А. Потулов прения о соборности в первой сессии – вопрос прошлого.

Однако нельзя утверждать, что «соборность» вообще ушла из жизни соборян. 11 из всех 15 обращений к этому термину принадлежит архиепископу Тверскому Серафиму (Чичагову), но в новом контексте и с новым содержанием. Теперь архиепископ говорил о соборности в связи с обсуждением введения митрополичьих округов, как о необходимости епископской соборности – соборов епископов. Это происходило на 168 соборном заседании в сентябре 1918 г., состоялось незадолго до закрытия, совсем в иных условиях, по сравнению с тем, что происходило год назад. Новый и враждебный политический режим,

национализация церковного имущества – все это уже поставило вопрос о сохранении Церкви в этих условиях.

Характерное выступление в продолжение той же дискуссии последовало от мирянина Л.К. Артамонова: «По моему мнению, нет основательных возражений против (митрополичьих - ОИ) округов. Указывались некоторые причины, по которым разделение епархий на церковные округа является нежелательным. Одни из этих причин явные, другие скрытые. К первым относится утверждение, что митрополичьи округа, будто бы, создают средостение между Патриархом и епископами. Но это уже разъяснено. Затем говорят, что при образовании округов образуется около митрополитов ореол власти, отдаляющий их от епископов, возбуждает в последних чувство обиды. Но теперь всякое возвышение – это лишний шаг к мученичеству, к смерти. Завидовать тут не приходится. И это обстоятельство не может говорить против учреждения округов, потому что при соборности, которая проникает теперь в толщу русской церковной жизни, даже Патриарх – лишь первый из иерархов. Чем же митрополит будет возвышаться над другими епископами? Разве только моральным влиянием, которое дай Бог чтобы было и готовностью принять мученический венец»⁴⁶⁷. Такие выступления маркируют движение собора под влиянием обстоятельств от массового включения в дела к концентрации власти у епископов и более узкой трактовке понятия «соборность», как «собора епископов» – готовых отстаивать интересы Церкви вплоть до мученической кончины.

Кроме всего прочего, следует отметить, что в 53 принятых собором постановлениях не содержится термин «соборность». Из 46 использований определения «соборный» только однажды используется в значении соработничества церковных групп: в упоминаемом выше положении о епархиальном управлении. В остальных 45 термин становится «техническим»:

⁴⁶⁷ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 1. Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного совета и Собора. М., 1918. Т.11. С. 207.

межсоборный период, соборный храм, соборное постановление/отдел, соборная Церковь (цитата из «Символа веры»), соборное служение духовенства.

Схожая ситуация и в посланиях, обращениях Собора, утверждаемых на пленарных заседаниях. В массовую печать вышли только Деяния собора, в которых остались зафиксированными прения о соборности. Таким образом, термин «соборность» был обсуждаем на Соборе, но не только не получил утвержденную формулировку, но и практически сразу выходит из официального употребления.

Вместе с тем представляется важным обратить внимание на то, что при всей сложности дискуссии о соборности обращение к авторитету А.С. Хомякова и его богословию о соборной общине поразительно минимально. На протяжении всей первой сессии, например, его имя было упомянуто лишь четырежды (табл. 15). И это при 180 упоминаниях о соборности. В этой связи следует отметить, что говорить об определяющем значении богословия А.С. Хомякова для соборян было бы преувеличением. «Соборность» является термином историческим, отражающим церковные процессы, происходившие в 1917-1918 гг. и актуальным именно для этого момента истории и настроения верующих.

Заседание, №	Дата	ФИО
8	22 августа	Олсуфьев Д.А., граф
20	28 сентября	Кузнецов Н.Д.
29	23 октября	Трубецкой Г.Н., князь
39	13 ноября	Недельский В.К.

Табл. 15. Ссылки на А.С. Хомякова на первой сессии Собора

По подсчетам, 180 из 195 упоминаний о соборности в пленарных заседаниях пришлось на первую сессию, т.е. максимально актуальным термин был осень 1917 г. Наиболее популярной его трактовкой в этот период среди соборян было нравственная – идея церковно-общественного единства. Тогда же было принято историческое решение о восстановлении патриаршества, которое виделось наиболее активным участникам дискуссии символом, выражением этого единства. Вторым по популярности толкованием термина в начале осени стало выражение соборности в факте существования соборов. Такое представление и

было зафиксировано в решении о верховенстве церковной власти Поместного Собора.

Вместе с тем, в данном параграфе прослеживается эволюция термина. После обсуждения соотношения соборности и патриаршей власти понятие было использовано в связи с дискуссиями о высшем церковном управлении 18 ноября и о епархиальном управлении в начале декабря. В рамках последнего обсуждения и проявилась новая грань понятия: соучастие в общей работе всех членов Церкви.

В целом, следует констатировать, что термин «соборность» остался не закрепленным в посланиях и определениях Собора и, таким образом, не стал массовым, неотъемлемым понятием дальнейшего церковного обихода. По все видимости это связано с историческими реалиями эпохи, в которую собор был созван. Термин «соборность» отражал обстановку на соборе, церковной мысли, актуальную для 1917–1918 г., поэтому его содержание и популярность тех или иных трактовок коррелирует с меняющимися политическими обстоятельствами, логикой соборной работы. Высокие порывы не могут быть массовыми и долговременными. Популярность «соборности» практически сходит на нет уже со второй сессии. К концу соборных заседаний понятие употребляется уже как соборность епископов – собор, что показывает изменение соборной мысли под влиянием впечатлений от антицерковных акций нового правительства. Ожидание возможных гонений меняет представление об ответственности и природе власти епископа. Таким образом, начала будущее соборного управления клирики и миряне уступили высшему церковному управлению тогда, когда собор был вдохновлен традиционным церковным идеалом – мученичеством и увидел в епископах – священнослужителей, готовых стать новыми мучениками.

Подводя итоги главе, следует резюмировать, вопрос о соборности был поставлен в отделе практически сразу после издания Временным правительством постановления о провозглашении России республикой от 1 сентября 1917 г. Вполне естественно, что церковная «соборность» осмыслялась соборянами в связи с новым политическим устройством государства. Таким образом дискуссия

стала инструментом самоопределения ученой элиты в новых условиях. «Соборность» оказалась тесно связана с проблемой восстановления патриаршества и устройством высшего церковного управления, ролью мирян в делах Церкви и формами представительства верующих. Суммируя предлагаемые в первой части дискуссии определения соборности, можно выделить, что все докладчики подчеркнули богословский характер термина. Соборность была представлена как сакральное свойство Церкви, которое может проявляться по-разному, как в отношениях верующих в Церкви, так и в организации управления. Вопрос о соборности практически сразу оказался увязан с проблемой атрибуции высшей власти в Церкви, ролью мирян в управлении и восстановлением патриаршества. В ходе дальнейшей дискуссии все чаще докладчики будут говорить о своем отношении к институту патриаршества. Суть же дискуссии можно свести к тому, кто или что является гарантом единства, сохранения чистоты предания в церкви.

Необходимость обсуждения концепта «соборность» была обоснована в докладе отдел о высшем церковном управлении профессора И.И. Соколова и далее в дискуссиях членов отдела с 12 по 22 сентября 1917 г. именно профессора и преподаватели российских университетов и духовных академий представили широкую доказательную базу, обосновавшую новую эkkлесиологическую программу Русской Церкви. Основой для формулирования собственной позиции для ученых стали исследования, посвященные истории соборов, патриаршества, первых веков христианства. Ученые предлагали богословскую аргументацию (прот. Н. Боголюбов, М.А. Остроумов), историческую (И.И. Соколов, А.Ф. Одарченко, И.В. Попов, С.А. Котляревский), каноническую (П.Д. Лапин, Ф.И. Мищенко, прот. А. Смирнов, Н.Н. Фиолетов, А.И. Покровский) необходимости следования принципу соборности при организации управления русской церкви. В результате дискуссии о соборности в отделе произошла рецепция на личном уровне широким кругом верующих (в заседаниях участвовало до 106 человек) достижений церковной науки.

Важно отметить, что 11 из 16 выступивших ученых защитились в период активного обсуждения церковной реформы: 1907–1917 гг. Большинство ученых в отделе составили те, кто считал канон исторически обусловленным и, следовательно, изменяемым явлением. Это показывает новый этап в развитии канонического права. Примечательно, что если для П.Д. Лапина более укорененного в академической традиции, неизменным остается соборный принцип, формы реализации которого хоть и меняются, но сам он остается прежним, то работы его коллег – прежде всего университетских преподавателей прот. А. Смирнова, Н.Н. Фиолетова, А.И. Покровского допускали принципиальную возможность нового церковного правотворчества актуального для современной действительности.

Для всех докладчиков Церковь являлась объективной реальностью. Церковь была представлена единой и единственной, а не множеством церквей епископов, государственной, клириков, мирян. Все докладчики поддерживали, что соборность – это свойство Церкви, принцип ее жизни, характеристика единства всех верующих в ней. При обосновании необходимости большего участия клириков и мирян в церковных делах все они за исключением А.И. Покровского признавали особый статус архиерея в принятии решений. Одновременно, не все из них поддерживали восстановление патриаршества и это для многих являлось угрозой соборности и прежде всего поражением в правах епископов, а не мирян. Достижение соборности не было требованием власти. Соборность стала концептом, обосновавшим желание единства верующих: мирян, клириков, епископов в 1917 г.

Собор стал наивысшей точкой консолидации верующих в условиях хаоса и разобщенности революционного времени, а «соборность» – идейным стержнем и попыткой зафиксировать достигнутое единство для будущего. Профессора и преподаватели университетов и духовных академий стали в данном случае теми, кто вербализовал и обосновал ожидание церковного сообщества.

Глава IV. Профессора о церковно-государственных отношениях

4.1. Юридический статус Церкви: рецепция научных идей церковным сообществом

К началу XX в. одной из наиболее обсуждаемых юридических проблем в русском обществе стал вопрос о свободе совести. Накануне 1906 г. свобода совести, в основном, трактовалась как свобода вероисповеданий, но в ходе общественных дискуссий вопрос приобрел и для государства, и для общества новое значение – взаимоотношений государства и личности⁴⁶⁸. В контексте этого процесса появилось представление о необходимости изменения правового статуса Русской Православной Церкви, а с либерализацией политической сферы жизни империи и возможности для продвижения проектов в официальных органах власти.

В 1906 г. в Предсоборном присутствии вопрос «об отношении Церкви к верховной государственной власти» обсуждался в контексте высшего церковного управления: на совещании отдела 30 мая и на общих совещаниях 12-14 июня. Целью принятых положений было восстановление прямых взаимоотношений высших церковных органов власти с императором, минуя Государственную думу и Государственный Совет, введенные Основными законами Российской империи от 23 апреля 1906 г. Таким образом, Присутствие выработало положения не как превентивную меру, а как реакцию на изменение основ государственного строя. Получается, что Церковь добивалась утверждения внесистемных взаимодействий после попытки монархии придать режиму правовой характер:

- «Православная Русская Церковь имеет право издавать для себя новые постановления с соизволения Государя Императора. Согласно с сим, представляются на благоусмотрение Государя Императора постановления предстоящего чрезвычайного Собора Всероссийской Церкви и имеющих

⁴⁶⁸ Дорская А.А. Вопрос о свободе совести в Российском законодательстве 1905-1917 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. СПб., 1997. С. 46.

последовать за оным повременных Соборов, а также распоряжения постоянного Священного Синода руководственного характера».

- «Постановления чрезвычайного Всероссийского Собора, повременных Соборов и постоянного Священного Синода, связанные с расходованием средств из Государственного Казначейства, или с предоставлением церковным учреждениям и лицам прав государственных, восприимлют силу закона в общем законодательном порядке».

- «Православная Русская Церковь в своих внутренних делах управляется свободно своими учреждениями, под верховной защитой Государя Императора»⁴⁶⁹.

В совещательном органе, созванном по прямому повелению императора, который вырабатывал проекты в надежде на поддержку государства в том числе в созыве собора, вопрос о юридической независимости Церкви едва ли мог бы быть решен положительно. Тем более, что со свободой совести усиливалось бы положение иноконфессиональных религиозных общин, что на практике бы подрывало бы уникальное положение православной Церкви. Таким образом проблема вероисповедной свободы в государстве для официальной церковной политики сузилась до требования возможности созыва Собора при поддержке государства.

Параллельно некоторые стратегии церковно-государственных отношений были сформулированы в рамках работы Государственной думы. В конце того же 1906 г. начала работу комиссия партии кадетов, созданная «для разработки взаимоотношений Церкви и государства». В состав комиссии кроме председателя князя П.И. Долгорукова и нескольких священников вошли профессор и преподаватели Московского университета: юристы П.И. Новгородцев и С.А. Котляревский, историк В.О. Ключевский и экономист С.Н. Булгаков. Политический процесс выявил еще один заинтересованный центр, Московский

⁴⁶⁹ Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. М., 2014. Т. 2. С. 544–547.

университет. Комиссия выработала 6 положений церковной реформы, которую должно было осуществить государство, по их мнению:

- предоставить Церкви простор для своего самоопределения и самоуправления;

- роль государства свести лишь к правильному созыву церковного собора и наблюдению за ходом церковных дел по вопросам, касающимся государственного бюджета и общих интересов;

- среди членов собора должны быть миряне;

- следует устранить кастовость, обеспечив свободный доступ мирян в духовные учебные заведения;

- нужно признать имущественные права церкви;

- в дальнейшем необходимо полное отделение Церкви от государства, но при этом сиюминутное решение было признано невозможным⁴⁷⁰.

Программа партии кадетов подразумевала более широкую реформу существующего положения Церкви: помимо собора были сформулированы требования, касавшиеся юридических и имущественных прав Церкви, расширения возможностей для получения духовного образования. Проблематичным было то, что для ее реализации необходим был некоторый альтруизм государства. Однако перспектива обсуждения вопроса в Государственной думе давала возможность привлечения к нему образованной общественности.

Интересно, что никто из ученых, работавших в комиссии, кроме В.О. Ключевского не был приглашен к участию в Предсоборном присутствии. При этом и приглашенный Ключевский отказался от работы в нем, а в подготовке партийной программы для Государственной думы он поучаствовал. Как считает С.Л. Фирсов, Ключевский находил работу в этом церковном форуме бесполезной, так как «не верил в творческие силы Церкви и рассматривал ее лишь как

⁴⁷⁰ Дорская А.А. Вопрос о свободе совести в Российском законодательстве 1905–1917 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. СПб., 1997. С. 81–86.

ведомство государственного псевдосимфонического устройства»⁴⁷¹. В своем дневнике историк действительно оставил нелюбимые оценки государству и духовному ведомству – «рясофорному отделению временно-постоянной государственной охраны». Однако не менее жестко он оценил активность и ответственность мирян за базовый уровень церковной жизни - приходской. Ключевский прямо написал, что в результате сложившегося положения церкви в государстве «у высшей иерархии больше власти, чем авторитета», ведь для «молящейся в соборе публики архиерейские дикирии и трикирии привлекательнее архиереев, чьи руки их торжественно скрещивают». Такое поверхностное отношение к таинствам Церкви он связал с недостаточной воцерковленностью жизни простых мирян, преимущественно крестьян, церковной безграмотностью и отсутствием налаженной приходской работы: «Верующий приносит из дома в церковь купленную свечку и свое религиозное чувство, ставит первую перед иконой, а второе вкладывает в разыгрываемое перед ним вокально-костюмированное представление и, пережив нравственно-успокоительную минуту, возвращается домой. Затем до следующего праздничного дня он чужд церковной жизни: он – одинокий верующий. Встреча с соприхожанами в церкви – встреча знакомых на улице: никакого общения не бывает в стенах храма. <...> Он не член Церкви, а единичная церковь, ходит в храм как в баню, чтобы смыть со своей совести сор, насевший на нее за неделю»⁴⁷². Таким образом, дело не столько в неверии в «творческие силы Церкви» сколько в реалистичном представлении профессора – сына сельского священника – перспектив церковных реформ, опиравшихся бы на государственный ресурс: у них не было основания – просвещенных мирян, которые бы поддержали бы сформулированные в предсоборном присутствии проекты лично и финансово. По всей видимости, работа в партии – некотором объединении мотивированных людей – с целью изменения государственного законодательства казалась университетскому историку предпочтительнее.

⁴⁷¹ *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (кон. 1890-х –1918 г.). М., 2002. С. 218

⁴⁷² *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 312–313.

Подготовленный проект должен был быть взят в работу партией в Государственной думе второго созыва в следующем 1907 г. Из членов партийной комиссии в ней участвовал только С.Н. Булгаков, но как беспартийный «христианский социалист». Новгородцев и Котляревский подписали «Выборгское воззвание» и потеряли возможность дальнейшей работы в ней. Вопрос о свободе совести обсуждался в нескольких думских комиссиях. Для рассмотрения министерских законопроектов была создана комиссия о свободе совести и старообрядцах из 33 человек 20 марта 1907 г. Ведущую роль в комиссии играли кадеты, которых было 13 человек, при чем от «правых» прошел только один священник Герштанский, а все остальные были «левее» и в количестве 3–4 представителей от партии⁴⁷³. И еще одна комиссия была создана незадолго до окончания работ думы в ответ на предложение за 30 подписями о создании отдельной комиссии по церковному законодательству. От лица подписавшихся выступил С.Н. Булгаков. Задачами комиссии должно было стать обсуждение вопросов и законопроектов, касающихся только одной области права – церковного законодательства в части внешних отношений между церковью и государством⁴⁷⁴. Показательно, что сын потомственного священника, который поступил не в духовную школу, а в университет с целью «служить человечеству, прогрессу, научной мысли»⁴⁷⁵, в итоге защищает в Думе именно интересы Церкви. В комиссию были избраны 16 человек из которых 7 в священном сане. По партийной принадлежности – 6 были кадетами. От «правых» прошел только Евлогий (Георгиевский). За недостатком времени, отсутствием опоры на партию и, что не маловажно, серьезной юридической поддержки церковных юристов, продвинуть вопрос о церковной реформе в государственной думе не получилось. Для самого С.Н. Булгакова как и для многих других ученых работа в думе стала разочарованием. В своих автобиографических заметках он показал думу как

⁴⁷³ Дорская А.А. Вопрос о свободе совести в Российском законодательстве 1905–1917 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. СПб., 1997. С. 106.

⁴⁷⁴ Государственная дума. Созыв II. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия II. СПб., 1907. Т. 2. С. 577.

⁴⁷⁵ Булгаков С. *прот.* Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 66.

совершенно бесперспективную: «Я не знавал в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары Государственной думы <...> Эта уличная рвань, которая клички позорной не заслуживает. Возьмите с улицы первых попавшихся встречных, присоедините к ним горсть бессильных, но благомыслящих людей, внушите им, что они спасители России, к каждому слову их, немедленно становящемуся предметом общего достояния, прислушивается вся Россия, и вы получите Вторую Государственную думу»⁴⁷⁶.

Вслед за разочарованием в отечественном опыте парламентаризма менялись и предлагаемые стратегии реформирования церковно-государственных отношений. В 1913 г. профессор права Варшавского университета П.В. Верховской, не участвовавший в работе Предсоборного присутствия, счел главным недостатком то, что Присутствие упустило возможность добиться актуализации статей, касавшихся церкви, при подготовке Основных законов империи и не попыталось «юридически квалифицировать современное устройство и государственное положение Церкви в России». Верховской несколько идеалистически оценивает возможные перспективы такого правового пути решения проблемы: «Тогда был бы поставлен прямо и всесторонне правильный диагноз нашей болезни, и выяснились бы сами собой методы ее лечения. Тогда с ужасом поняли бы, что внутренняя и внешняя стороны жизни Русской Церкви, со времени Петра Великого, раздвоены». В этой же брошюре, он, ссылаясь на ст. 8 основных законов, позволявшую императору их пересмотреть, призывает добиваться изменения государственного законодательства, касающегося церкви, минуя государственные думу и совет. «Для этого вовсе не нужно собирать Предсоборные совещания при Святейшем синоде и Предсоборные присутствия придворного или какого бы то ни было другого духовенства, потому что пока о Поместном соборе и внутренних преобразованиях не может быть и речи. Поэтому всевозможные проекты учреждения патриаршества, нового устройства Синода, введение митрополичьих округов,

⁴⁷⁶ Булгаков С. *прот.* Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 51–52.

преобразования прихода, и проч., и проч. могут иметь значение только подготовительных материалов, серьезно обсуждать которые будет возможно только тогда, когда в нашем установившемся государственном порядке будет пробита маленькая, но важная брешь в какие-нибудь три новых статьи Основных Законов, гарантирующих юридическую и фактическую независимость Русской Православной Церкви от кого бы то ни было кроме Государя Императора»⁴⁷⁷.

Для понимания содержания понятий и сути требований по реформированию законодательства о свободе совести или о положении церкви в государстве в начале XX века следует обратиться к основным правовым концепциям того времени и характеризующих правосознание интеллигенции того времени. К концу XIX века русское правоведение постепенно приходит к представлению о том, что нельзя ограничить научное изучение права лишь выявлением общих рациональных знаний о праве, под которым понималась система норм, установленных государством. Это в свою очередь определило отход от позитивизма в сторону поиска новых методов изучения природы права и обращение к другим гуманитарным наукам: в первую очередь, к социологии, психологии и философии. Ключевой проблемой правоведения рубежа веков стал вопрос о ценностных основаниях права. Эту тенденцию в науке выразило течение «возрождение естественного права»⁴⁷⁸. В отличие от идеологов западного права XVIII в., выводивших его качество из отношения права положительного – государственного к набору некоторых идеальных норм – естественному праву, отечественные юристы искали ценностные ориентиры преимущественно во внеправовой сфере.

У истоков этого направления в науке стоял профессор Московского университета Б.Н. Чичерин (1828–1904) и выпускник того же университета, русский религиозный философ, внук священника В.С. Соловьев (1853–1900). Чичерин был гегельянцем и его рационалистическая правовая теория

⁴⁷⁷ *Верховский П.В.* О необходимости изменить Русские Основные Законы в пользу законодательной независимости Православной Русской Церкви. Берлин, 1913. С. 3, 15.

⁴⁷⁸ *Поляков А.В.* Общая теория права. 2ое издание. М., 2016. С. 153.

основывалась на философии. Существование права, по мысли профессора, было возможно только при условии признания человека безусловной ценностью и целью, а не средством общественного развития. Другой важной предпосылкой существования права он считал свободную волю человека, которая, по его мнению, и была основной характеристикой определяющей человека разумного. Существование врожденных представлений о свободе он связывает с наличием в человеке духовного начала, которое выражается в том, что он является носителем «сознания абсолютного», обладающего свободой и предполагающее ее в других людях. Исходя из этого он дает собственное определение права как «взаимное ограничение свободы под общим законом». Тем не менее свобода не была неотчуждаемой – она становилась правом только в случае утверждения государством. Государство, по Чичерину, воплощение мировых идей - некий высший организм, который вбирает в себя частные отношения граждан.

Значение В.С. Соловьева для юридической науки того времени было обусловлено тем, что он в рамках уже собственной философской системы обосновал связь права с нравственными ценностями религии. Для Соловьева истоки права также заключаются в свободной личности человека. Право порождает самоограничение человеком собственной свободы ради свободы другого. При отрицании чужой свободы собственные притязания на нее теряют нравственные основания. Праву предшествует альтруизм: требуется признавать за другими то же право на жизнь и благополучие, какие каждым признаются за собой. В результате, Соловьев приходит к выводу, что нравственно-должное является необходимым признаком права, а несправедливые законы, идущие вразрез с нравственным понятием добра следует отменять. Вместе с тем, право не тождественно нравственности, так как нравственные требования неограниченные и всеобъемлющие, соответствуют идеалу совершенства; а правовое требование ограничено, оно требует лишь фактической минимизации конкретных проявлений зла. Право – реализация некоторого минимума добра или устранения

известного зла, поэтому оно допускает принуждение. Набор же нравственных максимум содержится в религии, по мысли Соловьева⁴⁷⁹.

Идеи Чичерина и Соловьева были развиты П.И. Новгородцевым (1866–1924). Выступая против утилитарного толкования права, он отстаивал его самостоятельное культурное значение для нравственного совершенствования общества. Целью права становится утверждение нравственного достоинства человеческой личности. Для него, личность – не средство, а цель общественного развития, а «естественное право» – совокупность нравственных требований к действующему праву. Интересно, что к концу жизни Новгородцев, пережив Революцию, разочаровался в собственной концепции и, как отметил Г.В. Мальцев, «пришел к радикальному для юриста выводу: право само по себе не в силах осуществить полное преобразование общества, правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни, но не более чем "подчиненное средство", входящее как частный элемент в общий состав нравственных сил»⁴⁸⁰. Путь Новгородцева показателен тем максимализмом и просветительским пафосом, который был свойственен отечественным юристам рубежа веков. Вместе с тем интересно и их отношение к государству, которое должно служить высшим ценностям и ко благу человечества. Если принять во внимание эти идеи, то становится понятно, почему ученые в своих программах реформ допускали альтруизм государства ради церковного и народного блага.

Иной подход предложил выпускник Московского университета, профессор Киевского и Московского университетов Е.Н. Трубецкой (1863–1920). Трубецкой – человек рубежа эпох, который переживает политические пертурбации государства, поэтому для него оказалось возможным поставить право в зависимость от авторитета государства. Правовые нормы появляются в результате взаимодействия людей, а масштаб их применения зависит, по его мнению, от авторитета сообщества, которое уполномочено требовать их выполнения. «В самом деле, совокупность норм, признаваемых государством, в коих многие

⁴⁷⁹ Поляков А.В. Общая теория права. 2ое издание. М., 2016. С. 154–160.

⁴⁸⁰ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 93.

теоретики видят синоним права вообще, обусловлены авторитетом государственной власти, церковное право – авторитетом Церкви, международное право, обусловлено авторитетом той или иной группы государств, связанных узами международного общения»⁴⁸¹. Таким образом, правовая система той или иной институции (государства, церкви и т.д.) зависит от признания ее обществом, от убежденности людей в необходимости данных норм. Нормы такого права Трубецкой считает позитивными или положительными. Положительным правом помимо государственного являются церковное и международное. Естественным правом же являются нормы, обусловленные не каким-либо внешним авторитетом, а требованием разума. Естественное право становилось совокупностью тех нравственных норм, в которых любой авторитет, любая власть, позитивное право находит оправдание.

Интересно, как Трубецкой решает проблемы необходимости признания юридических лиц. Для существования юридических лиц необходимы цель, имущество, члены организации, а также признание внешним авторитетом. Важно обратить внимание, что Трубецкой не считает признание юридического лица именно государством единственным условием его существования: «С точки зрения узко официальной теории права для бытия юридического лица требуется признание со стороны подлежащей государственной власти. Нетрудно убедиться, однако, что это неверно. Прежде всего само государство является юридическим лицом, очевидно, не потому что оно само себя признает за такое, а в силу признания со стороны его подданных – того народа, который входит в состав данного государства»⁴⁸².

Юридические лица Трубецкой разделяет на две категории: публично-правовые и частно-правовые⁴⁸³. К частно-правовым организациям Трубецкой

⁴⁸¹ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1916. С. 20.

⁴⁸² Там же. С. 185.

⁴⁸³ Современное российское законодательство предполагает наличие только таких публично-правовых организаций, которым делегированы властные полномочия учредителя в специальной части: определенная государственная задача, требующая отдельной профессиональной разработки. Это, собственно, юридическое лицо «Российская федерация», а также учрежденные ею Банк России, Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования,

относит те, которые преследуют частные интересы своих членов, клиентов (например, банки). В то время, как публично-правовые юридические лица имеют цели «публичные» в значении «общественные»: «Существенное отличие юридических лиц, зиждущихся на началах публичного права, состоит в том, что они преследуют цели общественные, публичные <...> Общественные цели, которым служат юридические лица отличаются от частных целей отдельных лиц большим постоянством, продолжительностью; они характеризуются большей независимостью от тех частных лиц, которые входят в состав юридических лиц»⁴⁸⁴. Примерами, таких юридических лиц Трубецкой считает Церковь, сословия, университет и, в этом же ряду, государство. В целом, теоретические выкладки Трубецкого открывали новые перспективы для юридического оформления церкви как института равного государству.

Естественный подход по-своему разделял и С.А. Котляревский (1873-1939). Он придерживался распространенного определения правового государства как государства, стремящегося к самоограничению и поддерживающего режим верховенства права. При этом как и другие юристы-идеалисты он считал, что правовое государство – это метафизическая идея укорененная в человеческом духе. Одной из первых форм правового государства он считал библейскую теократию древних иудеев, власть правителей которых была ограничена Богом, что давало некоторую меру свободы людям⁴⁸⁵. Вместе с тем Котляревский признает, что теократический идеал «религиозного государства» в широком смысле не состоятелен в исторической перспективе и не актуален для современности по двум причинам. Во-первых, в этом случае государство получает не свойственные ему функции и религиозные верований – личное пространство становится областью государственного принуждения. Кроме юридической ученой степени Котляревский получил и докторскую по Всеобщей

Фонд обязательного медицинского страхования. Не следует переносить такое толкование на правовую ситуацию начала XX в.

⁴⁸⁴ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1916. С. 187–188.

⁴⁸⁵ Кроткова Н.В. Теоретические конструкции правового государства в учении С.А. Котляревского // право и управление. 2002. № 7. С. 76–77.

истории. В истории он находит примеры того, как переменчивы могут быть религиозные симпатии власти и соответственно их позиция относительно тех или иных конфессий. Во-вторых, теократическое государство легко создать на почве мифологических конкретных представлений о связи земного и небесного, что принижает истинное значение религии. Котляревский подчеркивает негативные черты государства, которые неизбежно оказываются ему свойственны в силу природы этого общественного явления: «Оно не только всецело принадлежит миру временного, но, как мы видели, неизбежно отражает самые теньевые его стороны. Оно неразрывно связано с принуждением и насилием, которые вытекают из стихии силы, составляющей его основное ядро; оно в самых высших своих формах рассчитано на несовершенство человеческой природы»⁴⁸⁶. В связи с этим он выделяет «прагматическую ценность религии», которая дает народам «благодетельные стимулы» в их «шествии по столь тернистому пути истории»⁴⁸⁷. Прагматическая ценность для Котляревского - это уже презумпция истинности. Можно предположить, что этот прагматизм по отношению к религии позволил Котляревскому в своей деятельности сочетать такие разные объединения: политические организации – партии и министерство Временного правительства, членство в масонской ложе «Возрождение» и в религиозно-философских собраниях памяти В.С. Соловьева, а еще Предсоборный совет и Поместный собор.

Февральская революция создала уникальную правотворческую ситуацию, когда появилась возможность применить теории на юридической практике в масштабе как государства, так и Церкви. Вместе с тем сделала неактуальными предыдущие предложенные учеными юридические стратегии: в стране изменилась форма правления, а вместе с тем и отношение к власти – она теперь окончательно порывала с сакральными обоснованиями власти царя - помазанника Божия и «верховного ктитора» Церкви. Например, для «поправевшего» С.Н. Булгакова – сторонника теократии – революция стала трагическим переживанием, запускавшим череду вопросов об идейных ориентирах: «Революцию я пережил

⁴⁸⁶ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 413–414.

⁴⁸⁷ Там же. С. 416.

трагически, как гибель того, что было для меня самым дорогим, сладким, радостным в русской жизни, как гибель любви <...> Я любил Царя, хотел Россию только с царем, и без Царя Россия была для меня и не Россия <...> к чему теперь и победа без Царя? Зачем же нам Царьград, когда нет Царя? Ведь для Царя приличествует Царьград, он был тот первосвященник, который мог войти в этот алтарь, он и только он один. И мысль о том, что в Царьград может войти Временное правительство с Керенским, Милюковым, была для меня так отвратительна, что я чувствовал в сердце холодную, мертвящую пустоту»⁴⁸⁸.

Вместе с тем следует понимать, что одно дело – абстрактная правовая теория, публицистические заявления или личные убеждения, а другое – реальная политика: юридические проекты, властные решения, которые имеют (или не имеют) конкретные последствия для Церкви. Как отметил Н.Н. Фиолетов в публицистической брошюре о церкви и государстве: «Необходимость различения и разделения государства и Церкви последовательно вытекает <...> из самого понятия, из существа христианской религии и заветов ее Основателя. Но, являясь обществом особенным и своеобразным, Церковь в ее исторической действительности все же не может не вступить в то или иное соприкосновение, в то или иное взаимоотношение с государством»⁴⁸⁹. Объективно, церковному сообществу пришлось бы, словами апостола Павла, «выйти из мира», если бы оно порывало бы со всеми связями с государством или добиваться церковного суверенитета на территории государства в ущерб верховенства его права, что бы означало, что Церковь берет на себя функции государства и это не могло бы не изменить природу ее земных институций. Баланс церковных и государственных интересов на территории государства – как раз предмет дискуссий этого времени.

К.В. Ковырзин убедительно показывает, что основой официальной церковной позиции, проработанной в Предсоборном совете и на Поместном

⁴⁸⁸ Булгаков С. прот. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 44.

⁴⁸⁹ Фиолетов Н.Н. Государство и Церковь. М., 1917. С. 5.

соборе, стал проект П.В. Верховского главы «о вере» будущей конституции⁴⁹⁰. Проект был опубликован в печатном издании Общества духовного просвещения – «Московский церковный голос» 28 мая и 31 мая 1917 г.⁴⁹¹ Верховской продолжал призывать к изменению Основных государственных законов и юридическому закреплению прав Церкви. Проанализировав опыт европейских государств, он указывал на примеры того, что во многих странах при отделении церкви от государства было сохранено особое отношение к одной из культуuroобразующих религий. Он приводил примеры Болгарии, Сербии, Черногории, Испании, Италии, Португалии, Дании, Норвегии, Швеции и других стран, в которых одна их христианских конфессий является господствующей. В России, где 114 из 117 млн. человек считали себя православными, он видел объективную необходимость сохранения связи Церкви и государства и обоснование государственной поддержки православной Церкви как религии подавляющего большинства населения. В итоге Верховской выделяет три ключевых положения:

- Требование немедленного объявления и последовательного проведения свободы исповеданий и культов;
- Все церкви и религиозные сообщества должны быть признаны институтами или корпорациями публично-правового характера, которым государство оказывает материальную поддержку;
- Первенство православия среди религий конституционной России, как Церкви большинства⁴⁹².

Весь проект конституции состоял из 21 статьи: статьи 1–8 определяли свободу совести, 9–15 – свободу культов, 16–21 – отношение к религиям со стороны государства⁴⁹³. Документ уже был прекрасно проанализирован К.В.

⁴⁹⁰ Ковырзин К.В. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.). Диссертация ... к.и.н. М., 2010. С. 105.

⁴⁹¹ Верховский П.В. Проект отдела «о вере» в будущей конституции России // Московский церковный голос. 1917. № 8. С. 1–2; № 9. С. 1–2.

⁴⁹² Там же. № 8. С. 12.

⁴⁹³ Там же. № 9. С. 1–2.

Ковырзиным. Только лишь следует дополнить, акцентировать внимание на том, как эти тезисы – результат научных исследований – становятся частью массового церковного сознания. Весной 1917 г. по стране прошел ряд епархиальных съездов. 21–25 марта состоялся съезд духовенства и мирян Екатеринославской епархии, в котором активное участие принял П.В. Верховской и, соответственно, его идеи получили утверждение собрания одной из епархий. Кроме того, материалы работы этого собрания были отпечатаны в количестве 3000 экземпляров и разосланы по епархиям и таким образом повлияли на позицию других епархиальных съездов. К.В. Ковырзин подсчитал, что еще до июньского съезда духовенства и мирян в Москве съезды 31 епархий высказались против отделения Церкви от государства, как за сохранение сотрудничества с государством и против признания религии частным делом граждан. Резолюции приходских собраний в адрес Поместного собора также подтверждают, что были восприняты идеи культурного сотрудничества с государством в деле образования, мысль о необходимости финансовой государственной поддержке при сохранении автономности церковного самоуправления и юридическом оформлении церкви как публично-правового института, а не частного учреждения. Как справедливо резюмировал К.В. Ковырзин: «Это свидетельствует о том, что в целом, идеи и практические предложения П.В. Верховского соответствовали воззрениям большей части клира и мирян весной-летом 1917 г.»⁴⁹⁴

Вместе с тем, следует заметить, что данный эпизод иллюстрирует процесс, когда в результате активной публицистической и представительской работы профессоров и конкретно П.В. Верховского еще до Поместного собора прошла массовая церковная рецепция на местах части научных правовых идей и задан конкретный дискурс, в котором будет развиваться дальнейшее обсуждение церковно-государственных взаимоотношений и юридического статуса Церкви. Собственно, как иначе широкая провинциальная публика могла бы

⁴⁹⁴ Ковырзин К.В. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.). Диссертация ... к.и.н. М., 2010. С. 111–113.

сформулировать то, что являлось предметом обсуждения узкого круга университетских и академических интеллектуалов.

Далее авторитет проекта Верховского был упрочен на Всероссийском съезде духовенства и мирян и Предсоборном совете, открытых в Петрограде и Москве параллельно в июне 1917 г. Если основные положения Верховского и здесь были приняты большинством с некоторыми редакционными правками, то частные вопросы о конфессиональной принадлежности первых лиц государства, о регистрации брака и бракоразводного процесса, в которых интересы церкви соприкасались с областью права (например, имущественного), которое регулирует государство, вызывали дискуссии⁴⁹⁵.

Меньшинство при этом отстаивало полную церковную независимость, указывая на то, что формы государственного управления меняются и не могут быть выше, чем-то определяющим для Церкви, установленной Богом. Позиция для того церковного сознания, недавно чтившего царя как помазанника Божьего и апеллировавшего к его законодательной воле в церковных делах, прямо скажем, революционная. Н. Д. Кузнецов заявлял на заседаниях профильного отдела Совета: «Суверенитет Государства не безграничен. Он кончается там, где начинается свобода совести. Церковь приобрела независимость в своих внутренних делах не благодаря милостивому признанию своих прав Государством, а благодаря крови мучеников»⁴⁹⁶. На возможность изменения политической обстановки и необходимость выстраивать собственную церковную стратегию, независимую от целей и наличия поддержки государства указывал В.З. Завитневич: «Повторяю, нам нужно стать на свои собственные ноги. Если государство не согласится с церковными постановлениями о браке, мы должны ввести свою строгую дисциплину и с ее помощью проводить эти постановления в

⁴⁹⁵ Ковырзин К.В. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.). Диссертация ... к.и.н. М., 2010. С. 126.

⁴⁹⁶ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т. 1. Кн. 2. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определяющие порядок созыва и проведения Собора / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2012. С. 818.

жизнь, не смущаясь тем, что из этого, быть может, многие уйдут из Церкви. Наоборот, мне кажется, что для преуспевания церковной жизни нужно очистить Церковь от лишних, только числящихся в ней элементов»⁴⁹⁷.

Параллельно с Предсоборным советом на IX съезде конституционно-демократической партии 23–28 июля 1917 г., члены которой составляли основу Временного правительства, были внесены коррективы в программу партии относительно церковно-государственных отношений. Эта часть готовилась участником комиссии 1906 г. профессором П.И. Новгородцевым, которому по свидетельству А.В. Карташева сообщал сведения о решениях Предсоборного совета коллега по университету С.А. Котляревский⁴⁹⁸. Он участвовал в работе Совета как директор департамента иностранных исповеданий. Кроме того, участникам съезда были известны итоги, состоявшегося ранее представительного съезда духовенства и мирян. В результате, именно учеными Верховским, Карташевым, Котляревский и Новгородцевым, их личной включенностью в процессы подготовки решений, было обеспечено единство в главных положениях политики Временного правительства, программы ведущей политической партии и официального церковного органа, готовившего документы для Собора, представлений церковного сообщества в целом. На другом полюсе были социалистические партии, готовые провозгласить религию частным делом граждан и лишить Церковь юридической и финансовой поддержки. Вместе с тем, это выявляет высокий авторитет юристов – профессоров в обществе в этот период: именно им были делегированы соответствующие посты во Временном правительстве, функции экспертов в церковных и политических объединениях.

Предсоборный совет, церковная политика Временного правительства в целом была направлена на созыв собора, который бы осуществил рецепцию

⁴⁹⁷ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т. 1. Кн. 2. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определяющие порядок созыва и проведения Собора / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2012. С. 818.

⁴⁹⁸ *Карташев А.В.* Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии : Сборник / [Редкол.: протоиерей В. Чаплин и др.; Предисл. И. Соловьева]. М., 1995. С. 22.

предлагаемых стратегий. А далее право решения в части церковно-государственного сотрудничества и будущего юридического статуса церкви по букве закона принадлежало Учредительному собранию. Можно согласиться с тем, что будет правильно говорить «не о церковно-государственных отношениях, а о государственной церковной политике, ее восприятии в церковной среде, а также участии церковной общественности, активной части духовенства и мирян в обсуждении вопросов церковной реформы и формировании проводимой Временным правительством церковной политики»⁴⁹⁹. Однако это актуально для периода весны – начала осени 1917 г. в контексте взаимодействия Собора с Временным правительством.

Вопросы юридического статуса церкви на Соборе обсуждались в отделе «О правовом положении церкви». Работу отдела возглавил архиепископ Арсений (Стадницкий) (1862–1936), сын сельского священника, прошедший традиционный путь «ученого монаха». Архиепископ Арсений был рукоположен во епископа в 1899 г. Помимо церковно-административного опыта управления Московской духовной академией, епархиями, Учебным комитетом, присутствия в Синоде, дававших достаточно разностороннее представление о действительном положении Церкви, правовом и хозяйственном, владыка был доктором церковной истории и таким образом мог оценить те или иные проблемы современности в исторической перспективе. Вместе с тем у него был редкий для высшей иерархии опыт политической деятельности – он был членом Государственного совета (1907), работал с партийными деятелями. Как показывает, например, А.Ф. Ильяшенко на материале дневников епископа, участие в политических мероприятиях запустило процесс осмысления Стадницким его места в государственной системе, как архиерея Русской Православной Церкви, меры ее допустимого включения в политику. Сам владыка заметил на приглашение вступить в партию социал-демократов, что он принадлежит «к партии Христа»,

⁴⁹⁹ Ковырзин К.В. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.). Диссертация ... к.и.н. М., 2010. С. 38.

т.е. считал, что Церковь должна быть вне политики. Несмотря на то, что печать причисляла архиерея к черносотенцам, сам он не ощущал общности с ними и не одобрял методы их работы, не поддерживал он и церковно-политические акции, связанные, например, с освящением партийных знамен или размещением их в храме. Вместе с тем и прозвание «кадетом» от собратьев-архиереев, т.е. ассоциация с либеральным движением, также его задевало. Владыка считал, что не следует смешивать священное и партийность. При этом он не отказывался от участия в Государственном совете и даже предлагал меры для преодоления неопределенности положения епископа в нем, путем включения его в Синод и освобождения от епархиальных обязанностей, таким образом внепартийное состояние, по его мнению, не исключало возможность представительства Церкви во властных структурах⁵⁰⁰. Мудрость и такт владыки были оценены: он был избран председателем профильного отдела на Соборе. А это обеспечивало преемственность работы как с Предсоборным советом, где он возглавлял аналогичный отдел, так и с недавними проектами уходящей Синодальной эпохи.

В связи с тем, что П.В. Верховской не смог участвовать в работе Поместного собора, дальнейшее продвижение в общем-то его проекта осуществлялось другими специалистами. Доклад о работе Предсоборного совета был сделан профессором Киевской духовной академии Ф.И. Мищенко 5 сентября, на втором заседании отдела. Мищенко выступал с позиции большинства Совета: «Предсоборный совет в своих работах <...> стал на ту точку зрения, по которой должен быть проведен принцип освобождения, а не отделения Церкви от государства», т.е. отделение подразумевало освобождение управления церковью от государственного вмешательства. «Свободная Церковь в правовом государстве – вот лозунг, которым руководствовался Предсоборный совет», – обозначил он. Обоснованием юридической поддержки для соборян служило представление о религиозной принадлежности подавляющего большинства населения: «В России,

⁵⁰⁰ *Ильяшенко А.Ф.* Проблема реформ в Русской Православной Церкви в начале XX века по личным материалам митрополита Арсения (Стадницкого). Квалификационная работа магистра. М., 2022. (б.м.) С. 124–126.

где до 120 миллионов жителей принадлежат к христианскому исповеданию нет в наличии тех обстоятельств, которые на Западе вызвали в известных государствах отделение Церкви от государства»⁵⁰¹. А также убеждение, что будущее государство обязательно будет правовым. На следующем заседании 8 сентября профессор А.Ф. Одарченко заметил, что «правовое государство может легко ужиться с Православной Церковью» и более того, так как оно является "продуктом христианской мысли", то не следует ждать гонений»⁵⁰².

В заседаниях отдела участвовал министр исповеданий А.В. Карташев, которому необходимо было найти баланс между церковным собором и государственной политикой снова. В отделе, он выступал от имени церковного сообщества и призывал к сотрудничеству с государством как политической системой в целях сохранения широких возможностей для работы с гражданами: «Мы храним связи с государством не во имя рабства Церкви, а во имя русского народа. Уводить Церковь из государства – значит подрывать силу влияния Церкви на народ. "Господствующее" положение Церкви мы уступили, но те позиции, которые занимает Церковь, мы не будем подрывать, ибо объявить разрыв с государством – значит нанести ущерб Церкви: где разрыв там максимум автономии, но и в то же время минимум помощи»⁵⁰³. Такой призыв всегда соседствовал с опасением соборян создать условия для вмешательства государства в церковные дела. Например, даже Е.Н. Трубецкой, который горячо поддерживал сохранение связей с государством тут же предупреждал, что «всякая привилегия для Церкви таит в себе опасность для Церкви. Государство не дает привилегий даром. Получая привилегии, Церковь дает основание для вмешательства в свои дела государству»⁵⁰⁴. А значит, это требовало установления некоторых принципов работы Церкви с различными политическими институтами,

⁵⁰¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 63.

⁵⁰² Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 70.

⁵⁰³ Там же. С. 82.

⁵⁰⁴ Там же. С. 132.

что максимально интересовало пленарное заседание. Уже неоднократно указывалась связь повестки соборных заседаний с политической ситуацией в стране. Интересно сопоставить динамику тем соборных дискуссий с внутривнутриполитическими событиями.

Первые две недели работы общего совещания собора были преимущественно посвящены организационным вопросам, торжествам и приветствиям. Однако далее последовала быстрая радикализация политической ситуации. 25 августа (7 сентября) 1917 г. стало началом Корниловского выступления и нового кризиса высшей власти. 29 августа (11 сентября) в праздник Усекновения честной главы Иоанна Предтечи (неприсутственный день для соборян) было опубликовано в газетах обращение военного губернатора Петрограда Б.В. Савинкова, в котором выступление Корнилова было названо мятежом против Временного правительства и революции. В следующие три дня 30 августа – 1 сентября (12-14 сентября) проходили закрытые пленарные заседания, в которых соборяне обсуждали, как и надо ли Церкви выразить какое-либо отношение к этому. 31 августа соборянами был отслужен молебен об умиротворении родины, а также составлена телеграмма к Временному правительству, в которой призывает «победителей щадить жизнь побежденных, ибо никакой кровавой мести не должно быть в настоящей тяжелой междоусобице»⁵⁰⁵, а позже обращение к нему же.

2 (15) сентября генерал Л. Корнилов был арестован, а большевики провозглашают отказ от коалиционной тактики и возврат к лозунгу «Вся власть Советам», что открывает новый этап политической борьбы. Для соборян приход к власти социалистов и перспектива реализации их партийной программы означало потерю желаемого публичного статуса Церкви, а с ним и финансовой поддержки государства. 3 (16) сентября было воскресенье, а следом 21 сентября праздновали Рождество Пресвятой Богородицы, 27 сентября – Воздвижение Креста Господня. 26 сентября (9 октября) вспоминалось преставление апостола

⁵⁰⁵ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2015. С. 168.

Иоанна Богослова. Очевидно, что богослужebные дни прерывали работу общего совещания. В это время А. Керенский сформировал третье коалиционное правительство. Изменение состава правительства в пользу социалистов, приближение выборов в Учредительное собрание снова сделали актуальными вопросы об отношении Церкви к последним событиям.

27 сентября (10 октября) на 19-ом планарном заседании соборяне заслушали поступившее в Собор ходатайство от Глазовского уезда Вятской епархии. Авторы спрашивали, «что предпринимается Собором по вопросу о выборах в учредительное собрание» и не найдет ли он возможным участие в Учредительном собрании нескольких представителей от Церкви для защиты ее интересов. Кроме того, в той же встрече поступило заявление 52 членов собора о необходимости скорейшего составления послания Собора к русскому православному народу о надлежащем исполнении гражданского долга и ответственном участии в выборах в Учредительное собрание. Соборный совет предложил признать этот вопрос «неподлежащим ведению Собора» в виду состоявшегося постановления Собора 20 сентября⁵⁰⁶.

Это запустило обсуждение. Показательно выступление прот. А.М. Станиславского, который в уже привычной синодальной логике предложил составлять по епархиям списки для голосования. В обсуждение было внесено и немало впечатлений от действий большевиков, эмоций. Например, владыка Евлогий (Георгиевский) рассказывал о кощунственном отношении к церковным святыням большевиков в его епархии. Именно профессора в отличии от других церковных групп выступили за необходимость выяснения принципов отношения к политическим выступлениям, политической программы, прежде чем переходить к каким-либо действиям. Они выступили за актуализацию церковного учения о государстве и аргументированные решения собора.

Профессор Б.В. Титлинов прямо указал: «Понятие верующий не имеет никакого политического содержания». Если делать политическое выступление, то

⁵⁰⁶ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2015. С. 272–273.

следует по его мысли выработать программу христианской политики и объяснить политическое содержание слов «верующий», «православный», обдумать все политические лозунги, но такой программы еще нет. «У собора нет базиса для политической программы, и выступление это было бы немыслимо», т.е. Церковь как собрание людей, которые могут иметь разные политические убеждения, не может выработать какой-то особой политической программы, которая бы всех устроила. По мнению Титлинова, следовало согласиться с предложением Соборного совета воздержаться от выступления Собора по поводу выборов в Учредительное собрание⁵⁰⁷.

Иначе предложил действовать П.П. Кудрявцев. Он считал возможным для Церкви указать на духовную перспективу любого мирского проекта. «Я затрудняюсь указать область, куда бы не могла вступить Церковь со своим руководством. Если бы даже взять какую-либо техническую часть, например, осветительную или телефонную, то и здесь Церковь может сказать свое слово: делайте свое дело по-Божески. То же нужно сказать и на счет политики, но только это дело сложнее и глубже». В конкретных действиях же это должно было выражаться в призыве людей верующих выбирать своими представителями таких, кто бы отстаивал ценность религии для жизни государства: «Собор должен высказаться, призвать православный народ со всей серьезностью отнестись к своему делу. Он должен напомнить, что христианин, если он не хочет уйти, если не во внешнюю, то во внутреннюю пустыню, должен исполнить свой гражданский долг со всей серьезностью. С другой стороны, Собор должен сказать, что христианин может голосовать за людей какой угодно партии, но должен помнить, что религия и Церковь Православная – такое сокровище, выше которого нет и не может быть и которого отнимать у людей нельзя. Выбирайте таких лиц, которые понимают это. Если же вступить на путь рекомендации Церковью не лиц, а списков, тогда нужно будет позаботиться Церкви о создании определенной

⁵⁰⁷ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2015. С. 277–278.

политической программы»⁵⁰⁸. Кудрявцева поддержал Е.Н. Трубецкой: «Собор, как выразитель голоса Церкви, не может становиться на партийную точку зрения, и, во-вторых, что он не может пройти мимо политики. Доселе Собор умел находить средний царский путь и мог высказаться по животрепещущим вопросам, не вступая на партийный путь. Собор мог бы обратиться с воззванием к народу, не опираясь ни на какую политическую партию и немедленно сказать, что следует избирать людей, преданных Церкви и Родине»⁵⁰⁹. Таким образом в ответ на просьбу верующих решить проблему представления Церкви в учредительном собрании административным способом – добиться назначения в него церковных представителей – профессора предлагали оставить дело защиты церковных интересов именно церковному обществу.

При этом было понятно, что религиозность общества низкая. С.Н. Булгаков ссылаясь на примеры активного участия в политических событиях преподобного Сергия Радонежского, патриарха Гермогена заметил: «Конечно, мы не забыли эти заветы, но затруднение в том, что место Церкви в современном государстве не такое, какое было прежде и какое нам желательно. Учредительное собрание – это не Собор. О, если бы оно было собором и на нем было такое же молитвенное настроение, как у нас на Соборе! Когда в Англии во время революции собралось Учредительное собрание при Кромвеле, оно было проникнуто религиозными течениями и походило на молитвенное собрание. Там не только произносили речи, но и читали Евангелие. Для Церкви не безразлично, каким духом будет проникнуто Учредительное собрание. Учредительное Собрание Русской Земли может строиться не на началах партийности. Эту мысль Собор отрицает. Оно должно строиться на незыблемых религиозных основаниях, без которых государства разрушаются, а не созидаются»⁵¹⁰.

В результате дискуссии важность религиозной составляющей для политической жизни была признана собором и в связи с этим Церковь и могла, по

⁵⁰⁸ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2015. С. 282.

⁵⁰⁹ Там же. С. 283.

⁵¹⁰ Там же. С. 284.

их мысли, высказываться – с призывом к следованию христианским принципам в политике. В итоге было решено обратиться от имени Собора с посланием к православному народу об участии в выборах в Учредительное собрание. Для составления послания к народу была организована комиссия, в которую избрали архиепископа Анастасия Кишиневского, прот. Н.А. Любимова и профессоров, добившихся этого решения Е.Н. Трубецкого, П.П. Кудрявцева и С.Н. Булгакова⁵¹¹.

Другим важным эпизодом стал опыт взаимодействия церкви с Временным правительством по вопросу церковно-приходских школ. В апреле 1917 г. А. А. Мануйлов, министр народного просвещения (март–июль 1917 г.), бывший ректор Московского университета (1905–1911 гг.) выступил на Всероссийском учительском съезде с программной речью, заявив курс на системную реформу образования: «Под школьной реформой я понимаю в первую очередь демократизацию школы, т.е. применение школы к демократической России. Конкретные меры, которые мы сейчас намечаем, следующие: 1) преемственность всех ступеней школы, т.е. чтобы переход от одного типа в другой был доступен всем; 2) общедоступность школы не только формальную, но и практическую, т.е. чтобы школа близко подошла к населению и в смысле материальном и в отношении территории, т.е. чтобы определенный тип школы не был прикреплен к определенному административному центру; 3) реорганизация управления школы на выборных началах, при широком участии учителей; 4) проведение внешкольного образования при содействии правительства и на средства государства и 5) улучшение материального положения учителя»⁵¹². Летом Временное правительство предприняло меры по централизации бюджетов и управления начальным образованием. Постановлением № 78 от 20 июня 1917 г. все начальные школы, в том числе и церковно-приходские, которые финансируются государством должны были перейти в ведение государственного органа – Министерства народного просвещения: «Для действительного и

⁵¹¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1–го по 36–е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2015. С. 288.

⁵¹² Цит. по.: Педагогическая энциклопедия. В 3 т. / под ред. А. Г. Калашникова, М. С. Эпштейна. М.: Работник Просвещения, 1929. Т. 1. С. 1024.

планомерного осуществления всеобщего обучения все начальные училища, включенные в школьные сети или на которые отпускаются средства из казны на содержание их или на вознаграждение преподающим, в том числе и церковные начальные ведомства православного исповедания, а также церковно-учительские и второклассные школы передаются в ведомство Министерства народного просвещения»⁵¹³. Церковные образовательные учреждения финансировались из государственной казны и получается, что на эти средства создавали конкуренцию министерским земским школам. Постановление Временного правительства было сделано в пользу системы образования МНП. Для Церкви это означало либо утрату независимости школ, либо потерю государственного финансирования.

Святейший Синод выразил протест действиям государства и не добившись летом положительного решения Правительства обратился к высшей церковной инстанции – Поместному собору за помощью в решении проблемы. В результате, в конце сентября была сформулирована принципиальная необходимость для Церкви такие школы сохранять или создавать взамен утраченных, чтобы иметь возможность вести просветительскую деятельность. «Одна из величайших задач прихода есть просвещение населения на началах православной веры и правил церковных. Эту свою задачу приход осуществляет прежде всего чрез свою школу. В ней воспитываются православные дети школьного возраста, она является просветительным центром и для взрослого населения. Заботы прихожан о благолепии церковного богослужения не будут осуществлены, если в приходе не будет церковно-приходской школы, подготовляющей детей к чтению и пению в церкви. Никакая другая школа общего типа не может заменить приходу церковно-приходской школы»⁵¹⁴. Собор постановил просить Временное правительство отменить закон от 20 июня в части, касавшейся церковных учреждений и их

⁵¹³ Постановление Временного правительства «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» (о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения). 20 июня 1917 г. // Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 89. 25 июня. С. 1.

⁵¹⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2015. С. 300–301.

финансирования, и более того «правовое и материальное положение церковных школ, учащихся и учащихся в них, уравнивать с положением министерских и земских школ»⁵¹⁵. В будущем, после урегулирования этой проблемы тем же соборным постановлением эти школы, за исключением находившихся при монастырях, епархиальных училищах и семинариям, планировалось передать в ведение приходов. В целях улучшения качества образования в них следовало реализовать программы общеобразовательных дисциплин уровня не ниже министерских⁵¹⁶, т.е. вместо централизации школ предлагалась стандартизация качества общего образования, которая, кстати, бы усилила конкуренцию этих школ с министерскими и земскими. Собор вместо выстраивания диалога предпочел стремиться достичь максимально благоприятного для Церкви результата: сохранить и школы, и поддержку государства, считая их церковным достоянием. Временное правительство не изъявило намерения пойти навстречу соборным чаяниям.

Параллельно в Отделе о правовом положении готовили проект декларации об отношении церкви к государству. Хотя документ готовился в комиссии, но он не был принят большинством отдела и стал частным мнением С.Н. Булгакова, представленное собору. Задачей этого документа было разъяснение, как относиться церковным людям к новому политическому устройству, какова роль церкви во внеконфессиональном государстве. По мнению Булгакова, требование полного отделения церкви от государства и признание ее частным делом граждан «подобно пожеланию, чтобы солнце не светило, а огонь не согревал»⁵¹⁷. «Церковь по внутреннему закону своего бытия не может отказаться от призвания просветлять, преображать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими

⁵¹⁵ Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918. М., 1994. С. 47–50.

⁵¹⁶ Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918. М., 1994.

⁵¹⁷ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 239.

лучами»⁵¹⁸. С.Н. Булгаков считал, что в церковных интересах сформулировать собственное отношение к проблемам современности, независимо от наличия поддержки или простого благожелательного отношения государства: «Мы должны давать на вопросы современности ответы. Я думал лишь о Церкви. Как бы государство не относилось, Церковь так мыслит». «Самодержавие ранее считалось религиозно. Господствующей идеей была идея теократии. Царь - помазанник Божий. И эта-то власть ушла. Церковное сознание, получив рану, не делает попыток залечить ее. Служившие за совесть попали в трагическое положение. Церковному сознанию надо провести разделительную грань. Падение самодержавия – не политический только факт, но и религиозный: Собор как полномочный орган призван разрешить христианскую совесть»⁵¹⁹.

Обсуждение декларации об отношении Церкви к государству открыто 5 октября на 11-ом заседании отдела. Идеи Булгакова вызвали симпатии многих других профессоров. Отозвался, например, В.З. Завитневич: «Я с наслаждением выслушал декларацию, в ней, по-моему, ничего нельзя выпустить. Учредительное собрание, может быть, и не поймет. Но для церковного Собора это лучшее решение. Православие не требует особенного политического строя; оно освящает всякую форму правления – эта мысль должна быть проведена, ибо она вытекает из существа нашего взгляда на веру»⁵²⁰. Н.Н. Фиолетов считал, что декларацию следует приветствовать как «весьма знаменательный акт» и не только для Русской Церкви, но и для всей церковной вселенской полноты: «Она впервые высказывает истинный взгляд Церкви на отношение ее к государству». Недостаточно только определена автономия государственной власти, по его мнению⁵²¹.

Вместе с тем было и серьезное замечание от А.Ф. Одарченко, который указал на умозрительный характер доклада и отсутствие в нем указания на методы достижения церковной задачи – преобразование общества. «В декларации дело

⁵¹⁸ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 239.

⁵¹⁹ Там же. С. 150–151.

⁵²⁰ Там же. С. 150–151.

⁵²¹ Там же. С. 154.

представлено так: с одной стороны стоит теократия, а с другой - апокалипсический зверь, или левиафан. Между ними бездонная пропасть. Спрашивается, как Церковь может довести этого левиафана-государство до теократии? Каким путем и методом Церковь может христианизовать государство? Для меня есть единственный путь – это путь Христа и апостолов, в особенности ап[остолов] Петра и Павла. Это путь права, которым живет все цивилизованное человечество и которое не отрицают даже социалисты. Если бы С.Н. Булгаков указал на это, мы говорили бы о праве и о христианизации права. Но он, очевидно, не подразумевает этот метод, а для именно метод адекизма есть метод антихристов. На Соборе я не могу не закричать об этом»⁵²². В пленарном заседании 15 ноября, т.е. еще спустя месяц, уже после восстановления патриаршества и во время выборов в Учредительное собрание, обсуждали сначала декларацию, а потом законопроект о правовом положении церкви в государстве⁵²³. Тогда, когда, как заметил Булгаков, у всех «является сомнение на сердце, лежит тяжелая дума: да есть ли еще русская государственность и правительственная власть?»⁵²⁴

Следует отметить, что для людей, состоявшихся и заинтересованных в стабильности, политические и социальные потрясения были важной мотивацией искать решения, направленные на прекращение хаоса и стабилизацию положения. А до эскалации революционных событий – и вера в народ. Характерна запись Е.Н. Трубецкого от 1 марта 1917 г.: «Я прошел уже пятьдесят три года жизненного пути; не знаю, долго ли еще придется “ехать”, но во всяком случае - куда меньше, чем ехал. И, однако, в минуты душевной усталости, мне также порой *мучительно хочется в детскую* (здесь и далее при цитировании курсив Е. Трубецкого – ОИ), где было когда-то светло, так уютно и все было так полно любимыми и

⁵²² Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 156

⁵²³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2016. Т. 6. С. 157–166.

⁵²⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2015. С. 157.

любящими. – Вот, хотя бы в данную минуту, 1 марта 1917 года, когда я сижу у окна в Петрограде, в гостинице и прислушиваюсь то к лаю пулемета над самой крышей, под которой я живу, то к крикам “ура” революционной толпы, раздающимся на улице. – Долго еще придется ехать России, и мы не знаем, *когда и куда* доедем. Эта неизвестность мучительна. Что же такое *эта тоска по детской*, которую я испытываю? Есть ли это проявление душевной слабости? Нет. Это иное чрезвычайно сильное чувство. Это не бегство от настоящего, а искание *точки опоры для настоящего*. Настоящее темно, страшно, а главное, *неизвестно*. И вот почему хочется вспомнить это прошедшее ... *источник веры в русскую душу, святую милую и любящую*. Знаю, что многое в пережитом мною принадлежит к исчезающему и уже почти исчезнувшему дворянскому быту. Знаю и то, что на смену этому быту надвигается другая, новая Россия. Но есть и непреходящее в том прошлом. Есть бессмертная душа народа, которая – всегда одна, в какие бы формы она не облекалась»⁵²⁵.

Оптимистичная вера в лучшее будущее русской государственности, представление о революционных событиях как временных проблемах на этом пути были свойственны значительной части интеллигенции еще долго, однако она сочеталась с констатацией нарастающего безвластия и хаоса. В дневнике профессора Московского университета, историка М.М. Богословского, в записи от 12 октября 1917 г., спустя полгода после февральской революции и накануне Октябрьской, осталась запечатлена сцена встречи Совещания общественных деятелей – либеральной интеллигенции в Москве: «С основным докладом выступал П. И. Новгородцев, характеризовавший современное безвластие. Власть, как он говорил, не имеет силы, а делает только реверансы то направо, то налево. Это сравнение мне очень было по душе, так как совпадало с моим представлением о Керенском как о канатном плясуне. <...> Говорилось о "товарищах", об их темноте и бессилии, о том, что их нечего бояться, что они мираж, наваждение и болотное испарение и т. д., словом, все то же, что пишется

⁵²⁵ Трубецкой Е. Из прошлого. С 12 портретами и иллюстрациями. Вена, 19---. С. 5–6.

в каждом № "Русских ведомостей". Ничего нового никто не сказал; все было одно и то же, об одном и том же. Но каждый старался как-нибудь состричь или переострить других. Лучше всех сострил князь Евг[ений] Трубецкой, который как-то по-семейному, по-домашнему с большой теплотой утешал собравшихся и говорил, что все обернется к лучшему. <...> "А обратите внимание, – продолжал он, – среди нас кто: все умственные и культурные силы, архипастыри церкви, краса и гордость русской земли – генералы Брусилов и Рузский". При этом вся зала встала, и раздался гром аплодисментов, долго не смолкавший»⁵²⁶.

Богословский – профессиональный историк – четко и саркастично указывает на основные господствовавшие настроения: представление о слабости существующей власти, презрительное отношение к политической перспективе радикальных партий и все же некоторый оптимизм по поводу собственных возможностей. Собор казался его участникам серьезным авторитетным центром и может быть даже более значимым, чем государственные институции. Неслучайно, что на пленарном заседании собора 17 ноября тот же Е.Н. Трубецкой выступил в защиту проекта послания собора о недопустимости сепаратного мира с Германией называл его «единственным законным представительством 100-миллионного православного русского народа»⁵²⁷.

Итак, поводя итог параграфу следует подчеркнуть, что важную роль в распространение правовых идей о публично-правовом статусе Церкви, ее внутренней независимости и культурном сотрудничестве с государством стал профессор Донского университета П.В. Верховской. Он стал автором единственного проекта главы о «о вере» будущей конституции в 1917 г. Проект был опубликован в печатном издании Общества духовного просвещения – «Московский церковный голос» 28 мая и 31 мая 1917 г., а затем профессор представил его на Екатеринбургском епархиальном съезде, который издал материалы работы 3000-м тиражом. Проект Верховского стал основой решений

⁵²⁶ Богословский М.М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 385.

⁵²⁷ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2016. С. 272.

большинства епархиальных съездов, а также Московского съезда клириков и мирян летом 1917 г., и кроме того получил поддержку в Предсоборном совете, который готовил проект для рецепции на Поместном соборе. Активная деятельность профессоров и прежде всего П.В. Верховского обеспечили рецепцию церковным сообществом основных научно-правовых идей и задали дискурс для его дальнейшего обсуждения. Важным моментом для понимания проекта Верховского также является выяснение актуального тому времени содержания понятий «публично-правовой» и «корпорация». «Публично-правой статус» означал не принадлежность к государственному праву и осуществление государственной функции в какой-то определенной сфере жизни общества, а публичной – общественное значение организации. В этом смысле Церковь в теории оказывалась равной государству и пыталась достичь некоторого паритета, имея в виду и пользу для государства. Отсюда признание необходимости в государственном альтруизме и соблюдение независимости Церкви при финансовой и юридической поддержке. «Корпорация» же на тот момент являлась не синонимом слова «учреждение», «организации» или «установления», а такой организационно-правовой формой для церковной институции, которая подразумевала членство в ней всех верующих. Т.е. было найдено юридическое выражение идеи соборности, захватившей церковное общество.

4.2. Состояние церковного хозяйства и имущества в оценке соборян

Проблемами развития церковного хозяйства и закрепления имущественных прав церкви на Соборе специально занимался Отдел о церковном имуществе и хозяйстве, который начал свою работу 1 сентября 1917 г. Работу возглавил архиепископ Кишневский Анастасий (Грибановский). Его заместителями отдел выбрал П.И. Астрова и А.А. Осецкого. Важно охарактеризовать опыт хозяйственной и административной деятельности, который был в наличии у руководителей отдела.

Павел Иванович Астров (1866–1920) – практикующий юрист и общественный деятель. Астров родился в семье врача и дочери генерала, но его

дедом был сельский священник. Поиск сочетания глубокой религиозности, общественных идеалов и культуры стал некоторым лейтмотивом его жизни. Астров – выпускник гимназии – поступил в Московский университет, но не смог его закончить по состоянию здоровья и выбыл, после продолжил образование, но уже в Демидовском юридическом лицее, который окончил со степенью кандидата права в 1891 г. В практической деятельности был связан с судопроизводством: работал судебным следователем в Московских уездах, с 1906 стал членом Московского окружного суда. В 1907 г. у Астрова появилась возможность передать накопившийся опыт работы – он стал преподавателем права на высших женских курсах В.А. Полторацкой. Церковное право и религиозная философия были частью внерабочего пространства жизни: с 1904 г. в его доме был организован литературно-философский кружок, а с 1911 г. он стал председателем Комиссии по церковному праву при Московском юридическом обществе. Астров приобрел некоторую популярность, как юрист и общественный деятель: за его кандидатуру было подано 40 из 48 голосов⁵²⁸. Однако в контексте специфики профиля отдела, следует отметить, что опыта хозяйственной или финансовой деятельности у П.И. Островского не было.

Александр Александрович Осецкий (1869–1922) родился в семье священника в Бузулукском уезде Самарской губернии и получил духовное образование в губернской семинарии и затем в столичной Санкт-Петербургской академии, которую окончил в 1892 г. В том же 1892 г. началась карьера Осецкого в синодских учреждениях: от сверхштатного сотрудника канцелярии он дослужился до должности чиновника особых поручений 6-го класса при обер-прокуроре Синода (1901), а еще через десять лет возглавил работу Хозяйственного управления при Синоде (вице-директор с 1911 г. и директор с

⁵²⁸Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 29. Члены и делопроизводители Собора: библиографический словарь / под редакцией свящ. Евгения Агеева, свящ. Ильи Соловьева, прот. Александра Троицкого, С. В. Черткова. М., 2024. С. 72–73.

1912 г.)⁵²⁹. К началу Собору это уже зрелый человек 48 лет с серьезным опытом административной работы, имеющий высшее богословское образование при отсутствии юридического или экономического, которые бы соответствовали сфере его занятости. За Осецкого проголосовали 32 человека из присутствовавших 48.

Обращение к биографиям руководителей отдела показывает недостаток специальной подготовки у лиц, занимавшихся организацией работ по реформе церковного имущества и хозяйства. И это является следствием отсутствия церковных образовательных институций, где бы осуществлялась серьезная подготовка специалистов и для таких видов деятельности. В распоряжении церкви были только духовные богословские школы.

В духовных академиях разрабатывались вопросы, связанные с историей церковного хозяйства. В состав отдела вошли два профессора Казанской духовной академии, доктора церковной истории И.М. Покровский и Л.И. Писарев. Иван Михайлович Покровский (1865–1941) – ученик П.В. Знаменского и его преемник по кафедре – занимался русской церковной историей. В 1898 г. он защитил магистерскую диссертацию «Русские епархии XVI–XIX вв. Т. 1: XVI и XVII вв.», а в 1907 г. докторскую «Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года». И хотя хронологически работы отстояли далеко от современных экономических реалий, тем не менее, он действительно был специалистом в области истории церковного хозяйства и мог вполне обоснованно предлагать собранию некоторые исследовательские справки и аргументированные мнения.

Его коллега и активный участник дискуссий в отделе Леонид Иванович Писарев (1865–1920) был специалистом в области патристики и в своих научных интересах никак не связан с хозяйственными вопросами. Однако жизненная необходимость (историк был отцом 7 детей) побудила его к переезду в новый

⁵²⁹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 29. Члены и делопроизводители Собора: библиографический словарь / под редакцией свящ. Евгения Агеева, свящ. Ильи Соловьева, прот. Александра Троицкого, С. В. Черткова. М., 2024. С. 347.

большой дом, а попутно – разобраться в сложностях организации строительства, поиске денежных средств. В Казани на улице Калинина, 13 (бывшая 3-я гора) сохранился двухэтажный деревянный дом, который занимала семья профессора Л.И. Писарева в 1909–1918 гг. Дом был построен в середине XIX в., но существующим видом дом обязан Л.И. Писареву, который в 1915 г. надстроил второй этаж и пристройку к нему. Также во дворе находился раньше каменный одноэтажный флигель⁵³⁰. Такая работа требовала согласования городских служб. Писарев имел нетипичный для профессоров духовных академий опыт работы в городских структурах – он в течение 10 лет (1908–1918) был гласным Казанской городской думы. Вместе с тем выполнял обязанности председателя хозяйственно-строительного комитета академии. Историк при отсутствии исследований в области церковного хозяйства имел практические навыки решения имущественных и строительных проблем и уникальный опыт взаимодействия с профильными церковными и, что еще более важно, городскими службами.

Начало работы отдела стандартно: на втором заседании 4 сентября 1917 г. заместители главы отдела А.А. Осецкий и П.И. Астров представили доклады о современном состоянии церковного имущества и хозяйства и о работе Предсоборного совета, соответственно. Несколько неожиданно, свой доклад Осецкий, руководивший деятельностью Хозяйственного управления уже 6 лет, начал с того, что объяснил слушателям, что представленные им данные «не являются систематизированными и представляют собой сводку по отдельным частям хозяйства, относятся к разным годам, и добыты они по разным поводам преимущественно для обсуждения тех или иных вопросов в бюджетной Комиссии Государственной думы»⁵³¹. Выясняется, что церковное хозяйство в это время было весьма децентрализовано, а у управляющего органа нет общих статистических данных по имуществу Церкви, а значит его возможности и компетенции несколько скромнее, чем могло бы казаться.

⁵³⁰ Шишкин М. Дом Пашковского и Писарева на бывшей Третье горке // URL: <https://kazan-journal.ru/news/kazan-i-kazantsyi/dom-pashkovskogo-i-pisareva-na-byvshey-tretey-gore> (дата обращения: 10.09.2023)

⁵³¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 3.

В этой связи можно указать на недавнюю по отношению к Собору историю аренды Морским ведомством пароходов Соловецкого монастыря в начале Первой мировой войны. На начало военных действий у монастыря в собственности находилось три парохода «Соловецкий», «Михаил Архангел» и «Вера». К концу августа 1915 г. суда «Михаил Архангел» и «Вера» находились в распоряжении Морского министерства и уже обозначился конфликт монастыря и Морского министерства, не готового выполнять финансовые обязательства по аренде судов. Несмотря на это заведующий Мобилизационной частью Архангельского порта подполковник В.В. Костромитов обратился к монастырю с предложением об аренде и третьего парохода «Соловецкого» на зиму 1915–1916 гг. Настоятель монастыря уже находился на связи с Московской синодальной конторой по вопросу решения предыдущего конфликта и снова, видимо во избежание неприятностей, телеграфировал о предложении в Москву, подчеркивая финансовую выгоду для монастыря и испрашивая «на сие разрешения и благословения». В зимний период навигация в Белом море приостанавливалась, однако в этот период в Архангельск приходило большое количество судов с военным грузом, поэтому лед расчищался специально закупленными ледоколами, а аренда парохода, который не приносил бы в этот период доход (не занимался перевозкой паломников), была бы выгодна монастырю. Со своей стороны, Морскому министерству было важно иметь в своем распоряжении «Соловецкий», как самый быстрый из пароходов монастыря, который можно было привлекать к разным оперативным задачам. Показательно, что Синодская контора поддерживала монастырь в его стремлении получить доход с военных операций, слабо участвовала в решении возникших юридических и межведомственных конфликтах, предоставляя монастырю самостоятельно их улаживать, но вместе с тем предлагая те или иные юридические решения, указывало как на правовую сторону, так и учитывало государственный интерес: необходимость поддержки

Морского ведомства в период военных действий⁵³². Этот эпизод показывает значительную автономность от центральных синодских учреждений развитого монастырского хозяйства и одновременно отсутствие внутренней качественной юридической поддержки, уязвимость по отношению к интересам государственных учреждений, нежелание центральной церковной организации включаться в проблемы регионального учреждения.

Осецкий, привлекая данные кроме собственных синодских от страховых компаний, комиссий Государственной думы представил отделу доклад, в котором дал общую оценку **потенциала** церковного хозяйства. Докладчик разделил церковное имущество на три разряда по типу капитала: земля, строения и финансовый капитал. Одновременно, характеризуя каждый из них разделил имущество по типу церковных учреждений, в пользовании и непосредственном ведении которых оно находилось: синодское, монастырей и архиерейских домов, причтов, приходских церквей. Осецкий представил цифры, в которых с аккуратностью до копейки подсчитаны церковные ресурсы. Важно отметить, что за недостатком актуальных статистических данных были взяты (оценка церковных строений страховыми компаниями, объемы финансового капитала) по данным 1910–1914 гг. т.е. до начала Первой мировой войны и инфляции в империи. Таким образом, представленная картинка не столько отражает реальное благосостояние церкви, сколько ее ресурсы для развития при благоприятных условиях.

Данные представленные отделу показывают, что большая часть ресурсов принадлежала не Синоду, а епархиям и местным церковным организациям. Например, синодская недвижимость располагалась преимущественно в Петербурге и Москве и была оценена только в 300 772 р. При этом церковные строения в 1912 г. были оценены в 846 812 313 руб. Осецкий обратил внимание на то, что сумму надо увеличить, так как она производилась с целью уплаты

⁵³² См.: Сингх С. Имущественный спор между Морским министерством и Соловецким монастырем: пароход «Соловецкий», 1915–1917 гг. // Соловецкое море. Архангельск; М., 2020. С. 78–86; 2021. С. 114–118.

пониженных страховых взносов. Кроме того, в нее не вошли оценки казенных строений, используемых церковью и не подлежащих страхованию, а также имущество в Восточной Сибири – территории, на которые не распространяются законы страхования. Таким образом, стоимость недвижимости церкви составляла не менее 847 млн. руб. А с учетом инфляции сумма должна была бы вырасти.

Сложнее посчитать стоимость земли, однако соборьянам были представлены данные о ее количестве и качестве. Суммарно, это не менее 2212 тыс. дес. Цифра Осецкого сопоставима с оценкой объема всех церковных земель И.К. Смолича – 2360 тыс. дес.⁵³³ Исходя из доклада соборьян, большая часть земли 1410 тыс. дес. принадлежала причтам. Эта цифра условная и была получена из математических расчетов: исходя из расчетов земли по количеству причта и храмов, при основе для расчетов меньшего размера надела (33 десятины на причт). В реальности, по мнению Осецкого она должна быть больше и составлять около 2 000 000 десятин. Но даже при условии заниженного расчета, получалось, что приходам принадлежит в 1,76 раза больше, чем архиерейским домам и монастырям. По земле, находящейся в ведении этих организаций, была уже более подробная раскладка. Получалось, что из 802 тыс. дес. земля, которую невозможно использовать без дополнительной обработки в тех или иных хозяйственных целях – овраги и болота – занимали только 108 тыс. дес. (5% от всей принадлежащей церкви земли). И хотя хорошая пахотная земля составляла только 179 тыс. дес. (8% от всей земли), это не означает, что при надлежащем хозяйствовании иное не могло бы стать источником собственного церковного дохода: лес, луга и даже водные пространства. Впрочем, данных об использовании земельных угодий Осецкий не представил отделу.

⁵³³ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 гг. // URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/439971/> (Дата обращения: 31.05.2024).



Рис. 7. Распределение церковной земли по качеству и характеру использования, тыс. десятин

Гораздо более подробными были данные по финансовому капиталу, хотя и с данными 1912–1914 по ценным бумагам. Осецкий оценил церковные капиталы в сумму не менее 296 млн. руб. Из них опять же Синоду была подконтрольна меньшая часть, только 16 % – 46,5 млн. руб., т.е. те деньги, которые входили в смету общецерковных доходов и расходов Хозяйственного и Духовно-учебного управления. Большая же часть ресурсов была сосредоточена в епархиях, монастырях и приходских церквях – в сумме 66%.

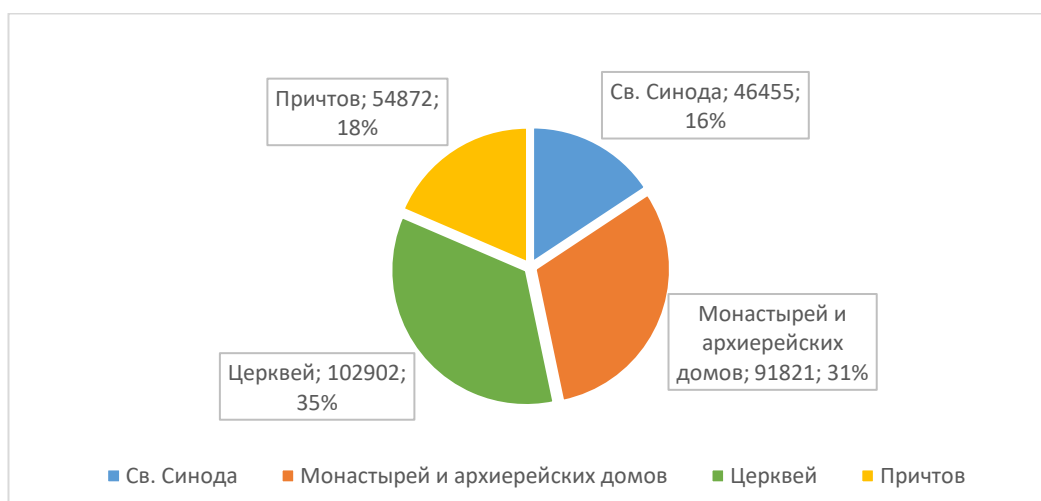


Рис. 8. Распорядители церковных капиталов, тыс. руб.

Порядок цифр, приведенных Осецким, совпадает более или менее с данными исследователей. По данным И.К. Смолича капиталы приходов, клира,

монастырей, архиерейских домов к 1914 г. составлял сумму в 184 млн. руб.⁵³⁴ Современный исследователь В.В. Морозан оценивает капиталы монастырей и архиерейских домов в начале XX в. в сумму более 103 млн. руб., а весь капитал церкви вместе с государственными субсидиями доступный ей ежегодно в этот период – более 200 млн. рублей⁵³⁵.

Для сравнения интересно воспользоваться данными о балансе десяти крупнейших коммерческих банков России, приведенными Ю.А. Петровым. Итак, три крупнейших банка: Русско-Азиатский – баланс к 1914 г. 834,9 млн. руб., Русский для внешней торговли – 628,4 млн. и Международный – 617,5 млн. Финансовый оборот средств Церкви был сопоставим с банками, замыкающими десятку: 9-ое место – Купеческий с 279,5 млн. руб. и 10-ое место – Коммерческий банк в Варшаве 217, 4 млн. руб. Всего к началу Первой мировой войны в стране насчитывалось 50 акционерных банков коммерческого кредита с 778 отделениями⁵³⁶.

Подробно Осецкий остановился на характеристике источников годового бюджета региональных церковных учреждений. Характерно, что средства, полученные на монастыри и архиерейские дома из государственного казначейства, составили 1074 тыс. руб. – 1 % от всех средств. В докладе таким образом была подчеркнута предельно низкая поддержка государством церкви. 72 % имущества хранилось в ценных бумагах и, следовательно, были максимально подвержены финансовому риску в условиях военного времени. Более надежные вещи: доход от производства, коммерческой деятельности составил 22%, в то время как различные пожертвования и сборы 5 %.

⁵³⁴ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 гг. // URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/439971/> (Дата обращения: 31.05.2024).

⁵³⁵ Морозан В. Экономическое положение Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX вв. // Нестор. 2000 г. № 1. С. 239–262.

⁵³⁶ Петров Ю.А. Коммерческие банки и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX века // Экономическая история. 2010. С. 27.

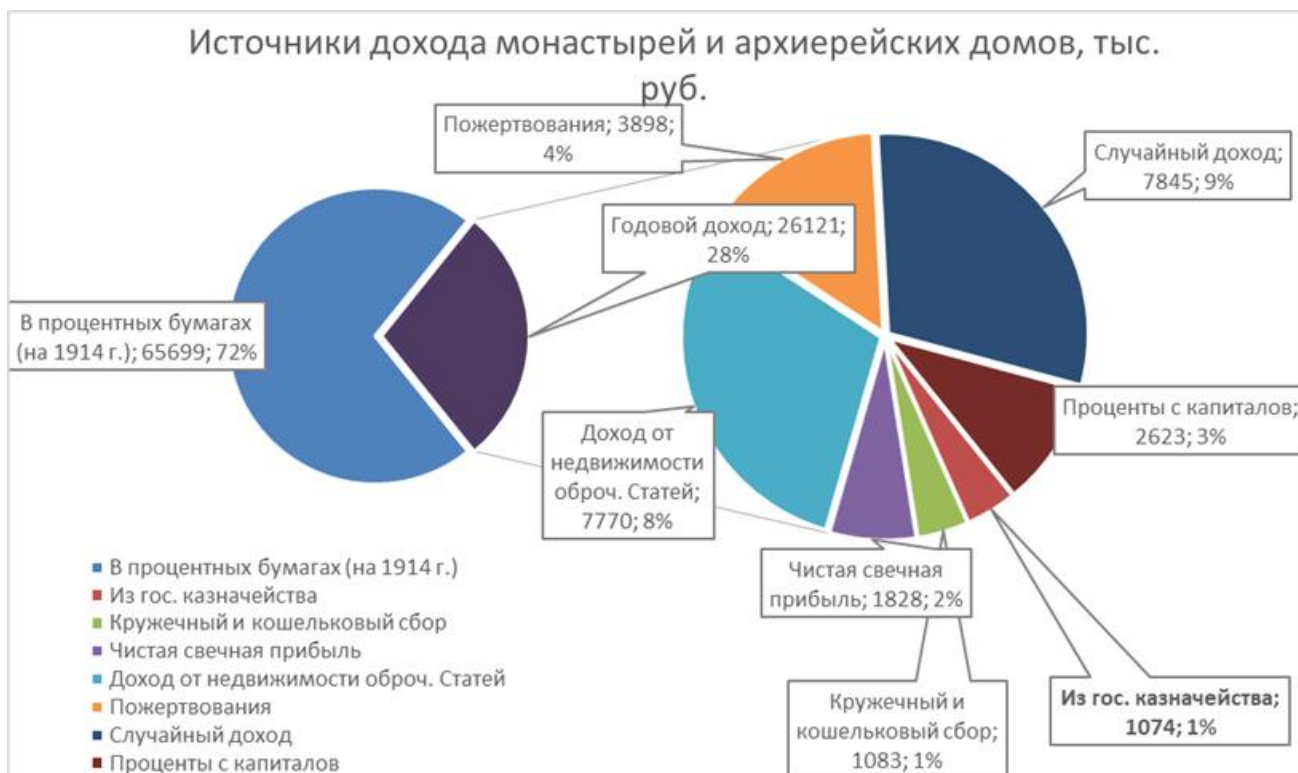


Рис. 9. Источники доходов монастырей и архиерейских домов, тыс. руб.

Доход приходских церквей практически невозможно посчитать в силу его максимальной непрозрачности. Но и здесь получается, что приходы существовали за счет пожертвований.



Рис. 10. Источники доходов приходских церквей, тыс. руб.

Осецкий приводит данные о церковных расходах, из которых следует, что средства расходуются из годового дохода – наличных средств и процентов с

ценных бумаг, доступного Церкви и практически полностью: так годовой доход монастырей и архиерейских домов 26 млн. руб., а потрачено на них же 25 млн. руб., доход церковей 39,5 млн. и расход – 38 млн. руб. Таким образом, по итогам доклада было видно, что при всех возможностях церковь едва «сводит концы с концами» и при этом очевидно и бедственное положение приходского духовенства, ряд неудовлетворенных финансовых нужд в различных сферах церковного хозяйства.

Доклад Осецкого – это набор цифр, структурированных данных. И стоит признать, что с точки зрения перспективы выстраивания работы отдела это был наиболее удачный ход. Проблемы, как и ресурсы были более или менее очевидны, но вместе с тем, начальник Хозяйственного управления не делал выводы о вине в них тех или иных церковных структур, распорядителей церковных средств в епархиях. Осецкий подчеркнул, что Хозяйственное управление Синода работало по штатам, установленным в 1872 г., при росте расходов источники доходов остаются неизменными, поэтому нет возможности сбалансировать доходы и расходы. Вместе с тем центральное хозяйство составляет только треть всего имущества, которым располагает Церковь. Проблему, как и решение, он видит «в самой конструкции церковного хозяйства»⁵³⁷.

По мнению начальника Хозяйственного управления Синода, которое он представил 23 ноября собранию из 20 человек необходима была централизация всего церковного хозяйствования с подчинением его Хозяйственному управлению. В свою очередь управление было бы дополнено новыми подразделениями для контроля имущества⁵³⁸. Получалось, своего рода церковное министерство финансов. Предложение синодских чиновников о переустройстве управляющей структуры так, чтобы она соответствовала уровню сложности организации всего регионального церковного хозяйства, было не всеми поддержано: так профессор И.М. Покровский выразил несогласие с

⁵³⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 5.

⁵³⁸ Там же. Л. 120–120 об.

предложением, представленное «Положение об управлении церковным хозяйством»⁵³⁹ было названо «гимном бюрократии»⁵⁴⁰.

Практически сразу, с начала работы отдела дискутировался вопрос об имущественных правах Церкви и субъекте прав в ней. Следует отметить, что уровень юридической подготовки членов отдела оставлял желать лучшего. Один из членов отдела Сергей Михайлович Раевский (1862–1922), юрист, управляющий последовательно казенными палатами Омска, Читы, Перми, Бессарабии и Чернигова, «перенесся в студенческие годы» и выступил 22 сентября с докладом перед отделом (присутствовало 33 человека) об основных юридических терминах и принципах, актуальных в контексте дискуссии. Доклад был подготовлен по учебнику гражданского права К.П. Победоносцева⁵⁴¹. И этот доклад был тем актуальнее, что действительно представленный материал мог быть полезным для того, чтобы члены отдела отчетливее представляли себе предмет дискуссии. Тем более, что настроение отдела можно охарактеризовать как недоверие к работе специалистов Предсоборного совета и синодским чиновникам. Примечательно, что наиболее четко оно было выражено другим чиновником из Хозяйственного правления Никифором Федоровичем Шенцем (1862– не ранее 1933) на одном из совещаний: «Ссылки на то, что предложенные Советом первый пункт основных положений (речь идет о правах церковных юридических лиц – ОИ) явился результатом длительного и усидчивого труда теоретиков и практиков юристов несколько для нас не должен быть убедительным и не должен освобождать нас от собственного труда и попытки обсуждения этого пункта с исчерпывающей полнотой»⁵⁴². Шенец не был профессиональным юристом: он закончил СПбДА, т.е. имел только высшее богословское образование. Это выступление может быть мотивировано, как внутриведомственными конфликтами, так и недостаточной юридической грамотностью, как следствием – желанием уяснить основы проектов самостоятельно и с полной ответственностью. Интересно, что и профессор,

⁵³⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 125–138 об.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 139.

⁵⁴¹ Там же. Л. 28 об.

⁵⁴² Там же. Л. 31 об.

специалист в области церковного хозяйства XVIII в. И.М. Покровский «с правовой стороны» своего предмета исследований познакомился, как он сообщил отделу, только во время работы в Предсоборном совете. Для него стало открытием, что Церковь и Синод не были собственниками церковного имущества⁵⁴³. Церковное сообщество оказалось перед необходимостью осознать разницу между церковным и государственным имуществом. Это было тем более актуально, что церковные проекты разрабатывались в условиях нестабильной политической ситуации, когда вполне вероятной была возможность, что к власти придут партии, которые запустят национализацию церковных средств. Тем более уже был создан прецедент Временным правительством, которое совсем недавно в июле 1917 г., в рамках реализации партийной программы кадетов, в одностороннем порядке передало церковно-приходские школы и их имущество, причитающийся бюджет на них в государственных расходах Министерства народного просвещения. В некотором смысле показательны выступления представителя правительства в отделе С.А. Котляревского, который в целом поддерживал начинания отдела: «Одно дело, что нас ожидает, и иное как мы сами смотрим. Собор не должен отказываться от прав на имущество: и юридические, и исторические основания требуют признания за церковью прав на имущество. Признаем это право и мы, и сегодня примем соответствующее положение. Министерство исповеданий, которое стоит между Церковью и Государством, почтет своей обязанностью и долгом поддерживать права Церкви и народа»⁵⁴⁴. Но тут же на прямой вопрос, может ли он от имени государства гарантировать выполнением им финансовых обязательств в размере 66 млн. р. по смете Духовного ведомства, включенной в этот момент еще в государственный бюджет, утвердительный ответ дать не смог: профессор указал на отсутствие возможности для составления финансового плана в силу непредсказуемости обстоятельств.

Вопрос о юридическом статусе церковного имущества разбивался на два. Во-первых, обсуждалась необходимость правовой защиты его от

⁵⁴³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 31 об.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 7 об.

государственного произвола, возможной секуляризации. Во-вторых, тут же встала проблема определения субъекта имущественных прав в Церкви, который оказался тесно связан с правом епархиальных архиереев распоряжаться им. Здесь определились несколько подходов. За сохранение имущественных прав архиереев выступил старший из профессоров и соборян вообще М.А. Остроумов. Он был убежден, что основа статуса церковного имущества в сакраментальной жизни Церкви. Исторически, для совершения Таинств был необходим вещественный материал, который и был первым имуществом Церкви. Так как церковная иерархия не сложилась в первые века и епископ был действующим лицом церковных таинств, то материальная часть жизни церкви – жертва для совершения таинств естественно подпадала под его контроль. Здесь он и видел оправдание существующей практики⁵⁴⁵.

Осецкий, исходя из некоторого административно-хозяйственного опыта, предложил другое решение, которое бы, его мнению, обеспечило бы необходимость созыва соборов в будущем через закрепление за ним статуса субъекта имущественных прав всей Церкви. Осецкий не спорит с М.А. Остроумовым, соглашается, что исторически права архиереев, возможно, формировались именно так. Другое дело, что раскрывает основание имущественной правоспособности всей Церкви. Он считал: «Это основание в самом факте существования Церкви. Христова Церковь как Богоучрежденный союз верующих в целях достижения спасения, взятая в условиях ее земного существования, имеющая объектом воздействия человечество в данный, земной, момент его бытия, есть несомненная сознательная реальность с определенными волевыми устремлениями и, как таковая реальность, связана с вещественными обстоятельствами, а потому нуждается в вещественных средствах для достижения своих, премирных целей. Вот в этом факте сознательной реальности Церкви и заключается первоисточник ее имущественной правоспособности. Заметьте: правоспособность основана на факте личного самоопределения. Мое является

⁵⁴⁵ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 10–11.

моим именно потому, что я сознаю себя собой. Если этого сознания, это самоопределения нет, то нет и собственности». Таким образом, он, обращаясь к социальной стороне бытия Церкви, призывал для достижения ее непосредственных целей в земном обществе использовать существующие, принятые в нем правила. Просто призывал полноту Церкви, не только архиереев, но священников и мирян, признать имущество своим и быть за него ответственным. В соответствии с этими потребностями при необходимости и выработать новые церковные правила – каноны, соответствовавшие бы существующим условиям: «Не стесняясь ложной канонической преемственности и тем менее, конечно, каноническим консерватизмом, мы должны не только создать каноны, но и вместе с тем и проекты новых законов, силою государственной власти утверждающих имущественную правоспособность Церкви в целом». По большому счету он предлагал взаимодействовать с существующими социальными институтами, адекватными им методами: «И если мы хотим быть понятыми этим внешним для Церкви сознанием, то должны выйти из своей канонической замкнутости, стать на платформу государственной мысли и здесь найти общий язык, не заботясь особенно о том, насколько этот язык приемлем старой канонической психологией».

Практический вывод у Осецкого следующий: Церковь в целом должна быть признана субъектом права, а Поместный собор – субъектом имущественных прав Церкви. «Таким образом самим фактом признания Поместных Соборов субъектом имущественных прав Церкви, с непременным внесением соответствующего постановления в Свод законов Российского государства будет утверждено существование Поместных Соборов в дальнейшем». «Недостатки распорядительных действий Поместного Собора, в качестве субъекта права, связанные с периодичностью его функций вообще, устранимы путем передоверия этих прав, в том или ином объеме, постоянно действующему органу церковного управления». Таким органом, по его мнению, должен был стать Синод, который надо «воцерковить» авторитетом Поместного Собора. При чем авторитет собора, держался в его представлении на миллионах верующих, что должно было

укрепить позиции Церкви перед государством. Осецкий призывал собор «твердо помнить бывшие раньше случаи государственного расхищения церковных имуществ и принять против этого все меры. Одной из таких мер и является создание закона, буква которого должна охранять неприкосновенность церковных имуществ от всякого рода покушений. <...> Нужно открыто заявить, что церковное имущество русских православных установлений есть общая собственность всей русской православной Церкви». Еще один практический вывод из формулы: в Церкви становится возможным «планомерное распределение ее материальных благ» и освобождение епископата от контроля церковных средств и хозяйственных вопросов⁵⁴⁶.

29 сентября выступил с докладом доктор церковной истории, помощник управляющего синодской канцелярией (1911–1917) Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924). Его можно считать сторонником децентрализации церковного хозяйства. По его мнению, проекты Предсоборного совета, А.А. Осецкого, редакции С.М. Раевского не приемлемы в силу того, что они стремятся «изменить существующее положение субъекта Церковной собственности “построив новую систему церковно-имущественного права”», в то время как необходима работа с самими церковными учреждениями на местах и развитие хозяйства снизу. «Эти преобразования должны идти не по пути замены субъекта церковной собственности, а по пути оживления омертвелых ныне церковных институтов, являющихся субъектами церковно-имущественных прав, и упорядочение способов церковного хозяйства».

Юридическим же основанием для формулирования позиции Церкви о статусе ее имущества с его точки зрения было понятие «жертвы». Он считал, что это создает «исключительно выгодное положение для Церкви, ибо законы всех стран и народов крепко охраняют волю жертвователя и завещателя. Указанным моментом в природе церковного имущества в значительной степени определяются все дальнейшие стадии его существования». Рункевич предложил

⁵⁴⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 12 об.–18 об.

новую формулу, поддерживающую права учреждений: «Церковное имущество есть имущество, принадлежащее церковным установлениям и обществам и предназначенное для религиозных целей»⁵⁴⁷.

Дальнейшая дискуссия развивалась уже в этом русле, победила группа, выступавшая в отделе за децентрализацию хозяйства: обсуждался список церковных учреждений, который можно было бы передать права юридических лиц. И.М. Покровский выступил против конкретизации перечня церковных учреждений, имевших бы права юридических лиц, чтобы сохранить возможности для максимально широкого круга церковно-общественных инициатив⁵⁴⁸.

Кроме правовых вопросов отдел планировал решать и практические задачи, направленные на реанимирование хозяйства Церкви. В конце сентября были утверждены подотделы: свечной с пчеловодством, страховой, о церковном банке, о виноделии, о кооперативах, финансовый, об эмеритальных кассах, о монастырском хозяйстве, статистические и типографско-издательский⁵⁴⁹. Это показательно с точки зрения заявленного масштаба работы. М.С. Кокарев в статье, посвященной разработке хозяйственных вопросов на соборе, охарактеризовал итоги работы отдела. Он выделили несколько ключевых для соборян проектов. Прежде всего для них был актуален принцип «свободной кооперации». В апреле 1918 г. отдел утвердил проект «Положения о церковной кооперации». Кооперации должны были статьи церковными хозяйственными учреждениями, которые бы занимались производством, распределением всех предметов необходимых для жизни Церкви⁵⁵⁰. Таким образом Церковь бы получала своих подрядчиков для решения собственных хозяйственных нужд и церковные средства оставались бы в ее же ведении.

⁵⁴⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 47 об.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 64.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 50.

⁵⁵⁰ *Кокарев М.С.* Вопрос церковного хозяйства в работе Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг. // Национальное культурное наследие России. Региональный аспект. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Самара, 2019. С. 177–184.

Еще с октября 1917 г. в отделе шла подготовка проекта общецерковного банка. Исследователь М.С. Кокарев отметил, что, несмотря на то, что в отделе была создана комиссия из 12 человек, основным разработчиком проекта стал князь Петр Дмитриевич Урусов, который был управляющим в Нижнем Новгороде и Ярославле Крестьянским поземельным банком, а в Самаре – Дворянским земельным банком. Очевидно, человека с аналогичным опытом из своей среды соборяне представить не смогли. А Урусову, подготовившему проект (кстати, он не сохранился) была обещана должность директора будущего банка, по сообщению его жены. Достаточно серьезная мотивация, учитывая названный объем церковного капитала. Хотя уставной капитал соборяне определили в 7,2 млн., но в перспективе надо полагать, этот пост бы вывел его на уровень управляющего банком с капиталом коммерческих банков, входивших в десятку богатейших в стране. Банк, по сути был обществом взаимного кредитования, целью которого выдача ссуд церковным учреждениям на уставную деятельность на срок от 1 года до 28 лет. Таким образом, целью банка, как следует из пояснительной записки, координация хозяйственной деятельности Церкви, а не получение прибыли⁵⁵¹. Проекты отдела были переданы в Соборный совет для подготовки к рассмотрению их в пленарных заседаниях. Однако, ситуация стремительно менялась.

Практически с самого начала было выказано недоверие соборян Хозяйственному управлению Синода и лично А.А. Осецкому, прежде всего в части статистики о доходах и расходах церковных средств. Среди подотделов собора действовал по предложению казанского профессора Л.И. Писарева статистический отдел «с целью установления всех приемов, при помощи которых ведется хозяйство»⁵⁵². 25 октября 1917 г. было принято решение о слиянии финансового и статистического отделов. Инициатором стал снова Писарев.

⁵⁵¹ Кокарев М.С. Вопрос церковного хозяйства в работе Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг. // Национальное культурное наследие России. Региональный аспект. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Самара, 2019. С. 177–184. С. 181–182.

⁵⁵² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 49 об.

Задачу он видел в проведение учета всех церковных имуществ, для чего читал необходимым познакомиться как с материалами центрального хозяйственного правления, так и с документами на местах. Выполнение этой, следует признать, весьма масштабной задачи, виделось ему в организации ревизии хозяйственного управления Синода и обращение к статистическим данным Министерства земледелия, в котором по инициативе Маклакова, как считал профессор, такие данные были собраны. Писарев вступил в конфликт с руководителем Хозяйственного управления и автором значительной части обсуждаемых проектов: «А.А. Осецкий заявил нам, что он пришел как бы в лечебницу, чтобы раскрыть раны. Но тут предлагают лечить заочно. Но можно ли лечить заочно. Подотделу необходимо выехать в Петроград и там познакомиться не с цифрами только, а с тем, как расходуются цифры»⁵⁵³.

Для того, чтобы добиться доступа к церковным финансовым документам Писареву пришлось обратиться к авторитету пленарного заседания. 8 ноября на заседании Собора было рассмотрено заявление за подписью 35 членов собора (первый из подписантов он же): предлагалось отнести к числу первостепенных вопросов, требующих обсуждения, имущественное и финансовое положение Церкви и всех ее учреждений, а также провести переучет хозяйственных и финансовых операций центральных и местных церковных организаций. И здесь же был представлен доклад отдела о церковном имуществе и хозяйстве с проектом решения по поданному заявлению. Докладчиком отдела также выступил Л.И. Писарев.

Писарев обратил внимание, что это уже повторное заявление соборян. Первое – от 20 октября (подписали 31 человек, первый – юрист В.В. Градусов) – было об образовании особого финансово-статистического отдела при соборе. Это заявление было передано в отдел, где обсудили 28 октября. Таким образом, Писарев отвечает на оба заявления. Из доклада, следует, что отдел предлагает не создавать дополнительный соборный отдел, так как в его составе уже действует

⁵⁵³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 93.

соответствующая комиссия – подотдел с аналогичным функционалом. Вместе с тем было публично запрошено право доступа к финансовым документам в центральных и местных церковных организациях. Для работы с ними было предложено утвердить комиссию в составе членов отдела: епископ Никандр (Феноменов; 1872–1933), А.В. Васильев, М.И. Арефьев, П.И. Астров, С.М. Раевский, М.А. Семенов и, собственно, Л.И. Писарев. Проект решения был утвержден в пленарном заседании и просимое получено⁵⁵⁴.

14 ноября на заседании отдела о церковном имуществе и хозяйстве Л.И. Писарев отчитался о работе финансово-статистического подотдела. Он лично составил сводную ведомость «церковной доходности», которую затем комиссия обсудила. Писарев разделил все средства по источникам дохода на три раздела: казенные суммы – 66795837 р., специальные средства – 56899532 р. и местные – 344288658 р. Всего по его расчетам у духовного ведомства должно было быть в активе 467984027 р, в т. ч. 225101947 р. в процентных бумагах. Годовой доход таким образом составлял 243000000 р. (в сумму были включены 33 млн. р. на церковные школы, которые были переданы в Министерство народного просвещения)⁵⁵⁵. С этими данными планировалось сверить расходы средств Хозяйственным управлением – провести ревизию, говоря прямо. Надо заметить, что суммы и логика распределения средств совпадали с данными А.А. Осецкого.

Комиссия представила собору доклад достаточно скоро, чуть менее месяца прошло, 7 декабря 1917 г. Комиссия, видимо, решила разделить ответственность: по вопросам выступили четыре докладчика. Первым – епископ Никандр, глава комиссии, рассказ о том, как обстоят дела с ценными бумагами. Его резюме оказалось очень эмоциональным: «Из акта видно, что Церковь владеет суммой в 46 миллионов, казалось бы на первый взгляд, достаточной, но если заглянуть в делопроизводство и осмотреть записи в книге, то приходится прийти к убеждению, что Святейший Синод, говоря по-теперешнему, просто есть

⁵⁵⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2016. С. 27–29.

⁵⁵⁵ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 118 об.

пролетарий: наличных денег нет, бумаги заложены, до 12 миллионов в Русско-Азиатском банке, а остальные тронуты и часть их израсходована, так что если ликвидировать долги, восстановив эти капиталы, то не хватит наличными до 3 млн. руб. Церкви грозит крах»⁵⁵⁶. Сложно до конца понять, связь цифр, но видимо владыка имеет в виду, что Церковь потеряла около 3 млн. в связи с недостаточно хорошим ведением операций по ценным бумагам. Надо отметить, что 3 млн. при оставшихся 43 млн., все-таки не на столько значительная потеря, чтобы говорить о финансовом «крахе» Церкви.

Следующий докладчик М.А. Семенов был более четким и корректным. Он доложил об исполнении финансовой сметы Синода на 1917 г. – о расходовании денег, поступающих из Государственного казначейства, на общецерковные нужды. В докладе было представлено, каким затруднительным было получение денег духовного ведомства, заложенных в государственном бюджете. Общая сумма сметы – 65 262 114 руб., но так как государственные структуры, которые могли бы утвердить церковную смету были ликвидированы, а Учредительное собрание еще не начало работу, то суммы отпускаются ежемесячно, 1/12 сметы. При это в связи с передачей церковно-приходских школ Министерству народного просвещения 33 989 739 р., более половины сметы, было передано правительством в то же министерство из церковной части государственного бюджета. Семенов был, пожалуй, единственным докладчиком, кто не нашел дефектов в делопроизводстве Хозяйственного управления. Именно в части исполнения государственной сметы. Кроме того, отметил ту готовность к сотрудничеству, с которой ему были предоставлены различные документы и выписки⁵⁵⁷.

О специальных наличных церковных средствах доложил М.И. Арефьев. Согласно представленному отчету, по бухгалтерским книгам был выявлен дефицит на сумму 1 026 896 р. 90 к. Причину дефицита комиссия увидела в

⁵⁵⁶ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2016. С. 823–824.

⁵⁵⁷ Там же. С. 824–827.

небрежном ведение бухгалтерского учета, большом количестве сверхсметных расходов и переносе получившегося дефицита из прошлого года в новый. При этом докладчик указал на большие траты (без конкретизации) на содержание чиновников. «Получается впечатление, как будто у Церкви нет никакого другого дела, как оплачивать содержание синодских чиновников. Процентные прибавки служащим в духовно-учебных заведениях выдавались несвоевременно, и некоторые суммы не рассылались по месяцам»⁵⁵⁸.

Еще резче о работе синодских структур высказался С.М. Раевский. В частности, о главном бухгалтере: «Главным бухгалтером состоит лицо, состоящее на государственной службе с 1850 года, свыше 67 лет, и ведущее дело, как говорили с юношеской энергией». В целом он указал, что проблемой является недостаточно точное ведение бухгалтерского учета и нецелевое использование средств Страхового отдела (например, 11 тыс. р. на Иерусалимскую миссию, 400 тыс. р. на путевые издержки и т.д.), остается в итоге целый ряд неисполненных расходов. Он подчеркнул негативную роль Хозяйственного управления в перераспределении средств между подразделениями и показал его вину в бедственном положении подведомственным ему синодских структур. Например, так Свечной комитет с оборотом до 36 млн. в год оказался в сложном положении из-за заема в английском банке и в иностранной валюте 800 тыс. фунтов стерлингов. Этот долг следовало выплатить по курсу рубля в течение года после окончания войны. Виновным было объявлено Хозяйственное управление⁵⁵⁹.

Профессор Л.И. Писарев доложил о финансовом положении редакций «Церковных ведомостей», «Церковно-общественного вестника» и Петроградской синодальной типографии – более близких исследователю организациях. Вывод был также неутешительным: «Положении редакции прямо катастрофическое». Профессор отметил, что дефициты бюджета редакции начинаются с января 1915 г. Причины опять же в нецелевом использовании средств Хозяйственным

⁵⁵⁸ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2016. С. 827.

⁵⁵⁹ Там же. С. 827–829.

управлением: за 5 лет 272 тыс. руб. были направлены из сумм редакции не на ее нужды. Способы выхода из сложившейся ситуации были не очевидны: «По подсчету конторы, на издание в 1918 г. «Церковно-общественного вестника» потребуется 941 000 р. и на 26 №№ «Церковных ведомостей» – 160 000 р., и на другие расходы 379 000 р., а всего 1 480 000 рублей. При 44 500 подписчиках, по 30 р., с каждого, получается 1335000 рублей. Если и вся эта сумма поступит, получается дефицит в 45 000 р., но контора совершенно не уверена в том, что означенная сумма с подписчиков поступит. Контора убеждена, что увеличится цена и на бумагу, и на работу». При этом до 76000 р. в год расходуется на администрацию, при чем многие из них не являлись сотрудниками редакций. Видимо, это было формой поддержки чиновников из других синодских ведомств.

Не лучше обстояли дела и типографией, хотя она, по мнению Писарева и его коллег по комиссии, могла бы приносить доход, так как выполняет и частные заказы, которые уже составляют от 17 до 45 % прибыли в год. Проблема была, как считали в распределении церковных заказов: «Типография доведена до совершенства и могла бы заработать еще больше, но типографские служащие говорили, что им не хватает работы, так как Издательский совет не дает работы в свою типографию, а отдает свои работы для печатания в чужие руки»⁵⁶⁰. Кроме того Писаревым была рассмотрено количество служащих, сложные схемы трудоустройства родственников на должности с небольшим окладом, видимо с тем, чтобы в сумме поддерживать их семьи.

Подвел итоги работы комиссии епископ Никандр: «Подводя итог всему сказанному членами комиссии, я должен сказать, что если церковное хозяйство и держится, то благодаря честности чиновников, которые к нему приставлены. Никакого надзора, никакого контроля в нем нет. При Св. Синоде не Хозяйственное управление, а бесхозное управление!»⁵⁶¹.

⁵⁶⁰ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2016. С. 839–831.

⁵⁶¹ Там же. С. 833.

В данном случае важно не то, насколько соответствует реальности представленная картина расходов и роли синодских чиновников в недостатках или злоупотреблениях, а тот эмоциональный эффект на соборян, которые произвели докладчики своими выступлениями с акцентом на выдачу небольших сумм без отчета, поддержку родственников. Тем более, что тексты доклада не были напечатаны, а значит вникнуть в цифры самостоятельно, предложить свою интерпретацию у участников заседания не было. Докладчики не указали на внешние трудности взаимодействия синодских служащих с государством, военного времени, не охарактеризовали в целом совсем непростое положение чиновников, которым приходилось решать много текущих финансовых задач при абсолютной неопределённости перспектив дальнейшего финансирования Церкви государством и неясности исхода решений по проектам собора. Комиссия не ставила своей целью и указать на возможные пути выхода из представленных проблем. В итоге, лишь получилось, что рабочий момент стал эмоциональным фактором дискредитации Хозяйственного управления, лично его руководителя А.А. Осецкого, а вместе с этим и его проектов, увеличению конфликтов с теми, кто уже был занят в хозяйственной административной работе и к чьему опыту можно было апеллировать при разработке дальнейшей реформы. Одновременно, обсуждение вопроса о хозяйстве выявляет взаимное недоверие разных церковных групп, разницу представлений об его организации: епископов, мирян, синодских чиновников и профессоров. Так вполне естественное и логичное желание профессора Писарева систематизировать и упорядочить, выяснить настоящую картину, спровоцировало конфликт между ними.

4.3. Обсуждения правового и имущественного статуса Церкви на Соборе после отделения Церкви от государства

Идея о растрате церковных средств впустую была не только достоянием соборных заседаний, но и частью газетных спекуляций в период работы собора. В целом, следует отметить высокую степень эмоциональности сообщений о церковном соборе. Так, например, описывает впечатления от крестного хода в

день открытия собора прот. М. Смирнов в одном из наиболее значимых церковных изданий: «Незабываемая минута!.. И под открытым небом, под ослепительно-яркими полуденными лучами солнца, на виду чудной панорамы златоглавого Кремля и под таинственный шелест бесчисленных хоругвей — она казалась еще трогательнее, волновала душу до самых затаенных уголков. У многих на глазах даже искрились слезы, и видно было, что это не те слезы горя и душевной туги, которые так часты теперь, в наши злые, кровавые дни; нет, то были слезы каких-то светлых предчувствий и окрылившихся надежд. И думается, что эти предчувствия — не один лишь обманчивый мираж, и эти надежды — не праздное самоутешение. Недаром всех так властно захватила одна общая мысль, что совершается какое-то великое таинство, что если бы наше зрение не было так грубо, то мы, может быть, тоже увидели бы, как некогда в Царьграде, распростертый Покров Богоматери...И долго потом, когда уже закончилось торжество и площадь опустела, в душе все еще трепетали светлые отблески этого исторического дня и оседали в памяти навек неизгладимым впечатлением»⁵⁶². Статья передает некоторое эмоциональное настроение, умиление, которое ассоциировалось с практикой проявления благочестия. Задачи собора транслировались не как аргументированные проекты, нацеленные на строительство будущего, а как некоторые опять же эмоции надежды и ожиданий, через образы прошлого. Впрочем, возможно, более понятные большинству.

Для сравнения можно привести отклик о крестных ходах участника собора, ранее работавшего в Государственной Думе С.И. Шидловского, который указывает как раз на то, что при массовости церковных акций они не были организованы настолько хорошо, чтобы все собравшиеся могли бы стать непосредственными участниками богослужения или хотя бы, если не слышать слова молитв, то видеть центр действия: «Все крупные церемонии, устраивавшиеся по инициативе духовенства, действительно, имели очень внушительный вид. Народу бывало на них масса, участники их исчислялись десятками тысяч, и только

⁵⁶² Смирнов М., прот. 15 августа 1917 г. Исторический день // Московский церковный голос. 1917. 23 августа. № 28. С. 2.

можно сделать один небольшой упрек заведывавшим церемониальной частью; это – недостаточная театральность богослужения. Совершенно ясно, что на Красной площади, где происходило все сосредоточение духовенства и народа, слышать то, что совершалось при богослужении, почти никто не мог»⁵⁶³. Видимо, вероятность остаться с собственными переживаниями и тех, кто оказался рядом в толпе, была выше, чем глубокое религиозное включение в богослужение. Тем не менее, следует отметить, что и это вызывало интерес и соответствовало запросам людей: верующие участвовали в этих крестных ходах.

Собор был открыт для представителей не только церковных изданий, но и светских. По данным канцелярии собора за период с августа 1917 г. по июль 1918 г. было аккредитовано 26 представителей ведущих периодических изданий. Не так много, но все-таки достаточно для того, чтобы публиковать актуальную информацию о соборных дискуссиях. Тем не менее характерной чертой статей стало тиражирование слухов, самые общие представления о происходящем⁵⁶⁴. Зато в вакууме серьезной фактической информации о работе собора печать оказалась заполнена статьями спекулятивного характера. Практически, с самого начала работы собор подвергся серьезной дискредитации. При чем низкая оценка работы собора давалась как церковными изданиями, так и светскими, как духовенством, так и мирянами. Так в «Известия Всероссийского совета приходских общин» от 23 сентября 1917 г. на передовице с первых строк собору поставлен «диагноз» – медленная работа и борьба за влияние между церковными группами: «С Собором творится что-то неладное. Как-то кисло тянутся его заседания и затягивается его работа. Уже двадцать дней заседают, а Россия, жаждущая в эти ужасные дни услышать голос независимой совести православной, ждет не дождется, чтобы Собор дал ей новые формы православного сознания, вне

⁵⁶³ Шидловский С.И. Церковный Собор в Москве // «Дело великого строительства церковного...». М., 2009. С. 295.

⁵⁶⁴ См.: Троицкий А., прот., Чертков С.В. Поместный собор Православной Российской Церкви и повременная печать периода его организации и работы // URL: <http://sobor1917.ru/pomestnyj-sobor-pravoslavnoj-rossijskoj-cerkvi-i-povremennaya-pechat-perioda-ego-organizacii-i-raboty/> (доступ 13.11.2023)

которых – это совершенно теперь ясно для каждого исторически мыслящего человека, – для России нет и не может быть спасения. Двадцать дней прошло, – а дела никакого не сделано; образованы комиссии... гам, споры, подчас и борьба личных влияний»⁵⁶⁵. Далее автор начинает спекулировать на тему затраченных больших денег на соборян, а значит неисполнением ими обязательств и растрату средства. Автор этой статьи, размещенной в церковном издании (по крайней мере позиционирующем себя так) был известный публицист, генерал, член партии прогрессистов Александр Николаевич Брянчанинов. Церковная печать оказалась вовлечена в политический процесс. Вместе с тем следующая за этой публикация в газете «Вопль тоскующей души» принадлежит Андрею (Ухтомскому), епископу Уфимскому. Он опубликовал письмо, очень простое. Обеспокоенный некоторыми явлениями приходской жизни мирянин пишет епископу о своих переживаниях и готовности помочь. Следует заметить, что как сам автор письма признается, сознательным прихожанином он стал не более, как год назад. Он указывает, что проповедь баптистов, при всей экзальтации, низком содержательном уровне проповеди вызывает большой интерес и отклик, в том числе и у православных «Какие-то девицы пели молитвы, какие-то старицы воздевали руки кверху и молились. Но дело не в этом, а в том, что православных пришло на это моление несравненно более, чем обыкновенно ходят в церковь». Автор письма обвиняет приходское духовенство в недостаточной работе с прихожанами, отсутствии проповеди, что и создает вакуум в приходской жизни. Далее адресант владыки выражает желание включиться в приходскую работу, хотя и при этом показательно непонимание доступных ему форм активности. «Мне хотелось бы основать хоть маленькое семейство церковное, чтобы помогать жить церковной жизнью, поддерживать друг-друга. Пусть пять – десять семейств покажут, как нужно и можно жить по-Божьи, во имя любви Христовой, а не во им интернационала. А около меня нет, не только пяти, но и одного человека, который был бы близок ко мне, как брат – во имя общего небесного отца. И сидят наши

⁵⁶⁵ *Брянчанинов А.Н.* Три во единой неотложные задачи Собора // Известия Всероссийского совета приходских общин. 23 сентября 1917 г. № 4. С. 1–3.

пастыри, сложа руки и ждут, когда баптисты ведут у них всю паству, а паства – зевает, благочестиво крести рот при этом, и в своем безделии думает найти спасение».

В последних строках епископ комментирует полученное им письмо и соглашается с высказанной позицией. Он подтверждает, что надо устраивать приходскую жизнь, подчеркивает значимость личной инициативы и желание действовать автора письма, но равно и указывает, что это настоящий подвиг. При этом тут же сообщает, что приходское духовенство «к этому подвигу не привыкли и не готовы». Епископ, официальный представитель Церкви публично подтверждает, что духовенство недостаточно активно работает с населением и надеется этим привлечь оппозиционных Церкви социалистов, а, фактически, через это поддерживает ту волну информации, которая была запущена антицерковной или либеральной прессой: «Теперь только и нужно, чтобы пастыри не мешали своей пастве делать церковное дело и молитвенно помогали ей в этом. Я уверен, что в таком случае все наши крестьяне будут составлять огромное церковное сообщество, а к ним примкнут и наши социал-революционеры, среди которых можно найти христиан не только вполне сознательных, но и высокого духовного настроения»⁵⁶⁶. Кроме того, конечно, в очередной раз обращает внимание на себя парадоксальная вещь: в столичных изданиях публикуют статьи с ориентацией на народный, провинциальный стиль мышления, речи, мифологизированные образы.

Критиковали Собор и монархисты. В номере от 8 октября в литературно-общественной газете «Гроза» Собор назван был «бесчинным сборищем». Во-первых, авторов не устраивал его состав: «Это не церковный собор, а подделка под него от соучастия в нем не святых отец, прославленных высокой жизнью и служением Богу, но лиц неверующих и даже преступных». Во-вторых, взаимодействие с Временным правительством: «Одно торжественное служение панихид по безбожным бунтовщикам, зарытым без отпевания из пренебрежения

⁵⁶⁶ Андрей (Ухтомский), еп. Вопль тоскующей души // Известия Всероссийского совета приходских общин. 23 сентября 1917 г. № 4. С. 3–4.

к Церкви, и одновременно уклонение от молитв за истерзанных ими верных слуг Царя и Отечества чего стоит! Пресмыкание затем перед разбойничьими вожаками и заведомыми шпионами – министрами ради получения из рук их богатых митрополий, молитвы за них, как якобы “благоверных”, и тесное с ними содружество, с злобными отзывами или полным забвением Помазанника Божия, бесстыдный призыв к дальнейшей гибельной для Отечества войне вместо мира, отказ в защите от попираания безбожниками достоинства Православной Церкви и, наоборот, - пламенное выступление в защиту сатаны»⁵⁶⁷. Следующая статья и большая «За день» в этой же газете сообщала читателям, что собор не выполняет своих обязанностей: «Догматами церковными Собор совершенно не интересуется, но занят исключительно достижением больших материальных выгод для духовенства и обеспечением его участия в политике и управлении страной»⁵⁶⁸.

С ними в отношении к собору были солидарны их политические оппоненты социалисты-революционеры, которые в газете «Земля и воля» характеризуют деятельность собора как контрреволюционную: «Православное духовенство в лице своих представителей в церковном соборе выступает уже на политическую арену борьбы не просто силой, ведающей вполне определенной узкой областью государственного бытия. Нет, оно выступает сейчас силой более или менее политически организованной, (вернее пытается сделаться такой силой), силой, окрашенной в ярко реакционные и контр-революционные тона»⁵⁶⁹. Общий вывод уже не нов: духовенство не имеет влияние на народ.

Газета «Наше время» в начале января заметила, что восстановление патриаршества, которое, к слову, прошло в начале ноября, несколько месяцев назад, не является общественно значимым событием. Автор несколько противореча сам себе заявил: «...реставрация прошла без того впечатления, на которое собор рассчитывал. <...> Слово “патриарх” осталось мертвым звуком,

⁵⁶⁷ Петроград. 8 октября 1917 года // Гроза. № 912. 8 октября 1917. С. 1–2.

⁵⁶⁸ За день // Гроза. № 912. 8 октября 1917. С. 2–3.

⁵⁶⁹ Мичурин С. Черные вороны // Земля и воля. № 44. 12 сентября 1917. С. 2.

оно никого не волнует, не дает повода говорить о нем». Тут же высказывается ярко окрашенная эмоциями претензия собору, что он не соответствует вовсе ожиданиям общества: «Мы все жаждем пламенной проповеди о мире всему миру, о нашем устройстве, о возведении здания из развалин. Мы ждем крестных ходов, молебствий, внушений, всемогущих слов пастырей церкви, обращенных к обузданию бессмысленных зверств, убийств и насилий... Нас встречает полное безмолвие. Это странно, удивительно, непостижимо»⁵⁷⁰. Очевидно, в этот период газеты используются для подготовки общественного мнения к публикации декрета об отделении Церкви от государства и государства от Церкви. В статье ярко демонстрируется уровень эмоциональных ожиданий ярких впечатляющих действий от Церкви и одновременно нет идей, связанных с необходимостью деятельной реализации церковной ответственности рядового прихожанина, его нравственным совершенствованием.

Показателен выпад газеты «Свобода» – печатного органа «партии индивидуалистов-революционеров», в которой была размещена статья известного писателя Михаила Петровича Арцыбашева. Арцыбашев мастерски владеет печатным словом. Он также укоряет духовенство в бездействии и включенности в политический процесс, но делает потрясающе талантливо. «Вы слишком долго молчали, благословляя короны и мечи, насилия и несправедные суды, служа престолам царским прежде, нежели престолу Бога. Молчите же и теперь! Народ русский без вас найдет дорогу к правде и истине, и создаст себе новую церковь, свободную, без постыдной платы за требы, без монастырских сокровищ, без митр и наперстных крестов»⁵⁷¹. Далее следовала статья о декрете.

Приведенный набор цитат показывает, что дискуссии о Соборе в печати практически все партии от монархистов до революционеров придавали политическое значение. А взаимодействие Церкви с Временным правительством, ее реальные или воображаемые хозяйственные и имущественные возможности были ярким и понятным для большинства населения полемическим приемом

⁵⁷⁰ Старый писатель. Отцы и пастыри // Наше время. № 9. 11 (24) января 1918. С. 3.

⁵⁷¹ Арцыбашев М. Служители Христа // Свобода. № 33. 8 (21) января 1918. С. 2.

дискредитации работы Собора и через него Церкви. В целом, это создавало определенный образ Собора в печати, когда его церковные действия могли трактоваться обществом как политические акции, и усиливало эмоциональный накал вокруг Церкви. При этом общей характеристикой публикаций были обобщение и оценка церковной жизни с внешней стороны. Обращения же к собственным личным недостаткам и желание потрудиться для изменения церковной жизни на низовом уровне – на приходе – проявляется в письме, опубликованном епископом, как пастырское назидание читателям.

9 декабря 1917 г. Собор прервался на Рождественские каникулы. Они стали с одной стороны временем знакомства соборян с положением в провинции, получением новых контрастных впечатлений от было-стало на местах за период работы на Соборе, так и важных политических событий. 4 декабря Совет народных комиссаров издал декрет «О земельных комитетах», согласно которому все сельскохозяйственные, в том числе и церковные, земли национализировались. 18 декабря была введена система гражданской регистрации браков, в которой юридически значимым признавался брак, зарегистрированный государством, а конфессиональный – венчание – становился частным актом, не имеющим общественного значения. Новая власть реализовывала партийную программу. 6 (19) января 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) принял Декрет о роспуске Учредительного собрания, отказавшегося признать Советскую власть и её декреты.

Среди беспорядков и революционного хаоса событием, потрясшим церковное сознание, стал захват 13-21 января, практически накануне открытия второй сессии собора, помещений Александро-Невской лавры по приказу комиссара народного призрения Александры Колонтай. В ходе насильственного захвата монастыря убит священник – протоиерей Петр Скипетров. Жители столицы откликнулись массовым крестным ходом, участием в физической защите имущества монастыря. На первом заседании собора 20 января настоятель лавры епископ Прокопий (Титов) доложил собору о ситуации. Из доклада следовало, что государственными представителями была проведена ревизия помещения,

запрошены списки проживавших в лавре монахов – все это они получили от монастыря без судебных постановлений, достаточно просто. Исходя из этого правительством было принято решение о передаче помещений, объем которых был, с их точки зрения, не адекватен количеству проживавших в лавре монахов, для раненных Комиссариата народного призрения. Для государства это было актом рационализации использования жилищного фонда. Настоятель же монастыря, ходатайствовавший о пересмотре решений, воспринимал, это как угрозу церковной жизни: «большевистское правительство имеет конечной целью – именно сокрушение Лавры, как обители монашеской»⁵⁷².

В ответ на эти события было издано знаменитое послание патриарха Тихона «Об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Христовой» от 19 января (1 февраля) 1918 г. В своем дневнике митрополит Арсений (Стадницкий) зафиксировал, что послание патриарха обсуждалось накануне вечером 18 января на трехчасовом заседании Соборного совета. Он же оставил сведения о том, что автором проекта был протопресвитер Николай Любимов. Стадницкий, равно как и другие члены Совета внесли правки, таким образом этот документ можно считать согласованным с распорядительным органом Собора. С юридической точки зрения, это можно считать превышением полномочий: документ должен был обсуждаться в пленарном заседании, а затем архиерейским советом. «В Совете обсуждалось тяжелое положение Церкви, которая большевистским Правительством не признается как публично-правовой институт, и потому не только игнорируется, но и подвергается гонению и насилию в лице священнослужителей и секвестру церковного и храмового имущества. Захват Лавры – это начало осуществления декретов по отношению к Церкви, которая в лице Собора и Патриарха должна протестовать, молчать не может, так как вопрос идет о внутреннем устройении Церкви. <...> Грамота краткая, но очень сильная. Думается, что результатом этого послания будет арест Патриарха, принимая во внимание ту безумно-решительную экспериментальную по части

⁵⁷² Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 2000. Т. 6. С. 9.

социализации политику, какую ведут современные властители, не останавливающиеся ни перед чем. Мы с Патриархом говорили о такой возможности; он хладнокровно смотрит на эту перспективу, от которой никто из нас теперь не гарантирован. Буди воля Божия»⁵⁷³.

19 января, за день до открытия соборной сессии, послание опубликовали и патриаршей властью было провозглашено церковное прещение – анафема всем участвующим в разного рода беспорядках, которые направлены против сограждан, духовенства и церковных институций. Это не было первое послание от официальной церковной власти с призывом к миру, но именно здесь впервые была провозглашена анафема и публично события разного типа, касавшиеся ущемления прав людей или церковных институций, беспорядки, квалифицированы как гонения – некое системное массовое явление, направленное на уничтожение Церкви. Характерно, что упоминание о власти в связи с гонениями – является одним из многих перечисляемых антицерковных явлений, среди прочих и ближе к концу, т.е. гонения – массовое направленное действие оказалось без целеполагающего организатора – института: «И, наконец, власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми, и в частности – над Святою Церковью Православной»⁵⁷⁴. Таким образом, анафема – церковный запрет была направлена не на институты, а к людям – совести конкретного читателя, которому следовало и принимать решение о том, с чем соизмерять свою жизнь и в чем участвовать. Здесь же предлагалось и церковное решение: противопоставить внешнему насилию высшую из христианских добродетелей – любовь. «Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя

⁵⁷³ *Арсений (Стадницкий), митр.* Дневник. На поместный собор. 1917–1918. М., 2009. С. 191.

⁵⁷⁴ «Приспело время подвига...». Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь. М., 2012. С. 155–156.

поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной». Здесь же было озвучено и пастырское предупреждение и призыв к верности Церкви: «А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою вместе с собою словами Св. Апостола: "Кто ны разлучит от любви Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонения, или глад, или нагота, или беда, или меч?"...»⁵⁷⁵. Интересно, что в послании проводится мысль не об активном поиске мученического подвига, а как пассивное явление – следствие неприятия средой церковного образа жизни. Все это не могло быть более ценным, разлучить верующих от цели христианской жизни – Христа. Внутреннее изменение, самоопределение паствы должно было стать основной и для церковных институциональных форм: «А вы, братия архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту поправленных ныне прав церкви Православной, немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброй волей становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою креста Христова, ибо непреложно обетование самого Божественного крестоносца: "Созижду церковь мою, и врата ада не одолеют ея"»⁵⁷⁶.

Это послание зачитали на первом пленарном заседании, затем последовал обмен мнениями и впечатлениями от событий, длившийся несколько заседаний. Исходя из дискуссии, понятно, что при наличии ярких выступлений в поддержку послания, есть и некоторое недоумение части соборян тем, что патриарх издал его без Собора. 22 января, на втором пленарном заседании новой сессии, выступил профессор И.М. Громогласов с призывом к единству Собора со своим патриархом: «Единственная надежда наша не в том, что будет у нас земной царь

⁵⁷⁵ «Приспело время подвига...». Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь. М., 2012. С. 156.

⁵⁷⁶ Там же. С. 156.

или президент, – как угодно его назовите – а в том, чтобы был Небесный Царь – Христос: в нем одном нужно искать спасения. Вместе с вами я благоговейно преклоняюсь перед мужественным и суровым словом Патриарха, которое давно надо было сказать. Не скрою, что у меня был момент недоумения, вызванного тем, что патриаршее послание появилось накануне возобновления соборных заседаний, как будто Патриарх желает отмежеваться от Собора, от всецерковного представительства. Но вдумываясь глубже в это обстоятельство, я склонен видеть объяснение его в том, что Святейшему Патриарху угодно было лично на себя принять все последствия, какие могут произойти в связи с посланием»⁵⁷⁷. Позиция Громогласова показательна как пример рационального заполнения человеком создавшегося вакуума информации. В условиях отсутствия комментария патриарха собору о своих действиях профессор самостоятельно трактует события, что можно трактовать как пример пути, к которому призывал патриарх. Громогласов согласился с пастырским посланием предстоятеля Церкви.

Политическим ответом на церковное традиционное прещение стал вступивший в силу 23 января (5 февраля) 1918 г. политический документ – декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Декрет стал результатом реализации партийной программы нового социалистического правительства. Согласно новому закону, религия признавалась частным делом и ее институции не могли претендовать на публично-правовой статус, с точки зрения государства, а также лишались финансовой поддержки. Стратегия взаимодействия с праволиберальным Временным правительством потерпела поражение и произошло то, что не было в прямом смысле неожиданным, но не считалось возможным. В тот же день утром было собрано соединенное заседание отделов собора о правовом положении церкви в государстве и о церковном имуществе и хозяйстве, т.е. вопрос был квалифицирован соборными как юридический и имущественный прежде всего. Председатель собрания – митрополит Арсений (Стадницкий) уже в логике патриаршего послания назвал

⁵⁷⁷ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 2000. Т. 6. С. 44.

декрет еще одним актом гонения на Церковь: «Это отделение служит не на пользу Церкви, а к ее вреду. Оно является не освобождением Церкви от вмешательства государства, а открытым гонением на нее. Церковь лишается всяких способов воздействия на души пасомых. Такое положение Церкви нашей можно сравнить с положением Церкви в первые времена христианства. Кажется, все силы ада обрушились на нее. Что же нам делать? Ограничиться протестом – это может иметь значение только для истории. Выступить активно – но мы не можем действовать только мечом духовным. Страдать. Страдания очищают, и Церковь, убеленная страданиями, займет свое место. На нас, современников, выпала доля пострадать, и нужно, чтобы мы оказались достойными своего призвания. Нельзя не усмотреть промыслительную деятельность в том, что сейчас заседает Собор, но и ответственность на нем лежит великая – если мы не употребим всех усилий к защите Церкви от ее видимых и невидимых врагов»⁵⁷⁸. Таким образом декрет лишавший Церковь ее юридических и имущественных привилегий, был объявлен актом гонений, ответом на которое должно стать мученичество как самое действенное в истории средство воспитания и обращения окружавших мучеников людей.

Далее профессор Е.Н. Трубецкой зачитал текст декрета, который сопровождал комментариями. В целом, князь солидарен с митрополитом: «Совет народных комиссаров должен быть объявлен врагами народа и Церкви; лица, издавшие декрет, даже содействующие его проведению, должны быть преданы анафеме. Никаких возражений и сомнений не должно быть. Есть, за что жить, и за что умереть. Вы читали о крестном ходе в Петрограде; до ½ миллиона народа сопровождало его. Этот ответ Церкви на захват Александро-Невской лавры должен воодушевить и нас. У нас предполагается крестный ход, в связи с изданием декрета в это воскресенье. Это, быть может, начало возрождения Церкви»⁵⁷⁹. Здесь не лишним будет вспомнить характеристику характера

⁵⁷⁸ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 200.

⁵⁷⁹ Там же. Т. 16. С. 200.

Трубецкого, которую дал ему в свое время С.Ю. Витте. В воспоминаниях П.Н. Милюкова сохранилась реакция С.Ю. Витте на предложение кандидатуры Трубецкого на пост министра просвещения в 1905 г.: «Мне нужен министр», – говорил он, – а мне прислали какого-то Гамлета»⁵⁸⁰. Князь – представитель уходящей элиты, плохо связанный с бытовыми сложностями, романтик, был готов легко отказаться от всего и умереть. При этом характерно, что он говорит о внешних формах проявления церковного сопротивления – крестных ходах.

Следующим выступил ярко и не менее эмоционально все переживающий профессор С.Н. Булгаков. Важно отметить, что с каждым выступлением нарастает сила эмоции, но зачастую понижается цель рекомендуемых мероприятий. Так Булгаков не просто готов страдать, а уже объявить «войну» новому правительству: «Для меня тоже несомненно, что на декрет должен быть дан самый решительный ответ. Если нас заставят, как во времена Нерона, пойти в катакомбы, мы пойдем и в катакомбы <...> Ранее я сам сомневался, объявлять ли войну. Но в то время, как мы сомневались, рука Промысла начертала рукой Патриарха анафему, и появился декрет. Собор обратится к Патриарху с предложением анафематствовать и призвать народ стать грудью на защиту веры. Я верю, что Собор явится орудием спасения Руси. И пусть Вильгельм знает, что он ведет переговоры о мире с проклятыми»⁵⁸¹. Стоит заметить, что текст послания об анафеме после захвата Александро-Невской лавры «начертала рука» не патриарха Тихона, а протоиерея Николая Любимов, но соборянам это осталось неизвестным, как видно. Да и какое значение имело бы оно для Вильгельма II, императора Германской империи и протестанта едва ли стоило бы обсуждать. Но масштаб проблемы как общеевропейской и общехристианской был поддержан С.С. Глаголевым: «Мы имеем дело с мировыми событиями. Я предлагаю составить воззвание к христианам всего мира. Это движение, как и движение Комба, –

⁵⁸⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 337.

⁵⁸¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 201.

движение антихристово, и оно имеет отношение ко всему христианству. Воззвание, составленное в спокойном тоне, могло бы иметь значение»⁵⁸².

Спокойствие понимали по-разному: для кого-то были уместными и военные аналогии. Генерал Л.К. Артамонов прямо предложил перенять опыт военных организаций «Прошло время пафоса и добрых пожеланий. Нужно быть спокойными и хладнокровными в обсуждении мер, которые Собору предстоит предпринять <...> Для борьбы с сатанинским натиском мы должны привлечь верующую женщину. Далее, необходима конспирация и хладнокровие. Мы не более, как штаб, а Патриарх – вождь. Никакого увлечения и неосторожных фраз. Как в военном деле необходима связь. Необходимо образовать небольшую комиссию, которая бы выполнила все поручения вождя и штаба»⁵⁸³. С ним оказался солидарен архиепископ Серафим (Чичагов), военный в прошлом: «Возблагодарим Господа Бога, что Собор успел собраться и принять вызов войны. Нужно говорить меньше. Нужно мобилизовать силы. Ужасно то, что мы совершенно не подготовлены к тому, чтобы быстро реагировать»⁵⁸⁴. Владыка призвал задействовать максимально все средства, чтобы сколь возможно быстро и близко общаться с народом: типографии, женщин, детей, создавать комитеты, если они могут быть полезны.

Далее одним из докладчиков стал архиепископ Кирилл, который в своем выступлении по большому счету предлагает заменить одну эмоцию – более сильной, вместо испуга – возмущение. «Я человек не храбрый, но декрет не представляется мне страшным <...> Он рассчитан на смуту. Но с другой стороны, он и нас обязывает энергично взяться за дело. Думается, Собору нужно выразить не испуг, а возмущение»⁵⁸⁵.

Логичным был бы вопрос о том, каким и будет ли вообще общественный резонанс от возможной публикации анафемы. Так профессор И.М. Громогласов

⁵⁸² Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 201.

⁵⁸³ Там же. С. 201–202.

⁵⁸⁴ Там же. С. 202.

⁵⁸⁵ Там же. С. 203.

считает, что традиционная церковная мера еще имеет значение для общества и результат достижим таким образом: «Гонители Церкви должны быть ясно названы чуждыми Церкви. Отлучение – орудие страшное и последнее. Нужно, чтобы значение его было разъяснено и здесь, и на местах, и на приходах. Нужно, чтобы все жизненные отношения к отлученному изменились, чтобы все осознавали, что он – чужой. Это ощущение полного одиночества может заставить человека одуматься. Затем, нужно иметь что-нибудь определенное на случай разгона церковного Собора»⁵⁸⁶. Некоторые сомнения были у священника И.А. Артоболевский, который предложил не форсировать события, а подготовить общество. Но как? Он считал, что необходимо тоже управлять эмоциями общества: «Нужно создать в народе сначала соответствующую психологию – психологию ужаса, подготовить, а потом предавать анафеме»⁵⁸⁷.

После таких эмоциональных выступлений (не единственных, кроме приведенных здесь) наиболее взвешенные и спокойные последовали от приходских священников. Так священник А. Альбицкий прямо указал на имеющуюся проблему, с его точки зрения, отсутствие общественной опоры у Церкви и необходимость заняться созидательной работой – налаживать приходскую жизнь: «Мы хотим вынести анафему, а почву под ногами не чувствуем. Мы все ждали какой-то манны, тогда как нужно было жить самостоятельно. Более всего следует заняться оживлением приходской жизни»⁵⁸⁸.

Первое заседание завершилось утверждением проекта соборного постановления, подготовленного Трубецким, но оно не удовлетворило Соборный совет. На следующий день, 24 января, было собрано утром снова заседание отделов, на котором продолжили обсуждать необходимость и форму реакции церкви на декрет. В этом заседании уже больше спокойствия и попыток найти средства работы. Тот же священник А. Альбицкий методично использует возможность для того, чтобы донести до собрания мысль о необходимости

⁵⁸⁶ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 205.

⁵⁸⁷ Там же.

⁵⁸⁸ Там же. С. 204.

выполнения собственных церковных дел, в его выступлении есть мысль о деятельных контрмерах правительственным санкциям: «Слава Богу, что мы решили осторожно приступить к столь важному делу. Что особенно страшного в декрете? Он настаивает на том, чтобы монастырские владения были обращены на благотворительные цели, чтобы там устраивать дома призрения. Но ведь и апостол учит нас “не забывать благотворения и общения”. Сделаем из монастырских домов учреждения общественного призрения, и все останется в введении Церкви. Пусть наш отдел разработает программу осуществления этой задачи. Затем. Чего особенно протестовать против гонителей наших? Наш христианский удел – именно быть гонимыми, как говорил апостол, и за это мы должны не проклипать, а благословлять гонителей, по слову Христову. Далее. Мы еще не знаем, какое впечатление произвело на народ послание Патриарха с анафемой, а сами хотим уже повторить эту анафему... <...> Кого именно мы хотим коснуться своей анафемой? Пожалуй, она попадет и на многих наших духовных чад. Ведь теперь большевиков – полдеревни. Что мы будем делать, когда они придут к нам исповедоваться? Разве есть возможность в каждом отдельном случае обращаться за сотнями верст епископу за разрешением недоумения. Наконец, мы хотим наказывать народ, тогда как сами, можно сказать, довели его до такого нравственного падения тем, что мало его учили. И что нам стоять за имущества церковные? Бог призывает нас заботиться не об имени тленном, а о том, чтобы иметь духовное влияние на народ. Пусть берут колокола, золотые ризы. Преподобный Сергий не служил в золотых ризах. К чему, потом, устраивать по поводу издания декрета крестный ход? Не будет ли это с нашей стороны манифестацией?»⁵⁸⁹ Фактически, докладчик поставил вопрос об актуальности традиционных церковных форм влияния современности и проблеме их восприятия увлеченными различными массовыми и идеологиями, и сложными психическими состояниями современниками.

⁵⁸⁹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 209.

Для контраста можно еще привести выступление юриста Н.Д. Кузнецова. Ссылаясь на ряд канонических норм, он призывает к неисполнению декрета и широкому выражению позиции церкви через крестные ходы, постановления. Основой для выработки позиции является церковная практика эпохи иконоборчества, которую он и хочет перенести в реальное время: «Говорят, неудобно крестном ходу придавать характер манифестации; но в древности они иногда такой именно характер и носили. Припомним крестные ходы, устраиваемые Златоустом. В этом случае подчеркивается, что мы преследуем не эгоистическую волю, а волю высшую. Не предавать отлучению нужно, а объявить врагами Церкви. В иконоборческий период так и поступали»⁵⁹⁰.

Надо сказать, что с течением времени эмоции в собрании все-таки упорядочиваются. Выступление председателя собрания митрополита Арсения в конце показало, что его представление о контрмерах новому правительству меняется. Он видит последствия для наиболее незащищенной группы – приходских священников, что заставляет его сомневаться в общей идее необходимости «страдать» всем, он начинает последствия и собственную ответственность за судьбы священников и других верующих, не участвовавших в актуальном для него выборе: «Призвать народ к неисполнению декрета ужасно. Мы обречем священников на нечто ужасное. Я должен сознаться, что переживаю некоторое внутреннее борение; может быть его переживают и другие»⁵⁹¹.

Обсуждение было продолжено вечером того же дня. Некой результирующей стало краткое выступление С.Н. Булгакова, который постарался суммировать основные проблемы. Он указал, что положение постановления о неповиновении декрету требует «змеиной мудрости», а действительно необходимыми счел два пункта: объявление комиссаров «врагами Церкви и народа» и действий их противохристианскими. В итоге была составлена комиссия, задачей которой постановили подготовить редакцию, учитывавшую бы

⁵⁹⁰ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 214

⁵⁹¹ Там же. С. 214.

итоги обсуждения и прежде всего предложения С.Н. Булгакова. Председателем комиссии был назначен библиист, профессор-протоиерей Александр Рождественский, кроме него в комиссию были кооптированы известные церковные публицисты и редакторы ведущих церковных журналов протоиереи П.Н. Лахостский и П.А. Миртов⁵⁹². Видимо, в условиях снижения количества профессоров среди соборян во вторую сессию сказывалось на объемах и характере дискуссий, составе комиссий. Например, не смогли принять участие в заседаниях одни из наиболее авторитетных юристов и историков: В.Н. Бенешевич, В.З. Завитневич, Б.В. Титлинов, П.А. Прокошев, А.Ф. Одарченко, например. Кроме того, совещания выпали на первые дни работы собора в 1918 г., когда еще не все соборяне вернулись с каникул.

Важно отметить, что протоиерей А. Рождественский – председатель комиссии понимал, что в ближайшей перспективе их действие может привести к закрытию собора и прекращению его работы: «Налагая на народных комиссаров анафему, мы заканчиваем тем самым свою соборную работу»⁵⁹³. Тем не менее проект постановления собора был подготовлен и представлен на пленарном заседании на следующий день 25 января.

Собор в составе 178 человек (из них 28 архиереев, т.е. клирики и миряне разделили ответственность) под председательством митрополита Арсения (Стадницкого), без участия патриарха, принял решение считать, что, во-первых, «Изданный Советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от Государства представляет собою, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения», т.е. декрет и отторжение имущества было квалифицировано Церковью снова как гонение, на этот раз с четким указанием на властный институт. И во-вторых, Собор объявил власть – социалистов, уже проводивших партийную политику, вне Церкви: «всякое участие как в издании сего враждебного Церкви

⁵⁹² Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16. С. 222.

⁵⁹³ Там же. С. 211.

узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных лиц православного исповедания тягчайшие церковные кары вплоть до отлучения от Церкви (в последование 73 правилу Свв. Апостол и 13 правилу 7-го Вселенского Собора)»⁵⁹⁴. Дискуссии в пленарном заседании не последовало. Собор продемонстрировал солидарность с избранным патриархом в отношении к политическим акциям новой власти.

Следует заметить, что эти меры, обращения, отлучение от Церкви, были традиционными и церковными для соборян. В то же время, очевидно, что такими их не воспринимали новая власть и партийные деятели, для которых это было политической акцией. Тем сложнее, что в этот период церковный и политический дискурсы не были разделены. Как отметил Б.И. Колоницкий, для революционного времени была характерна «сакрализация революционных символов» и «политизация религиозной жизни». Миряне и низшие клирики, которые боролись за улучшение церковной жизни на местах или изменение своего положения в Церкви, использовали при этом революционную риторику и зачастую взаимодействовали с социалистическими партиями. Одновременно политические деятели революции или ассоциировавшие себя с ней люди подчеркивали солидарность, используя церковную символику: красный бант как символ революции и одновременно Пасхи, пасхальные приветствия «Христос воскрес» как часть символического переживания Воскресения Христова, так народного революционного оживления⁵⁹⁵. Язык и символика показывает сложность и неоднозначность внутренней самоидентификации в религиозной и политической жизни человека в стремительно перестраивающемся обществе.

Церковные постановления имели резонанс в печати. Вообще, удивительны слухи и формы их выражения в этот период в печати. В газете «Фонарь» в Великом Новгороде московские события конца октября описывались в

⁵⁹⁴ Воззвание Священного Собора к православному народу по поводу декрета народных комиссаров о свободе совести // Церковные ведомости. 1918. №3/4. С. 19–20.

⁵⁹⁵ См.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 г. М., 2001. С. 57–87.

февральском номере вот так: «Много поучительного и неожиданно-интересного поведал мне архимандрит Серафим, наместник Чудова монастыря, из истории обители, этого местопребывания российских патриархов. Но особенно значителен и трогателен был его рассказ о пережитом монастырем ужасном времени в недавние кровавые смутные дни конца октября и начала ноября месяца 1917 г. Тяжелые снаряды попадали во время обстрела Кремля часто в здания монастыря. <...> Страшные дни проводили беззащитные иноки под обстрелом. Когда он особенно усиливался, вся братия спасалась в подземелье – в темницу-келью, где был заточен и замучен поляками Патриарх святитель Гермоген. И там – в тесноте, под низкими угрюмыми древними сводами, при тусклом, дымном свете восковых свечей — проводили они все вместе томительные, казавшиеся бесконечными часы. Неотлучно с иноками все время находились митрополит Петроградский Вениамин и старец-затворник схимонах о. Алексей из Зосимовской пустыни, председатель ныне монастырской секции на заседаниях Церковного Собора. Ежедневно за всеобщей при крошечной церкви, устроенной в темнице Гермогена, вся братия вкупе с митрополитом Вениамином исповедовалась у старца Алексея и слушала после исповеди правила перед Св. Причастием, которое совершалось за ранней обедней на следующий день в той же церкви. Питались только хлебом и водой. Перед исповедью, в ожидании смерти, казавшейся такой неминуемой и близкой, что с мыслью о ней все свыклись, – прощались один с другим и просили взаимно отпущения грехов. Вместе с монахами молились и причащались и живущие с ними монастырские работники. Настроение всех пребывавших вместе было торжественное и умиленное. За обедней, на литургии верных, перед выносом св. Даров иеромонахи и иеродиаконы в алтаре у стен его и епископы, окружавшие св. престол, причащались друг от друга»⁵⁹⁶.

Архаизация языка статей о Церкви, использование житийных топосов вместе выражали по-своему идею общего мученичества, весьма далекую от богословского уровня дискуссий соборян, но эмоционально близкую. Вместе с

⁵⁹⁶ *Коровин*. Конец октября – начало ноября 1917 г. // *Фонарь*. № 13. 12 (25) февраля 1918. С. 2.

тем, удивительно, что идея гонений и в некотором роде мечта о мученичестве резко контрастируют с тем уровнем благополучия, в котором жили поколения соборян и читателей новостей о соборе. Ведь пореформенная Россия переживала экономический рост, который выражался в том числе и в улучшении качества жизни народа, прежде всего крестьян⁵⁹⁷. Одновременно, в этом порыве опровергалась значимость основных направлений церковного модернизма, который развивался в этот же период, и был направлен на укрепление позиций церкви, ее институций в культурной и социальной сфере общества⁵⁹⁸.

Нарастание беспорядков в стране, а также впечатления от них спровоцировавшие церковные постановления конца января 1918 г., запускают процесс принятия бесперспективности взаимодействия Церкви с государством и поиска средств организации мирян. В этой связи важным становится приходской вопрос. Приходская реформа, необходимость делегировать имущественные права местным церковным установлениям была напрямую связана с проблемой сохранения церковного имущества в общем пользовании всей церковной полноты, возможностью его контроля и перераспределения центральной властью. В отделе о церковном имуществе и хозяйстве епископом Анатолием Томским было прямо сказано: «Церкви не дадут на обще-епархиальные нужды ни одной копейки. <...> Откуда взять недостающие деньги? Мы этого вопроса не можем решить раньше, чем соответствующим Отделом будет решен вопрос о приходе. Если не будет ни одной копейки от приходов, то мы очутимся перед крахом: придется закрыть учебные заведения, братства, миссии т.д.»⁵⁹⁹. Альтернативой ранее была привычная помощь государства. Теперь ее отсутствие ставило под удар многие соборные проекты, создатели которых рассчитывали, прежде всего, на нее. Опора на мирян с целью передачи им обязанности сохранения церковного

⁵⁹⁷ См.: *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX века. М., 2012. С. 526–538.

⁵⁹⁸ См.: *Воронцова И.В.* Основопологающие черты христианского модернизма (конец XIX – начало XX в.) // *Вопросы философии*, 2010. С. 51–61.

⁵⁹⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 5 об.

имущества, вместе с правом распоряжаться им, становится единственно возможным средством его спасения.

При поиске новых решений, весьма примечательным образом, начинается осуществление на практике, казалось бы, утопичных правовых теорий. Показательно решение собором проблемы наделения правами юридического лица прихода или храма. 4 (17) апреля 1918 г. в пленарном заседании при повторном голосовании было решено утвердить статью 121 положения о приходе в следующей редакции «приходской храм и приход являются особыми юридическими лицами». Затем были утверждены статьи 122 и 123, в которых определялся статус имущества храма⁶⁰⁰. Таким образом, собор реализовал правовые идеи: сам наделил правами юридических лиц малые церковные организации, без обращения к государству, которое не могло в данный момент поддержать собор.

В конце работы собора среди прочих были приняты и документы о церковном хозяйстве. 24 августа (6 сентября) 1918 г. утвердили соборное определение «О церковном имуществе и хозяйстве»⁶⁰¹, в котором в общих положениях констатировалось, что «имущество, принадлежащее установлениям Православной Российской Церкви, составляет общее ее достояние», а верховное право распоряжения им принадлежит Всероссийскому собору. Вместе с тем детализации механизма управления собором церковным имуществом в документе не было, как и в целом утвержденного положения о соборе.

На следующий день 25 августа (7 сентября) соборяне передали право реализации «по мере возможности» проектов отдела о церковном имуществе и хозяйстве Высшему церковному управлению: «О взаимном церковном страховании», «О Всероссийском Церковном Кооперативе» и «О Всероссийском Кредитном Союзе приходов и церковных учреждений»⁶⁰². Аналогично поступили

⁶⁰⁰ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3. Протоколы Священного Собора / ред. свящ. А. Колчерина и А.И. Мраморнова. М., 2014. С. 519.

⁶⁰¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 4. Приложение к «Деяниям» второе. С. 52.

⁶⁰² Там же. С. 51.

и с «Положением о сборах в общецерковную казну с прошений и документов»⁶⁰³. Получается, что из всего задуманного переустройства системы церковного хозяйствования удалось за год работы утвердить «в целях усиления средств общецерковной казны» только особый церковный сбор «Церковная Лепта». Собор постановил производить сбор на всех приходах ежегодно с 1 октября по 21 ноября⁶⁰⁴.

30 августа (12 сентября) 1918 г. было утверждено соборное определение «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания»⁶⁰⁵. Именно в этом документе было дано развернутое определение церковному имуществу и указано, кто мог быть его распорядителями: «Святые храмы и часовни со всеми священными предметами, в них находящимися, суть достояние Божие, состоящее в исключительном обладании Святой Божией Церквью в лице всех православно-верующих чад ее, возглавляемых Богоучрежденною иерархией. Всякое отторжение сего достояния от Церкви есть кощунственный захват и насилие». Вместе с тем в этом же документе были даны рекомендации по сохранению приходской жизни в случае потери храма, из которых следовало, что церковная таинственная жизнь не требует для своего продолжения наличия серьезных имущественных или социальных ресурсов. Вообще, подчеркивался приоритет внутреннего содержания перед внешними формами выражения церковного благочестия. Собор постановил, что «лишившаяся храма и его святынь община православных христиан объединяется около своего пастыря, который с разрешения епархиального Архиерея может совершать для нее Божественные службы, не исключая и литургии, в частном доме или ином приличествующем помещении». И далее: «Необходимые для Богослужения предметы приобретаются в таких случаях на добровольные даяния верующих, причем священные сосуды могут быть без всяких украшений на них, а облачения из простой ткани: да будет ведомо всем, что Церковь Православная дорожит

⁶⁰³ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 4. Приложение к «Деяниям» второе. С. 52.

⁶⁰⁴ Там же. С. 53.

⁶⁰⁵ Там же. С. 28–30.

своими святынями по их внутреннему значению, а не ради материальной ценности, и что насилия и гонения бессильны отнять у нее главное сокровище – святую веру, залог ее вечного торжества, ибо «сия есть победа, победившая мир, вера наша» (I Иоан. 5, 4).»⁶⁰⁶

Радикализация политического процесса и приход к власти социалистов в октябре 1917 г., нацеленных на реализацию партийной программы по отделению церкви от государства и признание религии частным делом граждан, поставило под угрозу существование разветвленного церковного хозяйства. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января (5 февраля) 1918 г. в этой связи был воспринят соборянами, как акт открытого гонения на Церковь. Фактически, он заставлял пересмотреть проекты собора, которые составлялись в виду благожелательности власти к Церкви и сохранению юридической и финансовой поддержки, обесценивал практическую значимость проекта положений о Церкви в государстве, выработанных профильным отделом.

Подводя итоги главе, следует сделать вывод о том, что обращение к вопросу о свободе совести и юридическом статусе Русской Православной Церкви в начале XX в. выявляет высокую активность профессоров и именно университетских, что объясняется спецификой проблемы и отсутствием полной юридической подготовки у специалистов по церковному праву, получивших образование в духовных академиях. Профессора университетов вошли в состав Предсоборного присутствия, работали в комиссии конституционно-демократической партии в 1906 г. Партийная комиссия, в которой работали профессора Московского университета, была единственной большой общественной организацией, которая как казалось могла бы обеспечить поддержку обществом правового урегулирования проблемы юридического статуса церкви. Если проекты реформ церковно-государственного форума – Предсоборного присутствия – свелись к требованию созыва императором поместного собора, который бы принял компетентные решения, то программа

⁶⁰⁶ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 4. Приложение к «Деяниям» второе. С. 28–30.

партийной комиссии предлагала помимо созыва собора государству предоставить церкви права самоуправления и самоопределения, признать имущественные права, сделать доступным богословское образование мирянам. Эти идеи развивались в русле актуального течения в юридической науке «возрождения естественного права», основоположниками которого считают Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева. Они и их последователи (П.И. Новгородец, Е.Н. Трубецкой, С.А. Котляревский) предполагали безусловную ценность человеческой личности, как цели общественного развития, а также признали недостаточность норм государственного права, как некоторого предписанного минимума добра, для совершенствования человека. Для многих из них именно в связи с этим проявилась актуальность религиозного права, как некоторого максимума добра, мотивации для изменения человека. Отсюда и обращение к церковной реформе, включая ее обсуждение на церковном соборе: Церковь должна была стать гарантом нравственности государственного права и общества в целом.

Изучение соборных определений, касавшихся взаимодействия с государством по поводу сохранения церковно-приходских школ, выборов в учредительное собрание, обсуждение декларации С.Н. Булгакова о церковно-государственных отношениях показывает, что в процессе соборной работы были в целом восприняты и усвоены идеи о юридическом высоком статусе Церкви, следующем из ее природы, а не воли государства. Юридический статус должен быть поддержан имущественными правами, финансовыми и хозяйственными возможностями церковных организаций. Проекты развития церковного хозяйства обсуждались и были подготовлены в отделе о церковном имуществе и хозяйстве и затем на пленарных заседаниях, однако вызвали серьезные противоречия среди соборян, дискредитировавшие его работу.

Во второй сессии произошел переход от идеи церковного единства и соработничества – соборности к традиционному идеалу явления Церкви обществу – мученичества. Этот идеал предполагал отказ от собственных привилегий, внешних земных особенно ярких практик благочестия, именно в связи с этим настроением соборяне смогли прийти к консенсусу по ряду вопросов,

вызывавших ранее наиболее острые дискуссии: в том числе и вопросе перераспределения имущественных прав в Церкви в пользу низового уровня организаций – приходов, объединивших клир и мирян. Тогда же смогли быть реализованы и идеи о Соборе как практически о единственном законном органе народного представительства. Примером чего стало наделение юридическими правами приходов в апреле 1918 г. При этом был потерян возможный потенциал развития церковного хозяйства в нормальных условиях.

Заключение

В центре внимания данной работы было изучение культурной роли профессоров университетов и духовных академий – участников Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. Следует признать, что именно подготовка к Собору и его проведение вывели специалистов в церковно-богословских науках на новый уровень включенности в жизнь российского общества.

Духовные академии опосредованно, через российские университеты перенимали европейские образовательные ценности. В частности, оказались включены в процесс трансфера модели «классического университета» в Россию. Для профессоров духовных академий начала XX века также был значим опыт немецких университетов, идеалы науки, ненацеленной на узкословные или практические задачи (*Bildung*), «свободы преподавания» (*Lehrfreiheit*) и «свободы обучения» (*Lernfreiheit*). Однако реализация этих принципов в области церковно-богословского знания натолкнулась на противостояние профессорам, цензуру высшей иерархии, считавший себя ответственными на сохранение чистоты вероучения. Свобода научных дискуссий в академической среде была ограничена необходимостью учитывать церковную пользу. Значимо было для профессоров духовных академий и расширение роли университетов в городском пространстве: масштабное строительство Московского и Казанского университетов на рубеже XIX–XX вв., внеуниверситетские образовательные проекты профессоров (высшие женские курсы, народные университеты). При отсутствии аналогичных финансовых возможностей, общественной поддержки собственных проектов профессорам духовных академий приходилось добиваться реализации идей, например, о богословском образовании для мирян, у высшего начальства и апеллируя к наличным материально-техническим возможностям духовных академий. Это дополнительно усложняло отношения профессорам с епископатом.

Большой сложностью для профессоров духовных академий при достижении их целей было то, что при общности стиля жизни, финансовых и бытовых как привилегий, так и сложностей социальные статусы профессоров университетов и

академий были не равны. Если университетская профессура становилась внесловным объединением, уникальным по отношению к общественному строю Российской империи, то профессора духовных академий, оказывались включены в достаточно жесткую иерархическую структуру церковной организации: уже не являясь формально частью духовного сословия они не стали распорядителями церковного имущества, теми, кто определяет церковные стратегии. Для дальнейшей работы им объективно необходимо было богословски обосновать роль мирян и конкретно профессоров-мирян в жизни Церкви.

Фактором, обеспечившим обретению профессорами, занимавшимися церковно-богословскими науками, корпоративной идентичности, стало движение за соборность и подготовка Поместного собора. Приглашенные по заказу церковно-государственных институтов в предсоборные органы – Предсоборное Присутствие 1906 г., Предсоборный совет 1917 г. – профессора ощутили себя, находящимися вне других церковных институций, новой церковной элитой, цель которой была в разъяснении и популяризации идеи «соборности».

В работе Поместного собора приняло участие 46 профессоров и преподавателей российских университетов и духовных академий. Все они обладали высоким научным статусом, выразившимся в большом количестве докторских степеней и занимаемых профессорских ставок. Теоретические научные представления были подкреплены житейским опытом (средний возраст – 46 лет), важность которого тем более значима, что большинство героев исследования прошли большой путь выходцев из, очевидно, небогатых семей провинциального духовенства до вершин ученой карьеры и членов общецерковного форума, на котором принимались актуальные для всей Поместной Церкви решения. Таким образом, в качестве участников Собора представители изучаемой группы могли продемонстрировать не только теоретические познания, но и понимание существующих условий жизни в разных регионах страны, некоторый реализм.

Важно отметить, что из 46 – 20 человек преподавали в университетах, 23 в духовных академиях и еще 3 человека были совместителями (университет и

академия). Представителей академической профессуры больше, но перевес не значителен. Вместе с тем показателен интерес университетской профессуры к церковной реформе. Не смотря на то, что ученые на Соборе были представителями разных поколений исследователей, научных школ, они имели и некоторые общие черты и устремления. Происхождение (36 человек из 46 родились в семьях, принадлежавших к духовному сословию) и образование (35 из 46 обучались в духовных академиях) делали эту группу единым научным сообществом со схожими ценностями и представлениями, которая могла бы плодотворно трудиться вместе в одном проекте.

Максимальный интерес профессора проявили к вопросам преобразования духовных академий, высшего церковного управления и правового положения церкви в государстве. При этом если проблемы организации высшего церковного управления интересовали в равной степени и профессоров духовной академии, и университетов, то другие направления выявляют специфику интересов: проектами реформы духовных академий занимались академические ученые, а разработкой юридического статуса Церкви занимались преимущественно университетские специалисты.

В отделе о высшем церковном управлении профессора и преподаватели российских университетов и духовных академий представили широкую доказательную базу, обосновавшую новую эклесиологическую программу Русской Церкви – «соборность». В результате дискуссии в отделе произошла рецепция на личном уровне широким кругом верующих (в заседаниях участвовало до 106 человек) достижений церковной науки. Для всех докладчиков Церковь являлась объективной реальностью. Церковь была представлена единой и единственной, а не множеством церквей епископов, государственной, клириков, мирян. Все докладчики поддерживали, что соборность – это свойство Церкви, принцип ее жизни, характеристика единства всех верующих в ней. При обосновании необходимости большего участия клириков и мирян в церковных делах все они за исключением А.И. Покровского признавали особый статус архиерея в принятии решений. Одновременно, не все из них поддерживали

восстановление патриаршества и это для многих являлось угрозой соборности и прежде всего поражением в правах епископов, а не мирян. Достижение соборности не было требованием власти. Соборность стала концептом, обосновавшим желание единства верующих: мирян, клириков, епископов в 1917 г. «Соборность» оказалась тесно связана с проблемой восстановления патриаршества и устройством высшего церковного управления, ролью мирян в делах Церкви и формами представительства верующих.

Термин «соборность» отражает обстановку на соборе, церковной мысли, актуальную для 1917–1918 г., поэтому его содержание и популярность тех или иных трактовок коррелирует с меняющимися политическими обстоятельствами, логикой соборной работы. Термин «соборность» остался не закрепленным в посланиях и определениях Собора и, таким образом, не стал массовым, неотъемлемым понятием дальнейшего церковного обихода.

Достигнутый высокий статус в процессе подготовки собора, на соборе профессора духовных академий стремились зафиксировать в новом проекте устава духовных академий. Представлялось, что они должны были быть подчинены напрямую органам высшего церковного управления и патриарху, получили максимум академических свобод. Этот статус был не только в представлении ученых, но и подтвержден Собором: хотя вопрос об академиях и не был первоочередным для соборян, но и не встретил принципиальных возражений – за недостатком времени устав был направлен на рассмотрение и утверждение Высшему церковному совету, а штаты и пенсии – утверждены. Церковь и государство были заинтересованы в деятельности академических профессоров, их научной поддержке, а профессора получили подтверждение их готовности предоставить желаемое высокое место в церковной системе и соответствующие свободы и финансирование. Своей главной задачей профессора считали повышение богословской грамотности среди мирян, для чего и менялся учебный процесс в духовных академиях. Следует признать, что, то положение в обществе, которое заняли профессора духовных академий, это уникальная ситуация в истории российского образования, которая в некоторой степени

характеризует особенность переходной эпохи, когда прежние элитарные социальные группы сменяют новые и это ученые, а не люди, связанные с капиталами или другими экономическими ресурсами. Однако, отсутствие собственных средств и финансовой независимости не позволяют закрепить это достижение.

Процесс обсуждения юридического статуса Церкви выявляет важную роль профессоров в формировании нового мировоззрения церковного сообщества, подразумевавшего возможность автономного церковного самоуправления и независимость от государственной власти. Для общества, которому было привычно воспринимать верховную власть, как сакральную, это было важным переходом к представлению о возможности культурного сотрудничества с внеконфессиональным государством без потери церковной независимости.

В результате активной публицистической и представительской работы профессоров прежде всего Московского университета и П.В. Верховского, подготовившего весной 1917 г. проект главы «о вере» будущей конституции, достижения юридической науки стали основой программных документов епархиальных съездов и форумов. Эти идеи развивались в русле актуального течения в юридической науке, так называемого, «возрождения естественного права», основоположниками которого считают Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева. В основу теорий их будущих последователей (П.И. Новгородец, Е.Н. Трубецкой, С.А. Котляревский) было положено представление о безусловной ценности человеческой личности, как цели общественного развития. Одновременно, они также признали недостаточность норм государственного права, как некоторого предписанного минимума добра, для совершенствования человека. Для многих из них именно в связи с этим проявилась актуальность религиозного права, как некоторого максимума добра, мотивации для изменения человека. Отсюда и обращение к церковной реформе, включая ее обсуждение на церковном соборе: Церковь должна была стать гарантом нравственности государственного права и общества в целом. Для Церкви была найдена уникальная организационно-правовая форма. Церковь мыслилась как публично-правовой институт,

деятельность которого значима для всего общества. Публичный институт в данном контексте означал общественный, а не принадлежность к государственному праву. Церковь могла стать корпорацией, то есть таким учреждением, в котором все участники – верующие организованы по принципу членства. По сути такой правовой институт был практически равен государству. Отличие было в сфере концентрации усилий – духовной жизни общества и отсутствии аппарата принуждения. Эти идеи прошли рецепцию церковным сообществом еще до начала собора, что и задало известный дискурс для его обсуждения.

Однако высокие принципы, подразумевали альтруизм государства, его финансовую и имущественную поддержку Церкви, не имевшей еще собственных ресурсов. Поражение конституционно-демократической партии, готовой проводить благожелательную к Церкви политику и приход к власти социалистов, начавших реализовывать свою партийную программу свели на нет многие проекты, подготовленные с расчетом поддержки государства. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января (5 февраля) 1918 г. в этой связи был воспринят соборянами, как акт открытого гонения на Церковь. Тем не менее изучение соборных определений, касавшихся взаимодействия с государством по поводу сохранения церковно-приходских школ, выборов в учредительное собрание, обсуждение декларации С.Н. Булгакова о церковно-государственных отношениях показывает, что в процессе соборной работы были в целом восприняты и усвоены идеи о юридическом высоком статусе Церкви, следующем из ее природы, а не воли государства. Примером, реализацией представлений о соборе как практически о единственном законном органе народного представительства стало наделение юридическими правами приходов в апреле 1918 г.

Проработка собором вопросов, касавшихся новых реалий культурной и политической жизни, дали активной части церковного сообщества набор мировоззренческих основ, позволивших отстаивать независимость внутрицерковной жизни при складывавшейся большевистской диктатуре.

Список источников и литературы

1. Источники

1.1. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации.

Ф. Р-3431. Оп. 1. «Всероссийский церковный собор (Священный собор).
1917-1918»

1. Д. 175–176. «Сводные данные о работе Общего собрания и отчета отделов»
2. Д. 177 «Списки членов Собора (по отделам)»
3. Д. 220–221 «Протоколы заседаний отдела»
4. Д. 224 «Проект положения о будущих Соборах российской православной церкви и их состава, и копии протоколов заседаний Собора по обсуждению проекта»
5. Д. 364 «Протоколы заседаний отдела»
6. Д. 380 «Протоколы заседаний отдела»
7. Д. 382 «Окончательный проект "Положения о духовных академиях, устав духовных академий и постановления Соборного Совета о передаче проектов на рассмотрение высшего церковного управления»
8. Д. 386 «Протоколы заседаний отдела»
9. Д. 390 «Проекты положений о типе и управлении духовно-учебных заведений и "о епархиальных женских училищах" и постановления Собора по проектам»
10. Д. 406–407 «Протоколы заседаний отдела»
11. Д. 436–439 «Протоколы заседаний отдела»
12. Д. 440 «Протоколы заседаний (соединенных) отделов о правовом положении духовенства и о церковном имуществе и хозяйстве по вопр.»
13. Д. 458–459 «Протоколы заседаний отдела и приложения к ним»
14. Д. 469 «Протоколы заседаний отдела»;
15. Д. 491 «Протоколы заседаний отдела»;
16. Д. 496 «Заявления членов Собора о необходимости образования библейского отдела, списки членов отдела, положения об отделе».
17. Д. 599 «Протоколы и выписки из протоколов заседаний отдела о духовных академиях. Копии. Часть I»
18. Д. 600 «Протоколы и выписки из протоколов заседаний отдела о духовных академиях. Копии. Часть II»
19. Д. 608 «Протоколы, положения отдела о духовных академиях»

ГАРФ. Ф. 550 «Арсений (Авксентий Георгиевич Стадницкий), митрополит Новгородский и Старорусский, митрополит Ташкентский и

Туркестанский». Оп.1. «Опись дел фонда митрополита Арсения за 1880–1931 гг.»

20. Д. 398. «Письма проф. Московской Духовной Академии Покровского А.»

1.2.Актовые и делопроизводственные

21. «Приспело время подвига...». Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь. М., 2012.
22. Выписка из журнала заседания Временного правительства // Церковные ведомости. 1918. 2 (15) марта. №7–8. С. 29.
23. Высочайшие повеления // Церковные ведомости. 1906. № 3. С. 38.
24. Государственная дума. Созыв II. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия II. СПб., 1907. Т. 2. С. 577.
25. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2020. Т. 11.
26. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2000. Т. 4.
27. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3. Протоколы Священного Собора / ред. свящ. А. Колчерина и А.И. Мраморнова. М., 2014.
28. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. Кн. 2. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определяющие порядок созыва и проведения Собора / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2012.
29. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2015.
30. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е / отв. ред. А.И. Мраморнов. М., 2016.
31. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2012. Т. 1. Кн. 1.
32. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2020. Т. 16.
33. Журнал заседаний Совета СПбДА за 1911–1912 уч. г. СПб., 1912.
34. Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 1–4.
35. Записка протоиерея П. В. Верховского в приложение к протоколу допроса // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 5 (48). С. 92–99.
36. Отзывы епархиальных архиереев. М., 2014. Т. 1–2.
37. Постановление Временного правительства «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» (о передаче церковно-приходских

- школ в ведение Министерства народного просвещения). 20 июня 1917 г. // Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 89. 25 июня. С. 1.
38. Присуждение ученых степеней в Российской империи: полное собрание правовых актов (1724–1917) / Сост. А.Н. Якушев. Ставрополь, 2006.
 39. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 1. Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного совета и Собора. М., 1918.
 40. Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918. М., 1994.

1.3. Личного происхождения

41. «Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу святой Церкви и Духовной науки...» (письма протоиерея Николая Виноградова к А.А. Дмитриевскому) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1 (13). 2016. С. 121–209.
42. «Люблю академию и всегда буду действовать во имя любви к ней» (письма профессора Киевской духовной академии Д.И. Богдавшевского к А.А. Дмитриевскому) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 75–107.
43. *Арсений (Стадницкий), митр.* Дневник. На поместный собор. 1917–1918. М., 2009.
44. *Богословский М.М.* Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011.
45. *Булгаков С. прот.* Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998.
46. *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М., 2016.
47. *Волков С.А.* Возле стен монастырских. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000.
48. Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов / Сост. Н. А. Кривошеева М., 2009.
49. *Карташёв А.В.* Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии: Сборник / Редкол.: протоиерей В. Чаплин и др.; Предисл. И. Соловьева. М., 1995.
50. *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 год. Нижний Новгород, 2010.
51. *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
52. *Любимов Н., протопресвитер.* Дневник заседаний Святейшего Синода в новом его составе с 26 апреля по 12 июня 1917 г. М., 2022.
53. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.
54. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1971. Т. 1.
55. *Трубачев С., диак.* Избранное. Статьи и исследования. М., 2005.
56. *Трубецкой Е.* Из прошлого. С 12 портретами и иллюстрациями. Вена, 19--.

57. *Фиолетова Н.Ю.* История одной жизни // Минувшее. Ист. альм. Вып. 9. 1992. С. 7–105.

1.4. Научные работы

58. *Алмазов А.И.* Тайная исповедь в православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории. Одесса, 1894.
59. *Бенешевич В.Н.* Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1914.
60. *Бердников И.С.* Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. I: До Константина Великого. Казань, 1881.
61. *Гидулянов П.* Памяти Николая Семеновича Суворова // Византийский Временник. 1908. Том XV. Выпуск 2–3. С. 461–472.
62. *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырёх первых Вселенских Соборов. Ярославль, 1908.
63. *Гидулянов П.В.* Рецензия на: И. Громогласов. Определения брака в кормчей и значение их при исследовании вопроса о форме христианского брака заключения // Византийский Временник. 1908. Том XV. Выпуск 1. С. 153–166.
64. *Гидулянов П.В.* Сущность и юридическая природа церковного властвования. Петроград, 1916.
65. *Горчаков М., прот.* Об отношении Церкви к праву и государству: Слово в Неделю о расслабленном и в день рождения Имп. Александра II, произнесенное в Исаакиевском соборе) // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. № 21/22. С. 32.
66. *Горчаков М., свящ.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Святейшего Синода (988–1738 гг.). Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871.
67. *Завитневич В.З.* Алексей Степанов Хомяков. Т. 1. Киев, 1902.
68. *Соколов В.К.* Католическая церковь и государство в Германии во второй половине XIX столетия: Историко-критический очерк немецкого культуркампа. Казань, 1912.
69. *Ключевский В.О.* Православие в России. М., 2000.
70. *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915.
71. *Красножен М.Е.* Иноверцы на Руси. Т. 1. Положение неправославных христиан в России. 2 изд. Юрьев, 1903.
72. *Лапин П.Д.* Собор как высший орган церковной власти (историко-канонический очерк). Казань, 1909.
73. *Мищенко Ф.И.* Речи св. Апостола Петра в книге Деяний Апостольских. Киев, 1907.
74. *Остроумов М.А.* Введение в православное церковное право. Харьков, 1893. Т.1.

75. *Покровский А.И.* Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков: историко-каноническое исследование. С тремя приложениями и двумя картами. С. Посад, 1914.
76. *Светлов П.Я., прот.* О необходимости богословских факультетов в университетах. Киев, 1906.
77. *Соколов И.И.* Константинопольская Церковь в XIX в. Т. 1. СПб., 1904.
78. *Суворов Н.С.* Вступительная лекция по церковному праву. Ярославль, 1877.
79. *Суворов Н.С.* Объём дисциплинарного суда и юрисдикция церкви в период вселенских соборов. Ярославль, 1884.
80. *Темниковский Е.Н.* Государственное положение религии во Франции с конца XVIII столетия в связи с общим учением об отношении нового государства к религии. Казань, 1898.
81. *Темниковский Е.Н.* Положение Императора Всероссийского в русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти. Историко-догматический очерк. Ярославль, 1909.
82. *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1916.
83. *Фиолетов Н.Н.* Государство и Церковь. М., 1917.

1.5. Периодическая печать

84. *Андрей (Ухтомский), еп.* Вопль тоскующей души // Известия Всероссийского совета приходских общин. 23 сентября 1917 г. № 4. С. 3–4.
85. *Арцыбашев М.* Служители Христа // Свобода. № 33. 8 (21) января 1918. С. 2.
86. *Боголюбов Н., прот.* Современный индивидуализм и «интеллигентное мещанство» // Вера и разум. 1908. № 19. С. 61–78.
87. *Брянчанинов А.Н.* Три во единой неотложные задачи Собора // Известия Всероссийского совета приходских общин. 23 сентября 1917 г. № 4. С. 1–3.
88. *Верховской П.В.* О необходимости изменить Русские Основные Законы в пользу законодательной независимости Православной Русской Церкви. Берлин, 1913.
89. *Верховской П.В.* Проект отдела «о вере» в будущей конституции России // Московский церковный голос. 1917. № 8. С. 1–2; № 9. С. 1–2.
90. Воззвание Священного Собора к православному народу по поводу декрета народных комиссаров о свободе совести // Церковные ведомости. 1918. №3/4. С. 19–20.
91. *За день* // Гроза. № 912. 8 октября 1917. С. 2–3.
92. *Коровин.* Конец октября – начало ноября 1917 г. // Фонарь. № 13. 12 (25) февраля 1918. С. 2.
93. *Мичурин С.* Черные вороны // Земля и воля. № 44. 12 сентября 1917. С. 2.
94. Некролог А.А. Спасского // Богословский вестник. 1903. № 10. С. 243.
95. Петроград. 8 октября 1917 года // Гроза. № 912. 8 октября 1917. С. 1–2.
96. *Писарев Н.Н.* Казанская духовная академия на служении Православной Церкви и русскому народу // Православный собеседник. 1917. № 10/12. С. 426–457.

97. *Покровский И.М.* К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского // Православный собеседник. 1917. № 3–5; С. 1–50.
98. *Попов И. В.* Богословские факультеты [Рец. на: *Светлов П. Я., проф.* О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России. Киев, 1906] // Богословский вестник 1906. № 2. С. 392–401.
99. Речь студента Н.П. Кудрявцева, произнесенная на могиле А.П. Лебедева // Богословский вестник. 1908. № 7-8. С. 602–604.
100. *Смирнов М., прот.* 15 августа 1917 г. Исторический день // Московский церковный голос. 1917. 23 августа. № 28. С. 2.
101. Старый писатель. Отцы и пастыри // Наше время. № 9. 11 (24) января 1918. С. 3.
102. *Тихомиров П.В.* О духовных академиях // Духовная школа. СПб., 1906. С. 339–345.
103. *Фиолетов Н.Н.* Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования // Юридический вестник. 1917. № 1. С. 52–64.

1.6.Справочники

104. Биографические сведения о членах Поместного Собора // Священный Собор Православной Российской Церкви, 1917–1918 гг.: Обзор деяний / Сост. А. Г. Кравецкий. Под общ. ред. Г. Шульца. Кн. 1. Первая сессия. М., 2002.
105. Биографический словарь выпускников КДА. 1819–1920-е гг. Т. 1. Киев, 2015.
106. *Бирюкова Ю.А.* Исповедь в застенках ВЧК. К биографии историка и общественного деятеля профессора протоиерея П. В. Верховского // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 5 (48). С. 87–104.
107. *Волков В., Куликова М., Логинов В.* Московские профессора XVIII–начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006.
108. *Голубцов С., протодиак.* Московская Духовная Академия в начале XX в. Профессура и сотрудники. М., 1999;
109. К вопросу о профессорских штатах Императорских российских университетов. М., 1914.
110. *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Ставрополь, 1998.
111. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1916 год. М., 1917.
112. Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1916–1917 учебном году // Богословский вестник. 1917. Т. 2. № 10–12. С. 1–46.
113. Профессора и доктора наук Саратовской области. 1909–1999. Т. 1. Саратов, 2000.

114. Профессора Пермского государственного университета (1916–2001). Пермь, 2001.
115. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. Томск, 1996.
116. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918. Обзор деяний, третья сессия. Изд. А. Г. Кравецкий и Г. Шульц. М., 2000.
117. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918. Обзор деяний, вторая сессия. Изд. А. А. Плетнева и Г. Шульц. М., 2001.
118. Сетевой словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). СПб., 2012–2014;
119. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918. Обзор деяний, первая сессия. Изд. А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, Г.-А. Шредер, Г. Шульц. М., 2002.
120. Список лиц, служащих по ведомству министерства народного просвещения на 1917 г. Петроград, 1917.
121. Статистический ежегодник России за 1914 г. Пг., 1915.
122. *Томсинов В.* Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества. М., 2007.

2. Литература

1. 1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона: материалы Международной научной конференции (Москва, 19–20 ноября 2007 г.) / отв. ред. К. В. Ковырзин. М., 2008.
2. *Döpmann H.-D.* Die Russische Orthodoxe Kirche in Geschichte und Gegenwart. Berlin, 1977.
3. *Felmy K. Chr.* Rezension zu Franz Jockwig // Okumenische Rundschau. 1972.
4. *Gerhard S.* Die Kirchen in Russland. München, 1970.
5. *Gerhard S.* Konstantin Petrowitsch Pobedonoszew und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod 1880–1905. Göttingen, 1969.
6. *Jockwig F.* Der Weg der Laien auf das Landeskonzil der Russischen Orthodoxen Kirche Moskau 1917/18. Werden und Werwirklichung einer demokratischen Idee in der Russischen Kirche. Würzburg, 1971.
7. *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Wien, 1998.
8. *Oeldemann J.* Die Auswirkungen der Sobornost'-Lehre auf das Landeskonzil 1917/18 der Russischen Orthodoxen Kirche // Ostkirchliche Studien 41 (1992). S. 273–300.
9. *Plank B.* Katholizität und Sobornost'. Würzburg, 1960.
10. *Prichodjko M.* Die Pfarrei in der neueren Gesetzgebungen der Russischen Kirche. Brixen, 1947.
11. *Schulz G.* Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotential: Archivbestände und Editionen, Struktur und

- Arbeitsweise, Einberufung und Verlauf, Verabschiedung der neuen Gemeindeordnung. Gottingen, 1995.
12. *Schulz G., Schroeder G.-A., Richter T.* Bolschewistische Herrschaft und orthodoxe Kirche in Russland. Das Landeskonzil 1917/1918. Quellen und Analysen. Muenster, 2005.
 13. *Schulz, G.* Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 und seine Folgen fuer die Russische Geschichte und Kirchengeschichte // Kirche im Osten. Gottingen. 1999/2000. B. 42 /43. S. 11–28.
 14. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. Казань, 2005.
 15. *Wuyts A.* Le patriarcat Russe au concile de Moscou de 1917–1918. Rom, 1941.
 16. *Андреев А.Ю.* Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX–начала XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Т. 97. С. 75–98.
 17. *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
 18. *Андреев А.Ю.* Университетская теология в Российской империи: исторический опыт // Теология и образование. 2018. Т. 1. С. 366–377;
 19. *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском университете // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Т. 68. № 1. С. 70–97;
 20. *Афанасьев Н., прот.* Служение мирян в Церкви. Paris, 1955. С. 52.
 21. *Балашов Н., прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001.
 22. *Беглов А.* Всероссийский церковный собор 1917-1918 гг. как явление соборной практики церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1 (34). С. 51–73;
 23. *Беглов А.Л.* Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М., 2021.
 24. *Беглов А.Л.* Православный приход Российской империи на рубеже XIX-XX вв.: состояние, дискуссии, реформы. Диссертация ... д.и.н. М., 2019.
 25. *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004.
 26. Булгаков А.И. // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 337–338.
 27. *Бурега В.В.* Киевская духовная академия // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 33. С. 96–151.
 28. *Введенский А.И.* Церковь патриарха Тихона. М., 1923.
 29. *Воробьев В, прот., Щелкачев А. В., Губонина З. П.* Жизнь прожить... // ЖМП. 1993. № 11. С. 51-54.
 30. *Воробьев В., прот.* Изучение новейшей истории Русской Православной Церкви в ПСТГУ: итоги двадцатилетия // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 157-161.

31. *Воробьев И.В.* Реформы духовных академий 1905–1911 гг. Дисс. ... к.и.н. М., 2004.
32. *Воронцова И.В.* Основополагающие черты христианского модернизма (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы философии, 2010. С. 51–61.
33. *Герасимов О., диакон.* История Церкви в системе научных дисциплин в российских университетах // XVIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. Т. 1. М., 2008. Т. 1. С. 353–358.
34. *Грибовский М.В.* Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX–начала XX в. // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 144–163
35. *Грибовский М.В.* Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г. Дисс. ... д.и.н. Томск, 2018.
36. *Грибовский М.В.* Участие профессоров и приват-доцентов российских университетов в работе Государственной думы в начале XXв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 46–51.
37. *Дестивель И., свящ.* Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М., 2008;
38. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. Опыт и практика подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М., СПб., 2022.
39. *Дорская А.А.* Вопрос о свободе совести в Российском законодательстве 1905–1917 гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. СПб., 1997.
40. *Дорская А.А.* Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII–начала XX вв. Дисс... д.ю.н. М., 2008.
41. *Дорская А.А.* Юридическое наследие Николая Семеновича Суворова // История государства и права. 2009. № 13. С. 17–20.
42. *Журавский А.В., Липаков Е.В.* Казанская духовная академия // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 29. С. 117–134.
43. *Звонарев С., прот.* Высшая власть и правление в Русской Православной Церкви в XX – начале XXI века. Сергиев Посад, 2023.
44. *Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. Paris, 1974.
45. *Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. Paris, 1974.
46. *Зырянов П.Н.* Церковь в период трех российских революций // Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 380–437.
47. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991.
48. *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М., 1994.
49. *Ильяшенко А.Ф.* Проблема реформ в Русской Православной Церкви в начале XX века по личным материалам митрополита Арсения (Стадницкого). Квалификационная работа магистра. М., 2022. (б.м.)
50. *Кандидов Б.П.* Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция: (очерки и материалы). М., 1930.

51. *Карпук Д.А.* Кафедра русской церковной истории в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже XIX-XX вв. // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 175–218.
52. *Карпук Д.А.* Научно-исследовательская и преподавательская деятельность доцента Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре церковного права В. Г. Соломина (1881–1918) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 1 (4). С. 144–166.
53. *Карташев А.В.* Временное правительство и Русская Церковь // Современные записки. 1933. № 52. С. 369–388.
54. *Карташев А.В.* На путях к вселенскому собору. Paris, 1932.
55. *Карташев А.В.* Революция и Собор 1917–1918 гг. // Богословская мысль, 1942. С. 75–101.
56. *Ковырзин К.В.* Русская православная церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г. Дисс... к.и.н. М., 2010.
57. *Кокарев М.С.* Вопрос церковного хозяйства в работе Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг. // Национальное культурное наследие России. Региональный аспект. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Самара, 2019. С. 177–184.
58. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 г. М., 2001.
59. *Кравецкий А.* Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2012.
60. *Кроткова Н.В.* Теоретические конструкции правового государства в учении С.А. Котляревского // Право и управление. 2002. № 7. С. 76–81.
61. *Крылов А.О.* Кафедры богословия в университетах Российской империи. Социокультурный контекст // Грамота. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 54–61
62. *Ластовский В.В.* Киевский университет святого Владимира // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 33. С. 381–383.
63. *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
64. *Маурер Т.* «Барометры» или «Маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.
65. *Мейендорф И., прот.* Иерархия и народ в Православной Церкви // Церковь в истории: Статьи по истории Церкви. М., 2018. С. 300-306.
66. Мелиоранский Борис Михайлович // Православная энциклопедия. Т. 44. М., 2016. С. 598–599.
67. *Мионов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX века. М., 2012. С. 526–538.
68. *Морозан В.* Экономическое положение Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX вв. // Нестор. 2000 г. № 1. С. 239–262.
69. *Морозов А.Г.* Проекты реформ университетов в России в начале XX века // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 30–34.

70. *Мраморнов А.И.* Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. 57. С. 367–389.
71. *Мраморнов А.И.* Предсоборный совет 1917 года – церковный ответ на вопросы секуляризовавшегося общества революционной России // Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма: Коллективная монография. М.; Орел; Ливны, 2015. С. 286–300.
72. *Некрылов С.А.* Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999.
73. *Никс Н.Н.* Московская профессура второй половины XIX – начала XX вв. Социокультурный аспект. М., 2008.
74. *Ореханов Ю.Л.* Исторический контекст подготовки Поместного собора Русской Православной Церкви и генезис церковно-реформаторского движения (1905–1906 гг.). Дисс. к. ист. н. М., 2005.
75. *Осипова Е.С.* Церковь и Временное правительство // Церковь в истории России. М., 1967. С. 314–325.
76. *Павлюченков Н.Н.* Богословие всеединства (от Ф. В. Й. Шеллинга к священнику Павлу Флоренскому). М., 2023.
77. Педагогическая энциклопедия. В 3 т. / под ред. А. Г. Калашникова, М. С. Эпштейна. М.: Работник Просвещения, 1929. Т. 1. С. 1024.
78. *Петров Ю.А.* Коммерческие банки и экономическое развитие России в конце XIX–начале XX века // Экономическая история. 2010. № 3. С. 25–33.
79. *Поляков А.В.* Общая теория права. 2ое издание. М., 2016.
80. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
81. *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. М., 2007.
82. *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.
83. *Ростовцев Е.А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2017.
84. *Савва (Тутунов), игумен.* Епархиальные реформы. М., 2011.
85. *Сазонова Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани 1863–1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.
86. *Сингх С.* Имущественный спор между Морским министерством и Соловецким монастырем: пароход «Соловецкий», 1915–1917 гг. // Соловецкое море. Архангельск; М., 2020. С. 78–86; 2021. С. 114–118.
87. *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917 гг. // URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/439971/> (Дата обращения: 31.05.2024).
88. Собор и соборность. К столетию начала новой эпохи. Материалы международной научной конференции 13–16 ноября 2017 г. М., 2018.
89. *Сухова Н.Ю.* «Идея академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ XIX–нач. XX в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2(6). 2013. С. 138–153.

90. *Сухова Н.Ю.* «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // Филаретовский альманах. 2013. № 9. С. 135–169.
91. *Сухова Н.Ю.* Богословские науки в российских университетах – традиция и перспективы // Вертоград наук духовных. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX–начала XX в. М., 2007. С. 326–344.
92. *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006.
93. *Сухова Н.Ю.* Обсуждение проблем высшего богословского образования на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 4 (25). С. 28–45.
94. *Сухова Н.Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.) М., 2013.
95. *Сухова Н.Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX–начале XX в. М., 2012.
96. *Сухова Н.Ю.* Церковная история как богословская дисциплина в контексте исторического образования в Синодальный период // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 4 (47). С. 23–39.
97. *Сухова Н.Ю.* Церковное право в православных духовных академиях России: проблемы и традиции // Религии мира. История и современность. 2012. Т. 2010. С. 346–368.
98. *Сушко А.В.* Духовные семинарии в России // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 107–114.
99. *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX–начале XX века. История императорских православных духовных академий. М., 2005.
100. *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. П., 1924.
101. *Троицкий А., прот., Чертков С.В.* Поместный собор Православной Российской Церкви и повременная печать периода его организации и работы // URL: <http://sobor1917.ru/pomestnyj-sobor-pravoslavnoj-rossijskoj-cerkvi-i-povremennaya-pechat-perioda-ego-organizacii-i-raboty/> (доступ 13.11.2023)
102. *Ульянова Г.Н.* Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М., 2012.
103. Университет и город в России (начало XX в.). / ред. Т. Маурер, А. Дмитриев. М., 2009.
104. *Федоров В.А.* Русская православная церковь и государство: синодальный период 1700–1917. М., 2003.
105. *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (кон. 1890-х–1918 г.). М., 2002.
106. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины. М., 1914.
107. *Хайдеггер, М.* Время и бытие. М., 1993.
108. *Хондзинский П., прот.* «Церковь не есть академия». Русское внеакадемическое богословие XIX в. М., 2016.

109. *Цыганков Д.А.* Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 3. С. 120–134
110. *Цыганков Д.А.* Формирование сообщества профессиональных историков в Московском университете во второй половине XVIII–начале XX века. Дисс. ... д.и.н. Т. 1-3. М., 2023.
111. *Цыпин В., прот.* Вопрос о епархиальном управлении на Поместном Соборе 1917–1918 годов // Церковь и время. 2004. № 1. С.156–167;
112. *Цыпин В., прот.* История Русской церкви 1917–1997. М., 1997.
113. *Шишкин М.* Дом Пашковского и Писарева на бывшей Третье горке // URL: <https://kazan-journal.ru/news/kazan-i-kazantsyi/dom-pashkovskogo-i-pisareva-na-byvshey-tretey-gore> (дата обращения: 10.09.2023)
114. *Щеглов Г., Ионов А.* Делегация Высшего церковного управления и церковные архивы в первые годы после Октябрьской революции // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 152–159.

Приложение 1.
Биографические данные о профессорах и преподавателях российских университетов и духовных академий,
избранных на Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг.

ФИО	Представитель от	основание полномочий	Отделы собора	Подготовка Собора	Место работы 1917	Должность 1917	Образование высшее	Ученая степень	происхождение, родился в семье	Место рождения	место жительства	Возраст	год рождения	год смерти
Боголюбов Николай Михайлович, свящ.	Университет св. Владимира	По избранию	участвовал в 1-й сессии, член I, II, VI, XII, XV, XX Отделов		Киев СвВ	профессор богословия	МДА	Доктор богословия	священника	с. Павловское, Ардатский у., Нижегородская губ	Киев	45	1872	1934
Бриллиантов Александр Иванович	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	Секретарь Собора, секретарь I и член II, XII, XVIII, XIX, XXIII Отделов	Присутствие, Совет	ПДА	ординарный профессор по кафедре общей церковной истории	СПДА	Доктор церковной истории	священника	с. Цыпино, Кирилловский у., Новгородская губ.	Петроград	50	1867	1933
Васильевский Михаил Николаевич	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	участвовал в 1–2-й сессиях, секретарь X, XII и член IX, XIII Отделов	Совет	КазДА	штатный экстраординарный профессор по кафедре истории и обличения русского раскола	КазДА	Магистр богословия	диакона	с. Васильевка, Керенский у., Пензенская губ	Казань	44	1873	после 1933
Глаголев Сергей Сергеевич	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	член VI, XII, XIX, XXIII Отделов	Совет	МДА	ординарный и заслуженный профессор по кафедре основного богословия	МДА	Доктор богословия	священника	г. Крапивна, Тульская губ.	Сергиев Посад	52	1865	1937

Громогласов Илья Михайлович	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	заместитель председателя III, член II, V, VI, VIII, X, XII Отделов	Совет	МУ и МДА	приват-доцент юридического факультета Московского университета по кафедре церковного права; сверхштатный экстраординарный профессор по кафедре церковного права МДА	МДА и МУ	кандидат богословия, магистр церковного права	диакона	с. Ерёмшинский Завод, Темниковский у., Тамбовская губ.	Москва	48	1869	1937
Жукович Платон Николаевич	От Петроградской духовной академии	По избранию	член VI, IX, XII, XVI, XXIII Отделов и Комиссии по вопросу о введении нового стиля		ПДА	сверхштатный ординарный и заслуженный профессор по кафедре русской гражданской истории	СПбДА	Доктор церковной истории	священник	Пружаны, Гродненская губ.	Петроград	60	1857	1919
Завитневич Владимир Зенонович	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	участвовал в 1-й сессии, член I, II, III, VI, XII Отделов	Присутствие, Совет	КДА	почетный сверхштатный заслуженный ординарный профессор по кафедре русской гражданской истории	СПДА	Доктор церковной истории	священник, потомственный дворянин с 1894	с. Литвяны, Минские у. и губ	Киев	64	1853	1927
Карабинов Иван Алексеевич	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	секретарь II и член I, VII Отделов	Совет	ПДА	экстраординарный профессор по кафедре литургики	СПбДА	Магистр богословия	священник	с. Фёдоровское, Юрьевский у., Владимирская губ.	Петроград	39	1878	1937

Каэлас Александр Ананиевич	Рижская	По избрани ю	участвовал в 1–2-й сессиях, член II, XIII Отделов		МУ	приват-доцент по кафедре философии	МДА и МУ	кандидат богослв ия	крестьяни на	Каркси-Полли, Эстляндска я губ	Москва	37	1880	1920
Керенский Владимир Александрович	От Казанской Духовной Академии	По избрани ю	участвовал в 1-й и 3-й сессиях, член V, VI, IX, XII, XIII, XVII, XXII, XXIII Отделов		КазДА	ординарный штатный профессор по кафедре истории и разбора западных исповеданий	КазДА изуча л лютер анств о и старо катол ицизм в Берли нском , Боннс ком и Бернс ком униве рсите тах (1897 – 1898)	Доктор богослов ия	священни ка	с. Куроедово, Карсунский у., Симбирска я губ.	Казань	49	1868	не ране е 1927
Котляревский Сергей Андреевич	Член Предсобо рного Совета	Член Предсоб орного совета	член VI, XX Отделов, на 3-й сессии член Соборного Совета	Совет	МУ	ординарный профессор по кафедре государственного права	МУ	доктор всеобщей истории, доктор государст венного права	действе льного статского советника	Москва	Москва	44	1873	1939
Красножен Михаил Георгиевич	От Юрьевско го Универси тета	По избрани ю	участвовал в 1-й сессии, член II, III, IV, V, VI, VIII, XVI, XX Отделов	Прису тстви е	Юрье вский У	ординарный профессор по кафедре церковного права	МУ	доктор церковно го парва	артиллер ийского счетчика	Калуга	Юрьев	56	1860	не позд нее 03.1 934

Кудрявцев Петр Павлович	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного совета	участвовал в 1-й сессии, член Соборного Совета и I, II, III, VII, XII Отделов	Совет	КДА	экстраординарный профессор по кафедре истории философии	КДА	Магистр богословия	священника	с. Алексеевское, Чернский у., Тульская губ	Киев	49	1868	1940
Лапин Павел Дмитриевич	От Казанской Духовной Академии	По избранию	член I, II, VI, XII Отделов		КазДА	штатный экстраординарный профессор по кафедре канонического права	КазДА	Магистр богословия	диакона	с. Бутря, Карачевский у., Орловская губ.	Казань	40	1877	не ранее 1935
Лепорский Петр Иванович, прот	от военного и морского духовенства	По избранию	заместитель председателя XXI, член II, V, XII, XIII Отделов		ПДА	экстраординарный профессор по кафедре догматического богословия	СПбДА	Магистр богословия	священника	Арзамас, Нижегородская губ	Петроград	46	1871	1923
Мищенко Феодор Иванович	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	участвовал в 1-й сессии, член I, II, VI, XII Отделов	Совет	КДА	экстраординарный профессор по кафедре церковного права	КДА	Магистр богословия	священника	с. Сеньковка, Переяславский у., Полтавская губ.	Киев	43	1874	1933
Никольский Николай Константинович	От Российской Академии Наук	По избранию	участвовал в 1-й сессии, член X, XII Отделов		ПУ	приват-доцент по кафедре истории Церкви	СПбДА	доктор церковной истории	священника	Петергоф	Царское село	54	1863	1936

Одарченко Алексей Филиппович	Московская	По избранию	участвовал в 1-й сессии, член Юридического совещания при Соборном Совете и I, II, III, VI Отделов		МУ	Приват-доцент по кафедре политической экономии и статистики	СПБУ	Магистрант политической экономии	дворянина	Лебедин, Харьковская губ.	Москва	51	1866	1940
Остроумов Михаил Андреевич	Харьковская	По избранию	участвовал в 1-й сессии, член II, XVI, XX Отделов	Присутствие	ХарьковУ	заслуженный ординарный (внештатный) профессор по кафедре церковного права	МДА	магистр богословия, доктор церковного права	священника	с. Акаево, Темниковский у., Тамбовская губ.	Харьков	69	1847	1920
Писарев Леонид Иванович	Казанская	По избранию	участвовал в 1–2-й сессиях, член I, II, V, VI, XI, XII, XVI, XVII, XX Отделов		КазДА	ординарный профессор по первой кафедре патологии КазДА	КазДА	магистр богословия, доктор церковной истории	священника	Нижегородская губ.	Казань	52	1865	не ранее 1920
Писарев Николай Николаевич, прот	От Казанской духовной академии	По избранию	участвовал в 1-й и 3-й сессиях, член XX Отдела		КазДА	экстраординарный профессор по кафедре русской гражданской истории	КазДА	магистр богословия	священника	Москва	Казань	41	1876	1921
Позднеев Алексей Матвеевич	От Петроградского университета	По избранию, как заместитель М. Д. Присёлкова	участвовал в 3-й сессии		ПУ	приват-доцент по кафедре монгольской и калмыцкой словесности	СПБУ	Доктор монгольской словесности	священника	Орел		66	1851	1920

Покровский Александр Иванович	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	участвовал в 1-й сессии, член II, III, VI, XX, XXI Отделов	Совет	Новороссийский У, МДА	и.д. экстраординарный профессор по кафедре церковного права Новороссийского У; восстановлен в МДА как сверхштатный профессор (1917)	МДА	Доктор церковного права	преподавателя	Московская губ.	Одесса	44	1873	1940
Покровский Иван Михайлович	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	участвовал в 1–2-й сессиях, член II, V, XI, XII, XVI, XIX Отделов	Совет	КазДА	ординарный профессор по кафедре истории Русской Церкви	КазДА	доктор церковной истории	священника	с. Колударово, Моршанский у., Тамбовская губ	Казань	52	1865	1941
Попов Василий Дмитриевич	От Киевской духовной академии	По избранию	участвовал в 1-й сессии, секретарь I и XII, член II, III, VI, XI Отделов		КДА	Экстраординарный профессор по кафедре истории и обличения западных исповеданий	КДА	Магистр богословия	священника	с. Кленовое, Задонский у., Воронежская губ.	Киев	38	1879	не ранее 1926
Попов Иван Васильевич	От Московской духовной академии	По избранию	заместитель председателя XII, член I, II, XIX Отделов	Присутствие	МДА, МУ	Приват-доцент МУ (1907—1918) по истории патристической философии и истории догматов; ординарный (1917) профессор по 1-й кафедре патрологии МДА	МДА, стажировался в Берлинском и Мюнхенском университетах (1901 – 1902)	магистр богословия, доктор церковной истории	священника	Вязьма, Смоленская губ.	Сергиев Посад	50	1867	1938

Преображенский Алексей Феоктистович, прот	От Саратовского университета	По избранию	член V, VI, VIII, XVII Отделов		Саратовский У	профессор по кафедре православного богословия	КазДА, был командиром в Стамбуле и Афинах для работы в архивах	Магистр богословия	священника	Углич, Ярославская губ	Саратов	42	1875	1920
Прилуцкий Василий Дмитриевич, прот	От Киевской духовной академии	По избранию	участвовал в 1-й сессии, заместитель председателя VII, член X, XI, XII Отделов		КДА	экстраординарный профессор по кафедре литургики	КДА	Магистр богословия	диакона	Сапожок, Рязанская губ	Киев	34	1883	1936
Приселков Михаил Дмитриевич	От Петроградского университета	По избранию как заместитель И. Д. Андреева	участвовал с 20 сентября по 2 октября 1917 г. , член X Отдела		ПУ	доцент по кафедре русской истории	СПБУ	магистр русской истории	священника	СПб	Петроград	36	1881	1941
Прокошев Павел Александрович	От Томского университета	По избранию	участвовал в 1-й сессии, секретарь II, член I, III, VI, XXI Отделов		Томский У	ординарный профессор по кафедре церковного права	КазДА, курсы права в Казанском университете (1898 – 1900)	магистр богословия, доктор церковного права	псаломщика	Тотемский у., Вологодская губ.	Томск	49	1868	1922

Рождественский Александр Петрович, прот	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	председатель XII, заместитель председателя XIX, член II, XX Отделов	Присутствие, Совет	ПДА	ординарный профессор по кафедре Священного Писания Ветхого Завета	СПбДА	Доктор богословия	диакона, позже - священника	с. Черноезеро, Островский у., Псковская губ.	Петроград	53	1864	1930
Рождественский Дмитрий Васильевич, прот	От Московской духовной академии	По избранию	член Соборного Совета, заместитель председателя XVII, член VIII, XII Отделов, председатель Подотдела о вопросах пастырской практики и церковного благочиния		МДА	экстраординарный профессор по 1-й кафедре Священного Писания Ветхого Завета	МДА	Магистр богословия	псаломщика	с. Шовское, Лебедянский у., Тамбовская губ.	?	53	1864	1926
Росейкин Феодор Михайлович	Член Предсоборного Совета	Член Предсоборного Совета	секретарь XII, член I, II, XIX, XXIII Отделов	Совет	МДА	штатный экстраординарный профессор МДА и лектор немецкого языка	МДА	Магистр богословия	мещанин	с. Горки, Ардатовский у., Симбирская губ	Сергиев Посад	38	1879	1951
Рыбинский Владимир Петрович	От Киевской Духовной Академии	По избранию	участвовал в 1-й сессии, заместитель председателя XII и XXII, член II, VI, IX, XXI Отделов		КДА	заслуженный ординарный профессор по кафедре Священного Писания Ветхого Завета	КДА	Доктор богословия	священника	с. Еремеево, Козловский у., Тамбовская губ.	Киев	50	1867	1944

Смирнов Александр Васильевич, прот.	Член Предсоборного совета	Член Предсоборного Совета	участвовал в 1–2-й сессиях, член II, III Отделов	Совет	ПУ	профессор по кафедре православного богословия	КазДА	Доктор богословия	псаломщика	Симбирская губ.	Петроград	60	1857	1933 или 1936
Соколов Владимир Константинович	От Казанского университета	По избранию	участвовал в 1-й сессии, член Юридического совещания при Соборном Совете и IV, VI, XXI Отделов		КазУ	ординарный профессор по кафедре церковного права	КазДА, КазУ	Доктор церковного права	священника	Николаевский-Становский погост, Грязовецкий у., Вологодская губ.	Казань	46	1871	1921
Соколов Иван Иванович	Член Предсоборного совета	Член Предсоборного совета	участвовал в 1–2-й сессиях, член II, XII, XVIII, XX, XXII Отделов	Присутствие, Совещание, Совет	ПДА	ординарный профессор по кафедре истории Греко-Восточной Церкви	КазДА, стажировался за границей	доктор церковной истории	священника	с. Новая Алексеевка, Саратовский у. и губ.	Петроград	52	1865	1939
Соколов Иван Павлович	От Петроградской Духовной Академии	По избранию	заместитель председателя XXIII, секретарь XIX, член VI, IX, X, XII Отделов		ПДА	экстраординарный профессор по кафедре истории и обличения западных исповеданий	СПбДА	Магистр богословия	священника	с. Воротилово, Бежецкий у., Тверская губ.	Петроград	47	1870	1921

Титлинов Борис Васильевич	От Петроградской духовной академии	по избранию и по участию в Предсоборном совете	участвовал в 1-й и 3-й сессиях, член II, III, XII, XIII, XX Отделов	Совет	ПДА	ординарный профессор по кафедре истории Русской Церкви	СПбДА	доктор церковной истории	священника	Вятка	Петроград	38	1879	1944
Трубецкой Евгений Николаевич, князь	От Московского университета	по избранию	товарищ Председателя Собора, член Соборного Совета и Религиозно-просветительного совещания при нем, заместитель председателя VI и член II Отделов		МУ	Ординарный профессор по кафедре энциклопедии права и истории философии права	МУ	доктор государственного права	дворянина, калужского вице-губернатора	Москва	Москва	54	1863	1920
Тураев Борис Александрович	От Предсоборного совета	Член Предсоборного Совета	секретарь XIX, член VII, XI Отделов	Совет	ПУ	ординарный профессор по кафедре всеобщей истории	СПбУ, стажировался в Берлинском университете (1893 – 1895)	доктор всеобщей истории	дворянина	Новгород, Минская губ	Петроград	49	1868	1920
Ухтомский Алексей Алексеевич, князь	от единоверцев	по избранию	участвовал в 1-й сессии, член II, V, VII, X Отделов		ПУ	приват-доцент по кафедре зоологии, сравнительной анатомии, физиологии Физико-	МДА, СПбУ	Кандидат богословия, Магистр физиологии и зоологии	дворянина, отставного мичмана	с. Вослома, Рыбинский у., Ярославская губ	Петроград	42	1875	1942

						математического факультета								
Фиолетов Николай Николаевич	От Пермског о университ ета	по избрани ю	товарищ председателя Юридического совещания при Соборном Совете, секретарь VI, член II, IV, XVII Отделов		Перм ский У	экстраординарны й профессор церковного права	МУ	магистр богослов ия,	священни ка	с. Ерзовка, Царицынск ий у., Саратовска я губ	Пермь	26	1891	1943
Флоровский Антон Васильевич	От Новоросс ийского Универси тета	по избрани ю	участвовал в 1-й сессии, секретарь I, член VI, XIII Отделов		Ново росси йский У	экстраординарны й профессор по кафедре русской истории	Ново росси йский У	магистр русской истории	священни ка	Елисаветгр ад, Херсонская губ.	Одесса	33	1884	1968

Приложение 2.
Биографические данные о профессорах и преподавателях церковного права в российских университетах и духовных академиях в 1906–1917 гг.

ФИО	Преподавание на кафедре церковного права	Мобильность	Степень	Диссертация	Место защиты	Годы жизни	Происхождение	Среднее образование	Образование
Санкт-Петербургский университет									
Горчаков Михаил Иванович, протоиерей	1868-1871 - приват-доцент 1871-1893 - ординарный профессор 1893-1910 - заслуженный профессор	В 1882/83 учебном году исполнил обязанности декана юридического факультета Санкт-Петербургского университета	Доктор государственного права, доктор богословия	1868 - магистерская, государственное право. Монастырский приказ (1649-1725). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. 1871 Докторская, право. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Святейшего Синода (988-1738 гг.). Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871 1883 Докторская, богословие. О тайне супружества — происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей. СПб., 1880.	Магистерская - Санкт-Петербургский университет Докторская, право - Санкт-Петербургский университет Докторская, богословие - Киевская духовная академия	1838-1910	Семья диакона в Костромской губернии	семинария	Санкт-Петербургская Духовная академия (1861) Санкт-Петербургский университет (1866)

Бенешевич Владимир Николаевич	1909-1920 - профессор кафедры всеобщей истории ИФФ, но преподавал церковное право и на юридическом факультете с 1909, с 1911 - экстраординарный профессор церковного права. Проф. СПбДА (1907-1909)	СПбУ, СПбДА (до ревизи и)	доктор церковного права	1905 Магистерская – Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905. 1914 Докторская – Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1914.	Магистерская - Санкт-Петербургский университет Докторская - Московский университет	1874-1938	Сын судебного пристава и внук священника из Виленской губернии	гимназия	Санкт-Петербургский университет (1897), ученик Горчакова. В 1893 г. Б. окончил 1-ю виленскую гимназию с золотой медалью, в 1897 г. юридический фак-т С.-Петербургского ун-та с дипломом 1-й степени.
Московский университет									
Суворов Николай Семёнович	1884-1908 -Ординарный профессор кафедры церковного права	Только университет	доктор церковного права	1877 Магистерская – О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876 1884 – Докторская – Объём дисциплинарного суда и юрисдикция церкви в период вселенских соборов. Ярославль, 1884	Магистерская - Санкт-Петербургский университет Докторская - Московский университет	1848-1909	Сын дьякона Костромской губернии	семинария	Санкт-Петербургский университет (1873). После семинарии. Ученик Горчакова Первый в Москве с университетским образованием
Гидулянов Павел Васильевич	1903 - приват-доцент 1909 - профессор	Только университет	доктор церковного права	1905 Магистерская – церковное право: Митрополиты в первые три века христианства. Из истории развития церковно-правительственной власти в Восточно-Римской Империи. М., 1905. 1907 Докторская – Восточные патриархи в период четырёх первых Вселенских Соборов. Ярославль, 1908.	Магистерская - Московский университет Докторская - Московский университет	1874-1937	Дворянин	гимназия	Московский университет (1898), ученик Суворова

Громогласов Илья Михайлович	1916 - приват-доцент 1917 -1919 - профессор	МУ, МДА - особая истор ия с замещ ением кафеж ры в МДА и подде ржкой МУ	магистр богослов ия (1908), магистр церковно го права (1916)	1908 Магистерская – Определения брака в кормчей и значение их при исследовании вопроса о форме христианского бракозаключения. Сергиев Посад, 1908	Магистерская - Московская духовная академия	1869- 1937	Сын диакона Тамбовск ой губернии	семинария	Московская духовная академия (1893) Московский университет, слушал курс А.С. Павлова, когда посетил вольнослушател ем в 1893, закончил после увольнения из МДА, экстерном в 1914
Юрьевский университет									
Красножен Михаил Егорович	приват-доцент Московского университета (1892), магистр церковного права, экстраординарный (1893) и ординарный (1895) профессор по кафедре церковного права Юрьевского университета, декан юридического факультета	МУ, Юрьев ский универ ситет	Доктор церковно го права	1893 Магистерская – Толкователи канонического кодекса восточной Церкви: Аристин, Зонара и Вальсамон. М., 1892 1901 Докторская – Иноверцы на Руси. Т. 1. Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900	Магистерская - Московский университет Докторская - Казанский университет	1860 - не поздн ее марта 1934	Сын артеллер истского счетчика, Калуга	гимназия	Московский университет (1885), ученик А.С. Павлова
Харьковский университет									

Остроумов Михаил Андреевич	Исп. Обязанности доцента в МДА май 1887 - экстраординарный профессор декабрь 1893 - ординарный профессор 1905 - заштатный профессор по выслуге 30 лет, затем - заслуженный профессор	МДА, Харьковский унв	доктор канонического права	1887 Магистерская – История философии в отношении к Откровению. Харьков, 1886. 1894 Докторская – Введение в православное церковное право. Т. 1. Введение. Харьков, 1893	Магистерская Московская духовная академия Докторская Московская духовная академия	1848-не ранее 1920	Сын священника Тамбовской губернии	семинария	Московская духовная академия (1873)
Темниковский Евгений Николаевич	1906 - экстраординарный профессор	Только университет	магистр богословия	1898 Магистерская – Государственное положение религии во Франции с конца XVIII столетия в связи с общим учением об отношении нового государства к религии. Казань, 1898	Магистерская - Казанская духовная академия	1871-1919	Сын священника Тамбовской губернии	не известно	Казанская духовная академия (1896), ученик Бердникова И.С.
Казанский университет									
Бердников Илья Степанович	1885 - ординарный профессор С 15 марта 1890 года И. С. Бердников — заслуженный профессор Казанской духовной академии, с 31 декабря 1894 года — сверхштатный преподаватель академии.	КазУ, КазДА	доктор богословия	1881 докторская – Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. I: До Константина Великого. Казань, 1881.	Докторская - Казанская духовная академия	1839-1915	Сын причетника Вятской губернии	семинария	Казанская духовная академия (1864)
Соколов Владимир Константинович	экстраординарный (1902) и ординарный (1913) профессор по кафедре церковного права Казанского университета	Только университет	Доктор церковного права	1901 магистерская – Государственное положение религии в Германии по действующему праву. Казань, 1899. 1913 докторская – Католическая церковь и государство в Германии во второй половине XIX столетия: Историко-критический очерк немецкого культуркампфа. Казань, 1912	Магистерская - Казанский университет Докторская - Московский университет	1871-1921	сын священника Вологодской губ	семинария	Казанская духовная академия (1895) Казанский университет (1899), ученик Бердникова И.С.
Киевский университет святого Владимира									

Соколов Платон Петрович	1898-1901 - приват-доцент СПб.университета, потом уезжает в Киев С 1901 г. экстраординарный профессор Университета Св.Владимир, с 1914 г. декан юридического факультета	СПбУ, УнвСв Влади мира Декан юр фака	Доктор церковно го права	1897 Магистерская – Церковноимущественное право в Греко-Римской империи: Опыт историко-юридических исследований. Новгород, 1896. 1914 Докторская – Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. – Киев, 1913.	Магистерская - Санкт-Петербургский университет Докторская - Киевский университет святого Владимира	1863-1923	Из Новгорода	гимназия	Санкт-Петербургская Духовная академия (1886) Санкт-Петербургский университет (1885), ученик Горчакова
Новороссийский университет									
Алмазов Александр Иванович	1887 - экстраординарный профессор по кафедре церковного права 1897 -ординарный профессор 1902 - декан 1910 - и.о. проректора 1912 - заслуженный профессор, в том же году переведен на кафедру церковной истории Московского университета, одновременно с 1913 - профессор церковного права МДА	МДА, МУ, Новороссийский университет	Доктор церковно го права	1885 Магистерская – История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1885 1896 Докторская –Тайная исповедь в православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории. Одесса, 1894	Магистерская - Казанская духовная академия Докторская - Казанская духовная академия	1859-1920	Сын диакона Тамбовской губернии	семинария	Казанская духовная академия (1884), ученик Бердникова И.С.
Покровский Александр Иванович	приват-доцент Московского университета (1904), доцент (1906) и экстраординарный профессор МДА (1907) - уволен Синодом за либерализм преподавал в Московском университете в 1909; и.д. экстраординарного профессора по кафедре церковного права на юридическом факультете Новороссийского университета (1916); восстановлен в МДА как сверхштатный профессор (1917)	МДА, МУ, Новороссийский университет	Доктор церковно го права	1901 Магистерская – Библейское учение о первобытной религии. Опыт библейско-апологетического исследования. Сергиев Посад, 1901 1916 Докторская – Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков. Историко-каноническое исследование (С тремя приложениями и двумя картами. Сергиев Посад. 1915	Магистерская - Московская духовная академия Докторская Московская духовная академия			семинария	Московская духовная академия (1897)
Варшавский университет (после 1915 Донской)									

<p>Верховской Павел Владимирович</p>	<p>1909 экстраординарный (ординарный с 1913 г.) профессор по кафедре истории русского права окт 1917 - ординарный профессор церковного права Донского университета</p>	<p>Только университет</p>	<p>доктор церковного права</p>	<p>1909 Магистерская – Населенные недвижимые имущества Святейшего Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого, 15 июля 1726 — 12 января 1763 гг.(в Санкт-Петербургском университете) 1917 Докторская – Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении Церкви и государства в России» (Совет Московского университета)</p>	<p>Магистерская - Санкт-Петербургский университет Докторская - Московский университет</p>	<p>1879-1943</p>	<p>дворянин</p>	<p>гимназия</p>	<p>Санкт-Петербургский университет (1902), ученик Горчакова Санкт-Петербургская духовная академия (1906)</p>
<p>Томский университет</p>									
<p>Прокошев Павел Александрович</p>	<p>Первый после открытия юридического факультета экстраординарный (1900) и ординарный (1905) профессор по кафедре церковного права Томского университета декан юридического факультета Томского университета (1913-1915) 1916 - ординарный профессор</p>	<p>Только университет, декан юридического факультета Томского университета (1913-1915)</p>	<p>Доктор церковного права</p>	<p>1896 Магистерская – Канонические труды Иоанна, епископа Смоленского. Казань, 1895 Докторская 1914 Докторская – Didascalia apostolorum и первые шесть книг апостольских постановлений: Историко-критическое исследование из области источников церковного права.</p>	<p>Магистерская - Казанская духовная академия Докторская - Казанская духовная академия</p>	<p>1868-1922</p>	<p>Семья дьячка Вологодской губернии</p>	<p>семинария</p>	<p>Казанская духовная академия (1892), ученик Бердникова И.С.</p>
<p>Пермский университет</p>									

Фиолетов Николай Николаевич	и.д. экстраординарного профессора церковного права с 1 июля 1917 г. До этого приват-доцент Московского университета	МУ, Пермский университет				1891-1943	Семья священника Саратовской губ	гимназия (до этого Камышин ДУ - 1904, из Саратов. ДС ушел в знак солидарности с искд. сем-ми - 1907)	Московский университет (1913)
Санкт-Петербургская духовная академия									
Архимандрит Михаил (Семенов)	1902 - доцент 1905-1906 экстраординарный профессор	Только академия	Магистр богословия	1902 Магистерская – Законодательство римско-византийских императоров о внешних правах и преимуществах Церкви от 313 до 565 г. Казань, 1901.	Магистерская - Казанская духовная академия	1873-1916	кантонист из крещеных евреев	семинария	Московская духовная академия, перевелся вслед за учителем митр. Антонием (Храповицким) в Казанскую духовную академию (1899)
Бенешевич Владимир Николаевич	1909-1920 - профессор кафедры всеобщей истории ИФФ, но преподавал церковное право и на юридическом факультете с 1909, с 1911 - экстраординарный профессор церковного права. Проф. СПбДА (1907-1909). Уволен по итогам ревизии	СПбУ, СПбДА	доктор церковного права	1905 Магистерская – Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905. 1914 Докторская – Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1914.	Магистерская - Санкт-Петербургский университет Докторская - Московский университет	1874-1938	Сын судебного пристава и внук священника из Виленской губернии	гимназия	Санкт-Петербургский университет (1897), ученик Горчакова. В 1893 г. Б. окончил 1-ю виленскую гимназию с золотой медалью, в 1897 г. юридический фак-т С.-Петербургского ун-та с дипломом 1-й степени. Будучи оставлен в ун-те для приготовления к профессорскому званию, Б.

									провел 2 года за границей, где занимался историей права в Лейпциге, Берлине и Гейдельберге под рук. профессоров Г. Еллинека, К. Фишера, Р. Зоме, Э. Фридберга, В. Вундта и А. фон Гарнака.
Соломин Вячеслав Георгиевич	избран в дек 1909 после 6 (!) отказов. Лекции с янв 1910-доцент	Только академия	кандидат богословия	Кандидатская 1906 - церковно-просветительные заботы правительства имп. Александра I в первое десятилетие его царствования Магистерская – Проекты реформы духовного образования в России в связи с ликвидацией церковно-имущественного вопроса (1763–1814). Была подготовлена, но не представлена к защите. О содержании известно из отзыва Титлинова		1881–1918	Сын псаломщика Орловской губ	семинария	Санкт-Петербургская духовная академия (1906), ученик профессора по кафедре русской гражданской истории Платона Николаевича Жуковича 1906-1908 - обучался на ИФФ и ЮрФ СПбУ
Московская духовная академия									

<p>Заозерский Николай Александрович</p>	<p>с 10 ноября 1878 года был доцентом академии по кафедре церковного права, с апреля 1895 года экстраординарный профессор, с августа 1895 года — ординарный профессор, с декабря 1903 года — заслуженный профессор, член Правления — с 1911 года, почётный член</p>	<p>Только академия</p>	<p>Доктор канонического права</p>	<p>1878 Магистерская «Церковный суд в первые века христианства: Историко-каноническое исследование. Сергиев Посад, 1878. 1895 Докторская О церковной власти. Основоположения, характер и способы применения церковной власти в различных формах устройства церкви по учению православно-канонического права. Сергиев Посад, 1894</p>	<p>Магистерская - Московская духовная академия Докторская - Московская духовная академия</p>	<p>1851-1919</p>	<p>Сын священника Ярославской губ</p>	<p>семинария</p>	<p>Московская духовная академия (1876) Закончил математическое отделение физико-математического факультета Московского университета (1886), механический факультет Петербургского технологического института (1887), заочно Санкт-Петербургскую духовную академию со званием действительного студента (1891), Демидовский юридический лицей со степенью кандидата прав (1896).</p>
<p>Кузнецов Николай Дмитриевич</p>	<p>1911-1913 — доцент Московской духовной академии. Уволен в связи с сложностью совмещения преподавания и юр практики</p>	<p>Только академия</p>	<p>Магистр богословия</p>	<p>1910 Магистерская «К вопросу о свободе совести. Закон о старообрядческих общинах в связи с отношением церкви и государства. Разбор законопроектов Министерства внутренних дел и Государственной Думы. Разъяснение принципа господствующей Церкви и отношение его к принципу свободы совести. Сергиев Посад, 1910</p>	<p>Магистерская - Казанская духовная академия</p>	<p>1863-1936</p>	<p>Московский чиновник</p>	<p>гимназия</p>	<p>Московская духовная академия (1876) Закончил математическое отделение физико-математического факультета Московского университета (1886), механический факультет Петербургского технологического института (1887), заочно Санкт-Петербургскую духовную академию со званием действительного студента (1891), Демидовский юридический лицей со степенью кандидата прав (1896).</p>

Алмазов Александр Иванович	1887 - экстраординарный профессор по кафедре церковного права 1897 - ординарный профессор 1902 - декан 1910 - и.о. проректора 1912 - заслуженный профессор, в том же году переведен на кафедру церковной истории Московского университета, одновременно с 1913 - профессор церковного права МДА	МУ, МДА, Новороссийский	Доктор церковного права	1885 Магистерская «История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1885 1896 - Докторская «Тайная исповедь в православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории. Одесса, 1894	Магистерская - Казанская духовная академия Докторская - Казанская духовная академия	1859-1920	Сын диакона Тамбовской губернии	семинария	Казанская духовная академия (1884), ученик Бердникова И.С.
Покровский Александр Иванович	приват-доцент Московского университета (1904), доцент (1906) и экстраординарный профессор МДА (1907) - уволен Синодом за либерализм преподавал в Московском университете в 1909; и.д. экстраординарного профессора по кафедре церковного права на юридическом факультете Новороссийского университета (1916); восстановлен в МДА как сверхштатный профессор (1917)	МУ, МДА, Новороссийский	Доктор церковного права	1901 Магистерская "Библейское учение о первобытной религии. Опыт библейско-апологетического исследования". Сергиев Посад, 1901 1916 Докторская "Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков. Историко-каноническое исследование» (С тремя приложениями и двумя картами. Сергиев Посад. 1915	Магистерская - Московская духовная академия Докторская Московская духовная академия			семинария	Московская духовная академия (1897)
Громогласов Илья Михайлович	1916 - приват-доцент 1917 -1919 - профессор МУ восстановлен в штате МДА, профессор	МУ, МДА	магистр богословия (1908), магистр церковного права (1916)	1908 Магистерская Определения брака в кормчей и значение их при исследовании вопроса о форме христианского брака заключения. Сергиев Посад, 1908	Магистерская - Московская духовная академия	1869-1937	Сын диакона Тамбовской губернии	семинария	Московская духовная академия (1893) Московский университет, слушал курс А.С. Павлова, когда посетил вольнослушателем в 1893, закончил после увольнения из МДА, экстерном в 1914
Киевская духовная академия									

Мищенко Феодор Иванович	1900-1919 Доцент по кафедре церковного права КДА (1900), экстраординарный профессор КДА (1907–1919)	Только академия	Магистр богословия	1907, КДА Магистерская "Речи св. Апостола Петра в книге Деяний Апостольских. Киев, 1907.	Магистерская - Киевская духовная академия	1874-1933	Сын священника Полтавской губ	семинария	Киевская духовная академия (1899)
Казанская духовная академия									
Бердников Илья Степанович	1864 - начало преподавания 1885 - ординарный профессор С 15 марта 1890 года И. С. Бердников — заслуженный профессор Казанской духовной академии, с 31 декабря 1894 года — сверхштатный преподаватель академии до 1910	КазУ, КазДА	доктор богословия	1881 докторская «Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. I: До Константина Великого. Казань, 1881.	Докторская - Казанская духовная академия	1839-1915	Сын причетника Вятской губернии	семинария	Казанская духовная академия (1864), ученик А.С. Павлова
Лапин Павел Димитриевич	доцент (1911), сверхштатный (1914) и штатный (1915) экстраординарный профессор по кафедре канонического права КазДА	КазДА	магистр богословия	1909 Магистерская "Собор как высший орган церковной власти (историко-канонический очерк). Казань, 1909	Магистерская - Казанская духовная академия	1877-не ранее 1935	Сын дьякона Орловской губ	семинария	Казанская духовная академия (1902), ученик Бердникова И.С.